ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2020 № 54

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»

Высшей аттестационной комиссии

(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; Рыкун А.Ю. (Томск, Россия) - зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: а rykun@mail.ru; **Щербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; Сухушина Е.В. (Томск, Россия) - ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; Скочилова В.Г. (Томск, Россия) - ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; Борисов Е.В. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Оглезнев В.В. (Томск, Россия) доктор филос. наук, профессор; Сыров В.Н. (Томск, Россия) доктор филос. наук. профессор: Черникова И.В. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Ладов В.А. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Южанинов К.М. (Томск, Россия) – кандидат филос, наук, доцент: Шербинина Н.Г. (Томск. Россия) – доктор полит. наук, профессор; Кашпур В.В. (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона,

ситет, Дрезден, ФРГ); Шефлер Уве (Техниче-

Сиэтл, США); Ренч Томас (Технический универ-

ский университет, Дрезден, ФРГ); Вяткина Н.Б.

(Институт философии НАНУ, Киев, Украина); Васильев В.В. (Московский государственный университет, Москва, Россия); Микиртумов И.Б. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); Целищев В.В. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); Диев В.С. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); Джонсон Марк С. (Университет Висконсина, Мэдисон, США); Балцер Харли С. (Университет Джорджтауна, США); Чалаков Иван (Университет Пловдива, Болгария); Вавилина Н.Д. (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); Константиновский Д.Л. (Институт социологии РАН, Москва, Россия); Черныш М.Ф. (Институт социологии РАН, Москва, Россия); Ярская-Смирнова Е.Р. (Государственный университет - Высшая школа экономики, Москва, Россия); Малинова О.Ю. (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. (Московский государственный

сия); Чахор Рафал (Нижнесилезская высшая

университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Рос-

школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский

государственный университет им. М.В. Ломоно-

сова, Москва, Россия); Шуберт Клаус (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) -Editor-in-Chief Rvkun A.U. (Tomsk. Russia) -Deputy Editor-in-Chief (Sociology) Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) -Deputy Editor-in-Chief (Political Science) Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) - Executive Editor Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) -Executive Editor (Sociology) Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) -Executive Editor (Political Science) Borisov E.V. (Tomsk, Russia) Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia) Syrov V.N. (Tomsk, Russia) Chernikova I.V. (Tomsk, Russia) Ladov V.A. (Tomsk, Russia) Uzhaninov K.M. (Tomsk. Russia) Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia) Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); Rentsch T. (Technical University Dresden, Germany); Scheffler U. (Technical University Dresden, Germany); Viatkina N.B. (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); Vasilyev V.V. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Mikirtumov I.B. (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); Tselishcev V.V. (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); Diev V.S. (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); Johnson M. S. (University of Wisconsin, Madison, USA); Balzer H.S. (Georgetown University, USA); Tchalakov I. (University of Plovdiv, Bulgaria); Vavilina N.D. (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); Konstantinovskyi D.L. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); Chernysh M.F. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); Iarskaia-Smirnova E.R. (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); Malinova O.Y. (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); Soloviov A.I. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Czachor Rafal (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); Shestopal E.B. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Shubert K. (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Гаспарян Д.Э. Методология кибернетики второго порядка в применении к эпистемоло- ическим проблемам философии сознания
Козырева О.А. Тезис о приватности ментального и его следствия для философии языка
Целищев В.В., Хлебалин А.В. Доказательство против понимания в математическом оказательстве
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
Антипов Г.А., Донских О.А. Миф и мифологическое в современном обществе
Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. Смарт-образование как новая парадигма образования: oro et contra
Городович О.В. Проблематизация изучения современных образовательных практик с точки зрения их философских оснований
Князев Н.А., Буянкина Р.Г., Летунова О.В., Пискорская С.Ю. Субъектная основа
отношений между опорным университетом и отраслевой структурой региона
Ламмерт Е.Ю. Концепт «позднего капитализма»: социально-философский анализ
Силинская А.С., Энис И.А. Музыкальное значение как многоуровневая интерпретация в рамках культурной коммуникации
Халдеева М.А. К вопросу о понятии «конкурентоспособность» («конкурентноспособность»): социально-философский аспект
история философии
Власова О.А. Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии
Дьяков А.В. Поздний Фуко: эпистемология versus экономическая теория
Семиглазов Г.С. Е. Дюринг и Ф. Ницше: сопоставление двух философских проектов
СОЦИОЛОГИЯ
Быков Р.А., Быкова Е.Ю., Власова Ю.А. Конструирование профессиональной позиции как профилактика социальной апатии среди учителей
Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л., Савчук Г.А. Опыт типологизации мигрантов из стран Центральной Азии
Вилкова О.В. К вопросу о научной осмысленности применения веб-скрейпинга как мегода сбора данных в социологических исследованиях
Бычкова М.Н. От богатства медиа до экономии эмоций: к результатам эмпирических
исследований использования СМС современной молодежной аудиторией
Рахманов А.Б. Лингвистический империализм, лингвистический субимпериализм их необходимость: Россия и Испания
Удальцова М.В., Абрамова Е.А. Социальное благополучие как фактор свободы
политология
Атлагич С., Стоянович Б. Ценностные основания политических коммуникаций з избирательных кампаниях в Сербии с 1990 по 2017 г
Beydina T., Kukharsky A., Novikova A. China as a key player in the present-day political
отосеss Кашина М.А. Женщины в российских парламентах: перейдет ли количество в каче-
тво? Кейс Законодательного Собрания Санкт-Петербурга
Палитай И.С., Данилова А.С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа
шпагин С.А. Электоральный цикл 2012–2016 гг. и партийные системы в российских регионах
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Gasparyan D.E. Second-Order Cybernetics Methodology Applied to the Epistemological Problems of the Philosophy of Mind	
Kozyreva O.A. The Privacy of Mind and Its Implications for the Philosophy of Language Tselishchev V.V., Khlebalin A.V. Proof Versus Understanding in Mathematical Proof	
SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY	
Antipov G.A., Donskikh O.A. Myth and the Mythological in Modern Society	
Gorodovich O.V. Problematization of Modern Educational Practices Studies from the Perspective of Their Philosophical Grounds	
Knyazev N.A., Buyankina R.G., Letunova O.V., Piskorskaya S.Yu. Russian Flagship Universities and the Structure of Regional Economy: The Subjective Foundations of Their Relations Lammert E.Yu. The Concept of Late Capitalism: A Socio-Philosophical Analysis Silinskaya A.S., Enns I.A. Musical Meaning as a Multilevel Interpretation Within Cultural	
Communication. Khaldeeva M.A. Revisiting the Concept of Competitiveness (Competitive Ability): A Socio-Philosophical Aspect	
HISTORY OF PHILOSOPHY	
Vlasova O.A. Intellectual History as a Field of Methodological Self-Consciousness of Histo-	
rians of Philosophy	••••
SOCIOLOGY	
Bykov R.A., Bykova E.Yu., Vlasova Yu.A. Constructing a professional position as a preven-	
tion of teachers' social apathy	
Vilkova O.V. Web Scraping as a Method of Data Extraction in Sociological Studies: On Scientific Applicability	
Bychkova M.N. From the Media Richness Theory to Saving Emotions: On the Results of an Empirical Research of CMC Usage by Modern Youth	
ty: Russia and Spain	
POLITICAL SCIENCE	
Atlagic S., Stojanovic B. The Value Basis of Political Communication in Serbian Election	
Campaigns from 1990 to 2017	
Kashina M.A. Women in Russian Parliaments: Will Quantity Transform into Quality? A Case of the Legislative Assembly of Saint Petersburg	
Palitay I.S., Danilova A.S. Regional Leaders of the New Generation: Results of a Political-Psychological Analysis	
Shpagin S. A. The Electoral Cycle 2012–2016 and Party Systems in Russian Regions	
INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 141.3

DOI: 10.17223/1998863X/54/1

Д.Э. Гаспарян

МЕТОДОЛОГИЯ КИБЕРНЕТИКИ ВТОРОГО ПОРЯДКА В ПРИМЕНЕНИИ К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ¹

Вероятной причиной того, что в современной философии до сих пор не разработана удовлетворительная теория сознания, является эпистемологическая установка, ориентированная на субъектно-объектную познавательную модель. Возможно, ситуацию удастся изменить, если продумать феноменологические перспективы ориентации философии сознания на так называемую кибернетику второго порядка, а именно отказаться от применения субъектно-объектной модели, или так называемой кибернетики первого порядка.

Ключевые слова: философия сознания, сознание, наблюдение, кибернетика первого порядка, кибернетика второго порядка, автопоэзис, самоописания, отличия.

Введение: философия сознания и проблема объективации ментального

Одной из наиболее актуальных исследовательских проблем в самых разных областях знания является трудность определения сознания как объекта, а именно вопрос о том, чем является сознание. Но несмотря на длительность дискуссий, вопрос пока остается открытым. Во многом это связано с тем, что проблема сознания самым непосредственным образом заставляет задуматься о возможностях доступного нам аппарата наблюдения, т.е. о том, что мы как наблюдатели, по сути совпадающие с объектом наблюдения, в принципе можем исследовать.

Со второй половины XX в. ученые идут по пути сведения сознания либо к физиологическим предпосылкам, либо к неким другим объективным формам (например, социальным или лингвистическим отношениям). Общая цель подобных разработок состоит в редукции сознания к каким-либо объективным процессам, чем обусловлено использование словаря естественной науки, который является «привилегированным» в рамках подобных исследований и устойчиво определяет критерии удовлетворительного решения проблем сознания.

Речь идет о том, что большинство современных теорий сознания обращается к естественнонаучным методам, которые отвечают классическим новоевропейским (ньютонианским) идеалам. Согласно ньютонианской физике наблюдатель существенным образом выведен за пределы наблюдаемого [1. P. 6].

 $^{^{1}}$ В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта по гранту РФФИ № 18-011-00124 «Особенности феноменологии (феноменологического подхода) в современной аналитической философии сознания» (2018—2020).

Это означает, что сознание рассматривается как некое явление, которое можно изучать объективно — абстрагируясь от фигуры исследователя-наблюдателя, предстающего своего рода прозрачной средой. Соответственно, можно утверждать, что большая часть современных теорий сознания, как и вся область аналитической философии сознания, до сих пор основывается на субъектобъектной парадигме или, в терминологии настоящего исследования, так называемой кибернетике первого порядка.

При таких обстоятельствах эпистемологическая модель предполагает, что наблюдатель отстраненно и нейтрально наблюдает за тем, что происходит. Подобную кибернетику принято называть «кибернетикой наблюдаемых систем» [2. Р. 83].

Наглядно применение такой кибернетики проявляется в первую очередь в различных программах редукционизма, где ставится задача свести сознание к различным объективным процессам. Главным образом это реализуется в программе поиска причинной связи между телом и сознанием, т.е. в объяснении того, каким образом физическое порождает нефизическое. Это также проявляется в поиске других внешних причин, порождающих сознание, таких как язык, культура, общество. Но использование кибернетики первого порядка, а именно объективация сознания при условии игнорирования наблюдателя, как правило, приводит к тому, что сознание попросту элиминируют. Действительно, пытаться говорить о сознании в терминах наблюдаемых систем бессмысленно, ведь мы вынуждены пользоваться тем же самым сознанием — других познавательных инструментов у нас нет. Предметом наблюдения сознания является само сознание.

Редукционизм, в котором сознание пытаются свести к чему-то и фактически от него отказаться, неоднократно и обоснованно подвергался самой разносторонней критике [3. Р. 45]. Не будем останавливаться на ней подробно, скажем лишь, что подавляющая часть критики касается недопустимости сведения сознания (ментальных фактов) к материальным предметам и состояниям (физическим фактам). Однако мало кто из исследователей обращал внимание на изначальные эпистемологические проблемы изучения сознания, а именно на то, что понимание сознания в большинстве современных теорий предполагает выполнение невыполнимого — выход за пределы самого сознания [4. Р. 13; 5. Р. 7]. Очевидно, что положение наблюдателя, задающего вопросы «что такое сознание?» и «как оно связано с телом?», таково, что он задает их с помощью того же сознания, которое безуспешно пытается сделать объектом.

Именно этот аспект принимается во внимание кибернетикой второго порядка, которая утверждает сложный характер отношений между наблюдателем и наблюдаемым в случае сознания. В определенном смысле метод кибернетики второго порядка можно охарактеризовать как научную феноменологию, или «феноменологию, понятную инженерам». По крайней мере, учитывая ориентацию современной аналитической философии сознания на стандарты науки и формализуемого знания, данный метод представляет интерес своей наукометрической релевантностью.

Трудности научных теорий сознания

С момента постановки в аналитической философии проблемы сознания и тела в ее картезианской редакции аналитические философы искали по боль-

шей части натуралистические объяснения сознанию. Значительная часть этих теорий опиралась на не проясненный характер отношений между исследователем сознания и самим сознанием. Изначально лидировал материализм, доказывающий, что психические состояния идентичны состояниям центральной нервной системы. Теория тождества, в частности, утверждала, что психическое состояние есть, по сути, состояние мозга. С точки зрения кибернетики второго порядка получалось, что в мире есть только материя, которая изучает саму материю. Какую роль при этом играл наблюдатель, не уточнялось. Сама проблематизация того, что в мире есть материя и она реальна, утверждалось как позиция, сделанная фактически никем из ниоткуда [6. Р. 12]. Очевидно, что наивный физикализм плохо сочетался с феноменологическим подтекстом кибернетики второго порядка, в которой позиция наблюдателя принимается во внимание.

Например, в различных элиминативистских теориях сознания (в частности физикализме), редуцирующих сознание к работе мозга, теоретик как будто бы занимает позицию, превышающую ментальный опыт, и стремится дать ему физическое объяснение. При этом речь идет о том, чтобы объяснять сознание, используя язык физики. Но это невозможно, так как физик как наблюдатель наделен сознанием, а его физическая картина или теория имеет смысл только в рамках интерпретирующего этот смысл сознательного наблюдения. Поэтому поставить перед собой задачу говорить о сознании не на языке самого сознания означает сформулировать парадокс [7. Р. 20]. В отличие от подобных элиминативистских концепций, кибернетика второго порядка опирается на тезис конструктивистской эпистемологии, согласно которому «мыслящий субъект не имеет альтернативы, кроме как построить то, что он или она знает, на основании своего собственного опыта» [8. Р. 89]. Рассмотрим, к примеру, вариант психофизического влияния, согласно которому деятельность мозга индуцирует работу сознания. Логическая небезупречность данной конструкции состоит в том, что мы вынуждены признать: даже если мозг обусловливает сознание, вся эта схема существует в сознании (исследователей: ученых, философов и других наблюдателей, которые эту схему описывают). В такой схеме, наблюдатель существенно включен в то, что наблюдается [Ibid].

В дальнейшем в аналитической философии сознания лидировала компьютерная модель сознания, вследствие чего доминирующей моделью теорий сознания стал функционализм. Методологически функционализм имеет ряд общих черт с кибернетикой второго порядка, поскольку также ориентирован на анализ сознания как особой внутренней конфигурации, не связанной напрямую с носителями. Кроме того, в функционализме ментальное состояние толкуется как функция системы, обрабатывающая информацию. Использование компьютерной метафоры, в которой связь между компьютерной программой и «железом» интерпретируется как аналог связи между сознанием и мозгом, также отчасти способствует сближению методологий функционализма и кибернетики второго порядка. В рамках такого подхода сознание можно понимать в значении теории информации как систему различий. Однако расхождения между этими подходами также очевидны. Даже если сознания суть программы, мы по-прежнему не видим ответа на вопрос, что они суть. Трудность состоит в том, что исследователю нужно не просто восполь-

зоваться удачной метафорой «программы», но и понять, как она написана, а для этого сознание (программу) вновь необходимо поставить в положение объекта. Кто, однако, в таком случае будет выступать в роли «программиста», если сознание программиста – тоже программа? Таким образом, непроясненность эпистемологических аспектов создает проблемы и для теорий функционализма.

Наиболее зрелые, феноменалистские теории сознания отстаивают субъективный характер сознания (предполагающий квалитативное и приватное измерение или так называемую перспективу от первого лица). Согласно этим теориям приватность квалитативных состояний принципиально не ухватывается физическими описаниями. Квалиа (ментальные состояния от первого лица) не ухватываются нейрофизическими описаниями структуры мозга или его функций. С позиции феноменалистских теорий легче уловить логику кибернетики второго порядка, а именно трудности объект-субъектной парадигмы, поскольку в них позиция наблюдателя перестает быть прозрачной средой 1.

В теориях, опирающихся на субъектно-объектную модель (так называемую кибернетику первого порядка), где субъект (наблюдатель) и объект разделены онтологически и эпистемологически, трудности возникают всякий раз, когда мы пытаемся создавать традиционные научные теории сознания, ориентированные на объяснение сознания с помощью *не-сознания*.

Можно допустить другой вариант индуцирования, в соответствии с которым возникновение сознания основано на *социальных или культурных предпосылках* [9]. Проблема диспозиции условия и следствия проявится здесь еще очевиднее: для существования и работы социальных и культурных условий *уже* необходим сознательный опыт. Можно также провести редукцию сознания к *языку*, указав, что сознание есть продукт знаковой деятельности *языка*, — но и здесь возникнут трудности, так как для того чтобы пользоваться знаками, следует понимать передаваемые ими смыслы, а осмысленность вновь отсылает к изначальности сознания.

Получается, что вначале надо допустить существование самого сознания, чтобы потом стали возможны его «причины». В терминах кибернетики второго порядка получается так, что при описании сознания, какой бы уровень наблюдения мы ни взяли в качестве начального, один уровень наблюдения мы уже пропустили [10. Р. 11]. Вывод отсюда можно сделать следующий: сознание устроено так, что всегда уже предшествует тому, что предполагается в качестве его причины.

Соответственно, такие программы изучения сознания, которые пытаются свести сознание к физическим или другим процессам (а по сути – стремятся устранить его онтологически), изначально содержат в себе противоречие. По большей части это связано с попыткой обращения сознания в объект. Практически все теории, в которых сознание чем-то обусловливается (рассматривается как продукт не-сознания), имеют одну и ту же эпистемологическую погрешность. Работа редукциониста сводится к помещению сознания в черный ящик и наблюдению процессов, сопровождающих пребывание загадоч-

¹ Как можно отметить, именно феноменалистские теории сознания в отличие от элиминативистских или физикалистских теорий имеют много общего с методологией кибернетики второго порядка. Однако кибернетика второго порядка все же оставалась за пределами официальной философии сознания и предпочитала разработку своей собственной методологии.

ного объекта в ящике. Но при такой исследовательской практике сознание остается попросту непонятым. При этом редукционисту может казаться, что ему удалось объяснить сознание, в то время как он, скорее, описал нечто, что сопровождает сознание (например, нейронные процессы в мозге) и может быть обнаружено благодаря самому сознанию.

Главная причина такой когнитивной неуловимости сознания – это возникающая в связи с ним субъектно-объектная неопределенность. Строго говоря, всякая теория сознания оказывается не описанием объекта (сознания), а самоописанием (сознания) или «сознанием сознания». Несмотря на то что такая теория выделяет себя как наблюдателя (субъекта), чьи особенности, согласно научным стандартам, никак не должны были бы сказываться на наблюдаемом объекте и уж тем более входить в этот объект [11. С. 115], в случае с сознанием такая теория неизбежно будет частью «объекта». В силу возникающего в связи с этим парадокса приходится признать, что понятия субъект и объект оказываются семантически нерелевантными для их использования в теории сознания. При работе с сознанием приходится отказаться от «новоевропейской (картезианской) традиции», некритически оперировавшей такого рода «самоописаниями» [12. Р. 5].

Для теорий, ориентированных на субъектно-объектную модель познания и вытекающую из нее кибернетику первого порядка, сознание является когнитивно-недоступным. То, что сознание не может стать для нас объектом, связано с тем, что любая попытка его описания уже содержит в себе те условия и средства, происхождение которых как раз и должно быть выяснено.

Соответственно, если создание теории сознания, отвечающей стандартным научным правилам, затруднено, то, принимая во внимание названные трудности, можно попытаться построить особую теорию сознания, которая отвечала бы принципам кибернетики второго порядка. Если сознание не подлежит описанию на каком-либо другом языке, кроме собственного, то приходится признать, что лучший способ описания сознания должен принадлежать самому сознанию. Такая теория сознания — это, во-первых, теория описания, а не объяснения сознания, а во-вторых, теория самоописания. «Теория» самоописания сознания противостоит любой другой нормальной теории. В каком-то смысле такая теория сознания является ненормальной теорией. В ней мы не пытаемся говорить о сознании на языках, отличных от языка самоописания сознания (например, языках нейронных коррелятов или компьютерных программ), но анализируем сознание в пределах самого сознания.

При этом мы получаем своего рода автопоэтическую систему, каузальные условия существования которой определяются принципами рекурсивности. Назвать ее автопоэтической нам позволяет несколько взаимосвязанных характеристик сознания. Это, во-первых, свойство самозамкнутости сознания — в своем существовании оно определяется преимущественно внутренними состояниями. Во-вторых, это самопостроение, самовоспроизводство, в случае сознания — обращение к самому себе, так как сознание невозможно без самосознания. В-третьих, это такая организация, которая существует без разделения на производителя и продукт — сознающее и сознаваемое. Все причины такой системы лежат внутри ее самой [13. Р. 5]. Такая система представляет собой автономную область реальности, отделенную от каузаль-

ных цепочек окружающей среды. Внешняя среда не детерминирует автопоэтическую систему в силу ее каузальной замкнутости. При этом само наличие внешней среды можно оставить за скобками. Если эта среда никак не влияет на сознание (не определяет его, не создает, не изменяет и пр.), то от нее можно, в принципе, отвлечься.

В случае такой «ненормальной» теории можно попробовать разъяснить особые свойства сознания, не ухватываемые обычной теорией. Под особыми свойствами мы понимаем те, в которых объект рассмотрения тождествен его интерпретации. «Способ наблюдения» и «наблюдаемый объект» оказываются принципиально неотличимыми друг от друга. Подобные эффекты, как правило, ускользают от внимания традиционных теорий, где есть четкое разделение на «объект» и «способ его наблюдения», и потому должны быть рассмотрены в рамках специальной теории. В такой теории нужно применить подход, в соответствии с которым различие между интерпретацией и ее объектом снимается.

При таком подходе описание совпадает с тем, что описывается; «что» является также и «как». Это свойство (свойство совпадения «что» и «как») есть важнейший признак сознания. Там, где мы имеем дело с совпадением предмета и способа его наблюдения, мы встречаемся с опытом сознания. Иными словами, опыт сознания принципиально перформативен.

Итак, нам известен, по крайней мере, начальный этап работы с сознанием: наблюдение наблюдения и описание изнутри. Адекватное исследование сознания предполагает рассуждение о сознании на языке сознания без использования наиболее известных типов редукционизмов — к телу (мозгу), языку, компьютерным программам или культурному опыту. Но если невозможно работать с сознанием непосредственно, то можно попытаться работать с описанием сознания. Теория описания, принимающая во внимание принципы кибернетики второго порядка, есть такая специфическая «квазитеория», исходя из которой мы отдаем себе отчет в том, что сознание выступает тем нечто, в котором мы всегда уже находимся и которое нельзя ни объективировать, ни элиминировать.

Кибернетика второго порядка и самоописание как система различий

Работа по внедрению идеи кибернетики второго порядка в современную эпистемологию и науку была в основном проделана X. Фёрстером, Э. Глазерфельдом, У. Матураной и Ф. Варела. В целях понимания природы человеческого познания кибернетики порекомендовали отнестись вполне серьезно и практически (в том числе представителям науки) к эпистемологическому правилу, согласно которому наблюдения, независимые от наблюдателя, некорректны. В основе этого вывода лежат хорошо известные в философии аргументы, согласно которым отделить познаваемое от аппарата самого познания невозможно ни фактически, ни логически², равно как нельзя доказать

¹ Принимая во внимание здравый смысл, который предписывает нам все же говорить о наличии внешних влияний, стоит сделать «феноменологическую оговорку», а именно сказать, что «внешнее» влияет всегда уже как акт сознания, событие осознанное.

 $^{^2}$ Наибольший вклад в разработку этой идеи внесла немецкая классическая философия, а именно А. Шопенгауэр, Г. Фихте, Ф. Шеллинг и Г. Гегель

реальность мира вне определенной системы восприятия (реальность такого мира можно ввести на основе веры, убеждения или постулата, но не доказательно проведенной процедуры). Осуществляя наблюдение, наблюдатель опирается на собственную систему восприятия и знания, образовавшегося в результате предпосылок, характерных для его культуры, воспитания, языка, научной подготовки, личных интересов и т.д. Если, согласно классической концепции науки, научные теории объективны, так как характеристики наблюдателя не принимаются во внимание, то, задавшись вопросом о возможностях изучения самого наблюдателя, кибернетики разошлись с центральным положением классической (во многом картезианской) эпистемологии науки. Невозможность наблюдения, независимого от наблюдателя, приводит исследователей к проблеме солипсизма. Сторонники кибернетики второго порядка стараются обойти ее, указывая на то, что идея объективности может быть сохранена, если ее толковать как распределенную субъек*тивность* [14. Р. 44]. Этот тезис означает, что наблюдатели ищут подтверждения своих теорий не в «объективном мире», а в теориях других наблюдателей или – шире – одних систем знания в других. У нас нет доступа к миру, но у нас есть доступ к другим интерпретациям (мира), которые можно попытаться согласовывать друг с другом. Различные интерпретации суть различные перспективы осознания друг друга даже в том случае, если познание мира остается за скобками.

Если наука исходит из объективного характера большинства своих объектов, то сознание лишено подобной внеположенности. Это позволяет сформулировать гипотезу, согласно которой изучение сознания всегда производится самим же сознанием и любые теории сознания есть части описывающего себя самого сознания, с помощью которых это описание и происходит. На этом основании сознание можно считать примером автопэтической системы, знание о которой генерируется в ней самой. Такая система в качестве «единства определяется как сеть производства компонентов, которые рекурсивно, через свои интеракции, генерируют и реализуют сеть, которая производит их...» [15. P. 21]. В свою очередь, наиболее адекватной моделью для описания такой системы является кибернетика второго порядка, которая «носит кругообразный характер: человек учится видеть себя частью того мира, который он наблюдает» [16. Р. 15]. Таким образом, можно сказать, что адекватной философией сознания должна быть «эпистемология наблюдателя», делающая ставку на внутреннее описание [17. P. 50].

Тогда адекватной методологией теорий сознания будет своего рода самоописание. По аналогии с теорией Н. Лумана, которая призвана рассказать обществу об обществе от имени общества, такое описание является автобиографическим (самоописательным) [18]. Поэтому кибернетика от первого лица предписывает наблюдение от первого лица: наблюдатель неизбежно присутствует в наблюдении, которое, будучи составленным от первого, а не от третьего лица, дает нам понять, кто этот наблюдатель.

Ниже, не претендуя на целостность теории, но скорее схематически, я прослежу, как может применяться самоописательный принцип включенности наблюдателя при тематизации сознания как индивидуального психического феномена (локально), а также как знания, накопленного человечеством в рамках различных когнитивных практик (глобально). Ко второй интерпретации нас побуждает тенденция ряда современных направлений мысли (энактивизм, нейрофеноменология, нейрофилософия и пр.), в которых сознание толкуется в значительной степени панпсихически (как характеристика как минимум всего живого или попросту всего сущего).

Самоописание сознания можно представить как пучок внутренних различений, где одни части, различаясь, обеспечивают существование других (при этом можно исходить из гипотезы, что описание в различиях может быть применено к любым автопоэтическим системам). Самоописания — это способ обращаться к самим себе через отличение одних состояний от других [19. Р. 19]. Самоописания предполагают семантические эффекты, с помощью которых сознание описывает само себя. Существенно, что самоописания организуются лишь с помощью внутренних отношений и за ними нет субстанции, которую можно объективировать как предмет.

В общем виде речь идет о таком принципе, согласно которому предметное (в данном случае сознание) не существует как субстанция (сущность), но мыслится как результат соотносительных процедур во внутренней системе отношений. Главной проблемой здесь становится вопрос о том, как понимать сознание, если оно не является чем-то вещественным и предметным. Как понять то, что не есть ни предмет, ни свойство предмета, то, что, согласно сказанному выше, вообще сложно определить как что-то.

В этом случае можно попробовать ограничиться задаванием критерия отличия сознания от не-сознания. Такой критерий может совпасть с сознанием в том смысле, что само разделение должно быть реализовано как осознанное. Сказанное можно проиллюстрировать с помощью принципа, предложенного Г. Бейтсоном в отношении информации, чья природа также отвечает критериям внеположенности субъектно-объектной модели. Согласно Бейтсону, отличие информации от не-информации в свою очередь есть информация [20. Р. 6]. В силу тотальности, когда мы фактически вынуждены сказать, что все есть сознание, мы должны также добавить, что сознание есть не что иное, как универсум различий.

Под различием в общем виде мы понимаем минимальную единицу смысла ¹. Можно сказать, что различие есть везде, где есть смысл, или, по подругому: смысл появляется тогда, когда появляется различие. Минимальный смысл имеют суждения (понятия, из которых складываются суждения, еще не имеют смысла, а умозаключения — это уже сложные комплексы из суждений). Суждения имеют простейшую форму «х есть у», которая образуется с помощью различия. В этом смысле само суждение фактически и есть различие. Таким образом, различие может пониматься как базовый атрибут сознания.

Для сознания, в отличие от любой другой автопоэтической системы, опыт различий будет особенно существенным. Это не просто способ, каким сознание оперирует, — это само сознание. Действительно, если все дано одним неразличенным потоком, мы ничего не понимаем. Как только мы хотим ввести сознательный опыт, мы должны провести минимальное отличение, отделение одного от другого [21. Р. 90]. При этом что-то должно быть скрыто, а что-то проявлено. Когда мы понимаем, то понимаем (осознаем), что есть

¹ «Смысл» здесь следует понимать не во фрегеанском значении, а скорее в гуссерлевском.

это и не-это. Таков минимальный базовый уровень осознания: это умение выделить, отделить одно от другого. Приведем пример из возрастной психологии: как только ребенок из многих игрушек выбирает одну, мы начинаем интерпретировать его поведение как минимально осознанное [22. Р. 113]. Иллюстрацию этой идеи можно найти и в более современных исследованиях, трактующих осознанность как реализованный выбор [23. Р. 46–50; 24. Р. 60]. Согласно сенсомоторной теории сознания сенсомоторные выборы, составляющие ядро феноменальных состояний сознания, возникают на основе активно проведенного различения, позволяющего реализовать действие. В свою очередь, осознание и выбор нужно толковать как тождество, т.е. феноменологически (в том числе и нейрофеноменологически – в значении теории Ф. Варелы), так как одно не предшествует другому – нужно осознать, чтобы выбирать, но и выбирать, чтобы осознать. Различие при такой трактовке будет работать в двух значениях: 1) в методологическом смысле, позволяющем, несмотря на тождество, говорить о тождестве двух состояний: выборе и осознании, и 2) содержательно: чтобы выбирать, надо различать, равно как чтобы различать, нужно выбирать.

Обычное восприятие можно рассмотреть как состоящее из миллиона потенциальных различий. Схема, которая имеется здесь в виду, вновь может быть проиллюстрирована с помощью теории Г. Бейтсона. Например, «обычный кусок мела содержит миллион потенциальных фактов, но только очень немногие из них актуализируются благодаря поведению наблюдателей. Данные факты есть не что иное, как различия, и притом что число потенциальных различий в куске мела бесконечно, лишь очень немногие из них становятся актуальными различиями (т.е. единицами информации) в ментальном процессе. Информация, таким образом, состоит из небезразличных различий» [20. Р. 450]. Отсюда вытекает трактовка восприятия Бейтсона, для которого различия являются существенными характеристиками работы сознания. К минимальной характеристике сознания Бейтсон относит то, что система должна оперировать с различиями на основании различий.

При этом мы не можем видеть самого различения – оно непредметно, но мы можем видеть результаты различия. Об этих различающих структурах нельзя сформировать предметного знания. Скорее, они сугубо функциональны и операциональны, они позволяют собой пользоваться, но не допускают предметного схватывания, объективации, которая позволила бы говорить о них от третьего лица (в качестве всеобще наблюдаемых). Структуры, о которых идет речь, всегда даны в режиме «как», но не в режиме «что».

Понимание сознания как опыта различий дает возможность, во-первых, «сохранить» сознание, а не редуцировать его к чему-то физическому и, вовторых, избежать субстантивации сознания. Различение - это чистый непредметный опыт, который принципиально не может быть субстантивирован. Его нельзя найти в мире как вещь, но благодаря ему мы находим все остальные вещи - как различные и раздробленные. Эти различия первично осуществляются нерефлексивно, но именно в них коренится возможность рефлексии как самоописания.

Если говорить о глобальном уровне самоописания, то можно сказать, что возникновение таких макроментальных образований, как культура, общество, религия, экономика, наука, средства коммуникации и многое другое, имеет в своей основе определенные формы воплощения сознания. Данные образования понимаются как те сферы, где реализовалось и воплотилось сознание, те смысловые регионы, которые предстают обобщенной, накопленной и отчасти отчужденной формой воплощения индивидуальных сознаний. При этом организация этих макроизмерений также реализует себя через систему различий. Самоописанием в данном случае будет способ обращения этих макроментальных образований к самим себе через отличение одних своих областей от других. Так, согласно Луману, политика может тематизировать экономику, экономика — политику, а масс-медиа — и то и другое (и т.д.). Социальные системы — в отличие от физических — сконструированы на основе смысла, который понимается им как реализованное различие. «Общество» является обозначением для самоописания коммуникаций, причем если в ходе этого самоописания какие-то из коммуникаций принимают форму социальной теории, то она ограничивается утверждением того, что «общество состоит из коммуникаций» [11. С. 115].

Обращение к лумановской теории общества, вновь в качестве некоторой иллюстрации, позволяет увидеть, что модель, работающая в отношении той формы сознания, которую именуют обществом, характерна и для всей сферы сознания. Например, можно сказать, что в сфере науки, а точнее наук о сознании, производится рефлексия сознания над самим собой. Различные теории сознания, которые при этом существуют (физикализм, дуализм, функционализм, панпсихизм и др.), можно также рассматривать как различные коммуникации — способы сознания говорить о самом себе. Коммуникации при этом возможны только дифференциально — как отличные друг от друга теории. Они противопоставляются друг другу и через это обретают свое «позитивное» значение. Например, физикализм противопоставляется дуализму и наоборот. Подход, в котором в конечном итоге проговаривается существование этих различенных теорий, можно рассматривать как работу самоописания сознания.

Любопытно, что у каждой из этих коммуникаций (теорий) нет реальной референции к *объекту* (самому сознанию), что переопределяет критерии достоверности. Описательная дифференциация приводит к тому, что сознание смотрит на себя «глазами» своих теорий, а значит, вынуждено описывать себя с помощью разных и подчас взаимоисключающих теорий. В этом смысле сознание как *объект* изучения разными теориями в философии сознания будет своего рода фикцией.

«Объективность» в этом случае как раз и можно трактовать как распределенную субъективность. Этот тезис означает, что познание является расчерченной изнутри картой смысловых регионов, где верификация одних групп истин производится в соприкосновении с другими группами. Подобная процедура верификации отличается от корреспондентской теории истинности — в ней теории и исследования ищут подтверждения своих взглядов не в «объективном мире», а в положениях и результатах других теорий и исследований. У нас нет доступа к миру, но у нас есть доступ к другим интерпретациям мира, которые можно стремиться согласовывать друг с другом.

¹ Форма таких образования является лишь «отчасти отчужденной», поскольку имеет силу обратного влияния на сферу индивидуальных сознаний.

Применяя такую схему, мы можем уйти от ошибок и противоречий упрощающего существо вещей редукционизма и субъектно-объектного дуализма. Возможно, для этого сознание приходится мыслить чуть более метафизично (в силу его всеохватности и тотальности), к чему мы привыкли в рамках современной сциентистской парадигмы. Но такая трактовка оправдана самой природой сознания, которое дано нам через осознание того, что мы и «оно» суть одно.

Заключение: вклад кибернетики второго порядка в философию сознания

Подводя черту под сказанным выше, можно сделать следующее выводы. Все редукционистские (фундированные кибернетикой первого порядка) подходы к познанию разделяют общую судьбу: парадокс внешнего наблюдения. Можно спросить, однако, что предлагает сама кибернетика второго порядка в качестве более успешной теории. Такой теорией будет отличная от традиционных (субъектно-объектных) теория самоописания сознания, в которой снято разделение на субъект и объект, но речь идет о самопонимающем сознании, организованном как тотальная и имманентная сфера смыслов-различий [25. Р. 400-402]. Более эффективна стратегия, при которой о сознании говорится в терминах различий, отношений и соотносительных процедур. То, что сознание есть пучок значимых различий, можно увидеть и на примере локального сознания, т.е. своего собственного: достаточно провести феноменологическую процедуру наблюдения за тем, как работает сознание каждого из нас. Этот же принцип может быть экстраполирован на всю тотальную сферу ментального. Таким образом, сознание устроено в некотором смысле голографически – в каждой малой локальной его части можно обнаружить общий принцип всей системы, которая, таким образом, есть система различий, состоящих из различий. В ней самонаблюдение ведется с помощью наблюдений за наблюдениями.

Согласно кибернетике второго порядка задача объяснения сознания может быть отчасти переориентирована с внешнего вопроса «как можно объяснить сознание?» на внутренний вопрос «как сознание описывает само себя?». Если даже допустить, что ответ на вопрос «что такое сознание?» для самого сознания будет оставаться слепым пятном (системным пробелом, который является условием возможности функционирования всей системы), то внутреннее самоописание через различные формы может быть вполне прозрачным. Вопреки зонам непрозрачности сознание может осознавать себя через различие собственных форм. При этом не требуется вводить противоречивого «внешнего наблюдателя». И эпистемологией, наиболее адекватно описывающей принципы, лежащие в основе такой системы, как раз и будет кибернетика второго порядка. Возможно, наиболее перспективной концептуальной основой, охватывающей фундаментальные характеристики когнитивных систем и теорий, является эпистемологическая модель, предлагаемая кибернетикой второго порядка.

Таким образом, для развития философии и науки о сознании кибернетика второго порядка может быть полезна в силу следующих аспектов.

Во-первых, она может помочь пересмотреть такого рода редукционистские исследования, когда мы полагаем, что у нас есть сознание как некий объект изучения и есть некий загадочный метаязык, который не совпадает с сознанием и на котором мы можем поговорить о «сознании-объекте». В частности, она может помочь прояснить границы непосредственно физического редукционизма: например, когда мы считаем, что у нас есть сознание, и есть язык нейронных коррелятов, который его порождает.

Во-вторых, применяя кибернетику второго порядка, можно обойти стратегию каузального поиска причин, порождающих сознание, — будь то физические процессы или такие группы факторов, как язык, культура или социум (как наиболее часто упоминаемые). В этом случае кибернетика второго порядка позволяет рассматривать сознание автопоэтически — как то, что является каузально замкнутой системой, располагающей всеми причинами изнутри.

В-третьих, кибернетика второго порядка предлагает такую описательную стратегию, которая избавляет нас от поиска внешних сознанию языков описания, что обычно лишь ведет к метаязыковым парадоксам, так как языки описания являются частью самого сознания. Кибернетика второго порядка, напротив, учит нас тому, что следует говорить о сознании на языке самого сознания. Это означает, что не следует пытаться понять сознание как объект извне, но имеет смысл понять (описать) его изнутри.

В-четвертых, кибернетика второго порядка помогает избежать субъектно-объектного дуализма, применение которого по отношению к сознанию ведет к парадоксам и непродуктивным теориям.

В-пятых, кибернетика второго порядка помогает по-новому взглянуть на понятие истины и объективности в рамках наук о сознании. В условиях тотальности сознания истина понимается не как отчужденная объективность, а как «распределенная субъективность» — подтверждения идеям и теориям ищутся не в качестве объективных предметностей, а в виде динамических согласований с другими интерпретациями. Истиной в этом случае становится согласованная интерпретация.

Литература

- 1. Foerster H. von. Cybernetics of Cybernetics // Communication and Control in Society. New York: Gordon and Breach, 1979. P. 5–8.
- 2. Glanville R. Second order cybernetics // Systems Science and Cybernetics. 2002. Vol. 3. P. 59–85.
 - 3. Kriegel U. Subjective Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2009. 340 p.
 - 4. Penrose R. Shadows of the Mind. Oxford: Oxford University Press, 1994. 405 p.
 - 5. McGinn C. The Problem of Consciousness. Oxford: Blackwell, 1991. 228 p.
 - 6. Nagel T. The view from nowhere. Oxford: Oxford University Press, 1989. 258 p.
 - 7. Gennaro R. The Consciousness Paradox. Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 389 p.
- 8. Glasersfeld von E. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. London: The Falmer Press, 1995. 210 p.
- 9. Труфанова E.O. Социальный конструкционизм в теории познания: истоки, проблематика, современный потенциал // Эпистемология: перспективы развития. М. : ИФ РАН, 2012. С. 369–400.
- 10. Mead M. The cybernetics of cybernetics // Purposive Systems. New York: Spartan Books, 1968. 179 p.
- 11. Антоновский А.Ю. О смысле самоописания // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. IV, № 2. С. 114–116.
 - 12. Luhmann N. Essays on self-reference. New York: Columbia University Press, 1990. 208 p.
- 13. Maturana H. The biology of cognition // Autopoiesis and Cognition, Boston Studies in the Philosophy of Science. 1970. Vol. 42. P. 2–63.

- 14. Foerster H. von, Poerksen B. Understanding systems. Conversations on epistemology and ethics. New York: Kluwer, 2002, 400 p.
- 15. Maturana H., Varela F. Autopoiesis; the organization of the living // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston, 1980. P. 63-134.
- 16. Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things // Observing systems. Seaside CA: Intersystems Publications, 1981. P. 258–265.
- 17. Rockmore T. On constructivist epistemology. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2005, 345 p.
 - 18. Luhmann N. Theory of Society. Stanford: Stanford University Press, 1997. 506 p.
 - 19. Luhmann N. The paradox of observing systems // Cultura Critique. 1995. Vol. 31. P. 37–55.
- 20. Bateson G. Form, Substance, and Difference // Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. University of Chicago Press, 1972. P. 448-466.
- 21. Гаспарян Д.Э. Эпистемологический конструктивизм и проблема глобального наблюдателя // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVII, № 1. С. 84–102.
- 22. Piaget J. The construction of reality in the child. London: Routledge and Kegan Paul, 1955.
 - 23. Noë A. Action in Perception. MIT Press, 2004. 380 p.
- 24. O'Regan J.K., Myin E., Noë A. Skill, corporality and alerting capacity in an account of sensory consciousness // Progress in Brain Research. 2005. P. 55-68.
- 25. Scott B. Second order cybernetics as cognitive methodology // Systems Research. 1996. Vol. 13, № 3. P. 393-406.

Diana E. Gasparyan, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: anaid6@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiva. Sotsiologiva. Politologiva – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 5–18.

DOI: 10.17223/1998863X/54/1

CYBERNETICS METHODOLOGY APPLIED TO THE SECOND-ORDER EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF THE PHILOSOPHY OF MIND

Keywords: philosophy of mind; mind; consciousness; observation; first-order cybernetics; second-order cybernetics; autopoiesis; self-descriptions; differences.

The article shows that the reliance on subject-object dualism, which is widespread in the contemporary analytic philosophy of mind and is fuelled by classical epistemology, leads to a large number of theories based on epistemic contradictions. To illustrate this statement, the first- and secondorder cybernetics apparatus (FOC and SOC) was used (Foester 1975). It is shown that the majority of modern analytical contexts working with mind are oriented to the so-called first-order cybernetics. Accordingly, the study suggests that if we replace FOC with SOC, we will get a more adequate epistemology and will be able to avoid unproductive work on creating contradictory or inoperative theories. In particular, it is stated that using SOC one can build a model that differs from traditional (subject-object) models and propose a theory of the self-description of mind, which removes the division into a subject and an object, but deals with a self-understanding mind, organized as a total and immanent sphere of meanings-differences. The critical part of the study substantiates the irrelevance of the naturalist apparatus borrowed from the natural sciences. It is considered that to thematize a subject epistemology must construct a special language of description taking into account the specifics of the subjective measurement of reality. In particular, it is shown that the study of mind is the area of knowledge where the level of observer should be taken into account in the first place because the failure to take into account this level instantly leads to any theory of mind to paradoxes. The study points to the need to take into account the criticism of subject-object dualism undertaken by second-order cybernetics and shows what unproductive epistemological assumptions its non-acceptance in the study of consciousness leads to. It is considered that in dualistic models cognitive sciences implicitly conceal the notion of mind itself as a dualistic model, in which reflexion is possible only as meta-knowledge. Accordingly, it is shown that speaking about the self-description (reflexion) of mind itself, it is inefficient to speak about the meta-linguistic structure: when one tries to explain reflexion in the subjectobject paradigm (in which there is a mind-object and a mind-subject independent of it), a paradox emerges. The positive part of the study, also using the positions of second-order cybernetics, explains why it is unproductive to see some essence in mind and shows how one could speak about mind using the apparatus of differences. In this part of the study, an attempt is made to attribute mind to autopoietic systems, namely, to understand how it describes itself. Self-description is considered at two levels: (1) the local level of mind inherent in a certain carrier and (2) the global level of mind as a field of meanings in general, which tries to form knowledge about itself. Self-description is supposed to be understood as a way to address oneself by distinguishing some states from others (Luhmann 1990, 1995). It is shown that at the local level of cognition we fundamentally differentiate ourselves in order to form objects and at the limit of the entire reality with which we deal. It has been analyzed that the minimum basic level of cognition is the ability to distinguish and separate one from another (for example, when we understand something, we understand that it is not that either). It is stated that this is how perception becomes information.

References

- 1. Foerster, H. von. (1979) Cybernetics of Cybernetic. In: Krippendorff, K. (ed.) *Communication and Control in Society*. New York: Gordon and Breach. pp. 5–8.
 - 2. Glanville, R. (2002) Second order cybernetics. Systems Science and Cybernetics. 3. pp. 59–85.
 - 3. Kriegel, U. (2009) Subjective Consciousness. Oxford: Oxford University Press.
 - 4. Penrose, R. (1994) Shadows of the Mind. Oxford: Oxford University Press.
 - 5. McGinn, C. (1991) *The Problem of Consciousness*. Oxford: Blackwell.
 - 6. Nagel, T. (1989) The View from Nowhere. Oxford: Oxford University Press.
 - 7. Gennaro, R. (2011) The Consciousness Paradox. Cambridge, MA: MIT Press.
- 8. Glasersfeld, E. von (1995) *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*. London: The Falmer Press.
- 9. Trufanova, E.O. (2012) Sotsial'nyy konstruktsionizm v teorii poznaniya: istoki, problematika, sovremennyy potentsial [Social constructionism in epistemology: sources, problems and potential]. In: Lektorsky, V.A. (ed.) *Epistemologiya: perspektivy razvitiya* [Epistemology: Developmental Prospects]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS. pp. 369–400.
- 10. Mead, M. (1968) The cybernetics of cybernetics. In: Von Foerster, H. (ed.) *Purposive Systems*. New York: Spartan Books.
- 11. Antonovsky, A.U. (2005) O smysle samoopisaniya [The reasons for self-reference]. *Epistemologiya i filosofiya nauki Epistemology and Philosophy of Science*. 4(2). pp. 114–116.
 - 12. Luhmann, N. (1990) Essays on Self-Reference. New York: Columbia University Press.
- 13. Maturana, H. & Varela, F.J. (1970) *Autopoiesis and Cognition: The Realisation of the Living*. D. Reidel Publishing Company. pp. 2–63.
- 14. Foerster, H. von & Poerksen, B. (2002) *Understanding Systems. Conversations on Epistemology and Ethics*. New York: Kluwer.
- 15. Maturana, H. & Varela, F. (1980) *Autopoiesis and Cognition: The Realisation of the Living*. Springer Netherlands. pp. 63–134. DOI: 10.1007/978-94-009-8947-4
- Foerster, H. von (1981) Observing Systems. Seaside CA: Intersystems Publications. pp. 258– 265.
- 17. Rockmore, T. (2005) On Constructivist Epistemology. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
 - 18. Luhmann, N. (1997) Theory of Society. Stanford: Stanford University Press.
 - 19. Luhmann, N. (1995) The paradox of observing systems. Cultura Critique. 31. pp. 37-55.
- 20. Bateson, G. (1972) Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. University of Chicago Press. pp. 448–466.
- 21. Gasparyan, D.E. (2016) Epistemologicheskiy konstruktivizm i problema global'nogo nablyudatelya [Epistemological constructivism and the problem of global observer]. *Epistemologiya i filosofiya nauki Epistemology and Philosophy of Science*. 47(1). pp. 84–102.
- 22. Piaget, J. (1955) The Construction of Reality in the Child. London: Routledge and Kegan Paul.
 - 23. Noë, A. (2004) Action in Perception. MIT Press.
- 24. O'Regan, J.K., Myin, E. & Noë, A. (2005) Skill, corporality and alerting capacity in an account of sensory consciousness. *Progress in Brain Research*. 150. pp. 55–68. DOI: 10.1016/S0079-6123(05)50005-0
- 25. Scott, B. (1996) Second order cybernetics as cognitive methodology. *Systems Research*. 13(3). pp. 393–406. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1735(199609)13:3<393::AID-SRES102>3.0.CO;2-A

УДК 165.0

DOI: 10.17223/1998863X/54/2

О.А. Козырева

ТЕЗИС О ПРИВАТНОСТИ МЕНТАЛЬНОГО И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА 1

Статья посвящена тезису о приватности ментального в философии сознания и тем следствиям, которые возникают в философии языка при принятии этого тезиса. Утверждается, что три следствия данного тезиса — осознание ошибочности дуализма языков описания, пересмотр концепции языка и признание языковой сущности проблемы знания о себе — приводят к пониманию необходимости отказа от него. Ключевые слова: приватность, ментальное, язык, философия сознания, философия языка.

Проблема приватности существует как в философии сознания, так и в философии языка. В философии сознания эта проблема связана с принятием тезиса о приватности ментального (mind), который ведет к скептицизму в отношении существования других сознаний и к теоретическим трудностям с понятием феноменальных свойств опыта (квалиа), которые, согласно традиционному взгляду, доступны для обнаружения исключительно самому носителю этого опыта. В философии языка проблема приватности чаще всего ставится в рамках обсуждения возможности индивидуального языка (private language) и напрямую затрагивает вопрос о природе значения в целом.

Я полагаю, что тезис о приватности ментального первоначально возникает и принимается в философии сознания, а затем переходит в философию языка. Этот переход сопровождается пересмотром концепции языка и последующим отказом от приписывания ментальному свойства приватности. Для того чтобы продемонстрировать обозначенную выше трансформацию, в первой части статьи я рассмотрю тезис о приватности ментального и возникшие в связи с ним проблемы в философии сознания, а во второй части представлю три основные следствия принятия этого тезиса для философии языка, которые привели к пониманию того, что тезис о приватности ментального должен быть отвергнут.

I

На первый взгляд, тезис о приватности любого объекта обладает эпистемическим характером. Этот тезис формулируется на основании ответов на следующие вопросы: а) какая дефиниция должна быть дана приватности? б) каким объектам приписывается свойство приватности? в) на каких основаниях может происходить это приписывание? г) познаваемы и если да, то каким образом объекты, которым приписывается свойство приватности?

Наиболее общую дефиницию приватности можно сформулировать следующим образом: объект обладает свойством приватности тогда и только

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00324.

тогда, когда непосредственный эпистемический доступ к этому объекту имеется только у одного агента. В философии сознания свойство приватности обычно приписывается отдельным ментальным состояниям или ментальному в целом, понимаемому как совокупность ментальных состояний. Ментальное состояние может считаться приватным объектом на основании того, что эпистемический доступ к нему имеется только у одного агента, который находится в этом состоянии: «Все (причем исключительно) ментальные явления являются существенно приватными или все (причем исключительно) ментальные явления являются существенно такими, что для каждого наличествующего ментального явления имеется агент, чье эпистемическое отношение к этому явлению, как правило, тем или иным образом главенствует над эпистемическими отношениями к этому явлению всех других агентов» [1. Р. 2].

В самом широком смысле под эпистемическим доступом или эпистемическим отношением подразумевается возможность воспринимать некоторый объект и приобретать знание о нем. Традиционно считается, что существует два вида такого доступа — непосредственный и опосредованный. В рамках философии сознания разграничение между видами эпистемического доступа (и между приватными и неприватными объектами) является одним из основных аспектов субстанциального дуализма, в классическом варианте которого утверждается наличие двух несводимых друг к другу субстанций — ментального и физического — которые обладают различными свойствами. Несмотря на то, что субстанциальный дуализм давно вытеснен физикализмом в его самом общем виде и постепенно избавляющимся от теоретических трудностей дуализмом свойств, сам тезис о приватности ментального, возникший как раз в рамках субстанциального дуализма, так или иначе присутствует в дискуссиях о природе ментального.

Согласно классическому субстанциальному дуализму непосредственный доступ к содержанию ментального имеется только у самого носителя ментального. При этом такой вид доступа обеспечивается за счет принимаемого сторонником субстанциального дуализма онтологического тезиса о прозрачности ментального для его носителя. Этот тезис предполагает, что, вопервых, агент осведомлен обо всех ментальных состояниях, в которых он находится, а во-вторых, агент обладает знанием обо всех своих ментальных состояниях, причем это знание не подвержено возможным ошибкам. Это, в свою очередь, приводит к тому, что утверждение, в котором агент приписывает себе наличие некоторого ментального состояния, всегда с необходимостью будет истинным. Иначе, агент логически не способен поставить под сомнение наличие у него определенного ментального состояния (если я воспринимаю некоторый объект как красный, то мое суждение «я вижу красный объект» будет истинным, даже если мое суждение «этот объект является

¹ У. Олстон отмечает, что в рамках проблематики привилегированного доступа можно выделить три вида несомненности в наличии у агента ментального состояния: логическую невозможность сомнения, психологическую невозможность сомнения и невозможность наличия каких-либо оснований для сомнения [2. Р. 226]. Сам У. Олстон полагает, что адекватной является последняя версия, однако, на мой взгляд, именно логическая невозможность сомнения наиболее полно характеризует тезис о прозрачности ментального, так как в отличие от двух других она единственная накладывает ограничения на неконтролируемое приписывание ментальных состояний агентом самому себе (необходимость истинности наличия ментального состояния).

красным» будет фактически ложным, поскольку другими агентами этот объект воспринимается как зеленый и его физические характеристики таковы, что позволяют считать его зеленым). На данный момент я оставляю в стороне различие между знанием о некотором объекте и непосредственным доступом к некоторому объекту и далее рассмотрю вопрос о том, является ли концептуальной ошибкой их отождествление или нет.

У тезиса о прозрачности ментального для его носителя есть парный эпистемический тезис – тезис о привилегированном доступе к ментальному у его носителя. Этот тезис утверждает, что носитель ментального обладает привилегированным доступом к своим ментальным состояниям по сравнению с другими окружающими его агентами. Исходя из этого тезиса, необходимо признавать эпистемическую асимметрию между знанием от первого лица и знанием от третьего лица. В таком случае одним из основных критериев, является ли знание некоторого объекта непосредственным или нет, будет отсутствие каких бы то ни было доказательств (evidences), которые могли бы стать «посредниками» между познающим агентом и познаваемым объектом [3]. Единственный способ приобрести непосредственное знание о своих ментальных состояниях - использовать имеющуюся у агента особую способность к их обнаружению, т.е. интроспекцию. Безусловно, идея интроспекции имеет долгую историю, и ее противоречивость и несостоятельность давно были продемонстрированы многими философами. Однако в том или ином виде отголоски этой идеи возникают и в современной философии сознания, когда речь заходит о возможности схватывать содержание ментальных состояний и переживать качественный характер этих состояний.

В случае с опосредованным доступом к объектам необходимо наличие способности чувственного восприятия для первичного контакта с объектами и особых эпистемологических процедур (индукция, дедукция и т.д.), с помощью которых возможно приобретение знания об этих объектах. Подобное знание — в отличие от знания непосредственного — подвержено ошибкам, корректировать и исправлять которые могут все агенты, поскольку они обладают одинаковым — опосредованным — доступом к объектам. При рассмотрении стола или книги все агенты находятся в одинаковом эпистемическом отношении к этим объектам; отличия заключаются только в различных перспективах, с которых агентам являются объекты, поскольку каждый из агентов находится в уникальной пространственно-временной точке. Отсутствие привилегированной позиции при контакте с физическими объектами означает, что все они могут быть, в принципе, обнаружены всеми агентами. Другими словами, все физические объекты являются публичными.

Возникшее в субстанциальном дуализме разделение всех объектов универсума на два класса — класс приватных объектов и класс публичных объектов — привело к методологической проблеме наличия строгого критерия определения того, в какой класс попадает тот или иной объект. Отсутствие четкого критерия приписывания свойства приватности объектам было одной из проблем, из-за которой традиционная концепция ментального подвергалась серьезной критике.

Наиболее подробно существующие в философии критерии приписывания свойства приватности объектам рассматривал А. Айер. Стоит отметить, что А. Айер обсуждал их в рамках дуализма ментального и физического,

вследствие чего основное внимание в его статье уделяется ментальным состояниям, а проблематика языка и теоретические допущения понятия приватности в целом, независимо от области философского знания, в которой оно используется, не исследованы.

Итак, А. Айер выделяет четыре критерия приписывания свойства приватности объектам. Первый критерий «наделяет объекты свойством приватности для конкретного человека, если существование этих объектов может быть обнаружено только данным человеком, и невозможно помыслить, чтобы их существование мог обнаружить кто-либо другой» [4. Р. 79]. Второй критерий является более слабой версией первого и гласит, что объекты являются приватными для человека, если «существует, по крайней мере, один способ, каким он может обнаружить их существование, в то время как другие люди не могут» [4. Р. 79]. Иными словами, если при первом критерии объекты считаются приватными только тогда, когда всех их свойства может обнаружить лишь один агент, то при втором критерии объекты считаются приватными даже тогда, когда их существование в принципе обнаружимо другими, но как минимум одно из свойств может быть обнаружено только одним агентом.

Наибольшее внимание А. Айер уделяет последующим критериям, которые с точки зрения эпистемического аспекта приватности больше распространены в философии сознания, чем первые два. Третий критерий утверждает, что «у человека имеется приватный доступ к тем объектам, его влияние над которыми не может быть отвергнуто» [Ibid]. Про последний критерий А. Айер пишет, что «приписывание приватности можно объединить с вопросом "является ли свойство приватным или публичным", понимаемым как вопрос о том, можно ли разделить это свойство с другими людьми или нет» [4. Р. 80]. Использование третьего критерия приписывания свойства приватности ментальным состояниям можно обнаружить в тезисе о привилегированном доступе к ментальному у его носителя, так как последнее слово о том, испытываю я в данный момент боль или нет, всегда остается за мной, даже если другие агенты тоже могут выносить суждения о том, что мне больно, на основании внешне наблюдаемого моего поведения или фиксируемых реакций моего мозга. Сам А. Айер полагает, что допустимо утверждать и то, что у агента имеется привилегированное знание о своем нахождении в определенном ментальном состоянии, и то, что сообщение агента об этом ментальном состоянии может быть ошибочным [Ibid. P. 71–73]¹.

На мой взгляд, указание А. Айера на отсутствие следования от наличия привилегированного доступа к логической невозможности ошибки при вынесении суждения связано с прояснением отношений между понятиями знания, осведомленности и обладания эпистемическим доступом. Не вызывает сомнений, что обладание эпистемическим доступом к некоторому ментальному состоянию и обладание знанием о некотором ментальном состоянии имеют различный смысл. Я могу иметь непосредственный доступ к своему восприятию красного, поскольку это красное воспринимаю именно я, но в то же время я могу не знать о том, что, во-первых, это действительно красный цвет

¹ А. Айер иллюстрирует свою позицию на примере с судьей, чьи решения не подлежат пересмотру высшей инстанцией. Несмотря на то что вынесенное им решение может быть неправильным (т.е. подвержено ошибкам), никто не вправе обжаловать такое решение, что приводит к тому, что выводы судьи не могут быть опровергнуты.

(я могу страдать от дальтонизма и видеть красным другой цвет или просто ошибаться в использовании слова «красный», когда выношу суждение «я вижу красный»), а во-вторых, что в данный момент я действительно воспринимаю красное (я могу быть осведомлен только о том, что воспринимаю синий объект, находящийся в центре моего зрительного поля, но в мой мозг одновременно поступают сигналы и о наличии на периферии зрительного поля красных объектов).

Таким образом, различие между эпистемическим доступом и знанием основывается на двух моментах. Первый момент касается того, что «знать» сближается по смыслу с «быть осведомленным о». Осведомленность же требует не только чисто формального наличия в зрительном поле агента объекта красного цвета, но и активного доминирования этого объекта в зрительном поле. В данном случае агент осведомлен, т.е. знает о том, что он воспринимает нечто красное. Осведомленность также может затрагивать не характеристику воспринимаемого объекта, но сам процесс восприятия, когда агент может вынести суждение о том, что с ним происходит (например, «я вижу нечто красным»). Но осведомленность не предполагает, что агент должен знать биологический базис своего акта восприятия, от агента не требуется знать в смысле обладать набором информации. Второй момент различия между эпистемическим доступом и знанием заключается в том, что в самой идее эпистемического доступа не содержится идеи обязательной осведомленности об объекте, к которому имеется такой доступ. Напротив, если агент знает (или осведомлен) о некотором ментальном объекте, то у него должен иметься какой-либо доступ к содержанию своего ментального, чтобы суметь вынести суждение об этом ментальном объекте.

Использование четвертого критерия, выделенного А. Айером, обнаруживается в формулировке проблемы существования других сознаний. Она представляет собой вопрос о том, чем обосновано приписывание определенных мыслей и чувств другим агентам, если у нас нет непосредственного доступа к их ментальным состояниям, пронаблюдав которые, мы смогли бы вынести решение о том, что эти агенты обладают ментальным наравне с нами. Традиционно на этот вопрос отвечают, что нашим основанием выступает рассуждение по аналогии либо биологического характера (я принадлежу к виду Ното Sapiens и обладаю ментальным, обладание ментальным является видовым признаком Homo Sapiens, из этого следует, что другие агенты, принадлежащие к виду Homo Sapiens, тоже обладают ментальным), либо бихевиористского характера (мое поведение обусловлено моими ментальными состояниями, соответственно, схожее с моим поведение других агентов должно быть обусловлено их ментальными состояниями).

По мнению А. Айера, проблема существования других сознаний является результатом неверно понимаемого тезиса о привилегированном доступе к ментальному у его носителя [4. Р. 75–78]. Привилегия агента в отношении знания содержания своего ментального реализуется потому, что ментальное – это ментальное этого конкретного агента. Нет необходимости в том, чтобы агент был единственным, у кого имеется привилегированный доступ. Отсутствия такой необходимости, с точки зрения А. Айера, достаточно для того, чтобы считать несостоятельным четвертый критерий приписывания свойства приватности: если возможно, что знанием о моих ментальных состояниях

обладаю не только я, но и другие люди, то либо мои ментальные состояния перестают рассматриваться как приватные — а это противоречит основной пресуппозиции этого критерия, либо критерий не позволяет однозначно определить, является ли объект приватным или нет.

Рассмотренные А. Айером критерии приписывания свойства приватности ментальным состояниям не только не помогают провести разграничение между приватными и неприватными объектами, но и приводят к возникновению содержательных проблем наподобие проблемы существования других сознаний. Таким образом, можно сделать вывод о том, что тезис о приватности ментального в философии сознания является достаточно противоречивым тезисом. Выявить эту противоречивость и указать на необходимость пересмотра этого тезиса, а вслед за ним и природы ментального помогла философия языка.

II

Я выделяю три основных следствия тезиса о приватности ментального для философии языка. Первое следствие состоит в возникновении идеи необходимости преодоления дуализма языков описания универсума, второе — в пересмотре концепции языка в целом, и третье — в признании языковой природы феномена знания о себе. Я проиллюстрирую каждое следствие позицией того или иного философа, но не буду затрагивать вопрос об успешности предлагаемых ими стратегий аргументации, поскольку подробное рассмотрение сильных и слабых сторон аргументов потребует немалого количества страниц. Моя задача в данной статье состоит лишь в том, чтобы показать теоретическую историю тезиса о приватности ментального в философии сознания и философии языка, не давая критической оценки аргументам за или против этого тезиса.

Обозначенное мной первое следствие является достаточно очевидным и заключается в том, что приватное ментальное находится в оппозиции к публичному физическому, порождая дуализм языков описания и следующую из него проблему взаимопереводимости языков. Речь идет о том, что нам необходимо иметь два различных языка для описания двух принципиально различных по своей природе объектов — язык для описания ментальных объектов и язык для описания физических объектов. Проблема взаимопереводимости языков возникает в данном случае потому, что эти два языка описывают объекты с абсолютно противоположными (и даже взаимоисключающими) свойствами.

Так, Р. Карнап пытался разрешить проблему существования двух различных языков — психологического и физического — утверждая, что «для каждого психологического предложения С1 существует соответствующее ему физическое предложение С2, поэтому С1 и С2 являются эквивалентными в отношении определенных действующих законов» [5. Р. 95]. Р. Карнап, как известно, отвергал метафизический способ постановки философских вопросов. Идея разграничения ментального (или психического) и физического тоже входила в перечень таких метафизических и, как следствие, бессмыслен-

¹ В данном контексте психологическое и ментальное синонимичны. Я предполагаю, что Р. Карнап сделал выбор в пользу первого с целью подчеркнуть свой разрыв с классической метафизикой картезианства.

ных проблем. Согласно Р. Карнапу, все предложения обо всех объектах переводимы на физический язык, что, в свою очередь, означает, что существует только одна единая языковая система для всех объектов, доступных для научного исследования.

В чем состоит преимущество в единстве языка описания объектов? Другими словами, что плохого в дуализме между приватными (ментальными) и публичными (физическими) объектами? Я полагаю, что дуализм подобного рода может быть подвергнут критике, так как возможны ситуации, в которых объект со свойством физическое не будет обладать свойством публичное, но будет обладать свойством приватное, а объект со свойством ментальное не будет обладать свойством приватное, но будет обладать свойством публичное. Это означает, что не необходимо, чтобы некоторый объект обладал одновременно парой свойств ментальное - приватное или физическое - публичное. А. Айер, чьи взгляды рассматривались ранее, по сути, продемонстрировал, что такие объекты возможны, а имеющиеся в философии сознания критерии разграничения приватных объектов от неприватных не работают. В результате более привлекательной с точки зрения построения теории ментального оказывается не дуалистическая онтология, но монистическая, причем физикалистского типа: при использовании единого языка описания универсума – языка физики, как предлагал Р. Карнап, – не возникает необходимости в анализе оппозиции между приватным и публичным как существенных свойств ментального и физического.

Второе следствие заключается в том, что приписывание свойства приватности ментальному накладывает ограничения на концепцию остенсивного определения. Причина этого состоит в том, что реферировать к объектам приватного, следовательно, неверифицируемого опыта посредством языка для коммуникации о верифицируемых сообществом агентов объектах невозможно. Поскольку осуществить референцию не удается, возникает область невыразимых на естественном языке объектов, возможность познания которых отсутствует как раз в силу их невыразимости (например, квалиа). Неприятие такого рода вывода привело к изменениям в представлении о языке в целом: интенции и внутренний опыт говорящего, скрытые от наблюдения и верификации, перестают рассматриваться как конституирующий элемент значения слова и превращаются в результат функционирования правил языка и принятых в обществе языковых конвенций.

Безусловно, главную роль в пересмотре концепции языка сыграл аргумент Л. Витгенштейна против индивидуального языка. Этот аргумент разворачивается в «Философских исследованиях» начиная с § 243, в котором Л. Витгенштейн предлагает задаться вопросом о мыслимости такого языка, в котором слова «должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, – к его личным, непосредственным впечатлениям» [6. С. 171]. В индивидуальном языке подобного рода критерием правильного употребления говорящим языкового выражения для обозначения некоторого своего ментального состояния служила бы только его личная уверенность в том, что он правильно соотносит свое внутреннее состояние с языковым выражением. Стабильность значений слов в таком языке основывалась бы на непогрешимости памяти говорящего, так как только так говорящий мог бы продолжать использовать выбранное им однажды языковое выражение для обозначения

одного и того же ментального состояния. Но проверить правильность или же указать на ошибочность употребления языкового выражения не представляется возможным из-за отсутствия других агентов, знакомых с правилами употребления тех или иных выражений. И если агент в принципе не может совершить ошибку, потому как любое употребление им языкового выражения может считаться правильным, ведь правила устанавливает именно он, то это значит, что сам разговор о правильном или неправильном использовании языка является бессмысленным.

Л. Витгенштейн демонстрирует, что существование такого индивидуального языка, по меньшей мере, сомнительно, а по большей — невозможно. Исходя из этого вывода, становится понятно, что за словами нашего обыденного (неиндивидуального) языка не могут скрываться приватные ментальные состояния. Употребление нами таких слов, как «боль», «радость», «убеждение» и т.д., не обусловлено реферированием к нашим приватным ментальным состояниям; значения этих слов отсылают лишь к поведению, которое доступно для наблюдения в отличие от приватных ментальных состояний.

Третье следствие затрагивает природу феномена знания о себе. В философии языка проблема знания о себе традиционно формулируется как вопрос о том, «как мы приписываем ментальные состояния самим себе и почему эти приписывания обладают привилегированностью от первого лица и эпистемически влиятельны» [7. Р. 296]. Но такая формулировка проблемы ничего не утверждает о наличии некоторых приватных ментальных состояний, знать содержание которых может только агент, в них находящийся, благодаря тому что обладает непосредственным эпистемическим доступом к содержанию своего ментального. Она утверждает лишь то, что в нашем языковом сообществе существует определенная практика приписывания ментальных состояний самим себе и последующего признания того, что наши утверждения о нахождении себя в таких-то и таких-то ментальных состояниях (например, «мне больно», «я убежден», «я вижу красный» и т.д.) обладают привилегированным статусом по сравнению с утверждениями о том же, сделанными другими агентами.

Г. Эванс рассматривает проблему знания о себе через анализ так называемых Я-мыслей - суждений, в которых агент приписывает себе некоторые мысли, чувства и действия. Он утверждает, что мы не можем совершить ошибку в идентификации агента в случае вынесения суждений о своих ментальных состояниях, так как мы в принципе не идентифицируем себя. Мы действительно обладаем привилегированным доступом, но это доступ не к содержанию ментальных состояний, как то утверждает тезис о приватности ментального, а к тому, кто является агентом, которому приписываются определенные мысли, чувства и действия. Г. Эванс также отмечает, что приписывание ментальных состояний самому себе основано не на обращении к приватной сфере ментального наподобие «картезианского театра». Приписывание ментальных состояний самому себе происходит в результате нашего взаимодействия с внешним миром, а не в результате восприятия внутренних ментальных состояний: «Всякий раз как вы в состоянии вынести утверждение о том, что р, вы ipso facto в состоянии вынести утверждение о том, что "я убежден, что р"» [8. Р. 114].

На сложившийся неверный способ описания того, как возможно знание самого себя, указывал и С. Шумейкер [9]. Он утверждал, что трудность в приписывании ментальных состояний самому себе заключается в том, что в естественном языке укоренена перцептивная модель описания процедуры такого приписывания, при которой вынесение суждения агентом о том, что он находится в определенном ментальном состоянии, отождествляется с отчетом агента о внутреннем восприятии некоторого приватного ментального объекта. Такая модель требует наличия самости, которую агент должен идентифицировать как основного референта всех ментальных состояний. Однако когда агент использует местоимение Я при вынесении суждения о своих ментальных состояниях, он не только не идентифицирует самость, но и не реферирует к ней.

В заключение хотелось бы отметить, что обозначенные мной три следствия тезиса о приватности ментального сыграли важную роль в смещении дискуссий о природе ментального и статусе мыслящего агента в плоскость языка. С одной стороны, этому поспособствовала успешная аргументация в пользу того, что суждения о ментальных состояниях других агентов могут быть вынесены только на основании их публично наблюдаемого поведения, а с другой – идея, которую еще в середине XX в. сформулировал Р. Воллхайм, а именно, что «приписываемая субъекту приватного утверждения привилегия происходит не из какой-то эмпирической ситуации и не из какого-то экстралингвистического правила или конвенции, но из логики самого языка» [10. Р. 96].

Литература

- 1. Bailey G.W.S. Privacy and the Mental. Amsterdam: Rodopi, 1979.
- 2. Alston W. Varieties of Privileged Access // American Philosophical Quarterly. 1971. Vol. 8, № 3. P. 223–241
 - 3. *Heil J.* Privileged Access // Mind, New Series. 1988. Vol. 97, № 386. P. 238–251.
- 4. Ayer A. Privacy // The Concept of a Person and Other Essays. London : Palgrave Macmillan, 1963.
- 5. Carnap R. Philosophy and Logical Syntax. London: Kegan Paul; Trench; Trubner & Co.; Ltd., 1935.
- 6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994.
 - 7. Paul S.K. The Transparency of Mind // Philosophy Compass. 2014. Vol. 9, № 5. P. 295–303.
- 8. Evans G. Self-identification // Self-reference and Self-awareness / ed. by A. Brook and R.C. DeVidi. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001.
- 9. Shoemaker S. Self-reference and self-awareness // Self-reference and Self-awareness / ed. by A. Brook and R. C. DeVidi. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001.
- 10. Wollheim R. Privacy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1951. Vol. 51, № 1. P. 83–104
- *Olga A. Kozyreva*, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: olgakozyreva@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 19–28.

DOI: 10.17223/1998863X/54/2

THE PRIVACY OF MIND AND ITS IMPLICATIONS FOR THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Keywords: privacy; mind; language; philosophy of mind; philosophy of language.

In this article, the author considers the privacy of mind thesis in the philosophy of mind and in the philosophy of language. She argues that this thesis is inconsistent, and its inconsistency becomes clear when the thesis passes to the philosophy of language. The first part of the article examines the thesis itself and the problems this thesis causes in the philosophy of mind. The author provides the general definition of privacy, i.e., an object might be considered private if there is only one agent who has a direct epistemic access to it. Then, she analyzes the relations between the privacy of mind thesis, the transparency thesis, and the privileged access thesis. She presents Alfred Jules Ayer's four criteria of privacy and demonstrates that these criteria do not help to distinguish between private and public objects. The second part of the article deals with the three main implications of the privacy of mind for the philosophy of language. The author argues that it is these implications that have led to the rejection of this thesis. The first implication concerns dualism in descriptive languages implied by the opposition between private / mental objects and public/physical objects. These languages seem to be untranslatable into each other giving rise to attempts to construct a single unified language. The author gives an example of Rudolf Carnap's project of reducing sentences about agent's mental states to sentences about his / her physical states. The second implication is about restrictions that the privacy of mind places on the conception of ostensive definition. The reason for that is that it is unclear how to refer to private mental objects and gain knowledge about them. Here, the author discusses Ludwig Wittgenstein's criticism of the conception of ostensive definition. The third implication involves the revision of self-knowledge. Given the refusal of the privacy of mind, one tends to construct the concept of selfknowledge as a linguistic practice of mental self-ascriptions. Gareth Evans and Sydney Shoemaker exemplify this tendency while criticizing the perceptive model of self-knowledge and rejecting the idea of a metaphysical referent, i.e., the self, in such kind of knowledge. The author briefly concludes that the philosophy of language revealed and proved the inconsistency of the privacy of mind thesis, which in turn resulted in a new idea of the linguistic nature of mind.

References

- 1. Bailey, G.W.S. (1979) Privacy and the Mental. Amsterdam: Rodopi.
- 2. Alston, W. (1971) Varieties of Privileged Access. *American Philosophical Quarterly*. 8(3). pp. 223–241.
- 3. Heil, J. (1988) Privileged Acces. *Mind, New Series*. 97(386). pp. 238–251. DOI: 10.1093/mind/XCVII.386.238
 - 4. Ayer, A. (1963) The Concept of a Person and Other Essays. London: Palgrave Macmillan.
- 5. Carnap, R. (1935) *Philosophy and Logical Syntax*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
- Wittgenstein, L. (1994) Filosofskie raboty [Philosophical Research]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.
- 7. Paul, S.K. (2014) The Transparency of Mind. *Philosophy Compass*. 9(5). pp. 295–303. DOI: 10.1111/phc3.12126
- 8. Evans, G. (2001) Self-identification. In: Brook, A. & DeVidi, R.C. (eds) Self-Reference and Self-Awareness. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- 9. Shoemaker, S. (2001) Self-reference and self-awareness. In: Brook, A. & DeVidi, R.C. (eds) Self-Reference and Self-Awareness. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
 - 10. Wollheim, R. (1951) Privacy. Proceedings of the Aristotelian Society. 51(1). pp. 83–104.

УДК 164.01

DOI: 10.17223/1998863X/54/3

В.В. Целищев, А.В. Хлебалин

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ ПОНИМАНИЯ В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ¹

Статья посвящена исследованию соотношения концепций понимания и доказательства в математической практике. Анализируются две концепции математического доказателсьвто — как вычисления и как понимания. Показано, что традиционное противопоставление этих концепций не соответствует практике математического доказательства; что использование формального вывода в доказательстве требует семантической интерпретации. Указаны ключевые факторы «вхождения» семантического содержания в синтаксические структуры вывода: нотация и интерпретация нелогических констант.

Ключевые слова: *понимания*, *доказательство*, *семантика*, *синтаксис*, *нотация*, *интерпретация*.

Противопоставление математической концепции и эпистемологической категории не приводит к ясной постановке проблемы. Фактически обсуждение начинается с обсуждения вопросов, которые напрямую имеют отношение к некоторым особенностям математической практики. Одним из самых интересных таких вопросов является вопрос, зачем математики передоказывают теоремы [1]. Самый простой ответ — чтобы лучше их понять. Так возникает вопрос о соотношении доказательства и понимания.

Здесь возникает ряд проблем, типичных для философии математики. Вопервых, если сама по себе теорема является осмысленным истинным утверждением только в том случае, если у нее есть доказательство, теорема в каком-то смысле отождествляется с ним. Если же представлено новое доказательство, остается ли первоначальная теорема той же самой или при этом возникает новая теорема? Во-вторых, в чем состоят новые более высокие эпистемические требования при передоказательстве теоремы? То есть в чем состоит большая «понятность» теоремы: это может быть более полное постижение сути теоремы, или же это может быть улучшение самого доказательства? Уже эти вопросы поднимают массу проблем, которые откровенно присутствуют в математической практике, но не артикулированы в достаточной степени для более или менее строгого обсуждения. Тем не менее в последнее время оба сообщества — работающие математики и философы математики — проявляют к этой проблематике значительный интерес [2].

Более точная постановка проблемы состоит в обсуждении противоречий между современной концепцией доказательства и неформальным постижением содержания математического утверждения. Я. Хакинг настойчиво говорит о двух видах доказательств, которые напрямую увязывают эти две вещи. Концепция непосредственного постижения математического утверждения приписывается им Р. Декарту, и в качестве примера (который используется

¹ Исследования выполнены при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00723.

не только им) приводится описание эпизода из *Менона* Платона с удвоением площади квадрата. Другая концепция приписывается Лейбницу, у которого доказательство есть вычисление. Крайнее выражение этой тенденции представлено программой В. Воеводского, согласно которой любое математическое доказательство должно сопровождаться компьютерной его проверкой [3. С. 61–62]. Эти две концепции доказательства апеллируют к разным сторонам процесса математического дискурса.

Концепция строгого доказательства обязана понятию логического следования А. Тарского. Стандартным изложением этого понятия стала книга П. Суппеса, согласно которой математическое доказательство есть последовательность предложений, начинающихся с аксиом, каждое из которых есть логическое следствие предыдущих предложений. Это представление обеспечивает «полностью точную теорию вывода, адекватную для всех стандартных примеров дедуктивного вывода в математике» [4. Р. хіі]. В общем, такая же цель, среди прочих, фигурировала при построении системы *Principia Mathematica* Уайтхеда и Рассела, поскольку система была призвана кодифицировать математическое мышление.

Согласно этому идеалу строгое доказательство разбивает реальный «ход мысли» математика на небольшие шаги, каждый из которых санкционирован правилами вывода формальной системы. На практике математик опускает тривиальные логические выводы, делает неявные предположения, которые должны быть выявлены и восстановлены в формальном доказательстве. И опять-таки реальная математическая практика полностью избегает реализации такого идеала, подразумевая при этом, что идеал верен «в принципе». Таким образом, в реальном математическом доказательстве кроется две ипостаси: с одной стороны, «содержательное» доказательство, оперирующее с концепциями, определениями, неформальными вербальными оборотами, и с другой стороны, «формальная», знаки которой лишены всякого содержательного значения. Обе ипостаси связаны понятием интерпретации, придания намеренного значения знакам формального доказательства. Но на практике каждая из них существует как-бы по отдельности, выполняя свое предназначение. Одна призвана передать мысль, содержание концепций, а другая блюсти строгость этой передачи, дабы не допустить ее искажения и уж тем более потери истинности утверждений.

Такой дуализм математического дискурса требует более точного представления о том, что же при этом происходит. Как соотнести содержательную сторону концепций математики с формальным изложением доказательства? Должны быть какие-то объяснения одного в терминах другого, в противном случае мы имеем две параллельные структуры мышления, одна из которых близка реальному процессу человеческого рассуждения, а вторая — механическому, машинному представлению мыслительного процесса. Так что же делает математик, доказывая теорему, — дает простор ассоциативному мышлению или имитирует компьютер (который, по своему замыслу, сам должен имитировать мышление)?

Хотя работающий математик практически никогда не воспроизводит доказательство в строго формальном виде, он уверен, как отмечалось выше, что это можно сделать «в принципе». Данная возможность «в принципе» реализуется в виде описания того, как это можно было бы сделать. Здесь мы имеем ситуацию, аналогичную ситуации соотношения языка и метаязыка, т.е. соотношения двух уровней дискурса. Неформальный текст высокого уровня указывает на существование текста низкого уровня; первый вид дискурса есть описание второго — формального доказательства. Такая концепция является довольно распространенной [5]. Однако она становится проблематичной, если принимаются во внимание два типа доказательства: доказательство как размышление (Декарт) и доказательство как вычисление (Лейбниц). Одно может быть сделано описательно, другое — в виде инструкции; одно может быть сделано в рамках принятых нотационных преобразований, другое — в словесной форме [6].

Что такое в данном случае словесная форма? Это принятые в дискурсе дескриптивные фразы, за которыми лежит принадлежность к определенной «языковой игре», в смысле Витгенштейна. Эти фразы несут смысл, доступный игрокам, и их буквальное толкование отнюдь не исчерпывает их значения. Более того, каждая из таких фраз означает практически указание, как должно идти доказательство. Их примерами являются фразы типа: «отсюда, по принципу вполне-упорядочения...», «по определению простого числа...», «первый закон может быть доказан индукцией по n...» и т.д., которые можно найти во множестве действительных доказательств. Правила подобных языковых игр сложны, и сама проблема передачи значения с помощью этих правил является сложной философской проблемой, косвенно связанной с так называемой проблемой следованию правилу [7].

В любом случае формальное доказательство само по себе не дает понимания, поскольку знаки в последовательности формул при логическом выводе не имеют значения. Конечно же, имеется подразумеваемая или намеренная интерпретация этих знаков, но она присоединяется к знакам «извне», к уже существующей формальной системе, которая обладает своего рода автономией. Поэтому можно предположить, что математическое понимание зиждется не в практике математического доказательства, но в каком-то другом аспекте математической практики. Это является кардинальной проблемой философии математики. Что же представляет собой математическое доказательство — формально-логическую структуру или же какого-то рода дополнительные соображения (среди которых могут быть и соображения о намеренной интерпретации). Эти соображения могут быть названы концептуальным окружением формального доказательства.

Действительно, доказательством вполне можно считать формальную структуру, потому что именно она является свидетельством правильности доказательства. Но это свидетельство само по себе есть продукт определенного понимания, что формализация является надежным средством подтверждения истинности, что практическая невыполнимость полной формализации любого доказательства компенсируется пониманием того, что формализация в принципе возможна и т.д. Другими словами, если считать формальное доказательство настоящим доказательством, то оно должно сопровождаться пониманием всех этих оговорок. Это означает, что фактически апелляция к формальному доказательству сопряжена с необходимостью обращения к содержательным аспектам математического мышления. Такой половинчатой позиции придерживается К. Мандерс, признающий формальное доказательство настоящим доказательством, но

одновременно выводящий понимание доказательства за пределы формальной структуры [8].

Нужно понимать, что различение в доказательстве двух ипостасей — формализма и понимания — может быть выражено с точки зрения философии в очень расплывчатых терминах. Только что приведенная точка зрения намекает, что помимо формализма, который и есть, по сути, само доказательство, существует и другой фактор: формальное доказательство является правильной кодификацией математического понимания, и стало быть, в качестве «фона» присутствует это самое понимание, занимая подчиненное положение.

Другой подход к данной проблеме состоит в различении природы формализации и понимания. Формализация является синтаксической, в то время как понимание — семантический феномен. При этом предполагается, что, вопервых, семантика несводима к синтаксису, и, во-вторых, суть доказательства как раз зиждется на семантике, определенном кластере концепций. Реальное математическое мышление состоит в ассимиляции и понимании значений этих концепций [9]. Однако нельзя сказать, как и в предыдущем случае, что есть ясность в такого рода объяснениях. Скорее, речь идет о нащупывании философских оснований очень тонкого различения, а сама эта задача является типичной философской, когда нет четко поставленного вопроса. Помимо этого, сюда вплетаются вопросы сопоставления возможности человеческого мышления и машинного мышления, поскольку понимание относится к первому, а формализация — ко второму. А эти вопросы связаны, в свою очередь, с более общими вопросами алгоритмизации мышления [10].

Рассмотренные варианты соотношения формального доказательства и математического мышления могут быть выстроены в четкую альтернативу: либо математическое доказательство отлично от его формального представления, либо математическое доказательство является формальным. В первом случае речь идет о концепции понимания доказательства, а во втором — о правильности доказательства, понимание которого нам недоступно. В некотором смысле это настоящий парадокс: если наша логика является подходящим инструментом дедуктивного мышления, то как могут нормы, управляющие математическим дискурсом, на самом деле расходиться с нормами знакомых логических выводов? Другими словами, почему концептуальная ясность математики существенно отлична от формальной ясности?

В математике мы заинтересованы в непротиворечивости или даже в истинности утверждений. Именно достижению этих целей служит концепция формального доказательства; управляемые логическими константами, а значит, формальные доказательства должны быть машинно-проверяемы. Но тогда откуда берется «несводимое математическое содержание», о котором говорит Рав? Именно ему отводится важная роль в понимании математического дискурса: У. Терстон утверждает, что надежность математического дискурса происходит не от математически проверяемых формальных аргументов; она происходит от математического и тщательного обдумывания математических идей [11].

Представленную выше коллизию можно отобразить на старую дихотомию, а именно дихотомию формы и содержания. Собственно математический дискурс, или же математическое размышление, происходит на содержательном уровне. Переходы между идеями должна обеспечить логика, и во

имя ясности и отсутствия противоречий логические шаги должны быть механическими, т.е. лишенными значения. Тогда дилемма заключается в том, как задать синтаксическую логику без потери значения кодифицируемых идей. Преимущество философии, как уже упоминалось выше, состоит в постановке вопросов, на которые нет ответов. Таким вопросом в данном случае будет вопрос: можно ли сделать так, чтобы семантическое содержание математики представлялось в логической форме?

При кажущейся противоречивости такой постановки вопроса он вполне осмыслен. Почти сразу можно указать несколько попыток снабдить синтаксис семантикой. Наиболее распространенным является метод моделей А. Тарского. Задаваемая им структура логики включает логические константы, машинерию квантификации (включая понятие переменной для индивидов), а также нелогические константы, которые не указывают на конкретные сущности, но могу применяться к разным структурам. В данном случае семантическая компонента обеспечивается интерпретацией нелогических констант и кванторов. Формальное строгое доказательство не опирается на такую интерпретацию, т.е. невосприимчиво к экстралогическим значениям. Но подразумеваемая аппаратом квантификации область значений (универсум рассмотрения) является «мостиком» к семантике. Другими словами, чистая логика, по Тарскому, апеллирует неявно к структурам, к моделям. Природа этой апелляции представляет в исследуемой проблеме ключевой интерес [12]. Именно то обстоятельство, что нелогические константы имеют множество потенциальных интерпретаций, требует от математического дискурса максимальной строгости. Интерпретации используют терминологию, которая не является строго изолированной от остального математического дискурса, за счет чего доказательство может оказаться дефектным: «...немногие, повидимому, в равной степени осознают ловушки, которые мы ставим перед собой, когда используем общие слова для обозначения математических понятий. Ибо такие слова имеют много ассоциированных значений, не имеющих отношения к задаче строго дедуктивной науки, и эти ассоциированные значения влияют на нас в ущерб строгости» [13. Р. 142]

Избежать этой опасности (но одновременно и источника семантических интерпретаций) можно только допущением в математический дискурс примитивных терминов, строгое определение которых обеспечит единственность интерпретации. Но уже сам список примитивных терминов в достаточной степени очертит круг семантических концепций, с которыми имеет дело конкретный математический дискурс. Однако в процессе определения примитивных терминов делаются разъяснения (установление связи с другими терминами и пр.), которые обеспечивают то самое понимание на семантическом уровне, которое мы ищем в синтаксических структурах. Другими словами, наличие в формальном синтаксисе в стиле Тарского области интерпретации является фоновым семантическим фактором.

Другим семантическим фактором будет употребление знаков, скажем, нелогических констант. Как утверждает Д. Макбет, понятие строгого формального доказательства должно пониматься, так сказать, осмысленно: «Все, что требует строгость, — это чтобы в системе не делалось никаких шагов, кроме тех, которые разрешены аксиомами, определениями и данными правилами вывода, которые служат для обеспечения того, чтобы все предположе-

ния были сделаны явными. Хотя и верно, что возможность следовать правилам механически, как если бы нелогические примитивные знаки не имели никакого значения, может служить проверкой адекватности системы аксиом и определений, из этого просто не следует, что знаки следует воспринимать как пустые от всякого смысла и значения» [14. Р. 37]. Далее Макбет ссылается на Фреге, и эта ссылка не является «проходной»: «...можно, конечно, употреблять числовые знаки механически, как можно говорить подобно попугаю... [Но] это возможно только после того, как посредством действительного мышления математический знаковый язык разовьется так, что он, как говорят, мысли за нас» (цит. по: [15. С. 18]). И далее Макбет продолжает цитирование Фреге, говоря, что «использование символов не должно приравниваться к бездумной, механической процедуре... Можно мыслить и символами» [16. Р. 33].

Если Фреге прав, математики разрабатывают системы письменных знаков не для того, чтобы обойтись без всякого содержания, а для того, чтобы выразить содержание таким образом, чтобы на основе этого содержания можно было строить строгие рассуждения. Только что высказанное мнение Макбета о том, что нотация Фреге, первоначально кажущаяся очень трудно воспринимаемой, содержит на самом деле важные соображения о вхождении семантического содержания в синтаксические структуры, начинает обсуждаться более активно. Это означает, что истоки семантики могут зиждиться в нотационных особенностях.

Довольно любопытно, что проблемы соотношения семантики и синтаксиса в математическом дискурсе давно являлись предметом рассмотрения ранних аналитических философов, о чем говорит пример Фреге. И не только его. Недавно переоткрытая так называемая Подстановочная теория Рассела основана на понятии структурированной переменной, которая, будучи чисто синтаксическим элементом языка, тем не менее, содержит в себе семантические структуры [17]. Видимо, для установления проблематики соотношения понимания и доказательства в математическом дискурсе, помимо анализа собственно математического мышления, требуется обращение к логическим основаниям, еще более ранним, чем концепция логического следования Тарского.

В заключение мы хотим вернуться к идее о том, что математический дискурс осмыслен, несмотря на формальное его представление, являясь некоторой языковой игрой, где основное положение занимает понятие правила. Апелляция к понятию логической формы математического вывода фактически, согласно этой идее, равносильна применению чего-то более общего, схемы или правила, которое применяется не только в данном случае, но и в других, релевантных ему. Обращение к витгенштейновской идее с первого взгляда позволяет ликвидировать противопоставление логической формы понятию семантического содержания, содержания, существенного для понимания и истины. С точки зрения Макбета, как логический вывод, так и «содержательный вывод» является примером правила, которое применяется и в других случаях: «Например, умозаключение (материальное) от "Феликскошка" к "Феликс-млекопитающее". Этот вывод хорош, если он хорош, потому что из того, что нечто является кошкой, можно вообще сделать вывод, что это млекопитающее; вывод хорош (если он хорош), потому что выводы

вида "х-кошка; следовательно, х-млекопитающее" хороши. Вывод хорош не в силу того, что он касается Феликса. Хотя кто-то и делает какие-то выводы о Феликсе, обоснованность этого вывода объясняется не ссылкой на Феликса, а апелляцией к правилу, что-то вроде того, что быть кошкой означает быть млекопитающим» [14. Р. 39].

Выше приведен весьма неполный набросок путей преодоления конфликта между пониманием доказательства и его формальным представлением. Он дает представление о спектре возможностей в этом направлении. И все же остается ощущение, что центральный вопрос все больше обходит стороной математическую практику, склоняя его исходную формулировку либо в сторону логики или философии Витгенштейна, либо в сторону наивных предположений, что синтаксис сам по себе не является жизнеспособной идеей.

Работающий математик согласится с тем, что хотя любое умозаключение и справедливо в силу своей формы, действительное математическое рассуждение есть рассуждение из содержания понятий, из математических идей. Это содержание формируется в системе (по выражению Д. Гильберта) «хорошо подобранных определений». Определения выступают в обсуждаемом нами вопросе в двоякой роли: с одной стороны, это сокращения, с другой стороны, они представляют собой математическое содержание. Вполне разумно рассматривать их как искомый пункт контакта между формой и содержанием, между формальным доказательством и математическим пониманием. Действительно, «математики часто считают нахождение *правильного* / подходящего / корректного / естественного определения в качестве цели исследования, а успех-нахождение "правильного" определения – значительным прогрессом в знаниях» [18. Р. 256]. Уже сам перечень «добродетелей» определения говорит о том, что в них концентрируется понимание математического дискурса, поскольку сам эффект передоказывания теорем, с обсуждения которого мы начали статью, состоит в тривиализации сложного результата с помощью «хорошо подобранных определений». Результат такой тривиализации может считаться прогрессом в «понимании». Этого не могло бы случиться, будь определение простым нотационным сокращением. Это означает, что рассмотрение роли определений в экспликации концепции понимания математического дискурса является еще одним путем исследования этого феномена.

Наконец, пожалуй, самым трудным вопросом является то, в какой степени содержание математического дискурса зависит от нотационных факторов. Нотация принятой математической логики намеренно лишена содержания. Но может быть, другие нотационные системы более близки к тому, чтобы в них формулировать содержательные вещи. Такие нотационные варианты нужно искать в «нестандартных» представлениях математического доказательства. В качестве примера этого подхода можно говорить о роли диаграмм, двухмерных формул Begriffsschrift Фреге, алгебраических уравнений. Макбет заверяет нас, что Фреге преуспел в такого рода предприятии: «Фреге явно и сознательно разработал свою странную двумерную нотацию, чтобы выразить математическое содержание таким образом, который позволял бы строгое рассуждение на основе этого содержания. И в части III своей логики 1879 г. он доказывает теорему на основе явных определений, которая призвана точно проиллюстрировать, как строго дедуктивное доказательство в его

языке может быть амплиативным, то есть представлять собой реальное расширение нашего знания. Если Фреге прав, то его язык — это именно то, что нам нужно показать, а не просто способ описать как содержание математических понятий, так и цепочки рассуждений, которые ведут нас от определений понятий к теоремам, раскрывающим логические отношения между этими определенными понятиями. Конечно, мы не сможем даже начать понимать, как это могло быть так, пока мы продолжаем читать его нотацию как просто вариант нашей собственной» [14. Р. 50–51].

Правда, освоение фрегевской нотации представляет не меньшие трудности для понимания математического дискурса. Но может быть, дело в том, что и это является особой языковой игрой. Витгенштейн часто прибегал при обсуждении этого понятия к шахматам. Тогда все согласятся с тем, что шахматы требуют практики и умения, дабы видеть смысл в позициях и таким образом понимать всю игру. И опять-таки, проблема понимания такой знаковой системы как математическое доказательство должна решаться обращением к понятию языковой игры. В какой степени данный подход окажется плодотворным, а не просто поверхностной аналогией, зависит от множества факторов, требующих дополнительного исследования.

Литература

- 1. Dawson J.W. Why Prove It Again. New York: Springer, 2015.
- 2. *Avigad J.* Understanding Proofs // The Philosophy of Mathematical Practice / ed. P. Mancosu. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 316–353.
 - 3. Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики? М.: Канон+, 2020.
 - 4. Suppes P. Introduction to Logic. New York: Van Nostrand Reinhold, 1957.
 - 5. Avigad J. Mathematical Method and Proof // Synthese. 2006. Vol. 153. P. 105–159.
- 6. Azzouni J. Tracking Reason: Proof, Consequence, and Truth. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- 7. Ладов В.А. Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008.
- 8. Manders K. Logic and Conceptual Relationship in Mathematics // Logic Colloquium'85. North-Holland: Elsevier Science, 1987. P. 193–211.
 - 9. Rav Y. Why Do We Prove Theorems? // Philosophia Mathematica. 1999. Vol. 7. P. 5-41.
- 10. Целищев В.В. Алгоритмизация мышления: геделевский аргумент. Новосибирск: Параллель. 2005.
- 11. *Thurston W*. On Proof and Progress in Mathematics // 18 Unconventional Essays on the Nature of Mathematics / ed. R. Hersh. New York: Springer, 2006. P. 37–55.
 - 12. Pattersen D. Alfred Tarski: Philosophy of language and logic. Palgrave, 2012.
- 13. *Nagel E.* The Formation of Modern Conceptions of Formal Logic in the Development of Geometry // Teleology Revisited and Other Essays in the Philosophy and History of Science. New York: Columbia University Press, 1979. P. 130м152.
- 14. Macbeth D. Proof and Understanding in Mathematical Practice // Philosophia Scientiae. 2012. Vol. 16 (1). P. 29–54.
 - 15. Фреге Г. Основоположения арифметики / пер. В.А. Суровцева. Томск : Водолей, 2000.
- 16. Frege G. Philosophical and Mathematical Correspondence / G. Gabriel et al. (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1980.
 - 17. Halimi D. Structured Variables // Philosophia Mathematica. 2013. Vol. 21, № 2. P. 220–246.
- 18. *Tappenden J.* Mathematical Concepts and Definitions // The Philosophy of Mathematical Practice / ed. Mancosu P. Oxford : Oxford University Press, 2008.
- *Vitaliy V. Tselishchev*, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: leitval@gmail.com

Aleksandr V. Khlebalin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: sasha khl@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 29–38.

DOI: 10.17223/1998863X/54/3

PROOF VERSUS UNDERSTANDING IN MATHEMATICAL PROOF

Keywords: understanding; proof; semantics; syntax; notation; interpretation.

The interpretation of the nature of mathematical proof contrasts its two interpretations: as understanding and as calculations. The concept of rigorous proof is due to Alfred Tarski; according to it, mathematical proof is a sequence of sentences starting with axioms, each of which is a logical consequence of previous sentences. According to this ideal, rigorous proof breaks the real "train of thought" of the mathematician into small steps, each of which is authorized by the rules for deriving the formal system. But real mathematical practice completely avoids the realization of such an ideal, while implying that the ideal is true "in principle". Thus, in a real mathematical proof there are two hypostases: (1) a "substantive" proof that operates with concepts, definitions, informal verbal turns and (2) a "formal" proof, whose signs are devoid of any meaningful meaning. Both hypostases are connected by the concept of interpretation, giving intentional meaning to signs of formal evidence. One is intended to convey the thought, content of concepts, and the other is to observe the rigor of this transmission in order to prevent its distortion and, even more so, the loss of truth of statements. Formal proof in itself does not give understanding since the signs in the sequence of formulas do not matter for a logical conclusion. Of course, there is an implied or intentional interpretation of these signs, but it joins the signs from the outside; it joins the already existing formal system, which has a kind of autonomy. Therefore, it can be assumed that mathematical understanding is not based on the practice of mathematical derivation, but on some other aspect of mathematical practice. It is the fact that non-logical constants have many potential interpretations that requires maximum rigor from mathematical discourse. In addition, according to Gottlob Frege, mathematicians develop systems of written signs not to do without any content, but to express the content in such a way that rigorous reasoning can be built on the basis of this content. This means that the sources of semantics can be based on notational features. Thus, mathematical proof, although it is constructed as a strictly defined sequence of syntactic operations, implies the "entry" of semantic content into syntactic means, for example, in the case of notation and interpretation of non-logical constants.

References

- 1. Dawson, J.W. (2015) Why Prove It Again. New York: Springer.
- 2. Avigad, J. (2008) Understanding Proofs. In: Mancosu, P. (ed.) (2008) *The Philosophy of Mathematical Practice*. Oxford: Oxford University Press. pp. 316–353.
 - 3. Hacking, I. (2020) Why is There Philosophy of Mathematics? Moscow: Canon+.
 - 4. Suppes, P. (1957) Introduction to Logic. New York: Van Nostrand Reinhold.
- 5. Avigad, J. (2006) Mathematical Method and Proof. Synthese. 153. pp. 105–159. DOI: 10.1007/s11229-005-4064-5
- Azzouni, J. (2006) Tracking Reason: Proof, Consequence, and Truth. Oxford: Oxford University Press.
- Ladov, V.A. (2008) Illyuziya znacheniya: problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii [The illusion of meaning: the rule-following problem in analytic philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
- 8. Manders, K. (1987) Logic and Conceptual Relationship in Mathematics. In: The Paris Logic Group. (ed.) *Logic Colloquium'85*. North-Holland: Elsevier Science. pp. 193–211.
- 9. Rav, Y. (1999) Why Do We Prove Theorems? *Philosophia Mathematica*. 7. pp. 5–41. DOI: 10.1093/philmat/7.1.5
- 10. Tselischev, V.V. (2005) *Algoritmizatsiya myshleniya: gedelevskiy argument* [Algorithmization of Reason: Goedel's Argument]. Novosibirsk: Parallel.
- 11. Thurston, W. (2006) On Proof and Progress in Mathematics. In: Hersh, R. (ed.) 18 Unconventional Essays on the Nature of Mathematics. New York: Springer. pp. 37–55.
 - 12. Pattersen, D. (2012) Alfred Tarski: Philosophy of Language and Logic. Palgrave.
- 13. Nagel, E. (1979) Teleology Revisited and Other Essays in the Philosophy and History of Science. New York: Columbia University Press. pp. 130–152.

- 14. Macbeth, D. (2012) Proof and Understanding in Mathematical Practice. *Philosophia Scientiae*. 16(1), pp. 29–54. DOI: 10.4000/philosophiascientiae.712
- 15. Frege, G. (2000) *Osnovopolozheniya arifmetiki* [The Foundation of Arithmetic]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley.
- 16. Frege, G. (1980) *Philosophical and Mathematical Correspondence*. Chicago: University of Chicago Press.
- 17. Halimi, D. (2013) Structured Variables. *Philosophia Mathematica*. 21(2). pp. 220–246. DOI: 10.1093/philmat/nkt013
- 18. Tappenden, J. (2008) Mathematical Concepts and Definitions. In: Mancosu, P. (ed.) *The Philosophy of Mathematical Practice*. Oxford: Oxford University Press.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК: 165.9

DOI: 10.17223/1998863X/54/4

Г.А. Антипов, О.А. Донских

МИФ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье миф и мифологическое трактуются как культурная форма бытия ценностей, понимаемых как предельные основания человеческого выбора. Именно поэтому мифологическое мышление с момента его появления наполняет мир смысло- и целеполаганием. Ценности намечают границы очеловечивания противостоящего человеку мира. В культуре складываются матрица ценностного выбора и матрица рационального выбора. Коллизиями, возникающими между данными культурными формами, сопровождаются все существенные социальные изменения.

Ключевые слова: миф, ценности, культура, выбор, рациональность, идеология, социальная философия.

Испанские ученые развенчали некоторые мифы, связанные с ранней сединой. Оказалось, что она является признаком хорошего здоровья человека из-за глуатиона.

Facebook

Какова стандартная дефиниция мифа? — Форма сознания, возникшая в условиях сравнительно низкого уровня социального развития и отражающая в виде образного повествования фантастические представления о природе, обществе и личности. Главную особенность мифологического мышления видят в том, что субъект и объект, Я и мир в мифе представляют собой не строго разделенные сферы, но неразрывное единство. Мифологическое мышление вовсе не дает причинного объяснения тех или иных явлений, подобно науке, а, наоборот, принимает их как реально данные и благоговейно чтимые. «То, что в многих мифах кажется наивным и примитивным объяснением, — писал Ф.Х. Кессиди, — отнюдь не является таковым на деле, ибо миф не первоначальная форма науки или философии, а особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания» [1. С. 41].

Примечательна множественность толкований сущности мифологического, теорий мифа: их по меньшей мере около десятка. Сошлемся на краткий обзор, приводимый Куртом Хюбнером в книге «Истина мифа»: аллегорическая и эвгемерическая интерпретация мифа; интерпретация мифа как болезни языка; интерпретация мифа как поэзии и «прекрасной видимости»; ритуально-социологическая интерпретация мифа; психологическая интерпретация

мифа; трансцендентальная интерпретация мифа; структуралистская интерпретация мифа; символическая и романтическая интерпретация мифа; интерпретация мифа как нуминозного опыта [2. С. 40-82]. Примерно такое же число обобщающих теорий мифа приводят в своих статьях Л. Хонко и Дж. Кирк, специально указывая на то, что ни одна из них не является универсальной. «Сама по себе нечеткость термина "миф" и широта его использования в обыденной речи (даже если не брать во внимание такое вульгарное значение как "выдумка"), а также то, что и специалисты не могут предложить приемлемые определения, указывают на то, что это многоплановый феномен, который, повидимому, вызывается различными причинами и по-разному функционирует даже внутри одного общества, не говоря уже о разных культурах и разных периодах» [3. Р. 55]. Поэтому сомнительно, что общая теория мифа вообще возможна. Тем не менее необходимо учесть то обстоятельство, что большинство теорий мифа подчеркивает важнейшую его социальную функцию - реитерацию ключевых событий и образов прошлого, структурирующих сознание современного общества. В этом случае мифы функционируют в качестве моделей, примеров, будь то жизнь Ленина, смерть Че Гевары или подвиги героев Великой Отечественной войны. Здесь мы видим пересечение мифа и ритуала – образцового способа поведения, санкционированного данным обществом [4. C. 51].

Поэтому, несмотря на то что в современном обществе миф воспринимается как синоним сказки, выдумки или даже лжи, т.е. прямой противоположности научного фактуального знания, можно обнаружить существенное расхождение подобных мнений с реальностью. Стоит всмотреться в современное общество попристальнее, и мы увидим, что миф воспринимается в качестве вполне реально существующей формы социального бытия. В то же время для нашего сознания, глубоко затронутого марксизмом, характерно восприятие мифологии как способа представления идеологии, а та, в свою очередь, выступает формой ложного сознания. Об амбивалентном понимании мифа в общественном сознании пишет Эндрю фон Хенди: «"Миф" является одним из того небольшого набора слов, которые мы привыкли использовать в противоположных значениях. Это слово в обыденном языке означает либо традиционную историю, требующую особого уважения, либо широко распространенную ложь. Это противоречие кажется еще более странным, если вспомнить весьма успешное романтическое существование "мифа" в первом, позитивном смысле, но нужно заметить, что именно второй, негативный смысл преобладает в современной речи» [5. C. 278].

Примеры легко обнаружить. Вот недавний казус, выплеснувшийся в жесткую полемику по поводу фильма «28 панфиловцев». Некоторые историки попытались дезавуировать демонстрацию фильма на том основании, что представленного в нем события не было. Подвиг был придуман военными корреспондентами, в то время как настоящая история должна представлять прошлое по принципу «как было на самом деле» и не наполнять историческое сознание мифами, тем более «советскими». Залп испепеляющих сопта прогремел в основном с верхних ступеней иерархии управляющих культурой. Министр культуры М.Р. Мединский, к примеру, заявил: «Мое глубочайшее убеждение заключается в том, что даже если бы эта история была выдумана от начала до конца... даже если бы не было Панфилова, даже если бы не было

ничего, это святая легенда, к которой нельзя прикасаться... На примерах и именах гражданских святых вроде панфиловцев и Зои Космодемьянской держится национальная идентичность... историческое единство страны» [6].

Ситуация с фильмом «28 панфиловцев» получила продолжение, далеко выходящее за пределы его содержания, вылившись в весьма неожиданный вывод о том, что история вообще представляет собой собрание мифов, а факты, в общем, здесь ни при чем. Они могут только навредить. Министр культуры России – кстати, доктор исторических наук – рассудил так: «Любое историческое событие, завершившись, становится мифом – положительным или отрицательным. Это же можно отнести и к историческим личностям. Наши руководители госархивов должны вести свои исследования, но жизнь такова, что люди оперируют не архивными справками, а мифами... в том числе и в отношении истории, поэтому относиться к этому нужно трепетно, бережно, осмотрительно» [7].

Своего рода синтез подобных представлений можно обнаружить в таком отрывке: «Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ Н.А. Хренов, опираясь на свидетельства современников революции, в том числе и на не принявшего революцию Питирима Сорокина, пришел к выводу, что Революция 1917 года приобрела в общественном сознании форму не просто легендарного события, но мифа, действа, совершенного культурными героями, идущими на самопожертвование ради людей и тем самым сакрализирующими революцию, кладущими ее в основание идентификации современной российской нации. Поэтому попытки разобраться с фактологией событий столетней давности, по мнению философа, важны и похвальны, но не должны выливаться в десакрализацию базового концепта, ибо и Великая Отечественная война – как второй нациеформирующий миф – базируется на революционном мифе». «Масса не желает знать о негативных проявлениях революции и ее последствиях, как этого требует историческая наука, ибо это знание разрушает идеальное представление народа о себе» [8].

Итак, что же получается? Миф не имеет прямого отношения к действительности – событиям и фактам, а люди руководствуются в своем поведении не фактами, но мифами. Обращение к фактам может разрушительно действовать на мифологическое. Поэтому мифологическое должно быть вынесено за границы науки и рационального вообще. Миф – обитатель сакрального мира, средоточие святости. Критика мифа, даже с позиций науки, – кощунство, поскольку это покушение на основы. Поневоле вспоминаются обвинения в адрес Сократа: «Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание – смерть» [9. С. 205]. Но где критерии для различения подлинных и неподлинных мифов? Каким образом можно обосновать допустимость проекции на одну и ту же плоскость, скажем, мифологемы Великой Отечественной войны и древнего мифа борьбы богов и титанов?

Чтобы разобраться во всех этих хитросплетениях суждений вокруг мифа, нужно, как представляется, выйти в план аксиологии, к ценностям и их сущности. Очевидно, что и здесь мы сталкиваемся с полифонией мнений, трактовок и противоречий. Вот несколько оппозиций, на перекрестках которых фи-

гурирует феномен ценностей. Это чувственное и сверхчувственное; рациональное и иррациональное; социальное и индивидуальное. С одной стороны, ценности можно толковать в качестве формы «чувствования»: то, что «чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением». С другой стороны, по Н. Гартману, «...имеется существующее для себя царство ценностей, настоящий kosmos noetos, который находится по ту сторону действительности, так же как по ту сторону сознания» [10. С. 498]. Вопрос о сущности ценности Гартман относил к метафизическим, иррациональным, никогда не разрешимым проблемам. Аналитическая философия, начиная с Дж. Мура, проводила различие между суждениями фактическими и суждениями ценностными, что вызвало длительную дискуссию, поскольку оказалось, в частности, что фактические суждения не свободны от ценностного элемента [11]. По Ницше, оценки являются «физиологическими требованиями сохранения определенного способа жизни». Его девиз, как известно, «переоценка всех ценностей» и «упорядочение их по рангам». Дж.Н. Финдли говорит о том, что «ценности и, особенно, эстетические ценности, играют формативную роль в космосе, гораздо ниже уровня субъективности или интерсубъективности: красота в ее элементарных формах является этикой пространства, и органические, как и неорганические, предметы явно стремятся к балансу, единству в разнообразии... и другим ценностям, имеющим высокую позицию в моральной сфере» [12. P. 190-191].

Несмотря на то что подходы к определению ценностей столь различны, есть один аспект, который позволяет соединить их, поместить на одной плоскости. Этот аспект представлен концепцией Макса Вебера. Для него ценности суть обобщенные цели и средства их достижения, обеспечивающие интеграцию общества и помогающие индивидам осуществлять социально одобряемый выбор поведения в жизненно значимых ситуациях. Ценности составляют внутренний стержень культуры, выступают одним из важнейших мотиваторов социального действия. Отсюда его понятие «ценностнорационального действия». Представляется, что при всем разнообразии предложенных толкований природы ценностей, оказывается возможным для их соотнесения построить модель-конфигуратор, своего рода «идеальный тип», пользуясь одним из ключевых понятий Вебера. Таковым послужит дефиниция, согласно которой ценности суть предельные основания выбора, а значит, формы организации человеческой свободы - свобода ведь и есть возможность выбора. Подобное вполне коррелируется с веберовским пониманием ценностно-рационального действия, которое он определяет следующим образом: «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях... Ценностно-рациональное действие... всегда подчинено "заповедям" или "требованиям", в повиновении которым видит свой долг данный индивид» [13. С. 629]. Таким образом, это действие, основанное на вере в безусловную, самодовлеющую ценность определенного поведения независимо от того, к чему оно приведет.

Такое толкование природы ценностей объясняет возможность и даже естественность перехода образов исторической памяти определенного народа (или определенной социальной группы) в религиозный дискурс. Их

объединяет с религиозными образами то, что они лежат в основании принимаемого в качестве данности мировоззрения, принципиально не требующего рефлексии.

Теперь вернемся к мифу. Он представляет собой форму репрезентации ценностей данной культуры. Ни к фактам, ни вообще к знаниям о действительности миф не имеет отношения. В то же время он - необходимый элемент социальной действительности, поскольку ценности являются основанием выбора. В отличие от законов природы, ценности, лежащие в основании культуры, указывают на наличие свободы, а значит, выбора. Отсюда следует, что миф – обитатель культуры на все времена ее существования, начиная с момента возникновения. Правда, нельзя обойтись без учета различий между начальными формами мифа и его современными воплощениями. Разница обнаруживается по крайней мере в двух аспектах. Во-первых, в ранних, относительно гомогенных обществах индивидуальный выбор как таковой отсутствовал и миф фиксировал табуированные ситуации: выбор производился между быть или не быть, и тем самым поддерживался социальный порядок, созданный, как считалось, изначально, в период творения, а потому сакральный. Во-вторых, различие между ранними и современными формами мифа приобретает вид противопоставления его «подлинных» и «неподлинных форм»: первые суть «прафеномены», возникшие спонтанно и передающиеся из поколения в поколение, вторые же сознательно и целенаправленно создаются. Не следует, однако, при этом упускать из виду совпадения их аксиологической сущности.

В одной из своих книг, в главе с характерным названием «Американский ковбой: международный миф?» Эрик Хобсбаум писал: «Что такого особого было в ковбоях? Во-первых, они возникли в стране, видной отовсюду, центральной для мира XIX столетия, для которого... это была живая мечта. Все, что происходило в Америке, казалось больше, драматичнее, било через край и не имело пределов, даже если на деле это было не так... Во-вторых, абсолютно местная мода на вестерн-миф была раздута и приобрела мировой размах благодаря глобальному воздействию американской поп-культуры, наиболее оригинальной и креативной в индустриальном и городском мире, благодаря массмедиа, которые транслировали эту культуру и в которых США доминировали... Это, конечно... не объясняет масштаба мировой вибрации, которую вызвали [ковбои]. Мое предположение заключается в том, что причиной этому укорененный в американском капитализме анархизм. Я имею в виду не только стихию рынка, но и сам идеал индивидуума, не связанного никакими ограничениями государственной власти. Во многом Соединенные Штаты Америки в XIX веке были обществом без государства» [14. С. 346]. Таким образом, миф ковбоя оказался символическим выражением вполне определенной ценностной установки, которая определяет представление об американском обществе и оказывается соблазнительной для массы людей, стремящихся уйти из-под власти государства. (Неслучайно с 1830 по 1910 г. иммиграция в США составила около 30 млн человек, и это лишь количество легальных иммигрантов [15].)

Бросается в глаза полное соответствие социокультурного статуса мифа как в архаическом, так и в современном обществах. Вполне по определению М. Элиаде: «Мифы сохраняют и передают парадигмы – образцы, в подража-

ние им осуществляется вся совокупность действий, за которые человек берет на себя ответственность» [16. С. 30].

Выше уже обращалось внимание на необходимость учитывать различия в механизмах генезиса форм мифологического. Их, собственно, два. Одни мифы возникают как «естественно-исторически», другие — в результате сознательной, целенаправленной деятельности. Кроме того, одни мифы представляют собой истории реальных персонажей — в этом смысл героев и «героического» в истории, другие — иконическую модель, знаковую систему ценностей. Однако и в первом случае, когда речь идет о реальных, имевших место событиях, они опять-таки представлены в виде текстов, которые оказываются связанными с определенными ритуалами (как в ранних, так и в современных обществах мифологические «тексты» неразрывно связаны с поведением и в этом отношении могут считаться ритуализированными). Остается вопрос, за счет каких свойств эти «тексты» становятся способными определять стратегию человеческого поведения, быть формами существования ценностей?

Вернемся к началу наших рассуждений, к коллизиям, связанным с фильмом «28 панфиловцев». Напомним: представленная в нем версия событий была квалифицирована как «миф», на этом основании ей был приписан предикат «святости», а значит, она уже не подлежала критике со стороны фактов (последняя квалифицирована святотатством). Миф, таким образом, становится частью сакрального контекста.

Однако об американском ковбое можно говорить и совершенно безотносительно к сакральному контексту. Тот же Хобсбаум писал: «Кого, в конце концов, сейчас волнует, что общее число застреленных во всех главных скотоводческих городах — в Вичите, Абелине, Додж-Сити, Эллсуорте, вместе взятых, — между 1870 и 1885 годами составило 45 человек, в среднем 1,5 за торговый сезон, или что в местных газетах в основном печатались вовсе не истории о перестрелках в барах, а цены на недвижимость и всевозможные сделки» [14. С. 340]. А миф живет независимо от реальности, представляемой историками. Пример: «Океан в качестве огромного пространства, отделяющего старый мир от нового, в доколониальной литературе обычно представлялся как женский — больше похожий на изначальную Великую Богиню... — дикий, непредсказуемый и свободный; соблазнительный, но не могущий быть присвоенным. В "вестернах", которые начали создаваться в конце XIX века, ковбой заменил охотника и йоменского фермера» [17. С. 98]. Ковбой оказывается на одной сакральной плоскости с Великой Богиней.

Посмотрим на известную теорию мифа, принадлежащую Ролану Барту, которая обошлась без единого упоминания о религии и святости. Разработана она в поле общей теории знаков и знаковых систем — семиотики, или, как Барт ее квалифицировал, «семиологии». Сводится теория к нескольким базовым положениям: 1. «Миф — это коммуникативная система... мифическое слово есть сообщение». 2. «Мифическое сообщение формируется из некоторого материала, уже обработанного для целей определенной коммуникации». 3. «Миф является вторичной семиологической системой... метаязыком, потому что это второй язык, на котором говорят о первом» [18. С. 73]. В целом миф представляется Бартом в виде двух знаковых систем, из которых одна «паразитирует» на другой, превращая ее в форму,

наполняемую иным, скрытым содержанием, придающую ей иной, не очевилный смысл.

Пример, на котором Барт основывает свою аргументацию, выглядит так: на обложке «Пари-Матч» «...изображен молодой африканец во французской военной форме. Беря под козырек, он глядит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг. Таков смысл изображения. Но каким бы наивным я ни был, я прекрасно понимаю, что хочет сказать мне это изображение: оно означает, что Франция — это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот молодой африканец служит своим так называемым угнетателям» [18. С. 80]. Характерно и такое замечание по поводу содержания мифа: он «...точно соответствует какой-то одной функции, он определяется как тяготение к чемуто» [Там же. С. 84]. Еще более явным образом аксиологическая парадигма просвечивает в суждении: миф «одновременно обозначает и оповещает, внушает и предписывает» [Там же. С. 81].

Существо сказанного Бартом сводится к трактовке мифа как формы, придающей ценностям статус объективной реальности: «Вечная игра в прятки между смыслом и формой составляет самую суть мифа. Форма мифа – не символ; африканский солдат, отдающий честь, не является символом Французской империи, он слишком реален для этого, его образ предстает перед нами во всем своем богатстве, жизненности, непосредственности, простодушии, неоспоримости. И в то же самое время эта реальность несамостоятельна, отодвинута на второй план, как бы прозрачна; немного отступив, она вступает в сговор с явившимся к ней во всеоружии концептом "французской империи"; реальность становится заимствованной» [Там же. С. 83]. Таким образом, статус «реальности», свойственный африканскому солдату, флагу и подбному, переносится на феномен французской империи, реальность которой, очевидно, не такова - не есть вещь, данная нам непосредственно в ощущениях. Это тоже объективная реальность, но существующая не в виде стола, за которым мы сидим, реки, видимой из нашего окна и т.п. В отношении к этой призрачной реальности формальная логика не работает, поскольку не очевидно содержание понятия, и это не просто метафорический перенос, но именно мифологизированный образ. Здесь-то и кроется основной вопрос, касающийся не только интерпретации мифа, но и в целом социальной реальности, мира человека вообще. Здесь мы должны вступить в область онтологии наук о культуре.

После того как Платон постулировал наличие идеального мира сущностей, первичных по отношению к вещам, философия исследовала этот мир в различных аспектах. У Канта это трансцендентальный субъект, у Гегеля – объективная идея, наконец, у Карла Поппера – «Третий мир». Юм впервые констатировал принципиальное расхождение этих двух миров, поскольку открыл в «природе человека» нечто совершенно не свойственное естественной природе. Оказалось, что к моральным феноменам не применим общена-учный критерий истины [19. С. 618]. Кант писал о необходимости «принимать на веру существование вещей вне нас» [20. С. 101]. Впоследствии в социологии все это было идентифицировано в качестве норм, идеалов и ценностей.

Если теперь экстраполировать сказанное на сегодняшнюю картину наших представлений о человеке, науке и обществе, выводы можно сформулировать примерно следующим образом. Обращаясь к пониманию человека в его специфически человеческом качестве, мы выходим в особое измерение мира, существенно отличающееся от того, с которым имеют дело естествознание и науки (в том числе и о человеке), берущие познавательные методы естествознания за образец. Вспоминая Канта, этот мир можно определить через категорию долженствования. Здесь действуют не детерминистские механизмы разных видов, а формула «как следует быть» (Э. Агацци). Долженствование, по его месту в человеческом мире, можно сравнить с гравитацией для природного мира. Речь идет о том, что факторами, определяющими изменения и события человеческого мира, выступают ценности. Ценность - это совершенная, идеальная модель, которой должна соответствовать человеческая деятельность: «Люди выполняют действия, которые "оцениваются" как ведущие к определенной цели, а также оценивают степень совершенства действий, направленных на выполнение данной цели» [21. С. 147].

Бытие ценностей объективно. Это объективная реальность, хотя и не данная нам в ощущениях, подобно «материи». Ее объективность означает независимость от индивидуального сознания (субъекта). Платон наделял подобным статусом свои «идеи», Кант — «трансцендентального субъекта». С сегодняшних позиций — это способ существования форм культуры.

И все же что такое миф, если этот вопрос воспринять в тональности, звучавшей в известной работе А.Ф. Лосева «Диалектика мифа». Вопрос выглядел так: что такое миф сам по себе? В чем заключается «существо мифа как мифа»? Своеобразен и ход обсуждения поставленного подобным образом вопроса. Показывается, что миф не может быть отождествлен ни с одной из обычно выделяемых в культуре общества форм. «Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел», — начинает он. И продолжает: «миф не есть бытие идеальное»; «миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение»; «миф не есть ни схема, ни аллегория»; «миф не есть поэтическое произведение»; «миф не есть личностная форма»; «миф не есть догмат»; «миф не есть историческое событие как таковое». Наконец, дается определение мифа: «миф есть чудо». Из развернутых пояснений следует, что «чудо» не может трактоваться исключительно как проявление сверхъестественного и невозможного. Это то, что не может быть заранее просчитано, предусмотрено и спрогнозировано.

В конечном счете и общий итог рассуждений Лосева можно представить в виде культурологической матрицы ценностного выбора. Сам он говорит о «формуле» мифа, включающей четыре члена: «личность», «история», «чудо», «слово». Осуществив ряд «преобразований», А.Ф. Лосев получает «максимально простую и максимально насыщенную формулу мифа». Она звучит так: «миф есть развернутое магическое имя» [22. С. 170]. Следует учитывать (и в «Диалектике мифа» об этом постоянно звучат предупреждения), что предмет анализа здесь — феноменология, т.е. адресатом исследования выступают смыслы. Поэтому речь идет об аспекте воздействия смысловых структур на человеческое бытие, механизме этого воздействия. Полагаем, что указанный механизм есть механизм выбора, «работа» факторов выбора, его оснований. Одно дело — структуры, определяющие решение тех или иных

практических и теоретических задач, другое – выбор задач. В последнем случае речь и должна идти о мифе.

Думается, сказанного достаточно для общего вывода относительно мифа и его природы. Использование понятия «миф» означает выход не просто в особую область культуры, но в особую форму мышления. Культурную матрицу мифологического мышления de facto эксплицировал А.Ф. Лосев. Не будет преувеличением квалифицировать сделанное им культурологическим открытием. Так, если некоторое событие ценностного выбора признается обществом в качестве образца для поведения всех членов обществ (социальной группы), то в подобном случае можно говорить о мифе. Однако образцом выбора событие принимается лишь в том случае, когда событие действительно имело место и имеет совершенно достоверные подтверждения. Характерным примером может служить аргументация Беркли в отношении чуда в Кане Галилейской: все гости ощущали аромат вина, превращенного Христом из воды, пили его и т.п. Поэтому претензии историков к фильму «28 панфиловцев» совершенно правомерны. Для претензий на статус мифа данное событие должно было действительно иметь место (известно, с какой тщательностью церковь в деле причисления к лику святых подходит к исследованию фактов биографии «кандидата»). В противном случае оно может быть лишь поводом для (в нашем случае) произведения кинематографии. Заметим, что главный аргумент министра культуры – это тоже ссылка на документально подтвержденную подлинность события [6].

Однако по функции мифом может считаться и некоторый «идеальный» образец ценностного выбора, тиражируемый, допустим, произведениями искусства. Таков упоминавшийся выше «ковбойский миф». На наш взгляд, сто-ило бы здесь терминологически различить оба случая и во втором воспользоваться понятием «мифологема».

Наконец, еще одна форма проявления мифологического сознания – идеология. Это форма, фигурирующая у Ролана Барта под именем «концепт». В стандартных определениях идеологию связывают с интересами тех или иных социальных сил, подчеркивая нормативный, оценочный характер составляющих ее высказываний. Ясно, что подобные определения вполне адекватно переводимы в плоскость аксиологии, позволяя считать идеологию формой бытия ценностей.

Своеобразным доказательством «от противного» может в данном случае послужить трактовка Марксом идеологии «ложным сознанием». Идеология есть иллюзорное восприятие действительности, радикально отличающееся от научного ее восприятия. Исходя из этого, Маркс отрицал сочетание идеологии и научного социализма, на создание научной теории которого он претендовал. Радикальный сциентизм культового коммуниста сыграл с ним в данном случае злую, а для многих его последователей и трагическую шутку. Его «научный социализм» оказался на самом деле не «наукой», а идеологией, «ложность» которой сводится исключительно к использованию ресурса научной рациональности для обоснования ценностного выбора. Налицо contradictio in adjесто, ибо научная картина мира по самой своей сути представляет мир вне и независимо от человеческих интересов и ценностных устремлений.

Радикальное различие этих двух миров свойственно уже первобытному обществу. Сошлемся на Э. Кассирера: «Существует определенная сфера дея-

тельности, - говорил он, - которая никогда не затрагивается магией или мифологией, это "светская" сфера. Здесь человек полагается больше на свою ловкость, чем на силу заклинаний... во всех делах, которые не требуют особых, исключительных усилий, выдержки и смелости, мы не находим применения какой-либо магии или мифологии. Обширная и развитая система и связанная с ней мифология приходят в действие, когда налицо опасность и неизвестность... Эта характеристика магии и мифов в примитивном обществе так же хорошо подходит и для весьма развитых форм политической жизни людей. В отчаянных ситуациях человек всегда склонен обращаться к отчаянным мерам, и наши сегодняшние политические мифы как раз и есть такие меры. В случае, когда здравый смысл подводит нас, в запасе всегда остается сила сверхъестественного, мистического» [23. С. 109-110]. Рассуждения Кассирера содержат, однако, один неприемлемый посыл. Оказывается, что к «мифологическому» человек обращается в исключительных, неординарных ситуациях. На самом деле миф постоянно присутствует в человеческом мире, задавая основания для выбора направлений человеческой активности, практики. Другое дело, когда так или иначе выдвигаются задачи, не могущие получить обоснование в утвердившейся мифологии. Тогда создаются предпосылки для генерации новой мифологии, которая, подобно всякой мифологии, как показано Лосевым, будет включать и аспект сверхъестественного (чудо) в той или иной форме.

Литература

- 1. *Кессиди Ф.Х*. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: Мысль, 1972. 312 с.
 - 2. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М.: Республика, 1996. 448 с.
- 3. Kirk G.S. On defining myth // Sacred Narrative: Readings in the Theory of Myth / ed. by A. Dundes. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 53–61.
- 4. *Honko L. The* problem of defining myth // Sacred Narrative: Readings in the Theory of Myth / ed. by A. Dundes. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 41–52.
- 5. Hendy A. Von. The modern construction of myth. Bloomington: Indiana University Press, 2001. 387 p.
- 6. *Мединский* заявил о рассекреченных документах, доказывающих подлинность подвига 28 панфиловцев. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/404664 (дата обращения: 03.12.2018).
- $7.\, \textit{Мединский B}.\,$ Памятники культурного наследия стратегический приоритет России // Известия. 2016. 22 нояб.
- 8. *Анашкин С.* Философ призвал не допустить десакрализации Революции // Сайт: ИА «Красная весна». 27 октября 2017 г. URL: https://rossaprimavera.ru/news/98344886
- 9. Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е испр. изд. / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. М. : Мысль, 1986. 576 с.
 - 10. Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. М.: Республика, 2003. 575 с.
- 11. Martin Ch. The fact/value distinction // Human Values. New Essays on Ethics and Natural Law / ed. by D.S. Oderberg and T. Chappell. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 52–69.
- 12. Findlay J.N. The constitution of human values // Human values / Ed. by G. Vesey. Hassocks: The Harvester Press Limited, 1998. P. 189–207.
- 13. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения / пер. с нем. А.Ф. Филиппова, П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
- $14. X o \delta c \delta a y m$ Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / пер. Н. Охотина. М. : ACT : CORPUS, 2017. 384 с.
- 15. Коробков А. Иммигранты создали население США // Сайт: Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0351/tema01.php (дата обращения: 23.03.2020).
- 16. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. А.А. Васильева, В.Р. Рокитянский, Е.Г. Борисова // Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 27–144.

- 17. Rushing J.H. Evolution of "The New Frontier" in Alien and Aliens: Patriarchal Co-optation of the Feminine Archetype // Screening the sacred. Religion, Myth, and Ideology in Popular American Film / Ed. by J.W. Martin and C.E. Ostwalt, Jr. Colorado: Westview Press, Inc., 1995. P. 94–118.
- 18. *Барт Р*. Из книги «Мифологии» // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 72–164.
- 19. $\emph{Юм}\ \emph{Д}$. Исследование о человеческом познании // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. 799 с.
 - 20. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 710 с.
- 21. *Агацци Э*. Человек как предмет философии (доклад на XVIII Всемирном философском конгрессе (Брайтон, август 1988 г.)) / пер. с англ. Е.Н. Фединой // Феномен человека: Антология / сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М. : Высш. шк., 1993. С. 142–159.
- 22. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. С. 21–186.
- 23. *Кассирер* Э. Техника современных политических мифов / пер. с нем. И.В. Егорова // Феномен человека: Антология / сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. С. 108–123.

Georgiy A. Antipov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

Oleg A. Donskikh, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 39–50.

DOI: 10.17223/1998863X/54/4

MYTH AND THE MYTHOLOGICAL IN MODERN SOCIETY

Keywords: myth; values; culture; choice; rationality; ideology; social philosophy.

In everyday usage, myth is a synonym for an unreliable story and fiction. For the later romantics, myth was a legend, a symbolic expression of certain events that took place among certain peoples at a certain time, at the dawn of their history. At present, people are talking about the mythologization of well-known concepts, due to which the phenomena underlying these concepts, being rationally imperceptible, require an awed attitude. Such concepts can be, for example, the concept of the state, people, society, technology. In contrast, demythologization is discussed to the extent that some of the inherited religious-mythological views and concepts, in contrast to their mythical content, must be explained according to the historical reasons underlying them. There is a plurality of interpretations of the essence of the mythological, different theories of myth. In the article, myth and the mythological are interpreted as a cultural form of the existence of values. Values are the ultimate basis of human choice. In this thesis lies the answer why mythological thinking, from the moment of its appearance to the present day, imbues the world with meaning setting and goal setting. Values mark the limits of humanization of the world opposed to man. Historically, two cultural matrices are constituted: the value choice matrix and the rational choice matrix. All significant social changes accompany conflicts arising between these cultural forms. The forms of direct representation of myth and the mythological can be a narrative or a concept. In the latter case, it is customary to use the concept of ideology. Myth always plays a significant role in social life, serving as a basis of human activity. If there are new tasks that are not justified by the existing mythology, then a new mythology is formed. Yet this new mythology necessarily includes the element of the impossible.

References

- 1. Kassidy, F.Kh. (1972) Ot mifa k logosu (Stanovlenie grecheskoy filosofii) [From Myth to Logo (Formation of Greek Philosophy)]. Moscow: Mysl'.
- 2. Hübner, K. (1996) *Istina mifa* [Truth of Myth]. Translated from German by I. Kasavin. Moscow: Respublika.
- 3. Kirk, G.S. (1984) On defining myth. In: Dundes, A. (ed.) *Sacred Narrative: Readings in the Theory of Myth*. Berkeley: University of California Press. pp. 53–61.
- 4. Honko, L. (1984) The problem of defining myth. In: Dundes, A. (ed.) *Sacred Narrative: Readings in the Theory of Myth.* Berkeley: University of California Press. pp. 41–52.

- 5. Hendy, A. von (2001) *The Modern Construction of Myth*. Bloomington: Indiana University Press.
- 6. Business Online. (2016) Medinskiy zayavil o rassekrechennykh dokumentakh, dokazyvayushchikh podlinnost' podviga 28 panfilovtsev [Medinsky declared declassified documents proving the authenticity of the feat of 28 Panfilov's men]. 3th December. [Online] Available from: https://www.business-gazeta.ru/news/404664
- 7. Medinsky, V. (2016) Pamyatniki kul'turnogo naslediya strategicheskiy prioritet Rossii [Monuments of cultural heritage a strategic priority of Russia]. *Izvestiya*. 22th November.
- 8. Anashkin, S. (2017) Filosof prizval ne dopustit' desakralizatsii Revolyutsii [The philosopher urged to prevent the desacralization of the Revolution]. *IA Krasnaya vesna*. 27th October. [Online] Available from: https://rossaprimavera.ru/news/98344886
- 9. Diogenes Laërtius. (1986) *Diogen Laertskiy o zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [Diogenes Laërtius about the life, teachings and sayings of famous philosophers]. 2nd ed. Translated from Ancient Greek by M.L. Gasparov. Moscow: Mysl'.
 - 10. Schmidt, G. (2003) Filosofskiy slovar' [Philosophical Dictionary]. Moscow: Respublika.
- 11. Martin, Ch. (2004) The fact/value distinction. In: Oderberg, D.S. & Chappell, T. (eds) *Human Values. New Essays on Ethics and Natural Law.* New York: Palgrave Macmillan. pp. 52–69.
- 12. Findlay, J.N. (1998) The constitution of human values. In: Vesey, G. (1998) *Human Values*. Hassocks: The Harvester Press Limited. pp. 189–207.
- 13. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by A.F. Filippov, P.P. Gaydenko. Moscow: Progress. pp. 602–643.
- 14. Hobsbaum, E. (2017) *Razlomannoe vremya. Kul'tura i obshchestvo v dvadtsatom* veke [Fractured Times: Culture and Society in the Twentieth Century]. Translated from German by N. Okhotin. Moscow: AST: CORPUS.
- 15. Korobkov, A. (2008) *Immigranty sozdali naselenie SShA* [Immigrants created the US population]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0351/tema01.php (Accessed: 23rd March 2020).
- 16. Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya* [Cosmos and History]. Translated from French by A.A. Vasiliev, V.R. Rokityansky, E.G. Borisov. Moscow: Progress. pp. 27–144.
- 17. Rushing, J.H. (1995) Evolution of "The New Frontier" in Alien and Aliens: Patriarchal Cooptation of the Feminine Archetype. In: Martin, J.W. & Ostwalt, C.E. Jr. (eds) *Screening the Sacred. Religion, Myth, and Ideology in Popular American Film*. Colorado: Westview Press, Inc. pp. 94–118.
- 18. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikov. Moscow: Progress. pp. 72–164.
- 19. Hume, D. (1996) Sochineniya: v 2 t. [Works]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
- 20. Kant, I. (1964) Sochineniya: v 6 t. [Works: In 6 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
- 21. Agazzi, E. (1993) Chelovek kak predmet filosofii (doklad na XVIII Vsemirnom filosofskom kongresse (Brayton, avgust 1988 g.)) [Man as a subject of philosophy (report at the 18th World Philosophical Congress (Brighton, August 1988))]. Translated from English by E.N. Fedins. In: Gurevich, P.S. et al. *Fenomen cheloveka: Antologiya* [The Phenomenon of Man: Anthology]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 142–159.
- 22. Losev, A.F. (1991) Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Politizdat. pp. 21–186.
- 23. Cassirer, E. (1993) Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths]. Translated from German by I.V. Egorov. In: Gurevich, P.S. et al. *Fenomen cheloveka: Antologiya* [The Phenomenon of Man: Anthology]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 108–123.

УДК 316.42

DOI: 10.17223/1998863X/54/5

И.Б. Ардашкин, В.А. Суровцев

СМАРТ-ОБРАЗОВАНИЕ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ: PRO ET CONTRA¹

Рассматривается представление о смарт-образовании как новой парадигме образования. Выделяются два типа образования: «знаниевая» (субъективно-неориентированная) и субъективно-ориентированная. Цель образования в рамках первой парадигмы определяется как получение знания, в рамках второй — как развитие личностных характеристик. Доказывается, что активное применение смарттехнологий (смарт-образование) не приводит к изменению целей образования и не может однозначно признаваться новой образовательной парадигмой. Наиболее эффективный способ использования смарт-образования — его вспомогательное применение в отношении к традиционному образованию.

Ключевые слова: смарт-образование, смарт-технологии, образование, парадигма, знаниевая (субъективно-неориентированная) парадигма, субъективно-ориентированная парадигма.

Развитие смарт-технологий существенным образом оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности общества. В качестве одной из таких сфер выступает сфера образования. Неслучайно сегодня очень активно исследуют феномен смарт-образования в междисциплинарном спектре, выявляя различные характеристики последнего, а также те изменения, которые оно несет.

В первую очередь исследователи пишут о преимуществах смартобразования: независимость от временных параметров (расписание), независимость от пространственных характеристик (необязательность посещений места обучения и т.д.), комфортность условий для получения образования, определяемых самим учащимся, возможность выбора индивидуальной траектории и т.д.

Реже исследователи пишут о сложностях, связанных с реализацией смарт-образования (наличие соответствующей материально-технической базы, стоимость оборудования, его быстрая изменяемость и необходимость следить за подобными трансформациями, отказ от традиционных ролей преподавателя и учащегося и т.д.).

Тем не менее фактически многие исследователи рассматривают смартобразование в качестве будущей модели образования и даже его новой парадигмы [1,2].

В связи с такой спецификой постановки проблемы возникает необходимость взвешенного исследования подобной формулировки проблемной ситуации и определения ее решения. Поэтому ключевым вопросом, на который авторы постараются ответить в данной статье, будет следующий: является ли смарт-образование новой парадигмой для образования? А в качестве вспомо-

 $^{^1}$ Работа подготовлена при поддержке РНФ, Грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

гательных, позволяющих уточнить основной вопрос, можно обозначить следующие вопросы: в чем заключается сущность любой образовательной парадигмы: от традиционного типа образования до смарт-образования? Каковы цели традиционного образования и смарт-образования (есть ли у них нечто особенное, отличающее одно от другого)? И если цели традиционного образования и смарт-образования отличаются, то в чем принципиальная разница? А если их цели не отличаются, то что представляет собой смарт-образование для традиционного образования?

Список вопросов можно продолжить, поскольку в рамках избранной предметной области существует много неопределенного. И данная статья в силу своего статуса вряд ли в силах ответить на все эти вопросы исчерпывающим образом. Тем не менее это не отменяет поиска ответов на поставленные вопросы.

Также в качестве проблемной составляющей важно обозначить аспект критериев, на основании которых можно выделить парадигмы в сфере образования. Это вопрос не случайный, поскольку в зависимости от такого критериального основания может существенным образом отличаться рассмотрение образовательных парадигм и их содержательных аспектов. В рамках настоящей статьи авторы будут использовать в качестве критерия обозначения образовательной парадигмы статус субъекта, его целевые и ролевые для образовательной системы позиции. Такой подход может быть оспорен, поэтому он носит дискуссионный характер. Но авторы постараются в статье его обосновать, в том числе и в отношении смарт-образования.

Иными словами, в рамках статьи следует рассмотреть два аспекта проблемной ситуации. Первый связан со смарт-образованием тем, что под этим термином и феноменом понимают исследователи. Второй аспект будет заключаться в осмыслении того, можно ли смарт-образование рассматривать в качестве новой парадигмы образования, а также обоснования утвердительного или отрицательного ответа на поставленную проблему.

Рассмотрение смарт-образования в качестве парадигмы образования предполагает выбор оснований для подобной дифференциации по отношению к предыдущим парадигмам и уточнения смарт-образования в качестве понятия и феномена. Начнем с парадигмы.

Парадигмой в отношении образования может выступать модель, которая дает представление о данном процессе, его цели и функциях, а также демонстрирует место и роль человека в нем. Здесь просматривается параллель с наукой и научным познанием, поскольку Т. Кун, автор понятия парадигма, изначально применял этот термин исключительно к науке как одному из важнейших способов мировосприятия. Поэтому вполне можно связать способы научного познания и способы образовательного познания, только в одном случае речь идет о получении новых знаний вообще для человечества, в другом случае — о новых знаниях для определенного круга лиц (учащихся).

Однако обозначенный параллелизм между моделью научного познания и моделью образования возможен в ограниченном формате, поскольку учащийся в образовании не может в полной мере быть сопоставлен с исследователем в науке в силу существенных расхождений в методологических компетенциях, в уровне владения знаниями, в мировоззренческом плане. Тем не менее в определенной мере такое сравнение допустимо, так как для обеих

форматов приемлема жажда открытий, ситуация неопределенности и необходимость ее как-то преодолеть. В этом плане парадигмально наука и образование вполне совместимы.

Авторы ранее говорили о субъекте, его роли как своеобразном основании выделения парадигм. В связи с вышесказанным можно определить несколько парадигм образования по данному критерию: ориентация на знание (субъективно-неориентированная парадигма) и ориентация на субъекта (субъективно-ориентированная парадигма) [3. С. 18–23]. В первом варианте целью познания выступают знание, его объем и точность, сам субъект является лишь инструментом процесса образования. Во втором варианте ситуация меняется и субъект, его личность, становится целью, а знание рассматривается как средство становления (социализации) последнего.

Такая парадигмальная структура вполне сочетается с научными парадигмами, предлагаемыми В.С. Степиным на основании типа рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая [4]. Классический тип рациональности формирует парадигму науки, строящуюся на идеале объективного познания, когда полученное научное знание не содержит в себе субъективных привнесений. А неклассическая и постнеклассическая парадигмы такие субъективные привнесения предполагают в научном знании. Первая — в виде признания фактора приборов и методов познания, сохраняющих элементы субъективного участия в познании. Вторая — не только в признании влияния приборов и методов на результаты познания, но и в признании роли ценностных приоритетов и мировоззренческой специфики позиции субъекта.

В отношении образования «знаниевая» парадигма (субъективно-неориентированная) связана с именем Платона, которого можно считать одним из ее основоположников. Данная образовательная парадигма связана с философскими и научными взглядами Платона, с той картиной мира, которую он формирует. Субъект (если в отношении системы Платона можно вообще использовать это понятие) не постигает мир непосредственно, поскольку этот мир «невидим» для него. Подлинный мир по Платону (мир идей) вообще чувственно не воспринимаем, только его копия (мир вещей). Поэтому субъект (человек) не обладает подлинным знанием (эпистемой) о мире, а только мнением (неподлинным знанием).

Платон в своей работе «Государство» пишет:

- « Очевидно, мы с тобой согласны: знание и мнение разные вещи.
- Ла разные
- Значит, каждое из них по своей природе имеет особую направленность и способность.
 - Непременно.
 - Знание направлено на бытие, чтобы познать его свойства.
 - Да.
- Мнение же, утверждаем мы, направлено лишь на то, чтобы мнить» [5. C. 258].

Образование, как и познание, осуществляются в качестве воспоминания (припоминания). Эти процессы зависят не столько от человека, сколько от слепой судьбы (мойры). И целью образования является постижение бытия, мира через знание. Кстати, такая модель достаточно широко распространена

и достаточно часто используется в настоящее время. Может, не в качестве парадигмы, но в качестве руководства. Например, в СССР в большинстве школ применялась образовательная модель, построенная на «знаниевой» парадигме.

Другая парадигма — субъективно-ориентированная — получила сегодня еще более широкое распространение. У нее множество разновидностей, но у всех фактически единое основание: целью образовательной деятельности выступает субъект, его становление и развитие как личности (даже если речь идет о коллективном субъекте).

Один из наиболее авторитетных основоположников данной парадигмы Дж. Локк, автор концепции «tabula rasa» (чистая доска), где учащийся рассматривается изначально как нейтральное начало, которое в зависимости от того, чем наполнят его содержание, станет соответствующей личностью. Кроме того, Дж. Локк не исключает самостоятельного участия субъекта в своей судьбе, который посредством опыта может содержательно получать и усваивать знания. Как пишет Т.Б. Кадобный, «Дж. Локк, наоборот, в своих педагогических трудах доказывает, что не существует детей с одинаковыми способностями и идентичным восприятием материала, усваиваемого ими в процессе воспитания и обучения. Каждое сознание формирует восприятие действительности посредством уникальной сетки взаимодействий с окружающей средой» [6. С. 76].

Обозначенный пример трактовки субъективно-ориентированной парадигмы подчеркивает приоритет субъекта (человека, личности) в образовательной деятельности, фактор его влияния на процессы обучения и познания. Именно по этой причине подобная модель мировосприятия для образования (и науки) выступает в качестве парадигмы.

Но здесь возникает вопрос, что же привносит в эти модели применение смарт-технологий и становление смарт-образования.

Смарт-технологии — это «умные» технологии, которые характеризуются тем, что они современные, информационные, саморегулирующиеся, оперативно реагирующие и т.д. Ключевой особенностью последних является то, что они нужны для замены (подмены) человека там, где это возможно, поэтому их функционирование должно максимально напоминать его способы сознания, познания и поведения (см.: [3, 7]).

Применительно к образованию подобная функция представляется противоестественной, поскольку человек в его рамках должен прийти к тому, что может заключаться в нем самом и что сложно заменить. Но здесь во многом все зависит от парадигмы (философии) образования. Если исходить из «знаниевой» (субъективно-неориентированной) парадигмы, то использование смарт-технологий выглядит вполне нормальным для описанного выше целеполагания образования. Знание как цель и результат образовательного процесса при применении смарт-технологий может быть получено в большем и качественном объеме.

Если же ориентироваться на субъективно-ориентированную парадигму, то использование смарт-технологий с позиции их функционала не является столь уж естественным, поскольку фигура субъекта представляется ключевым моментом и заменить (подменить) его — значит лишить процесс обучения пелеполагания.

В то же время утверждать, что применять смарт-технологии в образовании противоестественно было совсем неправильно, поскольку последние несут ряд возможностей для самого же субъекта. Только здесь возникают дополнительные вопросы: как по уровню применения смарт-технологий в образовании определить, смарт-образование это или еще нет? И несет ли смарт-образование для самого образования нечто существенно новое, позволяющее говорить, что в этом проявляется парадигмальная трансформация для последнего?

Если отвечать на первый вопрос, то количественно вряд ли можно определить, какое число смарт-технологий приводит к появлению смарт-образования. Очевидно, что смарт-образование — это сложная смарт-технология, включающая в себя совокупность смарт-технологий, которые формируют в своем взаимодействии единую систему. Только вот за счет чего можно выявить (или сформировать) подобное единство, однозначно сказать сложно. Чтобы этот аспект прояснить, необходимо постараться ответить на второй вопрос — о существенно новых моментах смарт-образования для традиционного образования, если они есть.

Для ответа следует начать с выявления целей образования и смартобразования, поскольку, как показал выше пример двух представленных образовательных парадигм, отличие их заключалось прежде всего в разном целеполагании.

Последовательнее было бы начать с понятия образования, с уточнения его цели. С одной стороны, такой вопрос не должен вызывать затруднений, поскольку этот социальный институт существует давно и уже устоялся. С другой стороны, образование, как и любой социальный институт, исторически эволюционирует, что может приводить к определенным трансформациям целевые и функциональные составляющие. Поэтому, с одной стороны, выше авторами косвенно был дан ответ на вопрос о целях образования, но с другой стороны, этот ответ зависел от того, в рамках какой образовательной парадигмы он был получен.

В связи с этим важно уточнить те коннотации, которые связаны с понятием образования, ведь оно может различаться не только в историческом, но и в культурном аспекте. Как правило, есть общее содержание понятия «образование» — процесс и результат приобщения человека к знаниям и опыту, накопленным предыдущими поколениями людей. Но есть и незначительные нюансы, которые отличают содержание данного понятия в одних языке и культуре от других. Например, у английского «education» (от лат. educatio), у французских «enseignement» (от лат. signe — знак; слово, которое обозначает уровень низшего и среднего образования наряду с «education», выражающим уровень высшего образования) и «formation» (слово, обозначающее профессиональное образование), у немецких «erziehung» (воспитание, взращивание) и «ausbildung» (создание, развитие) появляются дополнительные нюансы [8. С. 225–226].

Однако если проводить общее различие, то для европейских языков коннотации образования больше связаны с профессиональной составляющей (специальная подготовка для получения работы), тогда как в отечественном формате преобладает личностный аспект. Особенно хорошо для русскоязычной трактовки данного понятия это демонстрирует этимологический анализ.

Слово «образование» в русском языке происходит от слова «образ», что в любом случае может носит исключительно личностный мировоззренческий характер. Согласно этимологическому словарю М. Фасмера «укр. образ, блр. вобраз, др.-рус., ст.-слав. образъ є́іхоv, торос, µорфп (Супр.), болг. образ "лицо, щека", сербохорв. образ – то же, словен. obraz, род. п. аzа, чеш., слвц., польск. obraz "изображение, картина; образ; икона"; в.-луж. wobraz, н.-луж. hobraz. От оb и гаzъ, связанного с чередованием геzati; см. раз, резать. Отсюда образовать, образованный, образование; согласно Унбегауну (RES 12, 39) калька нем. BILDUNG "образование"» [9. С. 106].

Есть и другие способы интерпретации образования в европейских языках, но не стоит углубляться, так как важно подчеркнуть, что для последнего важны два аспекта: наличие и развитие личностных образов мира и человека, а также необходимость профессиональной составляющей, позволяющей человеку осуществлять соответствующую деятельность. Для всех культур (языков) свойственно наличие этих двух составляющих. Собственно, именно каждая из этих составляющих послужила основанием для выделения двух образовательных парадигм, где в одном варианте приоритет за знанием, аккумулирующим в себе профессиональную составляющую, а в другом варианте — за субъектом (человеком), выражающим личностную составляющую.

Более того, по мнению авторов, субъективно-ориентированная парадигма образования не исключает, а, наоборот, предполагает включение в свои рамки первой парадигмы (знаниевой). Ведь образование — это не только процесс, но и результат, который и выражается в знаниях. Другой вопрос, каково наполнение этих знаний: личностное или профессиональное, но в любом случае вне зависимости от наполнения все это связано с субъектом и характеризует его. Просто знание выступает средством (инструментом) такого процесса развития субъекта.

Возвращаясь к вопросу о цели образования, можно констатировать, что целью образования с позиции субъективно-ориентированной парадигмы (знаниевую (субъективно-неориентированную) парадигму авторы опускают в связи с вышесказанным) являются саморазвитие (самообразование) субъекта и его результаты посредством совершенствования знаниевой составляющей.

Однако при такой постановке цели возникает вопрос: а готов ли сам субъект изначально к саморазвитию (самообразованию), способен ли он на это? Ведь для того чтобы с помощью знаниевой составляющей начать саморазвитие, нужна предварительная подготовка, поскольку не может последний «с нуля», сразу совершенствовать себя через знаниевую составляющую, если последней нет (либо она минимальна). Не может быть самообразования без образования.

Поэтому в целеполагании образования всегда будет присутствовать даже вне зависимости от парадигмы результат, связанный с подготовительным этапом по освоению знания и средств работы с ним. И лишь в дальнейшем появляется следующий ожидаемый результат — самообразование. Без подготовительного этапа субъект не может заняться самообразованием. И становление субъективно-ориентированной парадигмы образования выражает эту ситуацию наиболее явно.

Теперь обратимся к смарт-образованию. Смарт-образование изначально выступает в качестве инструмента развития подготовительного этапа образовательной деятельности и направлено на совершенствование средств работы

со знанием. Другое дело, что средства (смарт-технологии), представленные в смарт-образовании, являют собой совершенные современные средства, кардинально меняющие характер работы субъекта со знанием. И именно такие качества последних заставляют многих считать смарт-образование новой образовательной парадигмой. Как пишет А.С. Ращупкина, «СМАРТ-образование стало рассматриваться исследователями не только как вид обучения, но как новейшая образовательная парадигма, объединяющая принципы социального обучения с широким, общепринятым уклоном, с неотъемлемым использованием современных девайсов и информационных технологий» [10. С. 378].

Смарт-образование подходит на роль образовательной парадигмы еще и по другим аспектам. Первый аспект можно выделить по основанию самообразования как ключевому целеполагающему началу для образования (смарттехнологии очень гибки и удобны для реализации процесса самообразования). Второй аспект – по основанию социализации. Не стоит забывать, что образование - это ключевая составляющая социализации человека и в этом плане представляет собой своеобразный инструмент «социального насилия», предполагающий усвоение человеком определенного багажа знаний, традиций, ценностей, норм, который необходим с точки зрения общества. А учитывая, что современное общество испытывает кризис социальности, которую 3. Бауман охарактеризовал как глобальную аномию, то своеобразной заменой социальных стандартов вполне может выступать самообразование с использованием смарт-технологий. Как пишет 3. Бауман, «любая позиция, отталкиваясь от которой можно было предпринять логичные действия при выборе жизненных стратегий: работы, профессии, партнеров, моделей поведения и этикета, представлений о здоровье и болезнях, достойных ценностей и испытанных путей их обретения, - все такие позиции, позволявшие некогда стабильно ориентироваться [в мире], кажутся теперь неустойчивыми. Мы вынуждены как бы играть одновременно во множество игр, причем в каждой из них правила меняются непосредственно по ходу дела. Наше время исполнено разрушением рамок и ликвидацией образцов – причем всех» [11. С. 104]. И если человек не сформировал для себя определенные стандарты саморазвития (цель, планы, роли, образцы), что сложно сделать, не занимаясь самообразованием, то ему будет фактически невозможно жить и работать в современных условиях в качестве полноценного субъекта. Смарт-технологии (смарт-образование) в этом случае выступают фактически незаменимым источником, на котором может базироваться программа подобного самообразования. Надо добавить, самообразования, которое не заканчивается, а длится на протяжении всей человеческой жизни (концепция «Life-Long Learning»).

Это отмечают другие исследователи, говоря о смене приоритетов в образовании с социального ракурса на индивидуальный, с традиционных, выраженных документальными источниками как символов достижения определенных этапов (аттестаты, дипломы об образовании, о получении степеней бакалавра, магистра и т.д.) на нетрадиционные, представленные жизненным и профессиональным опытом (они не исключают традиционные источники, но свидетельствуют об их недостаточности сегодня), поддержанием полученного опыта и получением нового. Все это меняет не только процесс образования, но и философию последнего. Как пишет Т.А. Козлова, «образование сегодня — пространство личностного развития каждого человека, поэтому

образование педагогической наукой и практикой должно пониматься и осваиваться как особая философско-антропологическая категория, фиксирующая становление человеческого в человеке. Идея непрерывного образования смещает ракурс с восприятия образования как функции общества в сторону понимания образования как атрибута длящегося человеческого бытия» [12. С. 2].

При всей близости описанных трансформаций, обусловленных развитием и становлением смарт-образования, к тому, чтобы считать их признаками новой образовательной парадигмы, авторы все же не видят оснований для этого.

Во-первых, с позиции целеполагания смарт-образование (смарт-технологии) ничего не меняет. Субъект (человек, группа, сообщество и др.) как оставался главным целевым приоритетом для образования, так и остается. Следует, конечно, оговориться, что философия применения смарт-технологий (смарт-образования в частности) содержит в себе идею замены (подмены) субъекта в его деятельности в определенных сферах и функциях, что может считаться основанием для пересмотра целеполагания, в том числе и в образовании. Видимо, данное основание должно ориентироваться на масштаб и глубину такой замены (подмены). Нельзя исключать, что подобное произойдет и тогда поменяются цель, функции и содержание образования. Но на данный момент этого не произошло и пока представляется неприемлемым в принципе для образования.

Во-вторых, само понятие смарт-образование предстает в качестве неопределенного как по содержанию, так и по функционалу. Существует много близких по смыслу понятий (дистанционное образование, электронное образование, интернет-образование, онлайн-образование, оффлайн-образование и т.д.), которые представляют собой, с одной стороны, самостоятельные феномены, но с другой стороны, могут быть инвариантами смарт-образования, не очень сочетаясь друг с другом по сущности и форме. В итоге апологеты идеи смарт-образования как новой образовательной парадигмы (особенно в отечественной литературе) признают, что этот процесс находится еще в начальной стадии своего становления (об этом говорилось выше).

В-третьих, ключевой тезис смарт-образования, предлагаемый сторонниками данного феномена в качестве образовательной парадигмы, о том, что происходит «индивидуализация» образования, не очень последовательно и непротиворечиво демонстрирует его. В частности, В.П. Тихомиров пишет, что «сегодня учащийся отлично владеет базовыми ИТ-технологиями, поисковыми инструментами Интернета, сам способен находить нужную информацию, у него нет необходимости в записи лекционного материала. Но он нуждается в путеводителе, и это - функция преподавателя. Он должен создавать новые знания, направлять студента на изучение необходимых знаний и обучать его с использованием уже привычных технологий» [9. С. 28]. Утверждения, что учащийся сам прекрасно владеет смарт-технологиями, самостоятельно способен находить нужную информацию (правда, не объясняется, как и кем эти способности у него сформировались), но при этом ему необходим путеводитель, еще и создающий новые знания и направляющий учащихся на нужную образовательную траекторию, не очень сочетаются между собой. Если бы оговаривалось, что учащийся был кем-то подготовлен в освоении обозначенных навыков, было бы понятней, почему ему нужен преподаватель, то это бы и меняло роль смарт-технологий в образовательном процессе, поскольку они выступали инструментом обучения, но после его традиционного способа осуществления. А в таком виде многое остается непроясненным.

Иными словами, смарт-образование, по мнению авторов, проявляется сегодня двояко: во-первых, отражает уровень технологического развития общества и степень его использования в образовании; во-вторых, трансформирует способы работы субъекта со знанием и информацией. Но на данный момент оно не заставляет пересмотреть цель образования и пока вписывается в субъективно-ориентированную парадигму образования, наиболее эффективно влияя на процесс обучения в качестве вспомогательного фактора к традиционному способу осуществления образования.

Таким образом, вопрос о рассмотрении смарт-образования как новой парадигмы образования следует считать открытым, поскольку в настоящее время можно говорить лишь об определенных тенденциях, связанных с пересмотром существующих образовательных парадигм (знаниевой (субъективно-неориентированной) и субъективно-ориентированной). Эти тенденции заключаются в том, что научно-технологическое развитие идет в том числе по пути поиска способов замены (подмены) субъекта (человека) в определенных сферах и функциях. И пока субъект (человек) будет сохранять статус самостоятельного и самодостаточного начала, соответственно, будет выступать критериальным основанием для формирования образовательных парадигм, говорить о смене существующих парадигм не приходится. Тем не менее авторы не исключают такой возможности в будущем.

На сегодня смарт-образование не является самодостаточным феноменом и эффективнее всего проявляет себя в качестве вспомогательного средства для традиционной модели образования. Попытки рассматривать последнее в качестве самодостаточного феномена выглядят достаточно противоречиво и неопределенно, практически демонстрируя несформированность последнего как самостоятельного явления. Тем не менее смарт-образование в качестве инструмента образовательной деятельности и при условии достаточной методологической и методической зрелости учащегося существенным образом способствует повышению качества образовательного процесса.

Литература

- 1. *Gurevych R., Kademiya M.* Smart-education a New Paradigm of Modern Education System // Теорія і практика управління соціальними системами: філософія, психологія, педагогіка, соціологія. 2016. № 4. С. 71–78.
- 2. Γ асанова P.P. Смарт-образование как новая парадигма информатизации образования // Ученые записки ИУО РАО. 2016. № 4 (60). С. 58–60.
- 3. *Ардашкин И.Б., Суровцев В.А.* К вопросу об эпистемологии смарт-технологий и их визуализации: ведет ли смарт-образование к смарт-эпистемологии? // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 4 (22). С. 9–35. URL: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/ardashkin_i_b_9_35_4_22_2019.pdf (дата обращения: 24.01.2020).
- 4. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
 - 5. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
- 6. *Кадобный Т.Б.* Эпистемологические идеи Дж. Локка в контексте трансформаций эмпиристской методологии // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12 (79). С. 75–79.
- 7. Ардашкин *И.Б.* Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 55–68.

- 8. Кисленко С.В. Философско-этимологический анализ понятия «образование» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. 2008. № 2 (8). С. 225–227.
- 9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
- 10. Ращупкина А.С. Формирование системы СМАРТ-образования вуза как новейшего вида обучения // Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста: материалы 2-й Междунар. науч. конф., 20–22 октября 2016, Санкт-Петербург. СПб.: Астерион, 2016. С. 378–383.
- 11. *Бауман 3*. Индивидуализированное общество : пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
- 12. Козлова Т.А. Современная философия образования и современная философская антропология: совместные проблемы и пути взаимодействия // Непрерывное образование: XXI век. 2019. Вып. 3 (27). С. 1–10. URL: https://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=4945 (дата обращения: 01.02.2020).

Igor B. Ardashkin, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Valeriy A. Surovtsev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: surovtsev1964@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 51–61.

DOI: 10.17223/1998863X/54/5

SMART EDUCATION AS A NEW EDUCATION PARADIGM: PRO ET CONTRA

Keywords: smart education; smart technologies; education; paradigm; knowledge (subjectively non-oriented) paradigm; subjectively oriented paradigm.

The development of technology affects the nature of social relations, which clearly demonstrates the format of social dynamics (traditional society - agrarian society - industrial society - postindustrial society - information society, etc.). The most modern technologies, which are generally characterized as smart technologies today, contribute to the formation of a new type of society-smart society. Such processes significantly affect such a social institution as education and lead to the emergence of smart education. The aim of the publication is to define smart education as a new educational paradigm and also to clarify whether this paradigm contains new meanings and values for society or not. The main research methods used in the article are the conceptual-notional analysis and a comparative approach. During the study, the potential of etymological analysis was used. As a result of the study, the criterion of the subject was used to determine educational paradigms. On this basis, the authors identify two main educational paradigms: "knowledge" (subjectively non-oriented) and subjectively oriented. The purpose of education in the framework of the first paradigm is to obtain knowledge, and in the framework of the second paradigm it is the development of the subject (person, group, community) as a person, or his/her personal characteristics. In the process of historical development, the first paradigm has become an integral part of the second paradigm. The active use of smart technologies (smart education) does not lead to a change in the purpose of education; therefore, it cannot be unambiguously recognized as a new educational paradigm. But such a course of development is not excluded and will be quite possible if our understanding of the subject changes. At the moment, the most effective way to use smart education is to use the latter in relation to traditional education. The results obtained in the first place have conceptual consequences and methodological significance associated with understanding the place and role of smart technologies in the implementation of the educational process at any level (primary, secondary, higher), as well as the formation of awareness of the fact that it is not necessary to exaggerate the role of the technological factor in the learning process and the risk of underestimating the latter in its influence on the nature of socialization in modern society.

References

- 1. Gurevych, R. & Kademiya, M. (2016) Smart-education a New Paradigm of Modern Education System. *Teoriya i praktika upravlinnya sotsial'nimi sistemami: filosofiya, psikhologiya, pedagogika, sotsiologiya Theory and Practice of Social Systems Management.* 4. pp. 71–78. (In Ukrainian). DOI: 10.20998/%x
- 2. Gasanova, R.R. (2016) Smart-obrazovanie kak novaya paradigma informatizatsii obrazovanya [Smart education as a new paradigm of education informatization]. *Uchenye zapiski IUO RAO Scientific notes of IME RAE*. 4(60). pp. 58–60.

- 3. Ardashkin, I.B. & Surovtsev, V.A. (2019) Revisiting the issue of smart technologies epistemology and visualization: does smart education lead to smart epistemology? $\Pi PA\Xi HMA$. Problemy vizual'noy semiotiki $\Pi PA\Xi HMA$. Journal of Visual Semiotics. 4(22). pp. 9–35. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2019-4-9-35
- 4. Stepin, V.S. (2003) Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya ratsional'nost' [Self-developing systems and post-nonclassical rationality]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 5–17.
 - 5. Plato. (1994) Sobranie sochineniy: v 4 t. [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
- 6. Kadobnyy, T.B. (2013) John Locke's epistemological ideas in context of empirical methodology transformations. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya Almanac of Modern Science and Education*. 12(79). pp. 75–79. (In Russian).
- 7. Ardashkin, I.B. (2018) Smart technology as a phenomenon: conceptualisation of approaches and philosophical analysis. Are smart technologies really smart? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Filosofiya*. *Sotsiologiya*. *Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 55–68. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/5
- 8. Kislenko, S.V. (2008) Filosofsko-etimologicheskiy analiz ponyatiya "obrazovanie" [Philosophical and etymological analysis of the concept of "education"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudar-stvennogo universiteta. Ser. 7, Filosofiya Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies.* 2(8). pp. 225–227.
- 9. Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Progress.
- 10. Rashchupkina, A.S. (2016) [Formation of a SMART education system in a university as the latest type of education]. *Tekhnologicheskaya perspektiva v ramkakh Evraziyskogo prostranstva: novye rynki i tochki ekonomicheskogo rosta* [Technological Perspective Within The Eurasian Space: New Markets and Points of Economic Growth]. Proc. of the Second International Conference. St. Petersburg, October 20–22, 2016. St. Petersburg: Asterion. pp. 378–383. (In Russian).
- 11. Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English by V.L. Inozemtsev. Moscow: Logos.
- 12. Kozlova, T.A. (2019) Modern philosophy of education and modern philosophycal anthropology: common problems and ways of interaction. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek Lifelong Education. The 21st Century.* 3(27), pp. 1–10. (In Russian), DOI: 10.15393/j5.art.2019.4945

УДК 37.012.1

DOI: 10.17223/1998863X/54/6

О.В. Городович

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ

В статье обозначен ряд проблем, возникающих при изучении современных образовательных практик в динамике их развития. Утверждается необходимость изучения образовательных практик с помощью понятийно-категориального аппарата философии. В конце статьи приведен перечень аспектов актуальных тенденций в образовании, которые могут стать основой для изучения современных образовательных практик с точки зрения их философских оснований.

Ключевые слова: современные образовательные практики, философия образования, модель Liberal Arts, человеческий потенциал, этика образования.

Введение

Изучение динамических процессов является сложной, кажущейся подчас невыполнимой задачей. Чтобы описать эту задачу, уместно вспомнить слова британского математика Чарльза Доджсона, известного под псевдонимом Льюис Кэрролл: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее». Именно такая ситуация складывается в настоящий момент в области изучения современных образовательных практик — новые практики возникают, внедряются, отвергаются или мутируют с такой скоростью, что фиксировать и описывать эти процессы не успевают большие группы ученых по всему миру.

Так, собранная в 1998 г. Национальная комиссия по творческому потенциалу, образованию и экономике при Правительстве Великобритании смогла зафиксировать перекос британского образования в сторону технологичности и отсутствия пространства для творчества. Отчет «Все наше будущее: креативность, культура и образование», подготовленный для этой комиссии под руководством исследователя образовательных практик Кена Робинсона, повлиял не только непосредственно на британское образование, но и, благодаря просветительской деятельности Робинсона, на осознание упомянутой проблемы во многих других странах.

В результате маятник перемен качнулся в сторону увеличения академической свободы и модель Liberal Arts, которую мы рассмотрим более подробно, стала приобретать все больше сторонников в академических кругах. Исследователи Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ Ю.В. Иванова и П.В. Соколов описали внедрение этой модели в российскую образовательную практику, подробно отметив плюсы и минусы такого подхода, однако это исследование, как и доклад К. Робинсона правительственной комиссии, представляют собой фиксацию свершившихся фактов.

Таким образом, главной проблемой, стоящей в данный момент перед исследователями образовательных практик, нам представляется отсутствие современной методологии для изучения процесса в динамике – не просто через графики и цифры «до» и «после», но сущностно, с точки зрения понимания идеологических основ происходящих изменений. Базой для такой методологии может стать изучение философских оснований образовательных практик, поскольку именно философия обладает необходимым понятийно-категориальным аппаратом для исследования развивающейся мысли, а не зафиксированных статично явлений.

Значительная работа в этом направлении была проделана А.А. Поповым в его диссертации «Социально-философские основания современных практик открытого образования». Однако, как было сказано выше, для изучения динамического процесса необходимо непрерывное движение, поэтому вопрос исследования философских оснований современных образовательных практик видится нам всесторонне рассмотренным в упомянутой работе, но не закрытым. Этим обусловливается актуальность продолжения исследований по данной теме.

В рамках одной статьи найти решение обозначенной глобальной проблемы невозможно, однако мы можем наметить шаги такого решения. В этой статье мы ставим перед собой задачу вычленить те аспекты современных образовательных тенденций, которые могут стать основой для непрерывного динамического изучения новых и меняющихся в соответствии с временем образовательных практик [1–10].

Актуальные тенденции в образовании, требующие философского осмысления

Первым по значимости фактором, глобально влияющим на современное образование, является переход общества к экономике знаний. Экономика знаний, понимающаяся в настоящий момент как тип экономики, в котором производство, распределение и применение знаний играют ключевую роль [1. Р. 1], предъявляет свои требования ко всей совокупности процессов, связанных с накоплением, транзитом, трансляцией и хранением научных знаний. В этих условиях научное знание само по себе претерпевает онтологическую трансформацию — оно превращается из инструмента получения материального блага в ресурс, этим благом являющийся. Такая трансформация с необходимостью влечет за собой процесс переосмысления всех этапов существования научного знания от его зарождения до передачи широкой (учитывая современные информационно-коммуникационных технологии) аудитории.

Множество дискуссий о сути, методах, востребованности и других аспектах существования такого явления, как образование, активно ведущихся в последние годы в большинстве развитых стран по всему миру, есть отражение вышеупомянутой трансформации. В контексте исторического развития образования (если мы берем за основу европейский путь развития, по образцу которого работают в настоящее время большинство учебных заведений) можно сказать, что мы присутствуем при новом витке десакрализации учебного процесса. В период Нового времени индустриализация вывела научное знание из сферы влияния церкви в утилитарную плоскость, сделав его инструментом увеличения капитала. В настоящее время требования экономики

знаний превращают научное знание в самостоятельный товар, ценность которого зависит от возможной капитализации.

«Квалификация становится формой валюты, и, как у других валют, ее стоимость падает, если предложение превышает спрос. Когда-то университетского образования было достаточно, чтобы гарантированно получить работу, сегодня может быть недостаточно докторской степени» [2. Р. 21].

Развитие инноватики и появление предпринимательских университетов ставит перед научным знанием задачи практической применимости, экономической эффективности, что, с одной стороны, предполагает рост капиталовложений в сферу науки и образования, с другой – влечет за собой опасность утери целых областей знаний, не являющихся прибыльными в настоящий момент, но несущих антропологическую, эпистемологическую и гносеологическую ценность, обеспечивающих саморефлексию научного сообщества, его понимание своих задач.

Во многом вопрос сохранности этих сфер связан со спецификой современных образовательных практик, поскольку во главу угла дискуссий об образовании в настоящее время ставится не столько вопрос «чему обучать?», сколько проблема «как обучать?».

Характерной особенностью современных подходов к образованию можно назвать его усиливающуюся индивидуализацию. Активно внедряется модель Liberal Arts (LA), известная также как модель свободных искусств или модель многопрофильного бакалавриата. Эта модель по-своему переосмысливает сократический принцип «обучение через вопрос», преломляя его постановкой конкретных задач перед учащимися, вместо дидактического лекционного обучения. Такой подход предполагает преобладание эмпирического метода познания, что позволяет учащимся концентрироваться в процессе получения знаний на личном опыте, а результатом обучения является не столько сумма усвоенных априорных знаний, сколько сумма собственных решений студента и осознания им последствий этих решений.

«Элитарность и неизбежно сопровождающая ее дороговизна LA обусловлена совмещением "камерности" учебного заведения с предоставлением его студентам самых широких возможностей по части выбора курсов и форм занятий. Курсы при этом должны принадлежать к разным дисциплинарным циклам, наряду с гуманитарными науками должны обязательно изучаться точные и естественные, так что специализация отсутствует, по крайней мере на ранней (бакалаврской) стадии обучения.

<...> Профессии возникают у нас на глазах, приобретают актуальность и утрачивают ее с невероятной, немыслимой еще 30 лет назад быстротой. И это происходит не только в России, такова всемирная тенденция. Все меньше успешных людей работают по специальности. Напротив, именно готовность менять специальность, приобретать новые и новые навыки и знания есть синоним успешности в современном мире. В этой ситуации неопределенности спасительной представляется главная установка LA: не просто давать набор конкретных узкоспециальных знаний, а учить мыслить, обрабатывать информацию, коммуницировать» [3. С. 78].

Отмеченная тенденция к быстрой смене популярности и востребованности тех или иных профессий отражается не только на непосредственном содержании образовательных курсов, но и на составе их адресатов. Растет число абитуриентов, заинтересованных в повышении уже существующей квалификации или получении новой специализации в качестве второго образования, концепция «обучение в течение всей жизни» (life-long learning) приобретает все больше последователей.

Согласно опросу [4. С. 1] среди двух тысяч российских кандидатов и докторов наук, опубликованному в 2019 г. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, дополнительное образование за последние три года получали две трети российских обладателей ученой степени (67,2%). При этом возраст ученых, получавших дополнительное образование, варьировался: 75% опрошенных в возрасте до 29 лет, 75,3% средней возрастной группы — до 50 лет и 57,3% ученых в возрасте 50–70 лет.

Такой разнородный состав потенциальных потребителей научного знания усложняет вопрос «как обучать?» через категории возраста и опыта обучаемых. Если прежде тот или иной спектр знаний можно было довольно четко поставить в соответствие определенному жизненному периоду и наработанному за этот период опыту учащегося, в новой ситуации необходимо учитывать вероятность прохождения курса одновременно слушателями разных возрастов и уровня подготовки. В таких условиях велика вероятность излишней формализации отбора, отсекающего тех или иных потенциальных слушателей по обобщенным критериям, что противоречит самой сути индивидуализированного подхода.

Еще одно измерение происходящей на наших глазах трансформации образования — активное использование современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих одновременно и индивидуализировать обучение, и сделать его более массовым. При этом индивидуализация происходит как за счет заранее устанавливаемых параметров (возможность выбора студентом времени обращения к материалу, формы его изучения и формы общения с преподавателем), так и за счет адаптивных возможностей современных технических средств, позволяющих обучающим интерфейсам производить самокоррекцию под нужды конкретного студента непосредственно в процессе обучения без запроса (а возможно, и без ведома) со стороны обучаемого. Например, отслеживая успехи и неудачи студентов, компьютерная программа может предлагать одним учащимся больше видеоматериалов, другим — больше текстов и статичных изображений.

Все перечисленные изменения невозможно внедрить в повседневную образовательную практику без осмысления их коренных предпосылок и осознания этих предпосылок преподавательским сообществом и специалистами, обеспечивающими техническое оснащение современного образовательного процесса (разработчиками образовательных компьютерных программ и интерфейсов, владельцами и администраторами обучающих онлайн-платформ и т.п.). Без теоретического, сущностного осмысления изменения будут вноситься формально, не привнося в образовательный процесс новое, но воспроизводя старые образцы новыми техническими средствами.

Естественным фундаментом для такого осмысления является модель открытого образования, т.е. такого типа образования, которое реализует и оформляет модель индивидуально ориентированной педагогики: «В таком образовании появляется представление об индивидуальных образовательных траекториях, появляется отдельная задача сопровождения таких траекторий,

появления знаковых и символических опор, позволяющих участнику образовательного процесса обнаружить свою траекторию, идентифицировать себя и отличить себя от других участников. Возникает необходимость открытой модели образования с множеством различных уровней образовательного результата.

Должен быть предусмотрен также режим деятельности, в котором ученик самостоятельно ставит цели либо включается в деятельность, преследующую внешние, не учебные цели» [5. С. 22].

Упомянутая открытая модель образования согласуется с требованиями подхода Liberal Arts, отвечает потребностям экономики знаний по подготовке самостоятельно мыслящих, ориентированных не на готовое знание, а на поиск ответа исследователей. Индивидуализация образовательных траекторий и многоуровневость образовательного результата позволяют решить проблему обращения к одному курсу учащихся разных возрастов и степени подготовки.

При этом выбор образовательных практик для такой модели не может вестись исключительно на утилитарной — «что востребовано в настоящий момент» — основе. Необходимо заложить определенный ценностный фундамент, который позволит отбирать и совершенствовать практики, исходя из предназначения образования как института развития человеческого потенциала, т.е. «возможности человека помещения себя в определенную систему деятельности и социальную ситуацию, в том числе возможность капитализации (превращения в ресурс) собственных наличных качеств и обстоятельств» [Там же. С. 26].

Такой подход диктует ряд требований к отбираемым практикам — они больше не могут быть линейными и однонаправленными. Отношения педагог — обучающийся не должны оставаться в рамках схемы транслирующий — воспринимающий, они переходят на уровень полноценного взаимодействия субъектов: «Проблематика организации педагогической деятельности в системе индивидуально ориентированной педагогики требует пересмотра представления о педагогической деятельности как целенаправленном процессе с однозначно определенным исходом. Развитие типов педагогической деятельности приводит к необходимости пересмотра оснований педагогики как социальной деятельности, перехода от понимания педагогики как организации процесса трансляции культуры к пониманию педагогики как организации условий самоопределения» [Там же. С. 34].

Современные образовательные практики должны строиться преимущественно на субъект-субъектной основе, в отличие от субъект-объектных практик, характерных для системы массового образования, сформированной в XVIII в. Новые практики сущностно не могут исходить из концепции ученика как tabula газа хотя бы в силу упомянутых выше неоднородности возрастного состава и разности опыта. Концепция Liberal Arts оставляет право выбора набора курсов за студентом, что автоматически ставит его в позицию субъекта, во всяком случае, в сам момент выбора. При этом возникает опасность, о которой мы упоминали выше, — опасность невостребованности или, по меньшей мере, утери интереса к тем областям знаний, которые не могут привлечь новых адептов обещанием немедленной капитализации полученного образования.

Так, например, внедрение многопрофильного бакалавриата может обернуться (и в некоторых вузах уже оборачивается) ситуацией, в которой возможность выбора из широкого ряда дисциплин приводит к попыткам «с черного хода» войти в специальности, в массовом сознании связанные с престижной работой и хорошим доходом: «Студенты, не набравшие в ходе выпускных экзаменов достаточно баллов для зачисления на бюджетные отделения, где готовят экономистов или юристов, и не имеющие возможности оплатить получение таких специальностей, скрепя сердце принимают решение о бесплатном обучении на гораздо менее популярных факультетах <...> и в ходе учебы в университете пользуются возможностью прослушать хотя бы три-четыре курса, упоминание о которых в приложении к диплому, как они предполагают, повысит их ценность в глазах будущего работодателя. Складывается система взаимного лицемерия: студенты поступают в престижный вуз на "ненужные" гуманитарные специальности, чтобы получить шанс приобщиться к специальностям более востребованным, а преподаватели вынуждены каждый день общаться со студентами, готовыми при удобном случае отказаться от гуманитарного образования ради образования более "рентабельного"» [3. C. 86].

Онтологическое осмысление философской основы современных образовательных практик должно быть нацелено как раз на противостояние подобному утилитарному подходу через выявление сущностной ценности предметов и курсов, кажущихся на первый взгляд «нерентабельными». Выстраивание образовательных практик по траектории их антропологической ценности обеспечит повышение их универсальности и конкурентоспособности через трансляцию идеи о вневременном характере такой ценности.

Таким образом, суммируя вышеизложенное, необходимо сказать о том, что важным аспектом осмысления современных образовательных практик должна стать их этическая составляющая, поскольку индивидуализация образования предполагает саморазвитие обучающегося субъекта, и этические нормы не могут быть более даны извне, навязаны дидактически. Вследствие этого само выстраивание современных образовательных практик, призванных, помимо собственно выработки навыков получения знаний, улучшать коммуникативные способности учащихся, должно опираться на этический фундамент, который сможет задать коммуникации в ходе обучения определенные этические рамки. Границы этих рамок должны стать предметом широкой дискуссии научного и педагогического сообществ, поскольку в разных академических сообществах и культурах они могут сильно различаться. Требуется четко определить, что для студентов является необходимым сотрудничеством, кооперацией в группе, а что выходит за эти рамки и превращается в банальное списывание и присвоение интеллектуального труда коллег в ходе обучения.

Заключение

Суммируя материал существующих исследований в области актуальных образовательных тенденций, мы можем выделить аспекты этих тенденций, которые будут отвечать нашей задаче — создать базу для изучения современных образовательных практик в динамике.

1. Антропологическая ценность – понимание того, работает ли практика на развитие человеческого потенциала.

- 2. Требование вневременности способность практики не только удовлетворить сиюминутные интересы учащегося как потребителя образовательного продукта, но и транслировать вневременные, основополагающие человеческие ценности.
- 3. Продуманность защиты практики от ее «нецелевого» использования позволяет ли практика транслировать знания действительно заинтересованным учащимся, не вынуждая их и преподавательский состав тратить время на сотрудничество теми, кто использует выбранный курс как менее престижный заменитель для получения «элитной» профессии.
- 4. Ясность этических рамок, определенных практикой для всех участников учебного процесса.

Описанию современных образовательных практик с точки зрения обозначенного круга вопросов и изучению философских оснований этих практик будет посвящена наша дальнейшая исследовательская работа.

Литература

- 1. *Hogan T*. An Overview of the Knowledge Economy, With a Focus on Arizona. A Report from the Productivity and Prosperity Project (P3), an Initiative Supported by the Office of the University Economist / WP Carey School of Business; Arizona State University. August 2011. URL: https://wpcarey.asu.edu/sites/default/files/uploads/research/competitiveness-prosperity-research/Knowledge-Economy.pdf (accessed: 08.11. 2019).
- 2. Robinson K. All our Futures: Creativity, Culture and Education. Report to the National Advisory Committee on Creative and Cultural Education. London: National Advisory Committee on Creative and Cultural Education, 1999. URL: http://sirkenrobinson.com/pdf/allourfutures.pdf (accessed: 08.11.2019).
- 3. *Иванова Ю.В., Соколов П.В.* Перспективы развития образования по модели свободных искусств и наук в России // Вопросы образования. 2015. № 4. URL: https://vo.hse.ru/data/2015/12/23/1132618478/Ivanova.pdf (дата обращения: 08.11.2019).
- 4. Волкова Г.Л. Обучение в течение всей жизни: как российские ученые получают дополнительное образование. Результаты специализированного обследования, проведенного ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в рамках проекта «Мониторинг поведения субъектов инновационного процесса: инновационная активность компаний сектора интеллектуальных услуг; паттерны инновационной деятельности высококвалифицированных кадров, занятых исследованиями и разработками» тематического плана научно-исследовательских работ НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/data/2019/03/21/1185184445/NTI_N_124_21032019.pdf (дата обращения: 08.11.2019).
- 5. Попов А.А. Социально-философские основания современных практик открытого образования. Томск, 2009. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000343286/000343286.pdf (дата обращения: 08.11.2019).
- 6. *Петрова Г.И*. Философия университетского образования: модификация критериев классического университета в обществе знания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 171 с.
- 7. Корпоративная культура современного университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника / Г.И. Петрова, С.Н. Зыкова, И.А. Ершова, О.А. Бут, Ю.М. Стаховская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 126 с.
- 8. Забота о себе как образовательная практика современного классического университета: сб. ст. и материалов междунар. науч. конф. 24–25 ноября 2017 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018.
- 9. Попов А.А. Образовательное пространство: социология и технология конструирования // Педагогика развития: институциональные переходы в сфере образования: материалы конф. Красноярск: ИЦ Ин-та естеств. и гуманит. наук, 2008. С. 67–76.
- 10. Полов А.А. Философско-историческая оппозиция культурного и индивидуального в педагогической антропологии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 42–46.
- *Olga V. Gorodovich*, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: Gov@tusur.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 62–70.

DOI: 10.17223/1998863X/54/6

PROBLEMATIZATION OF MODERN EDUCATIONAL PRACTICES STUDIES FROM THE PERSPECTIVE OF THEIR PHILOSOPHICAL GROUNDS

Keywords: modern educational practices; philosophy of education; Liberal Arts model; human potential; ethics of education.

The study of educational practices in dynamics is one of the main challenges that modern researchers face all over the world today. New practices arise, are introduced and disappear at such a high speed that large groups of researchers around the globe do not have enough time to fix and describe the processes of their changes. The work of such groups is hampered by the lack of a modern methodology that responds to the needs of research. In the author's opinion, such methodology may be grounded on philosophical foundations of educational practices, for it is philosophy that has the necessary conceptual and categorical apparatus for studying the evolving processes in their dynamics. The most relevant trends in modern education, which, in the author's opinion, require philosophical reflection, are: (1) general transition to the Economy of Knowledge and, as a consequence, the strengthening of the requirements for the practical applicability of knowledge (sometimes in detriment to the theoretical knowledge); (2) a large-scale implementation of the Liberal Arts model, which involves setting specific tasks for students, instead of lecture training. A natural foundation for such reflection would be the model of open education—a model of individually oriented pedagogy. The ontological reflection of modern educational practices' philosophical grounds should be aimed at opposing the utilitarian approach by identifying the intrinsic value of subjects and courses that seem "unprofitable", "unprestigious" at first glance. Thus, alignment of educational practices along the path of their anthropological value will ensure their universality by transmitting the idea of the timeless nature of this value. An important aspect of comprehending modern educational practices should be their ethical component since individualization of education presupposes students' self-development when ethical standards can no longer be given didactically, from outer sources. In the author's opinion, the study of modern educational practices can be based on the following aspects: (1) the anthropological value of a practice—whether it develops the human potential or not; (2) the requirement of timelessness – the ability of a practice not only to satisfy students' immediate interests, but also to transmit timeless values; (3) the well-thought protection of a practice from its "inappropriate" use; (4) the clarity of the practice's ethical framework for all participants in the educational process.

References

- 1. Hogan, T. (2011) An Overview of the Knowledge Economy, With a Focus on Arizona. A Report from the Productivity and Prosperity Project (P3), an Initiative Supported by the Office of the University Economist. WP Carey School of Business; Arizona State University. [Online] Available from: https://wpcarey.asu.edu/sites/default/files/uploads/research/competitiveness-prosperity-research/Knowledge-Economy.pdf (Accessed: 8th November 2019).
- 2. Robinson, K. (1999) *All Our Futures: Creativity, Culture and Education*. Report to the National Advisory Committee on Creative and Cultural Education. London: National Advisory Committee on Creative and Cultural Education. [Online] Available from: http://sirkenrobinson.com/pdf/allour-futures.pdf (Accessed: 8th November 2019).
- 3. Ivanova, Yu.V. & Sokolov, P.V. (2015) Prospects for Liberal Arts Education Development in Russian Universities. Overview of Proceedings of the Liberal Education in Russia and the World Conference. *Voprosy obrazovaniya Educational Studies*. 4. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2015-4-72-91
- 4. Volkova, G.L. (2019) Obuchenie v techenie vsey zhizni: kak rossiyskie uchenye poluchayut dopolnitel'noe obrazovanie. Rezul'taty spetsializirovannogo obsledovaniya, provedennogo ISIEZ NIU VShE v ramkakh proekta "Monitoring povedeniya sub"ektov innovatsionnogo protsessa: innovatsionnaya aktivnost' kompaniy sektora intellektual'nykh uslug; patterny innovatsionnoy deyatel'nosti vysokokvalifitsirovannykh kadrov, zanyatykh issledovaniyami i razrabotkami" tematicheskogo plana nauchno-issledovatel'skikh rabot NIU VShE [Lifelong learning: How Russian scientists receive further education. The results of a specialized survey conducted by ISSEK NRU HSE within the project "Monitoring the behavior of subjects of the innovation process: innovative activity of companies in the intellectual services sector; patterns of innovative activity of highly qualified personnel engaged in research and development" of the HSE thematic research plan]. [Online] Available from:

https://issek.hse.ru/data/2019/03/21/1185184445/NTI_N_124_21032019.pdf (Accessed: 8th November 2019).

- 5. Popov, A.A. (2009) *Sotsial'no-filosofskie osnovaniya sovremennykh praktik otkrytogo obrazovaniya* [Socio-philosophical foundations of modern open education practices]. [Online] Available from: http://sun.tsu.ru/mminfo/000343286/000343286.pdf (Accessed: 8th November 2019).
- 6. Petrova, G.I. (2013) Filosofiya universitetskogo obrazovaniya: modifikatsiya kriteriev klassicheskogo universiteta v obshchestve znaniya [The philosophy of university education: a modification of the classical university criteria in a knowledge society]. Tomsk: Tomsk State University.
- 7. Petrova, G.I., Zykova, S.N., Ershova, I.A., But, O.A. & Stakhovskaya, Yu.M. (2017) Korporativnaya kul'tura sovremennogo universiteta: rol' v formirovanii professional'noy i lichnostnoy identichnosti vypusknika [The corporate culture of a modern university: the role in the formation of a graduate's professional and personal identity]. Tomsk: Tomsk State University.
- 8. Petrova, G.I. (ed.) (2018) Zabota o sebe kak obrazovateľnaya praktika sovremennogo klassicheskogo universiteta [Taking care of yourself as an educational practice of the modern classical university]. Tomsk: Tomsk State University.
- 9. Popov, A.A. (2008) [Educational space: sociology and technology of construction]. *Pedagogi-ka razvitiya: institutsional'nye perekhody v sfere obrazovaniya* [Pedagogy of Development: Institutional Transitions in the Field of Education]. Proc. of the Conference. Krasnoyarsk: Information Center of the Institute for Natural Sciences and Humanities. pp. 67–76.
- 10. Popov, A.A. (2007) Filosofsko-istoricheskaya oppozitsiya kul'turnogo i individual'nogo v pedagogicheskoy antropologii [Philosophical and historical opposition of the cultural and the individual in pedagogical anthropology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 305. pp. 42–46.

УДК 001.2

DOI: 10.17223/1998863X/54/7

Н.А. Князев, Р.Г. Буянкина, О.В. Летунова, С.Ю. Пискорская

СУБЪЕКТНАЯ ОСНОВА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОПОРНЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ И ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРОЙ РЕГИОНА

Исследуется общая характеристика субъектной основы, свойственной взаимоотношениям между опорным университетом и отраслевой инфраструктурой региона. Авторами предложен интеграционный подход в раскрытии междисциплинарных и межотраслевых субъектных отношениях. Методологией исследования является теория постиндустриального типа общества. Выделены три предметных раздела статьи: общая проблематика развития субъектной основы в процессе функциональной активности опорного университета, ведущая роль научного знания в создании и применении социально-технологической информации и современный философскомировоззренческий аспект развития новейших социальных практик.

Ключевые слова: опорный университет, субъектная основа междисциплинарной и межотраслевой интеграции.

Цель данного исследования — раскрыть в функциональных связях опорного университета субъектную основу, формирующую процессы социальной диверсификации, социальной интеграции и социального развития в регионе. Предмет данного исследования отличается актуальностью и отсутствием в публикациях систематического его изучения. Опорный университет — новый элемент в развитии региональных инновационных процессов, осуществляющий тесное взаимодействие высшего технического образования с властью, обществом и предпринимательством.

В российских вузах в последнее время активизировалось освоение передовых способов и методов тесного взаимодействия между выпускающими инженерными кафедрами и соответствующими отраслями региона. Но концептуально-методологического осмысления эта новация, по нашему мнению, еще не достигла. В ранее опубликованных работах нами уже был предложен проект исследования этих актуальных вопросов. Одна из таких работ [1] базируется на понятии социальной парадигмы опорного университета. Парадигмальный аналитический подход, примененный нами в указанной статье, оказался особо востребованным в деятельности тех творческих коллективов, которые самостоятельно вырабатывают исследовательские стратегии. В другой работе [2] нами были рассмотрены социальные и когнитивные особенности опорного университета, его функциональная роль в целостном инновационном процессе развития мегаполиса.

Открытие в ряде городов России опорных вузов явилось важным инновационным событием не только в структуре отечественных университетов. Опорный университет (как особый тип высшего инженерно-технического вуза) стимулировал исследования новейших процессов в региональном научно-технологическом развитии. Мы имеем в виду, прежде всего, исследования субъектной основы взаимодействия этого типа высших учебных заведений с межотраслевой и междисциплинарной сферой интеграции в рамках целост-

ного регионального процесса. Опорный университет без преувеличения можно считать началом качественно новых изменений того, что называется интеграционным научно-образовательным пространством, включающим в себя интеллектуальную и технологическую сферы региональной жизни. В его исследовательскую тематику кроме взаимодействия различных классических отраслей знания, входит еще и тематика межотраслевых хозяйственных процессов, пронизанных экономическими, информационными, инфраструктурными и социально-культурными проблемами региона. В инновационных условиях стремительного сближения системы образования с обществом, властью и предпринимательством «внешняя» (по отношению к университетской проблематике) интеграционная среда должна активно взаимодействовать с традиционными для любого университета научными и учебными делами.

В предлагаемой нами статье в качестве целостного инфраструктурного предмета исследования впервые представлена субъектная основа межотраслевой и междисциплинарной интеграции современных научно-технологических процессов в развитии системы «вуз – промышленность». Методологией такого направления исследований является теория постиндустриального типа общества и его главное понятие – «общество знания». В структуре статьи выделены три относительно самостоятельных предметных раздела: характеристика общей проблематики развития субъектной основы в процессе функциональной активности опорного университета, роль научного знания в создании и применении современных потоков информации и, наконец, философско-мировоззренческий аспект развития субъектной основы в новейших социальных практиках. К изучению данной последовательности предметных разделов статьи мы и приступаем.

Для развития знания поиск его оптимальных интеграционных траекторий всегда оправдан. Это связано с тем, что современная наука превратилась в активный проводник интеграционных процессов, отражающих глубокое взаимодействие всех видов естественнонаучной, инженерно-технологической и социально-организационной деятельности. Как следствие указанной новации, качественные изменения произошли и в субъектной основе научных и технологических отношений регионального масштаба. Открылась широкая перспектива совместного участия вузовских ученых, студентов, выпускников-инженеров и ведущих отраслевых специалистов в виде больших и малых творческих коллективов, способных (в рамках, конечно, общих задач развития технологического потенциала региона) самостоятельно вырабатывать свои собственные научные стратегии исследования. Эта качественно новая особенность в субъектной основе отношений между подготовкой опорным университетом инженерных кадров и отраслевой структурой региона превращается в ключевой фактор понимания сложных интеграционных событий, которые происходят в современной социально-экономической и социальнокультурной жизни.

Методологической группе вопросов, связанных с исследованием в региональных практиках межотраслевой интеграционной тематики, в западных публикациях уделяется большое внимание. Например, для понимания сущности межотраслевой технологической интеграции и конструктивного ее использования на практике приоритет отдается либо поиску «узловых» (практически доказавших свою надежность) инновационных структур, либо

применению так называемой дорожной карты, либо методу специальных экспертиз [3-5]. И если в этих процедурах непосредственно участвует деятельность междисциплинарных научных коллективов, то в целом такую интеграцию можно рассматривать еще и как процесс совместного производства знаний и взаимного обучения [6]. Актуальность данного аспекта междисциплинарных процессов заключается в том, что он касается интеграционного единства между теоретической и научно-методической сторонами существования научных дисциплин, преподаваемых в университете. Речь идет о профильных дисциплинах в учебных программах, по которым на старших курсах готовятся к выпуску будущие инженеры-исследователи. На наш взгляд, одна из важнейших проблем выпуска первоклассных специалистов как раз и заключается в необходимости устранения образовавшегося пробела между интеграционными междисциплинарными реалиями, с которыми будет иметь дело будущий специалист или будущий инженер-исследователь, и общенаучными, учебно-методологическими аспектами понимания этих реалий во время вузовского учебного процесса. Такой обобщенный аспект решения обозначенной учебной проблемы вооружает инженера существенными методологическими и мировоззренческими компетенциями. Он формирует в теоретической и творческой его деятельности весьма ценный компонент - расширительные (а следовательно, адекватные) возможности мыслить с позиции передовых рационалистических ценностей постнеклассической науки. В рамках решения такой задачи, несомненно, следует применять метод диалогового обучения и интерактивного способа усвоения учебно-исследовательского материала с акцентом на организацию научных дискурсов. На наш взгляд, комплексное взаимодействие дисциплинарных, общенаучных и социальнофилософских компонентов в отношениях между вузом и его межотраслевым окружением является важнейшей функциональной особенностью субъектной основы опорного университета.

Особое значение в нашей статье придается проблеме соотношения научного знания и информации и влияния этого соотношения на инновационные изменения в социальных практиках. Решение данной проблемы позволяет выявлять в перспективе принципиальные изменения в культурологической сфере взаимодействия научного знания и информации, а также влияние этого взаимодействия на инновационное состояние социальных практик в аспекте развития высшего образования и повышения качества жизни населения. Методологическим критерием получения этих результатов является принятое учеными положение о том, что научное знание в настоящее время стало выступать в качестве основы производства и потребления информации технологического назначения. Анализ влияния науки как особой отрасли общественного производства на механизм взаимодействия знания и информации открывает новые возможности в понимании сущности целостных региональных процессов. В частности, раскрывается связь региональной инновационной политики с деятельностью опорного университета, активно подключенного к проблеме повышения качества жизни социума. Данная проблематика все чаще находит свое отражение в зарубежных публикациях. Так, например, в работе [7] под названием «Оптимизация процессов инновационных исследований университета и промышленности с точки зрения управления знаниями» обращается внимание на проблему неустойчивого спроса и предложения на инновационные знания и инновационные таланты. В статье утверждается, что именно с помощью исследований можно добиться понимания механизмов и логических звеньев в процессе совместной инновационной деятельности университета и промышленности. Эта деятельность основана на цепочке знаний и схеме управления знаниями как результатов совместных инноваций университета, региональной индустрии и исследований. Ученые разработали реинжиниринговое проектирование концепций управления, организационной структуры и совместных инноваций, реализующихся в виде оптимальных информационных технологий. В качестве другого примера сошлемся на публикацию [8], посвященную изучению опыта самоорганизующихся систем интеллектуальных городов (тематическое исследование интеллектуальных транспортных систем в Китае). Умные города активно развиваются по всему миру, особенно в Китае. Однако единого и четкого понимания системы интеллектуального города еще не существует. Это, считают авторы публикации, негативно влияет на их оценку и качество планирования. В данной связи сначала предлагается исследовать наиболее надежные аспекты города на предыдущем этапе его существования. А затем средствами исследования разрабатывается дополнение по информационному совершенствованию общей комплексной системы самоорганизации. Эти три измерения (научные концепты самоорганизации, информационно-коммуникационные технологии и механизмы развития) объединяются в интеллектуальную городскую систему оценки.

Методология информационно-коммуникационного анализа в зарубежной печати непосредственно коснулась и такой проблематики, как распределение финансов (стипендий) между автономными субъектами интеграционного процесса в рамках отношений университет — отрасль [9]. В данной статье утверждается, что взаимодействие между университетами и внешними отраслевыми сообществами (особенно находящимися на большом географическом расстоянии друг от друга) может быть построено на выгодной экономической основе. Для этого в первую очередь внимание должно быть уделено социально-экономической значимости проекта. И даже в период финансовых трудностей и меняющейся клиентуры, утверждают ученые, можно выгодно использовать стипендии для участников регионального развития. Это происходит в том случае, если к функциональным проблемам университетов, преподавателей и отраслевых специалистов проявляется деловой исследовательский интерес со стороны местных властей.

Важным в теоретическом и практическом отношении является также опыт исследования соотношения «наука – информация» в статье, посвященной экологической тематике [10]. В этой работе рассматривается интеграция двух промышленных событий, которые способны реформировать современные модели производства и потребления: промышленность класса «4.0» и экологически устойчивый характер производства. Однако технологии уровня «4.0» обладают достаточно сильным потенциалом, чтобы разрушить экологически устойчивое производство. Поэтому продуктивная синергия между промышленностью класса «4.0» и экологически устойчивым производством может осуществиться только на исследовательском уровне понимании целой системы факторов (и, прежде всего, информационных) в процессе взаимодействия университетов и промышленной среды.

Исходя из краткого обзора иностранных публикаций, мы приходим к выводу о том, что количественный рост информационных потоков и совершенствование коммуникационных технологий нежелательно рассматривать изолированно, без учета возвышающегося статуса науки по отношению к интеграционным тенденциям социальных взаимодействий. К такому статусному возвышению науки мы относим: динамично расширяющуюся дисциплинарную структуру науки; теоретическое содержание законов природы, законов общества, законов экономики и, главное, междисциплинарные направления их перспективного применения на практике. Эти структуры междисциплинарной научной интеграции (в теоретическом и прикладном ее значении), несомненно, относятся к важнейшим источникам изменений как отдельных видов социальных практик, так и содержания общественных отношений в целом. Особого внимания заслуживает наметившаяся в настоящее время активность нового, трансдисциплинарного типа интеграции в научном познании. Его значение в интеграционных процессах развития научных исследований и социальных практиках постоянно возрастает, хотя и остается еще слабо изученным в масштабах философии, социологии и методологии. В условиях развития современных теоретических и прикладных направлений науки неизбежно формируется многоуровневая структура интеграционных процессов, вступающих в непосредственную связь с процессом информатизации общества и требующих к себе более пристального внимания (чем это сейчас имеет место) в качестве актуального предмета исследований.

Наука функционирует как одна из социальных сфер и поэтому оказывается вовлеченной в активную взаимосвязь с другими сторонами жизни общества. Анализ науки как социальной системы позволяет увидеть целостный способ ее существования, в том числе и в рамках субъектной основы функциональной активности опорного университета. Таким образом, процесс превращения науки в особую отрасль общественного производства во многом определяет формирование динамичной совокупности социальных практик, основанных на исследовательском подходе к современным информационным потокам и междисциплинарным взаимодействиям.

В настоящее время в литературе широко раскрывается социальный и управленческий аспект значения фундаментальных наук. Этот момент хорошо представлен, на наш взгляд, в следующем рассуждении В.В. Иванова: «В период становления постиндустриального общества продолжается развитие материального производства на основе новых технологий, базирующихся на результатах фундаментальных исследований. По мере развития индустрии управление крупными корпорациями переходит от отдельных лиц к группе специалистов в сфере деятельности корпораций – так называемой техноструктуре. Основной целью деятельности бизнес-структур становится уже не максимизация прибыли, а высокие темпы производства, что соответствует интересам общества и, следовательно, повышает социальную функцию бизнеса» [11. С. 18]. Предметом научного исследования впервые становится поиск научного основания также и по отношению к такому трансдисциплинарному единству, как, например, единство между наукой и политикой (или между наукой, производством и геополитикой), между образованием, бизнесом и властью. Конечно, и в отечественных публикациях, и в иностранной литературе взаимодействию образования и науки, науки и бизнеса, образования и региональной политики в целом уделяется немалое внимание. Однако заметим, что весь предметный спектр указанного взаимодействия анализируется только с конкретно-научной, конкретно-социологической и конкретноэкономической точек зрения. При этом философско-методологический аспект исследования, раскрывающий инновационную проблематику под углом зрения принципиально нового типа рациональности, нового типа научной интеграции - трансдисциплинарной интеграции, представлен недостаточно полно. Так, именно междисциплинарный (но не трансдисциплинарный) принцип методологии реализован, например, в статье, предметом анализа которой является менеджмент инновационных интегрирующих структур образования, бизнеса и науки [12]. Такой же стиль анализа мы видим и в статьях [13, 14], хотя ценность их содержания несомненна в плане раскрытия деинновационной деятельности или специфики взаимодействия образования и науки в условиях конкретного производства. Положительного внимания, на наш взгляд, заслуживают также научные работы, в которых конкретика инновационного взаимодействия науки, образования и производства предстает либо в аспекте типизации процесса [15], либо в условиях действия национально-исследовательского университета [16], либо под углом зрения компетентностной основы практико-ориентированного обучения специалистов [17]. Однако далее нас интересует именно философско-методологическая направленность анализа указанной тематики. Этому и посвящается заключительная часть статьи.

Возрастающая роль философско-методологических исследований субъектного фактора опорного университета связана с его усиливающимся влиянием на развитие количественных и качественных параметров социальных практик. В процессе инновационного сближения общества, власти и бизнеса этот аспект исследований ведет к пониманию общенаучной основы функциональных отношений, касающихся взаимодействия ведущих компонентов целостного инновационного процесса по наращиванию инженерного потенциала, промышленного производства и повышения уровня жизни в регионе. Сочетание трех миссий университета — образовательной, научно-исследовательской и предпринимательской — существенно помогает вузам преодолевать дефицит требующихся ресурсов. Перспективы участия государства в деятельности образовательных учреждений во всех странах отныне связываются с частно-государственным партнерством и притоком в образование средств за счет предпринимательства. И здесь без привлечения научного и философского анализа невозможно обойтись.

Из всего спектра философского вклада в целостный процесс изучения ситуации в современных университетах мы выделим два аспекта. Первый из них касается философско-методологических исследований субъектной основы функционального развития опорного университета, в котором все большее значение приобретает процесс утверждения новых рационалистических ценностей науки. Эти рационалистические ценности сформировались под влиянием постнеклассического типа глобальной научной революции, проявляющейся в смене стратегии исследований, в смене оснований науки, задающих и обосновывающих стратегию исследований, а также в принципиальном изменении способа построения научной теории. Интегративное состояние общества, создаваемое в рамках инновационного развития социальных прак-

тик региона, становится условием обновления образования и науки в целях развития единой информационной и коммуникационной системы «наука – образование – экономика – предпринимательство – структура занятости населения».

Второму из указанных нами аспектов влияния философско-методологических принципов на выбор конкретного направления развития университета специально уделяется внимание в монографии О.В. Летуновой [18]. Современная экономическая ситуация в мире, отмечается в монографии, требует от университетов значительного развития способностей самостоятельно принимать решения. При этом в различных странах и экономических регионах имеют место существенные различия в технологических укладах, условиях конкуренции и возможностях совершать научно-технические прорывы. В данной связи развитые страны объединены общим стремлением – овладеть механизмами устойчивого развития. Под термином «устойчивое развитие» принято понимать развитие, которое удовлетворяет потребности ныне живущего поколения на сравнительно длительный исторический срок.

Многие российские специалисты считают, что в экономической системе устойчивого развития ведущую роль должны играть не предприятия, а отдельные регионы как специализированные в определенном направлении развития системы. Передовые регионы заинтересованы иметь у себя специализированные вузы (в том числе и так называемые опорные университеты), которые бы особым образом преломляли в своей деятельности интересы устойчивого развития соответствующего региона. Однако принципу развития того или иного экономического региона в мировом сообществе должно соответствовать конкретное философское сопровождение. И оно может быть выбрано по определенному методологическому принципу. Этот важный момент выбора философского сопровождения для системы университетского образования сформулирован в монографии О.В. Летуновой. Автор исходит из того, что принципы различения экономических проектов раскрываются объективно, вне абсолютной их зависимости от каких-либо теоретических разработок, искусственно насаждающихся для конкретного варианта экономического развития. При выборе философско-мировоззренческого варианта модели экономического развития субъекта должна учитываться его историческая и хозяйственная практика. Приобретая актуальное значение в том или ином исторически сложившемся экономическом проекте, экономическая наука строится либо в системе метафизического (репрезентативистского), либо в системе диалектического стиля научного познания. Так, для метафизического стиля научного мышления в качестве ведущих являются принципы агностицизма, дуализма и антропоцентризма. Согласно же диалектике процесс познания осуществляется на основе принципа единства мира, всеобщей связи явлений и принципа отражения. Несомненно, в тех или иных университетах развитых стран мира может быть осуществлен свой характерный выбор – в сторону диалектического или в сторону метафизического пути философского понимания общего вектора экономического развития в университете. Это зависит от способности и рейтинга, достигнутых тем или иным творческим коллективом вуза. Существенное влияние оказывают также тенденции развития на мировых экономических рынках. В конечном счете деятельностная ценность состояния «устойчивого развития» способна сохранять единство

между конкретикой научно-технологических инноваций на местах и мировоззренческой направленности в деятельности, кооперирующихся с вузовским процессом органов власти.

В качестве итога проведенного нами исследования сформулируем следующие выводы по трем предметным разделам статьи.

- 1. В работе в качестве целостного инфраструктурного предмета исследования впервые представлена субъектная основа межотраслевой и междисциплинарной интеграции в региональной системе «вуз – промышленность». Это позволяет изучать совместные группы вузовских ученых, студентов, выпускников-инженеров и ведущих отраслевых специалистов, образующихся в виде творческих коллективов и способных (в рамках, конечно, общих задач развития региона) самостоятельно вырабатывать свои собственные научные стратегии исследования. Данная тенденция в субъектной основе отношений между подготовкой опорным университетом инженерных кадров и отраслевой структурой региона превращается, на наш взгляд, в ключевой фактор понимания сложных интеграционных событий, которые происходят в современной социально-экономической и социально-культурной жизни. Этот фактор позволяет формировать у специалистов и инженеров весьма ценный компонент – расширительные (а следовательно, адекватные) способности мыслить в процессе научной или научно-технической деятельности с позиции передовых рационалистических ценностей постнеклассической науки. На наш взгляд, комплексное взаимодействие дисциплинарных, общенаучных и социально-философских компонентов в отношениях между вузом и его межотраслевым окружением является важнейшей функциональной особенностью субъектной основы опорного университета.
- 2. Проблема соотношения научного знания и информации, а также влияния этого соотношения на инновационные изменения в социальных практиках рассмотрена в статье на основе принятого современными учеными положения о том, что научное знание стало выступать определяющим фактором производства и потребления информации. Представление о науке как о социальной системе позволило увидеть целостный способ ее существования в рамках субъектной основы функциональной активности опорного университета. Процесс превращения науки в особую отрасль общественного производства во многом определяет формирование динамичной совокупности социальных практик, основанных на исследовательском подходе по отношению к современным информационным потокам и междисциплинарным взаимодействиям.
- 3. В статье представлен философско-методологический анализ субъектной основы опорного университета в связи с его усиливающимся влиянием на развитие количественных и качественных параметров социальных практик в регионе. Этот анализ, во-первых, направлен на процесс утверждения в деятельности специалистов новых рационалистических ценностей науки, которые сформировались под влиянием постнеклассического типа глобальной революции. По отношению к процессу функционирования субъектной основы опорного университета особо выделена проблема достижения единства между социально-культурными и внутринаучными изменениями, вносимыми глобальной революцией в развитие науки.

Во-вторых, в статье утверждается, что принципу развития того или иного экономического региона в мировом сообществе должно соответствовать конкретное философское сопровождение. Оно может быть выбрано по определенному методологическому принципу, который должен учитывать экономическое развитие субъекта, его историческую и хозяйственную практику. Приобретая актуальное значение в том или ином исторически сложившемся экономическом проекте, экономическая наука строится либо в системе метафизического, либо в системе диалектического стилей научного познания. Так, для метафизического (репрезентативистского) стиля научного мышления в качестве ведущих являются принципы агностицизма, дуализма и антропоцентризма. Согласно же диалектике процесс познания осуществляется на основе принципа единства мира, всеобщей связи явлений и принципа отражения. Несомненно, в тех или иных университетах развитых стран мира может быть осуществлен свой характерный выбор – в сторону диалектического или в сторону метафизического пути философского понимания общего вектора экономического развития. Это зависит от способности и рейтинга, достигнутых тем или иным творческим коллективом вуза.

Литература

- 1. Князев Н.А. Научно-образовательная парадигма опорного университета // Материалы XX юбилейной Международной научно-практической конференции «Решетневские чтения», посвященной памяти генерального конструктора ракетно-космических систем академика М.Ф. Решетнева: в 2 ч. / под общ. ред. Ю.Ю. Логинова; Сиб. гос. ун-т науки и технологий. Красноярск, 2017. Ч. 2. С. 730–731.
- 2. Knyazev N.A., Buyankina R.G., Zukov R.A. Cognitive grounds of strategies in modern educational practices. Doi: http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.67 // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. XXXV (35) eISSN: 2357–1330. No. 67. P. 574–579.
- 3. Matthias Weber K., Schaper-Rinkel P. European sectoral innovation foresight: Identifying emerging cross-sectoral patterns and policy issues // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 115. P. 240–250.
- 4. Lee K., Malerba F. Catch-up cycles and changes in industrial leadership: Windows of opportunity and responses of firms and countries in the evolution of sectoral systems // Research Policy. 2017. Vol. 46, is. 2. P. 338–351.
- 5. Marseu E., Kolberg D., Birtel M., Zühlke D. Interdisciplinary Engineering Methodology for changeable Cyber-Physical Production Systems // IFAC-PapersOnLine. 2016. Vol. 49, is. 31. P. 85–90.
- 6. Kröger M., Schäfer M. Scenario development as a tool for interdisciplinary integration processes in sustainable land use research // Futures. 2016. Vol. 84, part A. P. 64–81.
- 7. Jin Xu, Qimin Hou, Chenyang Niu, Ying Wang, Yuhong Xie. Cognitive Systems Research. Process Optimization of the University-Industry-Research Collaborative Innovation from the Perspective of Knowledge Management. Available online 27 September 2018 In Press, Accepted Manuscript What are Accepted Manuscript articles?
- 8. Jianghui Yan, Jinping Liu, Fang-Mei Tseng. An evaluation system based on the self-organizing system framework of smart cities: A case study of smart transportation systems in China. Technological Forecasting and Social Change. Available online 30 July 2018. In Press, Corrected ProofWhat are Corrected Proof articles?
- 9. *Ntimi N. Mtawa, Samuel N. Fongwa, Gerald Wangenge-Ouma.* The scholarship of university-community engagement: Interrogating Boyer's model // International Journal of Educational Development. 2016. Vol. 49. P. 126–133.
- 10. Ana Beatriz Lopesde Sousa Jabbour, Charbel Jose ChiappettaJabbour, CyrilForopon, Moacir Godinho Filho. When titans meet Can industry 4.0 revolutionise the environmentally-sustainable manufacturing wave? The role of critical success factors // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 132. P. 18–25.
 - 11. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2015.

- 12. Fetschenko V., Shadoba E., Katkow Y., Shchelikova N., Glushak N. Management of Innovative Integrated Structures of Education, Business and Science at the Regional Level // Procedia Social and Behavioral Sciences. 5 December 2015. Vol. 214. P. 243–251.
- 13. Charron N., Rothstein Bo. Does education lead to higher generalized trust? The importance of quality of government // International Journal of Educational Development. September 2016. Vol. 50. P. 59–73.
- 14. *Pang Min-Seok*. IT governance and business value in the public sector organizations The role of elected representatives in IT governance and its impact on IT value in U.S. state governments // Decision Support Systems. March 2014. Vol. 59. P. 274–285.
- 15. Musaeva K. Research Organizations and Business: Interaction Barriers in the Context of Innovative DevelopmentOriginal Research // Procedia Social and Behavioral Sciences. 5 December 2015. Vol. 214. P. 201–211.
- 16. Kartashova A., Shirko T., Khomenko I., Naumova L. Educational Activity of National Research Universities as a Basis for Integration of Science, Education and Industry in Regional Research and Educational Complexes // Procedia Social and Behavioral Sciences. 5 December 2015. Vol. 214. P. 619–627.
- 17. Baumann Th., Harfst S., Swanger A., Saganski G., Alwerfalli D., Cell A. Developing Competency-based, Industry-driven Manufacturing Education in the USA: Bringing together Industry, Government and Education Sectors // Procedia Social and Behavioral Sciences. 19 March 2014. Vol. 119. P. 30–39.
- 18. *Летунова О.В.* Экономическое мышление и проекты экономического развития. Красноярск, 2015. 250 с.

Nikolay A. Knyazev, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasno-yarsk, Russian Federation).

E-mail: knyazev@sibsau.ru

Rimma G. Buyankina, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: buyankinar@mail.ru

Olga V. Letunova, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasno-yarsk, Russian Federation).

E-mail: leto3105@mail.ru

Svetlana Yu. Piskorskaya, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: piskorskaya@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 71–82.

DOI: 10.17223/1998863X/54/7

RUSSIAN FLAGSHIP UNIVERSITIES AND THE STRUCTURE OF REGIONAL ECONOMY: THE SUBJECTIVE FOUNDATIONS OF THEIR RELATIONS

Keywords: Russian flagship university; subjective foundation of interdisciplinary and intersectoral integration.

The article provides a general description of a subjective foundation, which is definitive for relations between flagship universities and the regional economic infrastructure in Russia. Russian flagship universities are a new element in the development of regional innovative processes since they act as a link between higher engineering education, the government, society, and business. The aim of this work is to reveal the subjective foundation within the functional ties of a flagship university. This foundation determines the processes of social diversification, social integration, and social development in a given region. The subject of the study, thus, is highly relevant. At the same time, there have been few publications, which systematically addressed relations between flagship universities and society. The selected methodological basis for the investigation is the theory of post-industrial society. There are three independent thematic units in the article: (1) the description of the general problem of the development of the subjective foundation in the process of the flagship university's operation; (2) the role of scientific knowledge in creating and using current volumes of information; (3) the philosophical and worldview aspects of the development of subjective foundations in modern social practices. After a critical analysis of relevant publications on intersectoral integration, the authors have focused on situations which discuss the activities of small creative teams, consisting of university

academics, students, young engineers, and sector specialists, who are capable of (in terms of solving a regional problem) selecting a research strategy independently. It is very important for the participants of such teams to be able to think from the position of advanced rational values of post-classical science. Thus, the complex interaction of multidisciplinary, general scientific, and socio-philosophical components in the relations between a university and its intersectoral environment is a most important functional characteristic of the subjective foundation of a flagship university. In this article, special attention is paid to the problem of balance between scientific knowledge and information, along with the influence of this correlation on the innovative changes in social practices. The methodological criterion of obtaining results is the accepted postulate that modern scientific knowledge is the basis for information production and consumption. The study of modern literature on this issue has allowed the authors to make the following conclusion. First, the most stable properties of the object under investigation at the previous stage of its existence are studied. Then, an innovative supplement is developed to informatively perfect the processes of the complex organization of the system. The three dimensions (the scientific ideas of organization, information and communication technologies, and development mechanisms) are brought together into one intellectual assessment of the result. Special attention is paid to the philosophical and methodological investigations of the subjective foundation of a flagship university in connection with its strengthening influence on the development of quantitative and qualitative parameters of social practices in a specific region. This aspect of the investigation of the functional development of a flagship university is primarily aimed at confirming new rationalistic scientific values. In relation to the process of functioning of the flagship university's subjective foundation, the authors have specified the problem of reaching a unity between inner scientific and sociocultural changes introduced by the postclassical scientific revolution into the region's development. In this part of the article, the authors have come to the conclusion that the development principle of a specific economic region must correspond to a specific philosophical thought, which is determined according to a methodological foundation. The choice of a philosophical and worldview model for the economic development of a specific region requires taking into consideration its historical and economic experience. Acquiring relevant meaning in one or another project in history, economic science is built either on a metaphysical (representative) system, or on a dialectic style of scientific knowledge. For the metaphysical style, the key principles are agnosticism, dualism, and anthropocentrism. Dialectics, on the contrary, understands knowledge acquisition as based on the principle of world unity, a universal connection between all phenomena, and the principle of reflection. Depending on the abilities and level of a university's scholarly team, either of the two philosophical ideas may be used to understand economic development.

References

- 1. Knyazev, N.A. (2017) Nauchno-obrazovatel'naya paradigma opornogo universiteta [The scientific and educational paradigm of a reference university]. In: Loginov, Yu.Yu. (ed.) *Reshetnevskie chteniya* [The Reshetnev Readings]. Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology, pp. 730–731.
- 2. Knyazev, N.A., Buyankina, R.G. & Zukov, R.A. (2018) Cognitive grounds of strategies in modern educational practices. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 35(67). pp. 574–579. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.67
- 3. Matthias Weber, K. & Schaper-Rinkel, P. (2017) European sectoral innovation foresight: Identifying emerging cross-sectoral patterns and policy issues. *Technological Forecasting and Social Change*. 115. pp. 240–250. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.09.007
- 4. Lee, K. & Malerba, F. (2017) Catch-up cycles and changes in industrial leadership: Windows of opportunity and responses of firms and countries in the evolution of sectoral systems. *Research Policy*. 4(2). pp. 338–351. DOI: 10.1016/j.respol.2016.09.006
- 5. Marseu, E., Kolberg, D., Birtel, M. & Zühlke, D. (2016) Interdisciplinary Engineering Methodology for changeable Cyber-Physical Production Systems. *IFAC-PapersOnLine*. 49(31). pp. 85–90. DOI: 10.1016/j.ifacol.2016.12.166
- 6. Kröger, M. & Schäfer, M. (2016) Scenario development as a tool for interdisciplinary integration pro-cesses in sustainable land use research. *Futures*. 84(A). pp. 64–81.
- 7. Jin, X., Qimin, H., Chenyang, N., Ying, W. & Yuhong, X. (2018) Process Optimization of the University-Industry-Research Collaborative Innovation from the Perspective of Knowledge Management. *Cognitive Systems Research*. 52. DOI: 10.1016/j.cogsys.2018.09.020
- 8. Jianghui, Y., Jinping, L. & Fang-Mei. T. (2018) An evaluation system based on the self-organizing system framework of smart cities: A case study of smart transportation systems in China. *Technological Forecasting and Social Change*. 153. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.07.009

- 9. Mtawa, N.N., Fongwa, S.N. & Wangenge-Ouma, G. (2016) The scholarship of university-community engagement: Interrogating Boyer's model. *International Journal of Educational Development*. 49. pp. 126–133. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2016.01.007
- 10. Jabbour, A.B.L.S. & Jabbour, C.J.C., Foropon, C. & Godinho Filho, M. (2018) When titans meet Can industry 4.0 revolutionise the environmentally-sustainable manufacturing wave? The role of critical success factors. *Technological Forecasting and Social Change.* 132. pp. 18–25. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.01.017
- 11. Ivanov, V.V. (2015) *Innovatsionnaya paradigma XXI* [Innovative Paradigm XXI]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
- 12. Fetschenko, V., Shadoba, E., Katkow, Y., Shchelikova, N. & Glushak, N. (2015) Management of Innovative Integrated Structures of Education, Business and Science at the Regional Level. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 214. pp. 243–251. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.673
- 13. Charron, N. & Rothstein, B. (2016) Does education lead to higher generalized trust? The importance of quality of government. *International Journal of Educational Development*. 50. pp. 59–73. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2016.05.009
- 14. Pang, M.-S. (2014) IT governance and business value in the public sector organizations The role of elected representatives in IT governance and its impact on IT value in U.S. state governments. *Decision Support Systems*. 59. pp. 274–285. DOI: 10.1016/j.dss.2013.12.006
- 15. Musaeva, K. (2015) Research Organizations and Business: Interaction Barriers in the Context of Innovative Development. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 214. pp. 201–211. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.663
- 16. Kartashova, A., Shirko, T., Khomenko, I. & Naumova, L. (2015) Educational Activity of National Re-search Universities as a Basis for Integration of Science, Education and Industry in Regional Research and Educational Complexes. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 214. pp. 619–627. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.768
- 17. Baumann, Th., Harfst, S., Swanger, A., Saganski, G., Alwerfalli, D. & Cell, A. (2014) Developing Competency-based, Industry-driven Manufacturing Education in the USA: Bringing together Industry, Government and Education Sectors. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 119. pp. 30–39. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.03.006
- Letunova, O.V. (2015) Ekonomicheskoe myshlenie i proekty ekonomicheskogo razvitiya
 [Economic Thinking and Economic Development Projects]. Krasnoyarsk: Siberian State Aerospace University.

УДК 323.329

DOI: 10.17223/1998863X/54/8

Е.Ю. Ламмерт

КОНЦЕПТ «ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлен анализ концепта «позднего капитализма» В. Зомбарта. Выделены и проанализированы основные факторы, умещающие в себе его фундаментальное содержание, а также их социально-философское осмысление сквозь призму онтологической проблематики пространственных связей в концепциях философии постмодерна.

Ключевые слова: поздний капитализм, территориальность, ризома, сетевое общество, социальные преобразования.

Исторические трансформации XX в., ознаменованные развитием новых тенденций в социальной, экономической и культурной жизни общества, спровоцировали необходимость уточнения многих концептуальных положений социальной теории в ее классическом варианте. Производственный процесс этого времени воплотился в образе научно-технической революции, очередной виток которой пришелся на 70–80 гг. и стал напрямую зависеть от генерации нового потока инноваций и свободы для распространения информации. В это время получил широкое распространение процесс «возрождения» либеральных принципов и подходов в экономических системах, сопровождающийся развитием рыночной институционализации и проникновением либеральных механизмов в ранее слабо регулируемые ими сферы. Эти трансформации в своей совокупности привели к образованию новой формы социально-экономического устройства.

Предметом острых дискуссий, в частности среди представителей неомарксизма и других теоретиков «новых левых», послужил пересмотр теории промышленного капитализма и того типа социальности, который ему соответствует.

Исследователи, предпринявшие в своих трудах попытки идентификации меняющейся социально-экономической реальности, предложили ряд новых концептуальных интерпретаций современной системы социального устройства. К числу таких примеров можно отнести концепт «позднего капитализма».

Поздний капитализм (*opuг*. Spätkapitalismus) – это концепция исторической школы экономики и, одновременно, версия неомарксистской теории, описывающая конечную стадию капитализма. Введение этого понятия, а также разработку его основных фундаментальных значений приписывают немецкому социологу и экономисту Вернеру Зомбарту. Исследованию творческого наследия В. Зомбарта в отечественной литературе посвящены труды Ю.Н. Давыдова, В.В. Сапова и Р.П. Шлаковой [1]. Р.П. Шпакова в ряде своих статей затрагивала вопросы общего развития научных идей Зомбарта и его концепции генезиса капитализма [2]. Важным вкладом в изучение творческо-

го наследия Зомбарта является трехтомный труд «Werner Sombart (1863—1941) — Social Scientist», изданный в 1996 г. на английском языке в Марбурге (Германия). Эта книга представляет собой сборник научных работ ведущих специалистов по истории социальной мысли, которые непосредственно занимаются изучением творчества В. Зомбарта [3].

В своих трудах В. Зомбарт исследовал структуру и функционирование общества на определенных этапах его развития, в частности капиталистической экономической системы, существующей в рамках соответствующей экономической эпохи [4]. Главные труды В. Зомбарта имеют отношения к важнейшим вопросам социогуманитраного познания, поскольку предметом, в первую очередь, экономической теоретической реконструкции, становится современный тип общественности, зависимый от исторического генезиса и трансформации капитализма, в том числе становления и эволюции особого класса – буржуазии [5]. Занимаясь экономической историей Запада, В. Зомбарт попутно уделяет внимание проблеме социальных движений, а также возможной социалистической форме производства. Будучи одним из первых авторов, который обратился к исследованию феномена современной ему формы западного капитализма, В. Зомбарт в своей фундаментальной работе «Современный капитализм» [Там же] (ориг. «Der moderne Kapitalismus», ее окончательная версия ознаменовалась публикацией в 1927 г. ее третьего тома, ориг. «Wirtschaft im Zeitalter des Hochkapitalismus» [6]) предложил трехэтапную историю развития капитализма [7]. На ежегодном собрании Ассоциации социальной политики 1928 г., проходившей в Цюрихе, Вернер Зомбарт прочитал вступительную лекцию к первой теме конференции «Трансформация капитализма» (ориг. «Wandlungen des Kapitalismus»), в которой кратко изложил свою позицию относительно формы позднего капитализма, содержащейся в отдельных главах опубликованной книги 1927 г. [8].

Главным образом, Зомбарт отожествил этап позднего капитализм с экономической стагнацией в европейской экономике, начавшейся еще со времен Первой мировой войны.

Ученый выделяет три основных фактора, умещающих в себе содержание концепта «позднего капитализма»:

- 1) территориальные преобразования (ориг. «Territoriale Wandlungen»);
- 2) преобразование формы (ориг. «Gestalts Wandlungen»);
- 3) преобразования области (ориг. «Bereichs Wandlungen») [9. P. 386]

Фактор территориальных преобразований, по мнению Зомбарта, базируется на том, что капитализм будет продолжать распространяться на страны и континенты, где еще не была осуществлена индустриализация. Однако старые капиталистические страны Европы будут вносить гораздо меньший вклад в рост капитализма за счет экспорта капитала, поскольку темпы накопления капитала в самой Европе резко упадут [Ibid. P. 386].

Относительная стагнация производительности является результатом различных экономических, социологических и природных факторов влияния. Прежде всего, производительность первичного производства, которую Зомбарт считал наиболее важным фактором, определяющим общую производительность, не имела перспективы дальнейшего роста. В процессе собственной индустриализации новые капиталистические страны будут использовать большую часть своего первоначального производства для себя и, следова-

тельно, уменьшат свою зависимость от импорта промышленных товаров из Европы. Таким образом, Зомбарт указывает на тенденцию к повышению самообеспеченности экономик [9. Р. 387].

К тенденциям развития позднего капитализма, приписываемых «изменению формы», автор относит растущую концентрацию капитала, т.е. увеличивающуюся монополизацию производства и рынков. Зомбарт считал, что монопольная власть сама по себе не должна отрицательно влиять на экономический рост, а должна рассматриваться как средство максимально рационализировать производство. В. Зомбарт воспринимал эти факторы не просто как последствия измененных экономических структур, но как результат внутренней логики развития капитализма [Ibid. P. 388].

В описании «преобразований области» Зомбарт выделяет три сектора, каждый из которых представляет разные экономические системы. Докапиталистический сектор, состоящий из сельского хозяйства, ремесел и малого бизнеса, расширит свою долю. Это возникает в результате уже упомянутой тенденции преобразования области. Однако внутри страны этот сектор все больше оптимизирует свои методы производства и становится более капиталистическим. Капиталистический сектор будет по-прежнему доминировать в широких секторах экономики, особенно в тех областях, где по-прежнему происходят быстрые технические преобразования. Но капитализм постепенно утратит свое доминирующее положение, и он также изменит свою природу в том смысле, что станет «устойчивым», что его развитие будет более спокойным и более взвешенным. Третья область, которую Зомбарт называет посткапиталистической системой, будет медленно расширяться за счет капиталистического сектора. Монополизированные и картелизированные предприятия, которые исчерпали потенциал своей рационализации, могут быть социализированы без потери эффективности и производительности [Ibid. P. 389].

Тенденции, присущие капитализму, будут приводить к развитию системы плановой экономики на национальном уровне. Три фундаментальных фактора, которые Зомбарт выделяет как конститутивные для современного капитализма, будут формировать, по мнению автора, плавный переход к социализму.

В некотором смысле, введение плановой экономики является лишь последним, хотя и важным шагом на пути к социализму. Саморегулирование экономики с помощью картелей, монополизация целых отраслей промышленности, организация работников в профсоюзах и другие факторы привели к введению различных форм государственного контроля и управления, а развитие межгосударственных экономических отношений после Первой мировой войны – к существенной интенсификации государственного вмешательства в международные дела. Для Зомбарта плановая экономика – это метод формирования будущего курса развития экономической системы в соответствии со свободной волей человека [9. С. 386–387].

Таким образом, В. Зомбарт сфокусировал внимание на факторах, выступивших конститутивными для оформления новой формы капиталистических отношений. Примечательная прогрессивность идей В. Зомбарта выражена в свойстве его внимательного философского взгляда — особого рода проницательности. Мысли, изложенные в его работе, отражаются в образе трех фун-

даментальных интуиций, заявивших о себе задолго до выхода тех работ, которые оформят их собственно философским образом.

Обращаясь к терминологии территориальности («Territoriale Wandlungen»), своего рода пространственной метафоры, Зомабарт уже в то время начинает развивать идею разрушения традиционных представлений о централизованной структуре мирового устройства, предполагающую осевую ориентацию развивающихся стран на Запад. Несколько позже онтологическая проблематика пространственных связей и отношений обретет свое развитие в понятиях философии постмодерна, где пространство будет рассматриваться сквозь призму экзистенциональной размерности. Так, Ж. Делёз и Ф. Гваттари в совместной работе «Rhizome» вводят понятие «ризома» в контексте разработки фундаментальных положений номадологического проекта постмодернизма, базирующегося на радикальном отказе от презумпции константной гештальтной организации бытия [10].

Концепт «ризома» выражает основополагающую для постмодерна ориентацию на деконструкцию классического понимания структуры как семантически центрированной и стабильно определенной, выступая радикальной альтернативой замкнутым и статичным линейным системам, полагающим в своей основе строгую осевую ориентацию.

В своих трудах Зомабарт определяет концепт «позднего капитализма», прежде всего, через процесс преодоления зависимости и опорной ориентации развивающихся стран на Запад, их постепенный переход к самообеспеченности и автономности. Такое виденье меняющегося мирового устройства напрямую соотносимо с видоизменением фундаментальной для классической европейской культуры метафоры «корень», которая подразделяется на собственно «коренные» или «стержневые» («система-корень») системы, с одной стороны, и «мочковатые» или «пучкообразные» – с другой. Организационные особенности корневых систем определяются в номадологии как отличные друг от друга, однако типологическим единством этих систем выступает свойственная им соотнесенность с семантической фигурой глубины, метафорически отражающей в контексте западного менталитета метафизическую презумпцию линейной организации. В противоположность любым видам корневой организации, ризома интерпретируется не в образе линейного «корня», а в форме радикально отличного от корней «клубня» как потенциальной бесконечности, имплицитно содержащей в себе «скрытый стебель». Принципиальное отличие заключается в том, что этот стебель может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, потому как ризома абсолютно нелинейна: «мир потерял свой стержень» [11. С. 5]. Ризоморфные среды обладают имманентной способностью к самоорганизации, и в этом смысле могут быть оценены не как кибернетические (т.е. подчиненные командам «центра»), а как синергетические.

Ж. Делез и Ф. Гваттари предлагают взглянуть на устроение мирового порядка особым образом. Мир может быть полицентричен, может произрастать и развиваться из каждого отдельно взятого локального участка. В нем может отсутствовать какая-то выраженная системность, отсутствовать единство. И если мир в действительности таков, то он уже не может быть осмыслен в контексте своего единства, не может быть постигнут традиционными категориями мышления. Авторам удается проиллюстрировать отличительные чер-

ты ризоморфной организации мира и отразить необходимость переосмысления привычной реальности. Именно на эту тенденцию и указывал Зомбарт в своих исследованиях.

Рассматривая современное общество с присущими ему процессами всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, сквозь призму социально-философской рефлексии, мы имеем возможность проследить его очевидную соотнесенность с разворачивающейся трансформацией общественной системы в глобальную сеть. Перед нами — взаимодействие мировых наций и государств, побуждая ряд авторов представить специфику нового порядка мирового устройства сквозь призму сетевой парадигмы.

Наибольшую популярность в современной литературе о сетевом обществе приобрели труды М. Кастальса, в исследованиях которого большое значение принимают не только преобразования в материальном производстве, но и подробный анализ культурных спецификаций социальных процессов и явлений современности. Современное общество выстроено вокруг потоков информации, технологий, капитала, организованного взаимодействия, символов. Каждое из направлений движения потоков этих факторов организовано процессами, в которые оно вовлечено. «Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени» [12. С. 110]. Поэтому конфигурация институциональной структуры этих процессов, т.е. сети, становится фундаментом пространственной системы общественной жизни. «В этой сети ни одно место не существует само по себе, так как позиции определяются потоками... Технологическая инфраструктура, на которой базируется сеть, определяет новое пространство почти так же, как железные дороги определяли «экономические регионы» и «национальные рынки» индустриальной экономики... Эта технологическая инфраструктура сама является выражением сети потоков, архитектура и содержание которых определяются силами, действующими в нашем мире» [Там же. С. 115].

Полем для распространения сетевых эффектов выступает множество сфер общественной жизни, к числу которых, в частности, можно отнести рынки капитала и труда. Прослеживается очевидное переплетение развития сетевых исследований с исследованиями, посвященными феномену глобализации. Глобализация как раз и являет собой один из тех сетевых эффектов, которые иллюстрируют описанные принципы ризомы. Глобализация отражает новое качество мира, в основе которого лежит феномен нарастающей взаимозависимости субъектов мирохозяйственных отношений, и порождает новые формы сетевых институтов. В их числе тот новый вид институциональных единиц, основанный на сетевой, ризоморфной системе организации, который способен проецировать себя внутрь и разрастаться посредством клонирования. Эти технологические феномены индустриальной эпохи позволили сформировать стратифицированную, эшелонированную вертикальноиерархическую систему подчинения, породившую явление сетевого предприятия, частной формой которого являются транснациональные корпорации. Развитие сетевых предприятий выступает ключевым драйвером для разрастания сетевой активности капитала, способствует росту глобальной сети финансовых рынков. Подобная сетевая экспансия является фундаментальным залогом количественного и пространственного расширения капитала. Примечательно, что на развитие именно этого феномена и указывал Зомбарт, отмечая в качестве одной из основных тенденций развития позднего капитализма процесс «изменения формы» — растущую концентрацию капитала и увеличивающуюся монополизацию производства и рынков.

Сам же по себе концепт «позднего капитализма» по сей день является актуальным предметом для дискуссий внутри современного научного и философского сообщества. Исследования В. Зомбарта по праву можно отнести к его фундаментальной теоретико-методологической основе.

Литература

- Шпакова Р.П. Вернер Зомбарт германский феномен // Социологические исследования.
 № 2. С. 115–121.
- 2. Шпакова Р.П. Вернер Зомбарт: в ожидании признания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 1. С. 62–78.
- 3. Scaff L.A. Sombart's Politics // Werner Sombart (1863–1941): Social Scientist. Marburg, 1996. Vol. 1.
- 4. *Зомбарт В.* Роскошь и капитализм // Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Владимир Даль, 2008. Т. 3. С. 7–238.
- 5. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2008. Т. 1. С. 28–480.
 - 6. Sombart W. Der moderne Kapitalismus // Duncker & Humblot. Leipzig, 1902.
- 7. Sombart W. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus, 2 Teile. (Band III von Sombart, W., Der moderne Kapitalismus) // Duncker & Humblot. Leipzig, 1928.
- 8. Sombart W. Die Wandlungen Des Kapitalismus // Weltwirtschaftliches Archiv. 1928. Vol. 28. P. 243–256.
- 9. Chaloupek G. Werner Sombarts "Spätkapitalismus" und die langfristige Wirtschaftsentwicklung // Wirtschaft und Gesellschaft, Stuttgart, 199. Heft 3. P. 385–400.
- 10. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна : сб. переводов и рефератов. Минск : Красико-принт, 1996. С. 6–31.
- 11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург : У-Фактория, Астрель, 2010. Т. 2. 895 с.
- 12. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. и под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 605 с.

Evgeniy Yu. Lammert, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lammert93@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 83–89.

DOI: 10.17223/1998863X/54/8

THE CONCEPT OF LATE CAPITALISM: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS Keywords: late capitalism; territoriality; rhizome; network society; social transformation.

The article presents an analysis of the concept "late capitalism" by Werner Sombart. In his writings, Sombart investigated the structure and functioning of society at certain stages of its development, the capitalist economic system in particular. Sombart's main works are related to the most important issues of socio-humanistic cognition since the subject of, primarily, economic theoretical reconstruction is the modern type of public, dependent on the historical genesis and transformation of capitalism. Sombart identifies three main factors covering the content of the concept "late capitalism": territorial transformations, form transformation, and area transformations. Thus, he focused on the factors that are constitutional for the formulation of new forms of capitalist relations. Turning to the terminology of territoriality, Sombart began to develop the idea of destroying traditional representations about the centralized structure of the world structure, which suggests the axial orientation of developing countries to the West. Somewhat later, the ontological perspective of spatial connections and relationships was developed in terms of postmodern philosophy, in which space is viewed through the prism of an existential dimension. In their work "Rhizome", Gilles Deleuze and Félix Guattari suggest looking at the structure of the world order in a special way. The world can be polycentric, it can grow and devel-

op from each individual local area. It may be missing some pronounced consistency and unity. And if the world is really like that, then it can no longer be understood in the context of its unity, it cannot be comprehended by traditional categories of thinking. The authors manage to illustrate the distinctive features of the rhizomorphic organization of the world and reflect the need to rethink the usual reality. It was this tendency that Sombart pointed out in his research in the first half of the 20th century.

References

- 1. Shpakova, R.P. (1997) Verner Zombart germanskiy fenomen [Werner Sombart a German phenomenon]. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 2. pp. 115–121.
- 2. Shpakova, R.P. (2001) Verner Zombart: v ozhidanii priznaniya [Werner Sombart: awaiting recognition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4(1), pp. 62–78.
- 3. Scaff, L.A. (1996) Sombart's Politics. In: Backhaus, J.G. (ed.) Werner Sombart (1863–1941): Social Scientist. Vol. 1. Marburg: Metropolis-Verlag.
- 4. Sombart, W. (2008a) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: In 3 vols]. Vol. 3. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'. pp. 7–238.
- 5. Sombart, W. (2008b) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: In 3 vols]. Vol. 1. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'. pp. 28–480.
 - 6. Sombart, W. (1902) Der moderne Kapitalismus. Leipzig: Duncker & Humblot.
 - 7. Sombart, W. (1928a) Der moderne Kapitalismus. Leipzig: Duncker & Humblot.
- 8. Sombart, W. (1928b) Die Wandlungen Des Kapitalismus. Weltwirtschaftliches Archiv. 28. pp. 243–256.
- 9. Chaloupek, G. (1996) Werner Sombarts "Spätkapitalismus" und die langfristige Wirtschaftsentwicklung. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 3. pp. 385–400.
- 10. Deleuze, G. & Guattari, F. (1996) Rizoma [Rhizoma]. In: Usmanova, A. (ed.) *Filosofiya epokhi postmoderna* [Philosophy of the Postmodern Era]. Minsk: Krasiko-print. pp. 6–31.
- 11. Deleuze, G & Guattari, F. (2010) *Kapitalizm i shizofreniya. Tysyacha plato* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Vol. 2. Translated from French. Ekaterinburg: U-Faktoriya, Astrel'.
- 12. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English by O.I. Shkaratan. Moscow: HSE.

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/54/9

А.С. Силинская, И.А. Эннс

МУЗЫКАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК МНОГОУРОВНЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РАМКАХ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются этапы конституирования музыкального значения с точки зрения трех семиотических традиций: логико-философской, лингвоцентристской и информационной. На основе этих этапов для исследования музыкального значения как многоуровневой интерпретации тематезированы принципы анализа музыкальных произведений. С помощью данной условной аналитической схемы возможно достичь более четкого понимания процесса музыкального смыслообразования.

Ключевые слова: музыкальное значение, язык, интерпретация, культурный код.

Процесс понимания музыкального произведения можно рассматривать и изучать с многих сторон. Музыкальный смысл является продуктом много-уровневой интерпретации, и для его полноценного исследования необходимо определить основные ступени построения значения в этом виде искусства. Музыка является системой коммуникации, которая имеет структуру, но не обладает смыслообразующими свойствами, характерными для вербального языка. А в коммуникации процессы понимания и конституирования значения неотъемлемо связаны между собой.

Целью данной статьи является поэтапное воссоздание процесса музыкального означивания, начиная с уровня единичных звуков и заканчивая культурными кодами. Выделены три семиотические традиции исследования значения: логико-философская, лингвоцентристская и информационная. Используя средства, которые предлагают для исследования музыкального означивания эти традиции, можно проследить процесс музыкального смыслообразования и уровни, на которых осуществляется интерпретация в этом виде искусства. Каждый уровень имеет свои особенности и инструменты, с помощью которых происходит воссоздание механизмов музыкального означивания. Это поможет более ясно представлять, из чего складывается музыкальное значение как интерпретация, а также проводить многосторонний анализ музыкальных произведений. Инструменты и средства, исполняющие смыслообразующие функции в музыке можно классифицировать в соответствии с уровнями семиотического исследования для более четкого понимания их роли.

Логико-философская семиотическая традиция исследует значение на уровне единичного знака с точки зрения субъектно-объектных отношений, основой этой традиции являются концепции Ч. Пирса [1] и Ч.У. Морриса [2]. Ключевыми моментами здесь являются связь человеческого сознания с внешним миром, восприятие реальности с помощью комплекса сигналов, воздействующих на чувства и вызывающих определенные реакции. Представители логико-философской семиотической традиции рассматривают более широкий спектр средств, выполняющих смыслообразующие функции и создающих

сложные модели реальности в сознании субъекта. Согласно конепции когнитивных уровней М. Мерло-Понти [3] и теории искусства Р.Дж. Колллингвуда [4] именно на уровне единичного знака можно исследовать первичную связь музыкальных звуков как сигнально-индексальных средств с человеческой телесностью и образование базовых синестетических ассоциативных реакций. Эти реакции позволяют создавать изначальный общий психоэмоциональный фон музыкальной композиции, на который наслаиваются более сложные ассоциации, зависящие от конкретного человека и имеющихся социокультурных условий. Анализ музыкальных выразительных средств и их акустических свойств в заданных обстоятельствах прослушивания произведения поможет раскрыть первичные телесные реакции и возникающие синестетические ассоциации, которые являются частью музыкального смыслообразования. С этой точки зрения, важно рассмотреть саму наличную ситуацию, в которой субъект воспринимает музыкальную композицию, а также акустические параметры звуков, входящих в структуру произведения (громкость, длительность, частота ритма, высота, диапазон, тональность и др.). Анализ всех этих обстоятельств и параметров даст ключ к пониманию общих первичных ассоциаций и телесных образов, которые становятся фундаментом для более сложных ассоциативных связей, возникающих в сознании человека при прослушивании музыкальной композиции. Важными пунктами анализа музыкальной композиции, с точки зрения логико-философской семиотической традиции, можно назвать:

- 1) акустические характеристики звуков, связанные с пространственным восприятием (модуляции громкости, длительность, звуковысотные и частотные параметры), а также присутствие прямых звукоподражаний объектам и явлениям из окружающей реальности (звуки живой и неживой природы, голоса животных, сигналы техногенного происхождения и т.д.);
- 2) акустические параметры звуков, связанные с человеческой телесностью и эмоциональным фоном (ритм, темп, количество и вид инструментов, тональность, тембр, присутствие вокала). Могут быть напрямую связаны с пространственным восприятием звуков.

Представители лингвоцентристской семиотической традиции, основанной на теории Ф. Соссюра [5], рассматривают образование знака и значения как части конкретной языковой структуры. Смыслообразование, с точки зрения этой традиции, происходит в процессе соединения знаков в конструкции, имеющие определенные синтаксические формы и закономерности. Значение приобретается во взаимосвязи и взаимообусловленности устойчивых конвенциональных синтаксических единиц, выстроенных в необходимом порядке, предписанном структурными законами в данной языковой системе. Наборы устойчивых значащих единиц порождаются в процессе коммуникации между субъектами и являются результатом конвенций внутри группы, использующей язык. Эти дискретные частицы могут находиться в парадигматических и синтагматических отношениях, т.е. объединяться в группы взаимозаменяемых единиц, и создавать единовременные линейные последовательные конструкции. Исследование музыкального языка, с точки зрения лингвоцентристской семиотической традиции, в трудах М.Г. Арановского [6], М.Ш. Бонфельда [7] и Б.В. Асафьева [8] основываются на изучении структуры и закономерностей ее построения. Анализ музыкального синтаксиса, сопряженный с анализом

первичных синестетических звуковых ассоциаций, позволит дополнить представление о музыкальном смыслообразовании и создании художественных образов в музыкальном искусстве. Этот анализ может осуществляться как в рамках отдельного произведения, так и в рамках определенного жанра, которому соответствуют те или иные устоявшиеся конвенциональные структурные формы. Лингвоцентристская семиотическая традиция, взятая обособленно в отрыве от логико-философской и информационной традиций, не будет иметь достаточно инструментов для полноценного раскрытия механизмов музыкального смыслообразования, поскольку за фундаментальную основу любой языковой деятельности берется только система вербального языка. Структурный анализ музыкальных произведений и музыкальных форм будет являться частью комплексного исследования музыкального искусства как способа конструирования значений. Он также позволит выявить роль музыкальной терминологии, основанной на синтаксисе, для образования в человеческом сознании музыкальных образов. Основными пунктами анализа, с точки зрения лингвоцентристской семиотической традиции, можно обозначить:

- 1) отношение музыкальной композиции к устоявшейся конвенциональной форме и соответствующему жанру, состав исполнителей;
- 2) синтагматические отношения между звуками и отдельными частями музыкальной композиции (движение мелодической и метроритмической линии, паузы, акцентированные ноты, повторяемость, гармонические последовательности, следование частей композиции в определенном порядке);
- 3) прагматические отношения между музыкальными звуками (диапазон, аккорды, мажорная-минорная тональность и т.д.).

Информационная семиотическая традиция, имеющая в основе концепцию кодов У. Эко [9], предлагает большой арсенал средств для комплексного анализа музыкального смыслообразования. Музыкальное искусство как способ культурной коммуникации рассматривают О. Салгар [10], Ф. Тагг [11] и Л.Ф. Чертов [12]. Образование значения в рамках этой традиции переходит от единичного знака и отдельно взятой языковой системы в поле коммуникативного акта, в котором происходит обмен информацией. Основополагающим понятием становится код как схема интерпретации сообщения, и формируется она в зависимости от социальных и культурных условий, в которых живет и развивается отправляющий или воспринимающий субъект. Кодов может быть множество, они способны быть многоступенчатыми и заключают в себе способы расшифровки сообщений на разных когнитивных уровнях. Залогом успешной коммуникации является наличие у адресата и адресанта максимально схожего набора культурных кодов. Это увеличивает шансы того, что получатель сообщения интерпретирует его с помощью именно тех схем, которые использовал отправитель, и верно поймет воспринятую информацию. Коды формируются в социокультурной среде, которая является контекстом для осуществления коммуникативных актов. В качестве этого контекста можно рассматривать как непосредственно близкую окружающую реальность субъектов, так и всю совокупность общих культурных условий, в которых происходит обмен сообщениями. Классификация кодов будет зависеть от того, что принять за ее основу, способ восприятия, временные и исторические рамки, пространственные и географические параметры, принадлежность к определенной социальной группе или этносу и т.д. Информационная семиотическая традиция может предложить ряд инструментов для комплексного анализа музыкального смыслообразования как в рамках отдельных композиций, так и целых жанров. С точки зрения этой традиции, можно определить следующие компоненты образования значений в музыкальном произведении:

- 1) присутствие дополнительных немузыкальных кодов и выразительных средств (визуальные эффекты, танец, текст и др.), а также комментариев автора или исполнителя;
- 2) исторический и географический контекст исполнения схожих по форме и инструментовке музыкальных композиций (жанры, стили исполнения и их сочетания внутри одного произведения, отношение различных социальных групп к жанру и способу исполнения, связь композиции, ее части или жанра с конкретными историческими и политическими событиями и обстоятельствами);
- 3) наличные обстоятельства прослушивания и исполнения композиции (время суток, помещение, обстановка, подготовленность и мотивация слушателя, практическое предназначение композиции, обстоятельства первичного прослушивания композиции в прошлом);
- 4) слушательская практика воспринимающего субъекта (опыт прослушивания музыкальных композиций, наличие музыкального слуха, навыки пения или игры на музыкальных инструментах, теоретические знания о музыкальном искусстве);
- 5) принадлежность слушателя и композитора к определенным малым и большим социальным группам (возраст, пол, образование, этническая принадлежность, географическое место проживания и воспитания и др.).

Совмещение инструментов трех рассмотренных семиотических традиций для исследования музыкального смыслообразования позволит провести более полный и многосторонний анализ отдельных композиций и произведений, а также жанровых и стилевых образований. С помощью последовательного изучения, начиная с базовой мотивированности музыкальных звуков и заканчивая историческим и социокультурным дискурсом, можно достовернее определить механизмы образования музыкальных значений и их роль в пространстве культурной коммуникации. Такой способ анализа может применяться как для программных академических произведений, так и для композиций, относящихся к другим видам музыкального искусства, например, популярной музыки. Последовательность частей анализа или их список можно варьировать в зависимости от композиции.

Разбор композиций начинать стоит с помощью инструментов лингвоцентристской семиотической традиции, которые позволят описать синтаксические характеристики построения произведения, структурное положение, в котором находятся звуки и звукосочетания относительно друг друга. Вторым этапом анализа становится рассмотрение базовой мотивации звуков и звукосочетаний, входящих в структуру произведения, с точки зрения логикофилософской семиотической традиции. Это дает возможность разобрать и выделить, какое воздействие на слушателя могут оказать акустические характеристики композиции на уровне телесных и психоэмоциональных ассоциаций, создавая синестетические образы, ограничивающие круг интерпретаций. На третьем этапе анализа с помощью средств информационной семиотиче-

ской традиции необходимо изучить культурный и исторический дискурс, в котором была создана музыкальная композиция, а также контекст ее прослушивания и культурный дискурс, в котором находится слушатель. Это позволит отследить те значения музыкальной композиции, которые привносят культурные обстоятельства сочинения и прослушивания, увидеть исторически закрепленные ассоциации и интерпретации произведения, связь структурной формы со смысловым содержанием.

Анализ музыкальных композиций с помощью средств лингвоцентристкой семиотической традиции носит исключительно описательный характер и фиксирует структурные свойства произведения. В этом пункте о музыкальном значении можно говорить, только имея в виду положение звуков и звукосочетаний в системе относительно друг друга. А инструменты логикофилософской и информационной традиций позволяют исследовать музыкальное значение как многоуровневую и многокомпонентную интерпретацию субъектом при сочинении, исполнении и прослушивании композиции. И на уровне базовой мотивации звуков и звукосочетаний, и на уровне культурных кодов могут наблюдаться различия в интерпретациях музыкального произведения у разных субъектов. Это порождает множественность значений и толкований, приписываемых тем или иным композициям в зависимости от кодов, которыми обладают композитор, исполнитель и слушатель.

На уровне базовой мотивации звуков, их акустических свойств, связанных с человеческой телесностью, первичные синестетические коды могут носить характер общей доязыковой музыкальной коммуникации. С помощью акустических характеристик звуков, например, ритма, темпа, высоты и громкости, образуются синестетические коды, которые создают в сознании воспринимающего субъекта исходные образы. На эти образы наслаиваются культурные коды, присутствующие в сознании композитора, исполнителя и слушателя, делая приписываемое музыкальное значение более сложным и уточняя ассоциативную область, ограничивающую круг интерпретаций. Композитор в соответствии со своими внутренними представлениями и имеющимися кодами производит отбор музыкальных выразительных средств, которые объединяются в организованную структуру. Со временем различные музыкальные структурные формы начинают ассоциироваться с определенными историческими условиями и сами становятся наборами культурных кодов. Слушатель в процессе восприятия музыкального произведения использует для интерпретации те синестетические и культурные коды, которыми обладает, и приписывает композиции соответствующие значения.

Разница в имеющихся у композитора и разных слушателей наборах кодов порождает множество интерпретаций музыкальных композиций. Степень «понимания» музыкального произведения и приписываемые ему значения будут зависеть от уровня личной осведомленности воспринимающего субъекта о тех культурно-исторических условиях, в которых композитор создавал свое сочинение, а также от существующих в обществе конвенций и наличных обстоятельств прослушивания. В разных культурных сообществах один и тот же базовый синестетический образ, создаваемый акустическими свойствами музыкальных звуков, может по-разному интерпретироваться. Это может быть обусловлено отличиями в устройстве мировосприятия, социальной организации и прочих культурных обстоятельств, которые отражаются в искусстве. Например, у человека, выросшего в европейской культуре и имеющего соответствующие коды и слушательскую практику европейской музыки, возникнут проблемы с пониманием китайских традиционных музыкальных композиций, поскольку восточная музыка имеет иную мелодическую и метроритмическую организацию. Музыкальное искусство является специфическим способом культурной коммуникации, поэтому исследовать музыкальное значение необходимо не как некую имманентную субстанцию, принадлежащую той или иной форме, а как многоуровневую интерпретацию, которая конструируется воспринимающими субъектами в процессе информационного обмена.

Литература

- 1. Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПб. : Алетейя, 2000. Т. 2. 349 с.
- 2. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика : сб. переводов / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Радуга, 1982.
- 3. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб. : Наука; Ювента; Gallimard, 1999. 605 с.
- 4. *Коллингвуд Р.Дж.* Принципы искусства / пер. с англ. А.Г. Ракина; под ред. Е.И. Стафьевой. М.: Языки русской культуры, 1999. 328 с.
 - 5. *Соссюр* Ф. Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1999. 235 с.
- 6. *Арановский М.Г.* Тезисы о музыкальной семантике. М. : Композитор, 1998. URL: http://www.opentextnn.ru/music/Perception/?id=1148 (дата обращения: 04.11.2018).
- 7. *Бонфельд М.* Музыка: Язык. Речь. Мышление. Вологда: Вологод. обл. универ. науч. б-ка, 1999. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/bon/fel/bonfeld/01.htm (дата обращения: 04.11.2018).
 - 8. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. 375 с.
- 9. $Эко\ V$. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резника и А.Г. Погоняйло. СПб. : Симпозиум, 2006. 544 с.
- 10. Salgar O.H. Musical Semiotics as a Tool for the Social Study of Music // Translated by Brenda M. Romero. Ethnomusicology Translations. 2016. № 2. URL: https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/emt/article/view/22335 (дата обращения: 04.11.2018).
- 11. Tagg Ph. Music's Meanings: a modern musicology for non-musos. New York & Huddersfield: The Mass Media Music Scholars' Press, Inc., 2013. 710 p. URL: http://tagg.org/bookx-trax/NonMuso/NonMusoAll.pdf (дата обращения: 04.11.2018).
- 12. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1993. 388 с.

Anna S. Silinskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: gella5@yandex.ru

Irina A. Enns, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: irnns609@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 90–96.

DOI: 10.17223/1998863X/54/9

MUSICAL MEANING AS A MULTILEVEL INTERPRETATION WITHIN CULTURAL COMMUNICATION

Keywords: musical meaning; language; interpretation; cultural code.

Research into the processes of meaning formation in music should focus on the communicative basis of this type of art. A person comes to the fore as a perceived subject whose consciousness constructs meanings in the process of cultural interaction with the external environment. It is necessary to study how musical meanings are formed in human consciousness when composing and listening to various kinds of musical works. The concepts of three major semiotic traditions were used to divide the complex process of interpretation in musical art into separate levels and to study it in more detail in this article. The logical-philosophical semiotic tradition explores meaning at the level of a single sign in terms of subject-object relations. The key point here is the connection of human mind with the outside world, the perception of reality through a set of signals that affect feelings and cause certain reac-

tions. At the single sign level, it is possible to investigate the primary association of musical sounds as signal-index means with a human body and the creation of basic synesthetic associative images. The linguo-centrist semiotic tradition links the formation of meanings to the structural features of the language system adopted for communication in a social group. At this level, it is impossible to study musical syntax as a way to organize primary sound material. The information semiotic tradition proposes to consider musical meaning as a product of the action of various cultural codes in communication. Attention is focused on the perceiving subject, the impact of the cultural environment on their consciousness, and the availability of certain codes to interpret musical messages. By graded analysis of musical works of different complexity levels, the formation of a field of meanings attributed to these compositions can be traced more accurately. This will allow a better understanding of the nature of musical meaning as a multiple interpretation.

References

- 1. Pierce, C. (2000) *Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [The Logical Foundations of the Theory of Signs]. Vol. 2. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya.
- 2. Morris, Ch.W. (1982) Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the theory of signs]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga.
- 3. Merlot-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vvospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French by I.S. Vdovina, S.L. Fokin. St. Petersburg: Nauka, Yuventa, Gallimard.
- 4. Collingwood, R.J. (1999) *Printsipy iskusstva* [The Principles of Art]. Translated from English by A.G. Rakin. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 5. Saussure, F. (1999) Kurs obshchey lingvistiki [General Linguistics]. Translated from French. Moscow: Logos.
- 6. Aranovsky, M.G. (1998) *Tezisy o muzykal'noy semantike* [Abstracts on Musical Semantics]. Moscow: Kompozitor. [Online] Available from: http://www.opentextnn.ru/music/Perception/?id=1148 (Accessed: 4th November 2018).
- 7. Bonfeld, M. (1999) *Muzyka: Yazyk. Rech'. Myshlenie* [Music: Language. Speech. Thinking]. Vologda: Vologda Regional Universal Scientific Library. [Online] Available from: http://www.booksite.ru/fulltext/bon/fel/bonfeld/01.htm (Accessed: 4th November 2018).
- 8. Asafiev, B.V. (1971) Muzykal'naya forma kak protsess [Musical form as a process]. Leningrad: Muzyka.
- 9. Eco, U. (2006) *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction to Semiology]. Translated from Italian by V.G. Reznik, A.G. Pogonyaylo. St. Petersburg: Simpozium.
- 10. Salgar, O.H. (2016) Musical Semiotics as a Tool for the Social Study of Music. Translated by B.M. Romero. *Ethnomusicology Translations*. 2. DOI: 10.14434/emt.v0i2.22335.
- 11. Tagg, Ph. (2013) *Music's Meanings: a modern musicology for non-musos*. New York & Huddersfield: The Mass Media Music Scholars' Press, Inc. [Online] Available from: http://tagg.org/bookxtrax/NonMuso/NonMusoAll.pdf (Accessed: 4th November 2018).
- 12. Chertov, L.F. (1993) Znakovost': opyt teoreticheskogo sinteza idey o znakovom sposobe informatsionnoy svyazi [Signality: The Experience of a Theoretical Synthesis of Ideas about the Sign Method of Information Communication]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

УДК 101.1:316.477

DOI: 10.17223/1998863X/54/10

М.А. Халлеева

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ» («КОНКУРЕНТНОСПОСОБНОСТЬ»): СОПИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению определения понятия «конкурентоспособность» («конкурентноспособность»), социально-философскому анализу последнего. Большинство существующих дисциплинарных определений конкурентоспособности отражают лишь внешние (социальные) параметры понятия. В связи с этим проясняется неклассическая трактовка понятия, допускающая, что человек проявляет свою успешность не только на основании социальных (извне задаваемых) критериев, но и на основании собственных (изнутри задаваемых) параметров. Социально-философский анализ допускает взаимодополняемость обозначенных трактовок конкурентоспособности (конкурентноспособности).

Ключевые слова: *конкурентоспособность*, *конкурентноспособность*, *определение*, *этимон*, *понятие*.

Изучение понятия «конкурентоспособность» обусловлено тем, что, несмотря на то, что это оно используется в трансдисциплинарных исследованиях (психологических, педагогических, экономических, политических, социологических, философских), его универсальное определение отсутствует ввиду его достаточной сложности и многогранности. Исследование данной темы обусловлено рядом факторов, определяющих ее актуальность. С одной стороны, понятие «конкурентоспособность» является достаточно устоявшимся и распространенным в социальных практиках. С другой стороны, можно утверждать, что это далеко не так. Использование в названии публикации двух способов написания этого понятия (конкурентоспособность и конкурентноспособность) лишний раз подчеркивает недостаточную степень исследованности данного предмета. Это можно объяснить тем, что второй способ написания является, скорее всего, демонстрацией выражения тех его коннотаций, которые исследованы в научном и философском контекстах в недостаточной степени.

В уже существующих определениях данного понятия в контексте различных наук доминирует традиционный подход, который проявляет себя лишь внешними, количественными или качественными признаками, измерением успеха. Необходимо отметить, что такой традиционный подход несет в себе некий момент радикальности, подразумевающий либо успех (победу, выигрыш, прибыль), либо неуспех. Таким образом, существующие определения не отражают плюралистический характер с учетом двух измерений внешнего (классического) и внутреннего (неклассического). Помимо этого, отсутствие в научном дискурсе конкретных определений данного понятия можно объяснить тем, что «конкурентоспособность» и «конкурентноспособность» не являются самостоятельными категориями, зачастую выполняя функцию атрибута человека, государства, компании и т.д. На данный момент

98 М.А. Халдеева

конкретные значения слова «конкурентоспособность» и «конкурентноспособность» не приведены в толковых словарях. В этой связи представляется необходимым прояснить значения этих двух категорий с использованием этимологического и сравнительного анализов.

Слово как лексическая единица, включающая в себя звуковую форму и некое лексическое значение, являет собой объект этимологического анализа. Целью такого анализа становятся попытка определить происхождение того или иного слова и поиск этимона (изначального значения). Ввиду того, что слово состоит из морфем, в ходе этимологического анализа данная лексическая единица помещается в некую словообразовательную систему. В связи с этим последовательный словообразовательный анализ входит в этимологический анализ. Задачей этимологического анализа является установление определения слова в историческом контексте, в то время как задачей словообразовательного исследования является анализ современной структуры слова.

Этимологический анализ подразумевает следующие задачи: определение характера того или иного слова (исконное или заимствованное), определение образа, который лег в основу какого-либо слова как определения (названия) какого-либо феномена / предмета / явления, установление словообразования того или иного слова в языке (способ, база), определение праформы и исходного значения слова.

Понятие «конкурентоспособность» («конкурентноспособность») получило наиболее полное исследование в рамках различных научных дисциплин (экономика, политические науки, психология). Как правило, понятие «конкурентоспособность» относилось к определенному субъекту (человеку, виду, организации, группе, предприятию, стране) и оценивалось исключительно по параметру успешности результата [1. С. 57]. Тем не менее такая оценка субъекта конкурентоспособности несла в себе предметную узость и не позволяла в полной мере осознать природу успешности полученного результата, сводя его лишь к одной из причин, но целостного осмысления данного феномена не было [2. Р. 221].

На данный момент определение исследуемого понятия отсутствует в толковых словарях. Опираясь на морфологию русского языка, можно предположить, что это понятие является составным словом (конкурентОспособность, конкурентнОспособность). В этой связи справедливо предпринять попытку провести этимологический анализ каждого из компонентов составного слова (конкурентнОспособность / конкурентОспособность). Применение этимологического анализа позволяет выявить первоначальное и истинное значение каждого из них (этимон).

В первую очередь, происхождение данного понятия можно связать с термином «конкуренция» (лат. concurrentia (ед. ч.), concurrentiae (мн. ч.), от лат. concurro — сбегаюсь, сталкиваюсь). Этимологически схожие понятия также есть в испанском (concurrència), датском (konkurrence), английском (concurrence), французском (conccurrence), немецком (konkurrenz) языках [3. С. 137]. Содержательно все вышеперечисленные понятия означают соперничество, борьбу, противоборство, соревнование, состязание.

Сущность конкуренции также представляет научный интерес в рамках различных наук (психология, экономика, педагогика, менеджмент, политика, биология, социология). Конкуренцию можно определить по-другому: «1. Со-

перничество, борьба индивидов или социальных групп за обладание ограниченными благами. 2. Нормативно регулируемый социальный процесс, в ходе которого индивиды или группы стремятся к одной и той же цели, достижение которой одними исключает других, в отличие от кооперации и сотрудничества. 3. Борьба за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, характерная для товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства. 4. В биологии — взаимоотношения между организмами одного и того же или разных видов, основанные на борьбе за средства существования и условия размножения» [3. С. 137].

Конкуренция как феномен играет огромную роль в жизни общества вне зависимости от того исторического контекста, в рамках которого ее рассматривают. В свое время в античной культуре агональный принцип играл существенную роль в общественной жизни, позволяя использовать дух соревновательности / состязательности на пользу общества; средневековые богословские и академические диспуты также позволяли искать лучшие интеллектуальные решения различных вопросов, в эпоху Возрождения желание деятелей искусства быть лучшими позитивно сказалось на его расцвете (противостояние между Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонарроти мотивировало обоих гениев творить). Но когда А. Смит и П. Рикардо стали рассматривать конкуренцию как экономический фактор, это оказалось наиболее удобным и эффективным способом ее использования в жизни общества. Иными словами, конкуренция получила достаточно широкое распространение в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Ключевым аспектом ее применения становится своеобразный дух соревновательности, который заставляет человека (группу, организацию и т.д.) проявлять наиболее лучшие свои способности, чтобы добиться результата. При этом для конкуренции важным критерием ее оценки выступает параметр, связанный с тем, чтобы полученные результаты одного субъекта были лучше, чем результаты его конкурента (оппонента). Человек (группа, организация), добившийся лучших результатов, становится «победителем». Предполагается, что от такого «духа соревновательности» выигрывает все общество, поскольку это позволяет иметь меньшую стоимость при одинаковом качестве продукта, выбрать более подготовленного и честного политика, определить более способного претендента для работы и т.д. Сегодня это касается не только экономики, политики, психологии, но и других сфер.

Как уже отмечалось ранее, конкуренция является междисциплинарным понятием, которое применяется в различных науках. В каждой науке (экономика, психология, политические науки, социология и т.д.) есть некоторые нюансы его применения, но существует и нечто общее – то, что присутствует в этом понятии вне зависимости от сферы применения. И это общее связано с необходимостью быть лучше, быть сильнее, быть эффективнее, чем тот, кто является конкурентом.

Второй составной компонент – это «способность». Слово «способность» этимологически связано с существительным «способ», которое, в свою очередь, родственно с формой с чешского způsob, словацкого sposob, украинского способ (способу) языков. Также оно имеет связь со словом «пособие», образованным от древнерусского, старославянского «пособь» (лат. alius alium sequentes), пособие (греч. συμμαχία), украинского, белорусского пособа «по-

100 м.А. Халдеева

мощь, поддержка». Содержательно понятие «способность» можно определить следующим образом: «Способность – это любое умение, возможность, сила или талант человека действовать или страдать. Способность может быть врожденной или приобретенной, скрытой или активной. Тема способности затрагивается главным образом в двух разделах философии. В антропологии – при анализе меняющейся со временем природы или сущности человека, и в этике – когда рассуждение о том, в чем состоит долг человека, связывается с вопросом о его способности реализовать предписанное действие. Поэтому способности нередко определяются как потенциальные свойства личности, актуализирующиеся при определенных обстоятельствах» [4. С. 311].

На основании вышеизложенного можно отметить, что именно через понятие «конкурентоспособность» как свойства и выражается то преимущество, которое проявляется в процессе конкуренции. Иными словами, в процессе конкуренции определяется конкурентоспособность кого-либо или чеголибо [5. С. 208]. И это такой социальный процесс, от которого все общество в итоге выигрывает.

Тем не менее подобная радикальная классическая интерпретация конкуренции и конкурентоспособности имеет и побочный эффект. Это касается тех, кто проигрывает, кто показывает наименьший результат. Эти неконкурентоспособные люди (группы, организации) выпадают из процесса жизнедеятельности общества, оказываются «вне игры». Отчасти общество выигрывает в целом за счет проигравшей стороны. Конечно, поражение может послужить поводом для внутренней перестройки и мобилизации ресурсов, но все зависит от «цены» проигрыша. Если экономически - это разорение, политически - утрата статуса, психологически - комплекс неполноценности и т.д., то далеко не всегда могут найтись силы для преодоления таких ситуаций. Кроме того, во многом победа или поражение в процессе классического понимания конкуренции и конкурентоспособности определяется социальными стандартами и ожиданиями. Ваш продукт зависит от оценки большинства, от вашей способности уловить доминирующие настроения общества, что не может в полной мере для человека быть определяющим. В этом плане социально-философский аспект конкурентоспособности представляется очень актуальным в силу того, что человек, его экзистенция предстают в свете данного ракурса иначе.

Ценность того или иного человеческого решения или поступка самодостаточна и самоценна, она не определяется волей большинства. Скорее наоборот, человеческая уникальность и единичность противостоят различным социальным нормативам. Поэтому с этой позиции классическая трактовка конкуренции и конкурентоспособности является в некотором смысле неприемлемой, поскольку пытается свести человеческую уникальность и неповторимость к социальным нормативам.

Более того, распространенность такой интерпретации конкуренции и конкурентоспособности можно подтвердить на примере применения этих понятий в русском языке, где очень явно прослеживается результат доминирования классической трактовки этого понятия. Так, в толковом словаре Ожегова слово «конкурент» определяется как «человек, который конкурирует с кем-нибудь» [6. С. 371]. Соответственно трактуется и слово «конкурентоспособный»: «способный выдержать конкуренцию, противостоять конку-

рентам» [6. С. 371]. В этом случае понятие «конкурентоспособный» является производным от слова «конкурент» и в своих коннотациях строится вокруг последнего, означая «способность конкурентов», «способность им противостоять» и т.д. Как видим, существующие определения хорошо сочетаются с классической трактовкой рассматриваемого понятия. В этой связи конкурентоспособность можно определить, как возможность объекта отвечать какимлибо требованиям, установленным второй стороной по отношению к аналогичным объектам; возможность превосходить конкурентов в определенных заданных условиях. Оценка уровня конкурентоспособности данного объекта производится путем сравнения этого объекта с другими объектами, которые на данный момент времени уже приобрели высокую оценку и высококонкурентоспособны. Конкурентоспособность подразумевает наличие конкурентного преимущества, иными словами, конкурентоспособность можно охарактеризовать как способность выдерживать конкуренцию в контексте определенной сферы, т.е. степень способности конкурента конкурировать (быть конкурентным).

Можно предположить, что данный термин не предполагает права выбора и являет собой манифестацию традиционного подхода к определению, подразумевающего оценку исследуемого понятия лишь по внешним параметрам, т.е., оказавшись в определенной сфере и на определенном уровне, объекту ничего не остается, как конкурировать с аналогичными себе объектами. Необходимо отметить, что в рамках классической трактовки главными составляющими конкурентоспособности являются: «технический уровень; уровень маркетинга и рекламно-информационного обеспечения; соответствие требованиям потребителя, техническим условиям и стандартам; организация сервиса, авторского надзора, гарантийного обеспечения, обучение персонала приобретающей стороны; срок поставки (разработки, создания, продажи), сроки гарантий; цена, условия платежей; актуальность (своевременность) появления данного объекта на конкретном рынке. Оценка конкурентоспособности производится на основе сопоставления данного объекта с другими объектами, которые получили признание, высокую оценку и обладают в данный период времени высокой конкурентной способностью» [5. С. 174].

В свою очередь, неклассическая трактовка данного понятия носит не столь радикальный характер. Новый подход к определению включает в себя такой противоречивый элемент, как сотрудничество, ведь в рамках классической трактовки конкуренция его исключает. На взгляд автора, для неклассической трактовки лучше подходит слово «конкурентноспособность», ввиду того что оно является производным от слова «конкурентность». И оно, в первую очередь, акцентирует не столько фактор «конкурента», сколько качества любого проявить устойчивость и стремление к достижению результата в процессе соревнования, противостояния, т.е. готовность и способность человека (группы, организации) попробовать себя в каком-либо состязательном действии (необязательно строящемся на социальных нормативах). Главное, чтобы выбор критериев конкуренции (соревнования, состязания) определялся им самим.

Например, в математике конкурентность – это способность человека решать задачи за определенное время [7]. В рамках данной трактовки элемент сотрудничества проявляет себя в попытке снизить социальное напряжение в

102 М.А. Халдеева

обществе, предлагая человеку (группе или организации) больше возможностей для своей реализации. Можно предположить, что в разрезе неклассической интерпретации конкурентноспособность играет роль инструмента профилактики социального неравенства.

Исследуемые нами понятия также не представлены в словаре паронимов русского языка [8. С. 352], главной целью которого является представление в сконцентрированном и упорядоченном виде двучленных групп однокорневых созвучных слов, т.е. паронимов (типа адресант / адресат, автобиографичный / автобиографический), которые могут непреднамеренно попадать под смешение и нарушать правильность речи. Как уже было показано ранее, ныне существующие толковые словари не дают их универсальных определений. Данные понятия разводятся лишь в разрезе определенных наук. Так, Большой бухгалтерский словарь определяет термин «конкурентноспособность» как «свойство товара, услуги, субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присутствующими там аналогичными товарами, услугами или конкурирующими субъектами рыночных отношений. Оценка этого свойства позволяет выделять высокую, среднюю, низкую конкурентноспособность» [9. С. 174].

Вышесказанное позволяет обосновать актуальность неклассической трактовки рассматриваемых понятий. Тем более что таких понятий, как «конкурентность» и «конкурентноспособность» еще нет в орфографических словарях, при этом данные понятия появились уже в ряде специальных словарей. Описываемая ситуация демонстрирует, что новая трактовка конкуренции находится в стадии становления и требует еще достаточного внимания для своего более полного исследования.

Опираясь на вышеизложенную информацию и на результаты этимологического анализа, предложим собственное определение этого понятия. Конкурентноспособность — это возможность объекта быть вовлеченным в соперничество, борьбу или соревнование за какие-либо блага, т.е. возможность быть конкурентоспособным. Уровень конкурентноспособности (низкий, средний, высокий) зависит от оценки базовых свойств, характеристик, черт и потенциала человека. При этом низкий уровень конкурентноспособности объекта в одной сфере не исключает средний (или высокий) уровень его конкурентноспособности в другой сфере. Здесь можно предположить, что неклассический подход к определению данного понятия подразумевает право выбора.

Итак, нами была предпринята попытка дать определение таким схожим по происхождению и звучанию понятиям, как «конкурентоспособность» и «конкурентноспособность». В ходе этимологического анализа было выявлено, что оба слова в русском языке являются составными (т.е. имеющими два корня). В результате исследования было предположено, что разница между ними может быть обусловлена классическим или неклассическим подходом к интерпретации понятий. Было отмечено, что конкурентоспособность не подразумевает выбор (конкурировать или нет), являя собой классический (традиционный, внешний) подход к определению данного понятия. В то время как конкурентноспособность оставляет право выбора и дает возможность определять параметры своей успешности самостоятельно, являя собой неклассический подход к определению понятия, который основан на

внутреннем (нетрадиционном) измерении данного понятия. Социальнофилософский подход позволяет нам рассматривать два способа трактовки понятий как взаимодополняющие друг друга.

Литература

- 1. *Неживенко Е.А.* Конкурентоспособность региона: методологические проблемы исследования // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 57–61.
- 2. Reinert E.S. Competitiveness and its predecessors a 500-year cross-national perspective, Step group, Oslo, May 1994. P. 221–230.
- 3. *Осипов Г.В.* Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 2000. С. 137.
- 4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, Russisches etymologisches Wörterbuch / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 2. С. 311.
- 5. *Рохмистров С.Н.*. Социологическая концепция конкуренции. М.: Моск. гос. акад. приборостроения и информатики, 2000. С. 208.
- 6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, 2008. С. 371.
- 7. Туренко Е. Конкурентность и параллелизм, 2018. URL: https://tproger.ru/explain/concurrency-vs-parallelism/ (дата обращения: 21.01.2020).
 - 8. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: Рус. яз., 1984. С. 352.
- 9. *Большой* бухгалтерский словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М. : Ин-т нов. экономики, 1999. С. 574.

Marina A. Khaldeeva, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: khaldeeva.marina2015@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 97–104.

DOI: 10.17223/1998863X/54/10

REVISITING THE CONCEPT OF COMPETITIVENESS (COMPETITIVE ABILITY): A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Keywords: competitiveness; competitive ability; definition; etymon; concept.

The study of the concept "competitiveness" is relevant for it has no universal definition despite the fact that it is widely used in transdisciplinary research. On the one hand, the concept "competitiveness" is fixed and common in social practices. On the other hand, the use of two ways of writing this concept (competitiveness and competitive ability) indicates the insufficient degree of research. The classical approach dominates in the existing definitions; it implies only external, quantitative or qualitative indicators of measuring success. This classical approach is radical. Thus, the existing definitions do not reflect the pluralistic nature of the concept, do not consider its two dimensions: external (classical) and internal (non-classical) components. The absence of specific definitions can be explained by the fact that the concept "competitiveness" ("competitive ability") is not an independent category; it often performs the function of an attribute of a person (state, company) and is evaluated solely by the parameter of the success of the result. This assessment of the subject of competitiveness is narrow and does not allow a complete understanding of the nature of the success of the obtained result; therefore, there is no holistic understanding of this phenomenon. The radical classical interpretation of the concept produces a side effect. That is, those who are left behind in the competition fall out of the process of social life and become outsiders. In many ways, victory or defeat in the classical understanding of competitiveness is determined by social standards and expectations. In this regard, the sociophilosophical aspect of competitiveness seems to be very relevant due to the fact that a person and his/her existence appear differently in the context of this perspective. The value of a human decision or deed is self-sufficient and precious, it is not determined by the will of the majority. On the contrary, human uniqueness and individuality are opposed to various social norms. Therefore, from this position, the classical interpretation of competition and competitiveness is unacceptable because it reduces human uniqueness and identity to social norms.

References

1. Nezhivenko, E.A. (2012) The competitiveness of the region: methodological problems of research. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 3(35). pp. 57–61. (In Russian).

104 М.А. Халдеева

- 2. Reinert, E.S. (1994) Competitiveness and its predecessors a 500-year cross-national perspective. *Structural Change and Economic Dynamics*. 6(1). pp. 221–230. DOI: 10.1016/0954-349X(94)00002-O
- 3. Osipov, G.V. (2000) Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar' na russkom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh [Sociological Encyclopedic Dictionary in Russian, English, German, French and Czech]. Moscow: Infra-M; Norma.
- 4. Fasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Progress.
- 5. Rokhmistrov, S.N. (2000) *Sotsiologicheskaya kontseptsiya konkurentsii* [Sociological Concept of Competition]. Moscow: Moscow State Academy of Instrument Engineering and Computer Science.
- 6. Ozhegov, S.I. (2008) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 24th ed. Moscow: Oniks.
- 7. Turenko, E. (2018) *Konkurentnost' i parallelism* [Competitiveness and Concurrency]. [Online] Available from: https://tproger.ru/explain/concurrency-vs-parallelism/ (Accessed: 21st January 2020).
- 8. Vishnyakova, O.V. (1984) *Slovar' paronimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian paronyms]. Moscow: Russkiy yazyk.
- 9. Azriliyan, A.N. (ed.) (1999) *Bol'shoy Bukhgalterskiy Slovar'* [The Great Accounting Dictionary]. Moscow: Institut novoy ekonomiki.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/54/11

О.А. Власова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ПОЛЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ИСТОРИКОВ ФИЛОСОФИИ¹

В статье обсуждается проблема отношений истории философии и интеллектуальной истории. Анализируется изменение моделей отношения истории мысли и истории философии во времени, проблематизируются актуальные вопросы историографии, порождаемые этим взаимодействием. Аргументируется тезис о том, что обращение к интеллектуальной истории — одна из возможностей процедурного обновления истории философии и путь развития философской историографии.

Ключевые слова: история философии, интеллектуальная история, история идей, философская историография, историк философии.

В многочисленных статьях и монографиях по интеллектуальной истории история философии — один из обязательных пунктов. Эта практика оформляется еще в работах А. Лавджоя [1], сопутствует всем программным исследованиям [2], закрепляется в дискуссиях об объективности метода [3], когда-то спровоцированных статьей К. Скиннера [4], и сохраняется в изысканиях последних десятилетий, подпитываемых работами Р. Рорти о жанрах истории философии [5–7]. Обращение к интеллектуальной истории оказывается для истории философии последних лет одной из возможностей процедурного обновления и одним из наиболее логичных (в контексте современного движения истории философии) путей обретения историками философии самосознания и развития историографии. В настоящей статье мы предлагаем аргументацию этого тезиса.

История мысли и история философии: вековое сродство

История философии по своему статусу располагается где-то посередине между историей и философией, поэтому оформление интеллектуальной истории как новой области исторического знания, а затем и стремительное завоевание исследователей по всему миру заметно и в историко-философском движении. Надо признать, что интеллектуальная истории никогда не была чужда истории философии, напротив, это то, от чего она когда-то всячески стремилась уйти.

Много веков история философии развивается как жизнеописание не только философов, но и мыслителей. Традиция, начатая еще Диогеном

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

0.А. Власова

Лаэрцием, сохраняется вплоть до XVII—XVIII вв. На страницах историкофилософских трактатов часто встречаются фигуры религиозных деятелей и поэтов, просто выдающихся мужей древности, дискурс которых можно описать не как философию, а как мудрость. Характер историко-философских изысканий не отличался строгостью, и на этом, до-дисциплинарном, этапе своего развития история философии была органично связана с историей мысли, была одной из ее областей, и такое положение дел не доставляло неудобств ни исследователям, ни читателям.

Ситуация изменилась, когда история философии начала свое становление как отдельная отрасль философии и университетская дисциплина, поскольку этот процесс был связан с необходимостью ее обособления от истории, в частности истории мысли и обоснования методологического и содержательного своеобразия. В трудах Христиана Томазия, Христиана Авгусат Хойманна [8. Р. 409, 427], Якоба Бруккера [9, 10] история философии получает статус теории, а не жизнеописания, и эта теория начинает конкретизировать собственный метод. Под влиянием немецких коллег этот метод начинают развивать историки философии по всему миру.

Получается, что классическая история философии, проходя период становления, стремится обособиться от истории как истории мысли, мысля себя как историческое самосознание философии [11. Р. 115], однако одновременно сохраняет ее черты. Идентифицируя себя теперь как отрасль философии (пропедевтическое введение к ней), а не истории и определяя себя как исследование прогресса человеческого разума, путь к истине, она не утрачивает связи с историческим и биографическим контекстом и настаивает на сохранении вектора «контекстуальное исследование идей – концептуальное исследование систем» [12], который гораздо позднее сблизит ее сначала с историей идей, а затем и с новой интеллектуальной историей.

Период своего процедурного обновления история философии переживает в конце XIX в., когда развивающаяся герменевтическая традиция приносит ей новый метод — понимание. Посредством обращения к субъективной жизни мышления философов прошлого историк философии не только реконструирует конкретное учение и проясняет его структуру, но направляется к надвременной философской истине. Последний аспект акцентируется, к примеру, в истории философии Карла Ясперса, для которого диалектика «временное-вечное» и «историческое-логическое» способствует развитию философской логики как новой онтологии в единстве с историей философии [13. Р. 82]. Предмет истории философии при этом — величие, выраженное в философах прошлого, равно как и в других великих исторических личностях [14]. Здесь, конечно же, работа историка философии не отличается от работы специалистов других гуманитарных наук.

История философия в модусе понимания долгое время задает тон в авторских историко-философских исследованиях: мы видим ее развитие в немецкой и французской историко-философской традиции того времени. Только к середине XX в. на смену ей придет другая техника. В этом последнем глобальном повороте история философии следует за историей идей и интеллектуальной историей. Причем развитие «интеллектуально-исторических тенденций» идет на фоне сохранения приемов герменевтической традиции.

Сочетание герменевтики и интеллектуальной истории приводит к устремленности историко-философских исследований не только к теории, но и к практике. В этом отношении история философии продолжает развивать проект Дильтея. Как подчеркивает Н.С. Плотников, «в соответствии с исходным пунктом Дильтея — целокупностью человеческого жизнеосуществления — философия должна включать анализ как условий познания, так и условий действия, равно как и ценностно-эмоционального отношения к миру. <...> Формулируя таким образом задачу философии, Дильтей стремится не больше не меньше как к преодолению разделения теоретического и практического разума...» [15. С. 84] Так история философии становится пропедевтическим прояснением не только условий возможности философии как теории, но и ее осуществления как практики: практики мудрости, жизни по правде, правдивого высказывания, политической и одновременно моральной практики [16].

Последний синтез отчетливо заметен во французской истории философии, в исследованиях П. Адо и М. Фуко, каждый из которых по-своему – акцентируя герменевтическую составляющую, как Адо [17], или же больше склоняясь к посылам интеллектуальной истории, как Фуко [18, 19], – соединяют историю философии как историю усмотрения истины и историю практики мудрости и морального поведения.

Приведенный краткий экскурс истории истории философии демонстрирует, что, несмотря на попытки обособления от исторического знания, от императивов истории мысли, на каждом из этапов своего развития, в каждом своем методологическом повороте, история философии держится родственных отношений. Несмотря на желание самостоятельности, она слишком многое получает от сохранения своей принадлежности к истории мысли. Это родство для нее самой оказывается в высшей степени продуктивным, и показать это можно вслед за проблематизацией истории истории философии через проблематизацию философии истории философии¹. На современном этапе поэтому интеллектуальная история есть то поле, которое позволяет истории философии совершить переход от первой проблематизации ко второй.

Историографическая проблематика в контексте интеллектуальной истории

Отождествление с интеллектуальной историей – больной вопрос истории философии последнего века. С тех пор как Лавджой в своих канонических работах представил интерпретацию истории философии как специальной истории идей [1. С. 9], философы пытаются отстоять свою самостоятельность, настаивая (подобно историкам философии классического века), что цели истории философии определяются посылами, которые могут быть поняты только изнутри самой философии. Не вдаваясь в подробности, здесь мы посмотрим на указанное «родство» из перспективы не историков, а историков философии. Сформулируем вопрос по-другому: не «что наследует истории философии от философии идей», не «в чем практика истории философии подобна практике интеллектуальной истории», но «что может дать историкам философии обращение к перспективе интеллектуальной истории» и «чем ак-

¹ Мы повторяем здесь диалектику истории истории философии и философии истории философии, в разработанном виде представленную в работах М. Геру [20, 21].

108 О.А. Власова

центирование этого родства в методологическом отношении обогащает историю философии». При этом разговор об историко-философской продуктивности интеллектуальной истории может вестись из перспективы не истории философии, а философской историографии.

В одной из своих недавних статей исследователь нововременной традиции Сара Хаттон строит мосты между интеллектуальной историей и историей философии, пытаясь показать философам, что они могут не бояться исторической экспансии. Трактуя историю философии в рамках концепции диалога, вполне органичной герменевтической историко-философской традиции, она обозначает следующие специфические проблемы и противоречия истории философии, которые особенно акцентируются из перспективы интеллектуальной истории. Это, во-первых, излишняя опора на текст при недостаточном внимании к контексту, увлеченность концептуальным анализом при невыраженности контекстуального исследования. Во-вторых, противоречие между претензией на объективность философской истины, ее вне-историческим характером и развитием философии во времени. В-третьих акцентированная взаимосвязь философии с собственным прошлым, постоянное обращение к умершим философам и ушедшим эпохам, что препятствует возможности верификации предлагаемой интерпретации [22. Р. 928–929].

Заметно, что все выделенные Хаттон проблемы выстраиваются вокруг важной для философии дилеммы: «историчности – вне-историчности (вечности)» ее положений. Эта дилемма – корень историко-философских дискуссий XX в. Если принять выделенные Хаттон противоречия за отправную точку, открывается продуктивная перспектива методологической интерпретации истории философии.

Дилемма между текстом и контекстом с акцентированной для истории философии опорой скорее на текст, а не на контекст есть тот упрек, который ей вменяют все историки. Эту дилемму в своей критической статье обозначил в качестве центральной для истории идей Квентин Скиннер. Он посвятил несколько десятков страниц разбору тех ошибок, к которым приводит внимание лишь к тексту при недостаточном исследовании контекста, и особенно подчеркивал, что для истории философии это центральный грех. Скинер настаивает, что при такой трактовке истории философии (как исследования текстов философов прошлого) она неизменно впадает в мифологизацию: историк философии (а не текст) является слишком активным игроком. В этом случае не историк философии идет за текстом, а текст выступает алиби историко-философской интерпретации. Следствия этого – ошибочные толкования отдельных положений, осовременивание философских идей, извращение концептов, ложные историко-философские систематизации - все, что гипостазирует или конструирует намерение автора. Однако контекстуальное исследование, обращающееся лишь к «фону» мысли, грешит превращением случайного в закономерное.

Именно в этом контексте Скиннер ставит вопрос о том, возможна ли в принципе историко-философская реконструкция традиции прошлого и что есть традиция (есть ли она): может ли философ прошлого мыслить от имени традиции, формировать традицию, развивать ее идеи. Именно здесь он размышляет, могут ли post factum быть реконструированы идеи философа как философская система, и обозначает проблемность истории философии как

истории философских систем. Вывод Скинера неутешителен: обе стратегии ведут к грубым ошибкам, и выход состоит лишь в том, чтобы научиться понимать границы принимаемой техники интерпретации [4. P. 48–53].

Противоречие между историчностью философии и ее претензией на овладение истиной запускает самосознание истории философии во Франции, и наиболее последовательно она разработана Марсилианом Геру. Основная исследовательская перспектива для него - сопоставление и сведение истории и философии. История философии будет полезна и результативна, если «философ и историк чрезмерно не вредят друг другу» [20. Р 33]. Предмет истории философии как истории и как философии – доктрина. Она одновременно и объект исторического интереса, поскольку возникает в исторической преемственности и имеет предшественников и последователей, поскольку ее можно четко контекстуализировать в прошлом; и объект интереса философского и историко-философского, поскольку предстает «источником философской жизни», «стимулом для психологической и спекулятивной деятельности». В последнем случае имеет место ее осовременивание. Поэтому история философии должна быть движима философским интересом и, возвышаясь над обычной историей, открывать философские содержания, надстраивающиеся над историческими, которые способен схватить только философ.

Детальное обращение к предлагаемой Геру дианоматике [23, 24] показывает, что он совмещает перспективы истории идей и новой интеллектуальной истории. Историческая составляющая истории философии предполагает адресацию к социально-историческому контексту возникновения доктрин, вскрытие линий преемственности, интеллектуальную контекстуализацию. Философская составляющая включает прояснение концептуального строя доктрины в связи с концептуальным строем предшествующих и последующих философских систем.

Проблема верификации в контексте работы историка философии наиболее последовательно ставится Р. Рорти [25]. Обозревая многообразие историко-философских жанров (историческая и рациональная реконструкция, доксография и историко-философский нарратив), он подводит их к жанру интеллектуальной истории, который единственный мыслится им как тот, что дает возможность историку философии взглянуть на себя со стороны. Благодаря интеллектуальной истории история философии сближается с другими историями, начинает понимать вариативность своих критериев описания и историчность своих проблем. Он не устает подчеркивать: «Когда мы... увлекаемся перипетиями интеллектуальных историй, мы начинаем задумываться о том, насколько важны вопросы, которыми занимается профессиональная философия в нашем лице...» [26. С. 102, 104] Понимание статуса истории философии, само трезвое историко-философское самосознание невозможно вне обращения к интеллектуальной истории. Она, по глубокому убеждению Рорти, способствует сохранению специфической научности философии.

Видно, что обсуждение методологической проблематики в последней четверти XX в. вновь подводит историю философии к интеллектуальной истории. Осознавая кризисное состояние философии, неустойчивость ее статуса, исследователи вновь стремятся выйти в широкое гуманитарное поле, где начинают артикулировать проблемы в рамках интеллектуальной истории.

110 О.А. Власова

Обзор исторической динамики и современной ситуации рефлексии историей философии собственных проблем, т.е. ее самосознания, таким образом, позволяет наметить следующие общие тенденции:

- 1. На протяжении своего развития как самостоятельной научной отрасли история философии всегда стремится обособиться от исторического знания, оспаривая статус «специальной истории», или раздела истории мысли. Этот процесс способствует определению историей философии себя как философской истории: одновременно истории и философии. Так, уже Х.А. Хойман настаивает на определении истории философии не как истории развития идей (мыслителя, традиции, региона), но как истории поиска истины. Я. Бруккер характеризует ее как науку о получении, сохранении и приумножении истины. Французы А.Ф. Деланд и Ж.М. Дежерандо связывают ее с исследованием прогресса разума, обращением разума к собственной истории.
- 2. Одновременно в каждый период своего развития история философии стремится сохранить родственные отношения с историей мысли. Я. Бруккер говорит о недостаточности обычной истории философии и призывает исследовать историко-биографический фон. Ж.М. Дежерандо мыслит историю философии, прежде всего, как сравнительное исследование философских культур. Каждый из своих методологических кризисов (и тот, что приводит к формированию герменевтической традиции на рубеже XIX-XX вв., и тот, что отмечает переход к постмодернистской интерпретации) история философии преодолевает с опорой на заимствованные от истории и истории мысли стратегии. Более того, она артикулирует их в общем с историей мысли проблемном поле. К примеру, кризис интерпретативных схем рубежа XIX-XX вв. вслед за понимающей историей (в традиции И.Г. Дройзена) приводит к развитию понимающей истории философии (у К. Ясперса, М. Хайдеггера и др.). Постмодернистский поворот середины ХХ в. позволяет, как и в историческом знании, артикулировать дискурс прошлого, разработать понятия микро- и макро-«контекста», исследовать формы коммеморации, перейти от истории проблем и идей к практикам и проблематизации. Именно так, к примеру, расценивает вклад постструктуралистской истории философии П.Х. Хаттон [27. С. 42].
- 3. Современная форма отношений истории философии и истории мысли развивается в артикулировании историко-философских проблем на языке интеллектуальной истории. При этом важно понимать различие истории идей (в ее классическом варианте традиции Лавджоя: как прояснение истории идей и концептов) и новой интеллектуальной истории [28] (как изучения интеллектуального фона развития мысли с акцентированием социально-исторического контекста), комплекс которых можно обозначить как интеллектуальную историю (историю идей и новую интеллектуальную историю).
- 4. Обращение к перспективе собственного прошлого позволяет истории философии совершить переход от проблематизации истории истории философии к проблематизации философии истории философии, т.е. обратиться от перспективы осмысления прошлого к перспективе обсуждения актуальной методологии. На современном этапе интеллектуальная история есть то поле, которое и позволяет истории философии совершить этот переход, благодаря чему история философии восходит на уровень философской историографии.
- 5. Артикулированные в рамках полярности история философии интеллектуальная история вопросы явились центральными для развития философ-

ской историографии XX века. Вслед за С. Хаттон эти вопросы можно обобщить как: а) дилемму текста и контекста, концептуального анализа и контекстуального исследования; б) противоречие между историчностью философии и претензией на объективность и вне-историчность философской истины; в) дисбаланс между важностью рефлексии прошлого и необходимостью верификации философской интерпретации в контексте современности. Эти вопросы были конкретизированы в рамках различных историко-философских традиций. Дилемма текста и контекста подтолкнула развитие герменевтической истории философии в Германии, обсуждение проблемы верификации историко-философской интерпретации привело к дискуссиям об анахронизме в англо-американском мире. Противоречие между историчностью и внеисторичностью философии запустило развитие философии истории философии во Франции. Вне зависимости от национальной традиции интеллектуальная история стала полем проблематизации историками философии собственной практики.

6. Философская историография, в рамках которой возможно развитие самосознания истории философии (осмысление собственной практики, методологических рамок и их контекста), благодаря взаимодействию с интеллектуальной историей выходит в междисциплинарное пространство. Примеры тому мы видим в поздних историко-философских исследованиях М. Фуко, объединяющего в перспективе истории мысли философию, историю, политику, риторику. Как было показано, именно она, по мнению Р. Рорти, позволяет истории философии уйти от догматизма и ограниченности методологии. Более того, это способствует привлечению к истории философии внимания специалистов других дисциплин, обсуждению проблем в сравнительном контексте и благодаря этому к нарастанию их актуальности.

Расширение проблемного пространства истории философии, ее обращение к другим наукам, а также рефлексия собственного развития приводят к принципиальному плюрализму, который характерен скорее для интеллектуальной истории, чем для истории философии. Облик истории философии меняется и в этом движении изменения, в его осознании она и должна культивировать собственную историографию.

Развивая дискуссию, можно сказать, что для философской историографии этот путь — осознание невозможности объективности и выход на сцену фигуры историка философии, дрейфующего среди идей и контекстов прошлого и настоящего, осознающего свою роль в историко-философском развитии, и более того, в динамике актуальной истории мысли в целом. В эпоху кризиса философии и ушедших в прошлое великих философов история философии так сможет сохранить статус не законсервированного, но живого знания, постоянно развивающейся практики, критики, дающей другим наукам импульс развития. Она так станет необходима не только самой философии, но и истории, культурологии, филологии, психологии, объединяясь с ними в обсуждении диалектики минувшей и актуальной мысли и культуры. В культивировании самосознания она, возможно, только и способна сохранить себя.

Литература

 $1.\, \it Лавджой A.$ Великая цепь бытия: История идеи / пер. В. Софронова-Антимони. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 372 с.

0.А. Власова

- 2. *Mandelbaum M.* The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // History and Theory. 1965. Vol. 5, № 5: The Historiography of the History of Philosophy. P. 33–66.
- 3. Betti A., Berg, van den H. Modelling the History of Ideas // British Journal for the History of Philosophy. 2014. Vol. 22, № 4. P. 812–835.
- 4. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8, № 1. P. 3–53.
- 5. Frasca-Spada M. Notes on intellectual history, history of philosophy, and history of ideas // Intellectual News. 1996. Vol. 1, № 1. P. 30–31.
- 6. *Kelley D.R.* What is happening to the history of ideas? // Intellectual News. 1996. Vol. 1, № 1. P. 36–50.
- 7. Schneider U.J. Intellectual history and the history of philosophy // Intellectual News. 1996. Vol. 1, № 1. P. 28–30.
- 8. *Models* of the History of Philosophy. Vol. II: From the Cartesian Age to Brucker / G. Piaia, G. Santinello (eds). Dordrecht Heidelberg London; New York: Springer, 2011. 604 p.
- 9. *Бруккер И.Я.* Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен / пер. В. Колокольникова. М.: Тип. И. Лопухина, 1785. 442 с.
- 10. *Бруккер Я*. Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории, изданная в пользу обучающагося российскаго юношества / пер. М.Г. Гаврилова. М.: Унив. Тип. У.Н. Новикова, 1788. 226 с.
 - 11. Braun L. Histoire de l'histoire de la philosophie. Paris : Éditions Ophrys, 1973. 402 p.
- 12. Catana L. The Historiographical Concept "System of Philosophy": Its Origins, Nature, Influence and Legitimacy. Leiden, Boston: Brill, 2008. 384 p.
- 13. Ясперс К. Великие философы: Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Нагарджуна. М. : ИФ РАН, 2007.
 - 14. Власова О.А. Карл Ясперс: путь философа. СПб. : Владимир Даль, 2018. 463 с.
- 15. Плотников Н.С. Жизнь и история: философская программа Вильгельма Дильтея // Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 15–264.
- 16. Дьяков А.В. Постмодернистская история философии: pro et contra // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 176–184.
- 17. Адо Π . Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. В.А. Воробьева. М., СПб. : Степной ветер; ИД «Коло», 2005. 283 с.
- 18.~ Фуко M. Мужество истины. Управление собой и другими II: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / пер. А.В. Дьякова. СПб. : Наука, 2014. 357 с.
- 19. Φ уко M. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982—1983 учебном году / пер. А.В. Дьякова. СПб. : Наука, 2011. 431 с.
- 20. Gueroult M. Dianoématique. Livre II. Philosophie de l'histoire de la philosophie. Paris : Aubier, 1979. 275 p.
- 21. Gueroult M. Histoire de l'histoire de la philosophie. Vol. 1–3. Paris : Aubier-Montaigne, 1988. 673 p. 1088 p.
- 22. *Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. 2014. Vol. 40, N 7. P. 925–937.
- 23. *Блауберг И.И*. Э. Брейе и М. Геру: два подхода к истории философии // История философии. 2008. Т. 13. С. 69–88.
- 24. *Кротов А.А.* Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. 480 с.
- 25. Джохадзе И.Д. Ричард Рорти как историк философии // История философии. 2012. № 17. С. 3–24.
- 26. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. И. Джохадзе. М. : Канон +, Реабилитация, 2017. 176 с.
- $27.\,\mathit{Xammon}$ П.Х. История как искусство памяти / пер. В.Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2004. 422 с.
- 28. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.

Olga A. Vlasova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 105–114. DOI: 10.17223/1998863X/54/11

INTELLECTUAL HISTORY AS A FIELD OF METHODOLOGICAL SELF-CONSCIOUSNESS OF HISTORIANS OF PHILOSOPHY

Keywords: history of philosophy; intellectual history; history of ideas; philosophical historiography; historian of philosophy.

The article discusses the problem of connection between the history of philosophy and intellectual history. The author analyses the development of the models of relations between the history of thought and the history of philosophy in time, problematises the most urgent historiographical questions, actualizes the modern situation of interaction between intellectual history and the history of philosophy. It is emphasized that in spite of the attempts to separate from historical knowledge, from the imperatives of the history of thought, the history of philosophy is still related to them at each stage of its development, in each of its methodological turn. The author discusses the current situation of interaction between intellectual history and the history of philosophy in the context of world tradition. The main questions are: "What do historians of philosophy get within the framework of the perspective of intellectual history?" and "How does this relation methodologically enrich the history of philosophy?" At the present stage, intellectual history is a problem field that allows the history of philosophy to make a transition from the problematisation of the history of the history of philosophy to the problematisation of the philosophy of the history of philosophy and contributes to the development of philosophical historiography. The author analyses the methodological problems of text and context, the historicity and extra-historicity of philosophical truth, the verification of historical and philosophical interpretation. The dilemma of text and context prompted the development of the hermeneutic history of philosophy in Germany; the discussion of the problem of verifying historical and philosophical interpretation led to discussions about anachronism in the Anglo-American world. The contradiction between the historicity and extra-historicity of philosophy launched the development of the philosophy of the history of philosophy in France. Regardless of the national tradition, for historians of philosophy, intellectual history has become a field to problematise their own practice. The central author's thesis is that the appeal to intellectual history is the possibility for the procedural updating of the history of philosophy and the most logical (in the context of the modern time) way for the cultivation of self-consciousness of historians of philosophy and the development of historiography.

References

- 1. Lovejoy, A.O. (2001) *Velikaya tsep' bytiya: Istoriya idei* [The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea]. Translated from English by V. Sofronov-Antimoni. Moscow: Dom intellektual'nov knigi.
- 2. Mandelbaum, M. (1965) The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy. *History and Theory*. 5(5). pp. 33–66. DOI: 10.2307/2504118
- 3. Betti, A. & Berg, van den, H. (2014) Modelling the History of Ideas. *British Journal for the History of Philosophy*. 22(4). pp. 812–835. DOI: 10.1080/09608788.2014.949217
- 4. Skinner, Q. (1969) Meaning and Understanding in the History of Ideas. *History and Theory*. 8(1). pp. 3–53. DOI: 10.2307/2504188
- 5. Frasca-Spada, M. (1996) Notes on intellectual history, history of philosophy, and history of ideas. *Intellectual News*. 1(1), pp. 30–31. DOI: 10.1080/15615324.1996.10432169
- Kelley, D.R. (1996) What is happening to the history of ideas? *Intellectual News*. 1(1).
 pp. 36–50. DOI: 10.2307/2709744
- 7. Schneider, U.J. (1996) Intellectual history and the history of philosophy. *Intellectual News*. 1(1). pp. 28–30. DOI: 10.1080/01916599.2014.882054
- 8. Piaia, G. & Santinello, G. (eds) (2011) *Models of the History of Philosophy*. Vol. 2. Brucker; Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer.
- 9. Brucker, J.J. (1785) *Sokrashchennaya istoriya filosofii ot nachala mira do nyneshnikh vremen* [The Abridged History of Philosophy from the Beginning of the World to the Present Time]. Translated from German by V. Kolokolnikov. Moscow: Tip. I. Lopukhina.
- 10. Brucker, J.J. (1788) Kriticheskaya istoriya filosofii, sluzhashchaya rukovodstvom k pryamomu poznaniyu uchenoy istorii, izdannaya v pol'zu obuchayushchagosya rossiyskago yunoshestva [A critical history of philosophy, which serves as a guide to direct knowledge of scientific history, published in favour of learning Russian youth]. Translated from German by M.G. Gavrilov. Moscow: N. Novikov.
 - 11. Braun, L. (1973) Histoire de l'histoire de la philosophie. Paris: Éditions Ophrys.

114 О.А. Власова

- 12. Catana, L. (2008) The Historiographical Concept "System of Philosophy": Its Origins, Nature, Influence and Legitimacy. Leiden, Boston: Brill.
- 13. Jaspers, K. (2007) *Velikie filosofy: Budda, Konfutsiy, Lao-Tszy, Nagardzhuna* [Great philosophers: Buddha, Confucius, Lao Tzu, Nagarjuna]. Translated from German. Moscow: IF RAN, 2007.
- 14. Vlasova, O.A. (2018) *Karl Yaspers: put' filosofa* [Karl Jaspers: The Way of Philosopher]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- 15. Plotnikov, N.S. (2000) Zhizn' i istoriya: filosofskaya programma Vil'gel'ma Dil'teya [The Life and the History: Wilhelm Dilthey's Philosophical Programme]. In: Dilthey, W. *Sobranie so-chineniy:* v 6 t. [Collected Works: In 6 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, 2000. pp. 15–264.
- 16. Dyakov, A.V. (2016) Postmodernistskaya istoriya filosofii: pro et contra [Postmodern history of philosophy: pro et contra]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 176–184.
- 17. Hadot, P. (2005) Filosofiya kak sposob zhit': Besedy s Zhanni Karlie i Arnol'dom I. Devidsonom [Philosophy as a way to live: Conversations with Zhanni Karlie and Arnold I. Davidson]. Translated from French by V.A. Vorobiev. Moscow; St. Petersburg: Stepnoy veter; ID Kolo.
- 18. Foucault, M. (2014) *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi II* [The Courage of Truth: The Government of Self and Others II]. Translated from French by A.V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka.
- 19. Foucault, M. (2011) *Upravlenie soboy i drugimi* [The Government of Self and Others]. Translated from French by A.V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka.
- 20. Gueroult, M. (1979) Dianoématique. Livre II. Philosophie de l'histoire de la philosophie. Paris: Aubier.
- 21. Gueroult, M. (1988) *Histoire de l'histoire de la philosophie*. Vol. 1–3. Paris: Aubier-Montaigne.
- 22. Hutton, S. (2014) Intellectual History and the History of Philosophy. *History of European Ideas*. 40(7). pp. 925–937. DOI: 10.1080/01916599.2014.882054
- 23. Blauberg, I.I. (2008) E. Breye i M. Geru: dva podkhoda k istorii filosofii [Brehier and Gueroult: The Two Approaches to the History of Philosophy]. *Istoriya filosofii History of Philosophy*. 13. pp. 69–88.
- 24. Krotov, A.A. (2018) Filosofiya istorii filosofii vo Frantsii (problema zakonomernostey v razvitii intellektual'noy kul'tury) [Philosophy of the history of philosophy in France (the problem of patterns in the development of intellectual culture)]. Moscow: Moscow State University.
- 25. Djokhadze, I.D. (2012) Richard Rorty as Historian of Philosophy. *Istoriya filosofii History of Philosophy*. 17. pp. 3–24.
- 26. Rorty, R. (2017) *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. Translated from English by I. Djokhadze. Moscow: Kanon +, Reabilitatsiya.
- 27. Hutton, P.H. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory]. Translated from English by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- 28. Repina, L.P. (2011) Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [History at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historical Practice]. Moscow: Krug".

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/54/12

А.В. Дьяков

ПОЗДНИЙ ФУКО: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ VERSUS ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ¹

В статье рассматривается опыт обращения Мишеля Фуко к либеральной экономической теории, ставший для него способом ухода от метафизики субъекта и телеологической истории. Автор показывает, как Мишель Фуко констатировал смерть субъекта, бывшего центральной фигурой европейской философии начиная с Декарта. Автор демонстрирует, как Фуко представляет тип номадического интеллектуала, постоянно перемещающегося по дисциплинарной сетке, но при этом сохраняющего идейное и идеологическое постоянство в силу своей принадлежности к определенной профессиональной группе.

Ключевые слова: история философии, историк философии, субъект, телеология, история мысли, современность.

Занимаясь переводом лекционного курса Мишеля Фуко, прочитанного им в Коллеж де Франс в 1976 г., я заметил весьма примечательный диссонанс, вызываемый у известнейшего представителя французской философии знакомством с либеральной экономической теорией. Этот диссонанс сравним разве что с тем, то приходилось переживать средневековым европейским интеллектуалам, открывавшим для себя существование арабо-мусульманской традиции, по своей глубине и силе не уступавшей традиции христианской. Дело в том, что Фуко обнаружил существование теоретического поля, совершенно независимого от философии, но при этом делающего возможными постановку и решение этических и политических проблем, которые философия традиционно считала своими.

Экономическая теория, за последнее столетие пережившая подлинный расцвет, осваивает все новые области общественной реальности, своеобразно проблематизируя присутствующие в них феномены и процессы и, как правило, обращает мало внимания на существующие здесь теоретические пласты неэкономического порядка. Тем самым она тяготеет к превращению в тотальную метасистему, обходящуюся своими собственными методологическими ресурсами и не нуждающуюся в помощи со стороны естественных или гуманитарных наук. Подобно теоретической физике, она является «философией без философии». Во всяком случае, именно так представляется философам, чья корпорация все еще сохраняет претензию на монопольную выработку методологии рассмотрения этических проблем.

Фуко, в поздний период своего творчества совершающий поворот к этическому регистру философии, по характеру своего мышления остается эпистемологом и историком идей [1, 2]. Методология постановки и решения проблем, характерная для того или иного исторически сложившегося диспозитива знания, которую он называет проблематизацией, по-прежнему остает-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

116 А.В. Дьяков

ся в центре его внимания. Но он привык к истории идей, которая в самом широком смысле тяготеет к тому, чтобы быть историей философии. Другими словами, он имплицитно предполагает, что философская методология мышления и философский характер проблематизации всегда лежат в основании всякого генерализованного знания. Либеральная экономическая теория, с которой ему пришлось столкнуться при подготовке лекционного курса 1978/79 учебного года в Коллеж де Франс, продемонстрировала ошибочность такого представления [3].

Как мы уже упомянули, история идей (Фуко, как известно, возглавлял в Коллеж де Франс кафедру истории идей) для французского мыслителя хоть и не была тождественна истории философии, предполагала философский характер проблематизации, неизменно обнаруживающийся в том или ином эпистемологическом поле. Это позволяло ему сохранять представление о всецело политическом характере профессиональной деятельности интеллектуала, занимающегося исследованием истории идей. Конечно, он расходился с Сартром в оценке ангажированности интеллектуала, но ее политический характер не вызывал у него сомнений [4]. Более того, самый предмет истории идей при таком подходе неизменно представлялся ему политическим. Обобщая, можно сказать, что всякая генерализованная мысль представала в глазах Фуко результатом движения от философии к той или иной области прикладного знания.

Экономическая теория, с которой соприкоснулся М. Фуко, занимаясь эпистемологическим исследованием политико-экономического диспозитива послевоенной Западной Германии, не только пошатнула его бессознательную уверенность в существовании (квази-)философского дискурса, лежащего в основании всякого общественно-политического дискурса начиная с классической эпохи, но и позвоила пересмотреть статус историка мысли как интеллектуала, принимающего на себя ответственность за участие в формировании коллективного представления о современности. На смену диалектике юридического и исторического дискурсов пришло сознание необходимости создания экономики дискурса государственного. Политическая экономия в представлении Фуко вдруг оказалась экономией политического, и это переворачивание бинарной оппозиции терминов имело важнейшие последствия для моральной стороны вопроса, ибо теперь он ощущал потребность (или, во всяком случае, допускал такую возможность) в создании экономии морали. Таким образом, Фуко наметил грандиозную по своим масштабам программу, реализация которой имела потенциально радикальный характер, но была отложена на неопределенное время - как оказалось, навсегда.

Самый масштабный проект Фуко, получивший название «История сексуальности» и предполагавший выпуск шести томов, в которых рассматривалась бы общая экономия сексуальности в западной цивилизации, в каком-то смысле можно воспринимать как результат его знакомства с либеральной экономической теорией. Это последнее дало ему подтверждение радикального ницшеанского релятивизма, позволив окончательно расстаться с традиционным дискурсом о морали и предложить экономию морали, являющуюся частью политической экономии как всеохватной дискурсивной стратегии. Сам Фуко не был склонен подчеркивать подобные влияния на свое творчество, подобно тому как не акцентировал он неопозитивистские влияния в книге «Археология знания», которые, тем не менее, там весьма заметны. Во втором и третьем томах «Истории сексуальности», ставших последними книгами Фуко, мы находим линию, начало которой было положено в лекционном курсе «Рождение биополитики».

Позднее творчество Фуко принято связывать с возвращением к проблематике субъекта и чуть ли не возрождением метафизики [5]. Небольшая книга Ж. Бодрийяра с провокативным названием «Забыть Фуко», конечно, вызвала праведный гнев фукольдианцев, но теперь задним числом предложенная в ней критика представляется вполне уместной. Заявив, что дискурс Фуко отражает те самые стратегии, которые его автор намеревался ниспровергнуть, Бодрийяр очень четко обозначил линию напряжения, по которой происходило самоосмысление современной философии в качестве философии современности. Сам Фуко удачно тематизировал современность в связи с кантовским текстом о Просвещении, подчеркнув, что в кантовском дискурсе философская современность впервые вопрошает о самой себе. Более того, по его мысли, изнутри философии вопрошает о себе сама наша современность, та современность, что началась с эпохи Просвещения и к которой причастны мы сами. И наконец, обращающийся к этой тематике историк философии (в данном случае сам Фуко) определяет собственное место в этой современности. То, что заметил в этом демарше Бодрийяр, не сразу бросается в глаза: определение собственной современности, предполагающее активность субъекта, должно опираться на определенную метафизику субъекта, о смерти которого Фуко заявил десятилетием раньше [6]. Теперь ему нужно найти онтологическое основание для активности субъекта, и находит он его в явно ницшеанской доктрине «заботы о себе» [7].

Концепция «заботы о себе» видится Фуко метафизически невинной, поскольку на место инстанции субъекта здесь поставлено понятие воли, которое можно трактовать весьма широко. У него, впрочем, речь идет о «воле к знанию» как реплике ницшевской воли к власти. Он постоянно подчеркивает, что речь идет именно о власти - власти в ницшевском, а не в обыденном смысле [8], а стало быть, речь о знании, а не о познании. Субъект знания – фигура властных отношений, отличная от картезианского субъекта познания и в каком-то смысле ему противоположная. Прослеживая историю этой «воли к знанию» от античного «cognosce teipsum» до сегодняшней заботы о себе, загоняющей людей в фитнес-клубы, Фуко демонстрирует постоянное присутствие в истории человечества властной инстанции, движущей человеческими поступками и формирующей идеи. Конечно, он ни в коем случае не субстантивирует власть, настаивая на необходимости отказа от самой формы вопрошания о власти, которая могла бы представить ее постоянной сущностью. Но даже представляя власть как градиент сопротивления идущим сверху властным воздействиям или как структурный эффект поднимающихся снизу стремлений этим воздействиям противостоять, он имплицитно предполагает существование «воли», лежащей в основании всех этих движений и, как бы то ни было, являющейся их онтологическим субстратом. Декларируя потребность в онтологии мысли, Фуко volens nolens приходит к онтологии воли, т.е. скрыто возрождает ту самую метафизику, от которой отказался десятилетием раньше.

118 А.В. Дьяков

Итак, можно признать правоту за Бодрийяром и согласиться с тем, что Фуко, быть может не вполне сознательно, возвращается к тем имплицитным установкам, которые сам же ниспровергал. Его борьба с транс-историческими универсалиями привела к утверждению новой универсалии. Во всяком случае, внешне это выглядит именно так. Изнутри все иначе: Фуко не собирается ни воскрешать суверенного картезианского субъекта, ни возрождать метафизику. Его намерение состоит в том, чтобы создать политическую экономию субъекта, который тяготеет к отождествлению не с cogito, но с homo oeconimicus.

Таким образом, Фуко можно «оправдать» перед лицом того типа критики, который ввел в оборот еще Бодрийяр и который впоследствии сделался столь распространенным и столь поверхностным, что стало общим местом утверждение о том, что Фуко-де в поздние годы воскресил субъекта. Можно вполне основательно утверждать, что имело место не воскрешение субъекта, а перевод проблемы субъективности в другой регистр – из регистра метафизики в регистр политической экономии. Воспользовавшись термином Б. Латура, нам стоит вспомнить весьма проницательное замечание того же автора, что перевод той или иной инстанции из регистра в регистр требует также перевода понятийного аппарата, применяемого для его фиксации, что неизбежно ведет к трансформации самой инстанции. Это и происходит с субъектом у Фуко: перемещаясь из регистра философии в регистр политической экономии, он трансформируется таким образом, что критика, обращенная на него в философском регистре, его уже не настигает. (Бодрийяр, конечно же, вправе говорить о пролиферации симулякров, одним из которых и является этот субъект, но он рассуждает в рамках своей собственной логики, тогда как Фуко вправе рассуждать в своей.)

На наш взгляд, такое амбивалентное отношение к творчеству Фуко вполне оправданно. Для его объяснения следует обратиться к неявно присутствующей в творчестве (а лучше сказать, в профессиональной деятельности) этого во многом типичного французского интеллектуала бинарной оппозиции между историей мысли и историей философии. Как известно, М. Фуко возглавлял кафедру истории систем мысли в Коллеж де Франс и позволял себе замечания о том, что никогда не занимался философией. История мысли – дисциплина историческая, а не философская, и Фуко стремился к тому «счастливому позитивизму», которым его вооружило знакомство с британским неопозитивизмом еще во время работы над «Археологией знания». Предлагая статичные картины исторически существовавших состояний человеческой мысли вместо динамических схем ее развития («волшебный фонарь» вместо кино, как удачно выразился Ж.-П. Сартр), он отказался от истории длящихся во времени процессов и избавился, как ему самому представлялось, от вопросов о движущих силах истории и от связанных с ними телеологии и метафизики субъекта истории. История мысли виделась Фуко строго позитивистской наукой, избавленной от всякой метафизики.

Конечно, выдержать историю мысли в строго позитивистском ключе филосову не удалось, ибо историческая наука как таковая несет с собой свою собственную метафизику. Возвращение к проблематике субъекта было неизбежным, однако Фуко предпринял перевод проблематики в новый регистр, где для традиционного субъекта не было места. Можно приводить доводы

«за» и «против» того, насколько удачным было это предприятие, но нас сейчас интересует не столько его оценка, сколько внутренняя логика. Говоря, что Фуко пытается создать политическую экономию субъекта, мы подразумеваем, что он стремится избежать всякой метафизики сущностей и отбросить навязчивое представление о трансисторических универсалиях, присутствующих в неизменном виде как свидетели длящихся процессов. Он постоянно перемещается по шахматной доске, меняя одну дисциплинарную клетку за другой, а заодно меняя правила игры. Номадический интеллектуал, вечно пребывающий в движении, — вот его идеал, и игра, которую он ведет, есть игра фигуры, не имеющей постоянного места приписки.

Суть этой игры заключается в следующем. Стремясь уйти от метафизики субъекта и телеологической истории, Фуко из регистра истории философии переходит в регистр истории идей, что позволяет ему оставить позади ряд вопросов философского порядка, разработка которых имплицитно предполагает ту самую метафизику, которую М. Фуко хотел бы отбросить. (Отбросить ее для него необходимо не только и, быть может, не столько в силу теоретических соображений, но и поскольку она несет с собой неприемлемые для него установки этического и политического характера.) Занимаясь историей идей, он остается историком философии в отношении метода и целей, что обеспечивает ему иммунитет от врожденных пороков исторической науки. Позитивистские установки, которые Фуко приносит с собой в эту область, сближают его со школой Анналов и вообще с историками, отказывающимися от изучения длительностей. Традиционно настроенные историки порицают его за дилетантизм и стремление уклониться от вопросов, составляющих самую суть исторической проблематики.

Однако, отказавшись поддерживать телеологическую историю, удобную для историков и дающую твердую почву ангажированным интеллектуалам вроде Сартра, Фуко, оставаясь философом-структуралистом, берется за проблему, которую уже пытались своеобразно разрешить Делез и Гваттари и которая до сих пор не имеет удовлетворительного решения в рамках исторической дисциплины. Сам Фернан Бродель был склонен оставить открытым этот вопрос: является ли капиталистическая формация порождением определенного типа государства или наоборот, определенный тип государства порождает капитализм как общественно-экономическую формацию. Фуко не просто решает этот сложнейший и запутанный вопрос, но еще и повышает ставку: он берется показать, что такое вообще государство.

«Государство вовсе не есть естественно-историческая данность, которая развивается в своей собственной динамике в "бесстрастного монстра", семя которого брошено в определенный исторический момент и который малопомалу пожирает его; государство вовсе не таково, государство — не бесстрастный монстр, оно коррелятивно определенному способу управлять. Проблема заключается в том, чтобы узнать, как развивается этот способ управлять, какова его история, как он побеждает, чем он ограничивается, как он распространяется на ту или иную область, как он изобретает, формирует, развивает новые практики...» [9. С. 18–19]. Выстраивая политическую экономию субъекта и его сложных отношений с государством и обществом, Фуко избегает тех опасностей, что сулят традиционная история и метафизика, и рисует картину становления Западной Германии, отличную от принятой в

120 А.В. Дьяков

англо-саксонском мире. Но это, конечно, не является его главной целью; куда важнее для него анализ властных отношений, в структуре которых конститу-ируется современный субъект.

Подведем итоги. Мишель Фуко, начинавший свою карьеру как феноменолог, стремившийся к выявлению истины субъекта, пройдя через ряд исканий в 1960-х гг., констатировал смерть субъекта, бывшего центральной фигурой европейской философии начиная с Декарта. Эта констатация представляла для него отказ от метафизики Нового времени и определение своего места в истории как постсовременного (хотя сам он подобной терминологией не пользовался, речь идет именно о сворачивании той эпистемы, которая определяла себя как современную, по меньшей мере со времени Канта). В 1970-е гг. Фуко предпринимает демарш, который зачастую воспринимают как «воскрешение субъекта», хотя речь идет скорее о замене суверенного субъекта множественной и плюралистичной моделью субъективности. Переход из регистра истории философии в регистр истории идей позволил ему уйти от метафизики субъекта в пространство позитивного знания, но методология и идейная позиция историка философии обеспечили ему иммунитет от телеологической истории. Таким образом, Фуко представляет тип номадического интеллектуала, постоянно перемещающегося по дисциплинарной сетке, но при этом сохраняющего идейное и идеологическое постоянство в силу своей принадлежности к определенной профессиональной группе.

Литература

- 1. O'Farrell C. Foucault: historian or philosopher? New York: St. Martin's Press, 1989. 200 p.
- 2. *Noiriel G*. Foucault and History: The Lessons of Disillusion // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66, № 3. P. 547–568.
- 3. Foucault and the political reason: liberalism, neo-liberalism, and rationalities of government / A. Barry, Th. Osborne, N. Rose (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1996. 288 p.
- 4. Levy N. Being up-to-date: Foucault, Sartre, and postmodernity. New York : P. Lang, 2000. $207 \, \mathrm{p}$.
- 5. Ray L. Foucault, critical theory and the decomposition of the historical subject // Philosophy and Social Criticism. 1988. Vol. 14, № 1. P. 69–110.
- Cook D. The subject find a voice: Foucault's turn toward subjectivity. New York: P. Lang, 1993. 152 p.
- 7. Barker Ph. Michel Foucault: subversions of the subject. New York: St. Martin's Press, 1993. 232 p.
- 8. Bevir M. Foucault, Power, and Institutions // Political Studies. 1999. Vol. 47, № 2. P. 149–167.
- 9. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / пер. А.В. Дьякова. СПб. : Наука, 2010. 448 с.

Alexandr V. Dyakov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.diakov@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 115–121. DOI: 10.17223/1998863X/54/12

THE LATE FOUCAULT: EPISTEMOLOGY VERSUS ECONOMIC THEORY

Keywords: history of philosophy; historian of philosophy; subject; teleology; history of ideas; modernity; political economy.

The article discusses the experience of Michel Foucault's appeal to liberal economic theory, which became his way to avoid subject metaphysics and teleological history. The author shows how Foucault, after going through a series of searches in the 1960s, ascertained the death of a subject who

had been a central figure in European philosophy since Descartes. For Foucault, this statement was a rejection of the metaphysics of the New Time and the definition of his place in history as a postmodern one. In his later works, Foucault replaces the sovereign subject with a multiple and pluralistic model of subjectivity. The transition from the register of the history of philosophy to the register of the history of ideas allowed him to move away from the metaphysics of the subject into the space of positive knowledge, but the methodology and ideological position of a historian of philosophy provided him immunity from teleological history. Thus, as the author demonstrates, Foucault represents a type of a nomadic intellectual who is constantly moving along the disciplinary grid, but simultaneously maintains conceptual and ideological constancy by virtue of his affiliation with a particular professional group. It can be quite reasonably argued that in Foucault's later works there was no resurrection of the subject, but there was a transfer of the problem of subjectivity to another register-from the register of metaphysics to the register of political economy. Using the term of Bruno Latour, we should recall his very insightful remark that transferring an instance from a register to a register also requires transferring the conceptual apparatus used to fix it, which inevitably leads to the transformation of the instance itself. This is what happens with Foucault's subject: moving from the register of philosophy to the register of political economy, the subject transforms in such a way that the criticism addressed to him in the philosophical register does not reach him. In an effort to get away from subject metaphysics and teleological history, Foucault transforms the register of the history of philosophy into the register of the history of ideas, which allows him to leave behind a number of questions of philosophical order, the development of which implies the metaphysics Foucault wanted to discard. Engaged in the history of ideas, Foucault remains a historian of philosophy with regard to the method and goals, which provides him with immunity from the inborn vices of historical science.

References

- 1. O'Farrell, C. (1989) Foucault: historian or philosopher? New York: St. Martin's Press.
- 2. Noiriel, G. (1994) Foucault and History: The Lessons of Disillusion. *The Journal of Modern History*. 66(3). pp. 547–568. DOI: 10.1086/244886
- 3. Barry, A., Osborne, Th. & Rose, N. (eds) (1996) Foucault and the political reason: liberalism, neo-liberalism, and rationalities of government. Chicago: University of Chicago Press.
 - 4. Levy, N. (2000) Being up-to-date: Foucault, Sartre, and postmodernity. New York: P. Lang.
- 5. Ray, L. (1988) Foucault, critical theory and the decomposition of the historical subject. *Philosophy and Social Criticism.* 14(1). pp. 69–110. DOI: 10.1177/019145378801400104
- 6. Cook, D. (1993) The Subject Find a Voice: Foucault's Turn Toward Subjectivity. New York: P. Lang.
- 7. Barker, Ph. (1993) Michel Foucault: Subversions of the Subject. New York: St. Martin's Press.
- 8. Bevir, M. (1999) Foucault, Power, and Institutions. *Political Studies*. 47(2). pp. 149–167. DOI: 10.1111/1467-9248.00204
- 9. Foucault, M. (2010) Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [Birth of Biopolitics. The course of lectures delivered at the College de France in the 1978–1979 academic year]. Translated from French by A.V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/54/13

Г.С. Семиглазов

Е. ДЮРИНГ И Ф. НИЦШЕ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОЕКТОВ

В статье рассматривается генеалогия идей Фридриха Ницше в их связи с философией Евгения Дюринга, когда-то популярного мыслителя XIX столетия. Основываясь на дневниках базельского профессора, очевидно его негативное отношение к личности и творчеству Дюринга. Тем не менее в ницшевском конспекте дюринговской «Ценности жизни» (1865) обнаруживается ряд размышлений, ставших фундаментом поздних ницшеанских текстов. Автор статьи показывает, как собственный ницшевский философский проект вырастал из полемики с дюрингианскими работами, некоторые тезисы которых были переосмыслены автором «Заратустры» на свой уникальный лад.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, Евгений Дюринг, ницшеанство, позитивизм, пессимизм, ресентимент, философия жизни.

Одна из ключевых задач, стоящих перед историками философии, — обнаружить преемственность между идеями различных теоретиков. Выявленные связи помогают пролить свет на генезис интеллектуальной биографии того или иного автора, причем с ракурсов, которые зачастую самими мыслителями тщательно скрываются. Ярким примером, где историко-философская деятельность сыграла важную роль, стал случай с наследием Фридриха Ницше. Благодаря многочисленным исследованиям в этой области Ницше вернулся в круг актуальных для современности фигур после того, как печально известное взаимодействие нацизма и ницшеанства существенно запятнало репутацию обозначенной философии после Второй мировой войны 1.

Опираясь на работы Ю. Синеокой [1, 2], Н. Мотрошиловой [3], Б. Маркова [4] и других переводчиков и исследователей творчества этого немецкого мыслителя, можно констатировать феномен «ницшевского ренессанса» в современном отечественном и мировом философских сообществах. Вероятно, одной из популярных тем в настоящее время является реактуализация ницшеанского наследия для политической теории (см.: [5]), использующей, например, ницшевские концепции аполлонического и дионисийского не только в дискуссиях о культуре, но и при анализе социальных процессов.

Кроме того, ключевой проблемой, все еще вызывающей интерес, является вопрос о генеалогии собственного ницшеанского философского проекта (по этой теме, например, см.: [6]). Хотя биографии Ницше посвящено множе-

¹ Помимо работ Дж. Колли и М. Монтинари, можно вспомнить монографию В. Кауфмана «Ницше. Философ, психолог, антихристианин», написанную в середине 50-х гг. прошлого века. Ее главной задачей и было очистить ницшевскую мысль от примесей политического дискурса, тем самым показав ошибочность национал-социалистической рецепции (фальсификации) идей базельского профессора. Эта книга переведена на русский язык в 2016 г. издательством «Владимир Даль».

² Термин, предложенный Ю. Синеокой и обозначающий возвращение идей немецкого мыслителя в российскую философию с конца 80-х гг. прошлого века.

ство крупных монографий, в том числе известные тексты М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Р. Сафрански и других, но из-за своей монументальности в этих работах лишь бегло освещены некоторые важные детали становления ницшевского творчества, связанные, в частности, с кругом чтения философа. Например, имя Евгения Дюринга (1833–1921), внесшего важный вклад в формирование Ницше в качестве самостоятельного мыслителя, в исследованиях практически не упоминается. Исходя из этого, ниже будет показано, каким образом дюрингианское веяние оставило свой след в ницшеанском интеллектуальном наследии.

Помимо же малой известности о влиянии ряда авторов на базельского профессора, актуальность обращения к генезису ницшевских идей также обусловлена и собственной позицией мыслителя по отношению к своему творчеству. Немецкий философ, в некотором смысле, создает «миф» об исключительности своей фигуры в европейской традиции, что не может не вызывать скепсиса у историков.

Для подтверждения этих слов достаточно вспомнить провокационные названия глав из ницшевского финального текста «Ессе homo» (1888), например, «Почему я так мудр», «Почему я судьба» и др. Эта книга стремится доказать, что жизнь Ницше — уникальный случай в истории западной культуры. Процитируем фрагмент из названной работы, чтобы проиллюстрировать ее главный замысел: «Мой жребий хочет, чтобы я был первым приличным человеком, чтобы я сознавал себя в противоречии с ложью тысячелетий... Я первый открыл истину благодаря тому, что я первый ощутил — обонянием — ложь как ложь...» [7. С. 276]. Нисколько не умаляя философские заслуги Ницше, нам кажется, что следование этому автобиографическому мифу не идет на пользу мыслителю, так его личность и идеи упрощаются, становясь чем-то вроде предмета для поклонения, основанного на слепой вере в созданный самим же Ницше образ.

Поэтому историкам философии необходимо взглянуть на ницшеанскую мысль уже post factum, исходя из завершенности ее проекта. Исследователи должны проверить утверждение о радикальной новизне ницшевских идей, а кроме того, их исключительности и неповторимости в европейской культуре. И, что ни удивительно, тезис об уникальном месте базельского профессора в истории мысли не проходит проверку, так как обнаруживается очевидная преемственность между ницшевским творчеством и существовавшей традицией (см., например: [8]). Известными темами философских дискуссий является вопрос о влиянии Шопенгауэра и Достоевского на автора «Заратустры», а также возможность идейной связи между Штирнером и Ницше, вызывающая интерес из-за отсутствия прямых ссылок со стороны второго философа на первого.

В биографии Ницше принято выделять три этапа: первый датируется периодом «Рождения трагедии» (1872), на момент написания которой мыслитель еще находился под впечатлением от Шопенгауэра и Вагнера; второй – позитивистский – начинается с публикации «Человеческого, слишком человеческого» (1878) и продолжается до «Так говорил Заратустра» (1883–1885), обозначающего зрелый период ницшевской философии, когда такие ее понятия, как вечное возвращение, ресентимент, сверх человек становятся главными предметами для размышлений. Несмотря на условность приведенной схе-

124 *Г.С. Семиглазов*

мы, она позволяет поставить вопрос, какие авторы были актуальны для Ницше на том или ином этапе творчества. В данном случае интерес для нас представляет позитивистский период, связанный с изменением терминологии ницшевских текстов с художественно окрашенной на более научную, а также применением «медицинского» ракурса при рассмотрении философских проблем, который сохранится у Ницше вплоть до финальных работ.

В начале поворота к позитивизму (весна 1875 г.) Ницше ставит перед собой цели по расширению сфер интересов: «Приобрести и выменять книги. Историков, например, всего Ранке. Географов, например атлас Пешеля. Биографов, например, Кардануса. Церковных авторов в переводе <...> Естественнонаучную библиотеку» [9. С. 117]. Таким образом, здесь постепенно формируется естественно-научная ориентация ницшевской мысли, несмотря на то что в читательский круг философа все также входят представители той же классической литературы.

В дневниковых записях этого времени обнаруживается еще один список имен, с которыми планируется ознакомиться: «Книги на 8 лет. Шопенгауэр. Дюринг. Аристотель. Гёте. Платон» [Там же. С. 197]. Среди приведенных авторов, указанных для будущего изучения, остановимся на интересующей нас фамилии Дюринга. Несмотря на то что широкому кругу читателей имя Евгения Дюринга (1833–1921), немецкого философа-позитивиста, сегодня практически ничего не говорит, можно предположить, что данная фигура упоминается Ницше не просто так.

Однако сперва будет уместно кратко изложить биографию когда-то популярного мыслителя XIX столетия, «сейчас известного, прежде всего, в качестве адресата полемического сочинения Ф. Энгельса "Анти-Дюринг"» [10. С. 192]. Философ родился 12 января, 1833 г. в Берлине. Он получил блестящее домашнее образование, в особенности это коснулось познаний в области математики. Отец Дюринга был последователем Руссо, поэтому скептически относился к школьной системе, которая затем стала предметом критики и Дюринга-младшего (своих детей тот также будет обучать на дому).

В 1850-х гг. юноша поступает в Берлинский университет, где изучает юриспруденцию и политическую экономию (в это время у него начинаются проблемы со зрением, которые к 30 годам обернутся полной слепотой). По окончании университета Дюринг несколько лет работает по специальности.

В 1861 г. будущий философ получает докторскую степень и начинает собственную преподавательскую карьеру. Стоит отметить, что лекции Е. Дюринга пользовались большим успехом у студентов. Он читает курсы о философии Шопенгауэра², Конта и других крупных мыслителей эпохи

¹ Подробному рассмотрению жизни и идей Дюринга посвящено исследование Джеймса Гэя «The Blind Prometheus of German Social Science. Eugen Dühring as Philosopher, Economist, and Controversial Social Critic» (2012). Биографическая справка приводится на основе этой работы, а также предисловия к русскоязычному изданию «Ценности жизни» (2018).

² Как раз в качестве последователя Шопенгауэра имя Дюринга впервые и упоминается Ницше в письмах 1868 г. (на этот факт также указывает Дж. Гэй в своем исследовании). Ницше пишет К. Герсдорфу: «Кстати, Шпильгаген тоже относится к тем, с которыми я хотел бы вступить в личные отношения. Может быть, в Берлине как-нибудь будет случай сблизиться. Я удивлен, что ты даже не нанес визита этому превосходному человеку. Надо нам как-то собирать вместе наших друзей по философии. В их списке есть еще Банзен, автор «Характерологических исследований». Есть там и Евгений Дюринг, неизменно читавший прекрасные лекции, к примеру, о Шопенгауэре и Байроне, о пессимизме etc.» [11. С. 246].

(именно эти два автора оказали ключевое влияние на собственные дюринговские идеи, хотя к шопенгауэровским работам отношение было во многом критическое).

С середины 1870-х гг. дюринговская философия обретает популярность у немецких социал-демократов в качестве альтернативы марксизму. Поэтому с начала 80-х Дюринг и подвергается резкой критике со стороны Ф. Энгельса. Тем не менее идеи философа еще долго остаются одним из флагманов социально-политической мысли Германии того времени, вплоть до формирования продюринговских сообществ в 90-х гг.

В 1872 г. книга Дюринга «Критическая история основных принципов механики» выигрывает в конкурсе научных работа Гёттингенского университета. Однако это не останавливает автора, который следует здесь по пути Шопенгауэра, от резкой критики ученого сообщества. В 1877 г. дюринговский антиакадемизм выливается в полноценной конфликт с университетской средой, что и служит отстранению философа от преподавания (это резонансное событие получило публичную огласку, большое количество студентов поддержало мыслителя, посчитав его отстранение несправедливым решением).

После ухода из университета Дюринг продолжает творческую деятельность. Он работает как над новыми книгами, так и переиздает старые (в частности, подготавливает второе издание «Ценности жизни», впервые вышедшее в 1865 г.), в 1882 г. пишет собственную автобиографию. С конца 80-х тон дюринговских работ становится резко критическим, одной из главных тем его публикаций оказывается расовый вопрос, сопровождающийся нисколько не скрываемым антисемитизмом автора. Исходя из невозможности вести адекватную полемику с Дюрингом, о философе постепенно забывают, хотя его труды какое-то время публикуются во многих странах, в том числе и в России. Мыслитель умирает 21 сентября 1921 г., пережив свою жену на 10 лет.

Итак, личность и идеи Дюринга занимали знаковое место в немецкой философии XIX столетия, будучи предметом дискуссий не только в академическом пространстве, но и в более широких кругах, оказывая влияние в том числе и на социально-политическую ситуацию в стране. Поэтому не удивительно, что имя этого философа-позитивиста не раз будет встречаться в дневниковых записях Фридриха Ницше, став важным символом в рамках его творчества. Несмотря на оценку Дюринга «как чрезвычайно бедного мыслителя» [12. С. 207], приведем один примечательный афоризм, проясняющий пристальное внимание Ницше к названной фигуре.

В записях 1884 г. можно прочитать следующие слова: «Все виды высших людей (здесь и далее курсив мой. – Γ .C.) и их подавленность и упадок (отдельные примеры, в том числе Дюринг, обреченный на гибель в изоляции) – в целом судьба высших людей нашего времени, то, каким образом они обречены на вымирание, словно громкий крик о помощи, обращенный к ушам Заратустры. Все виды безумного вырождения высших натур (например, ниги-

¹ М. Демин пишет: «Научный радикализм философа сопровождался демонстративным пренебрежением к коллегам. В частности, в ходе развернувшейся в прессе публичной дискуссии Дюринг оскорбил своего оппонента экономиста Адольфа Вагнера, а физиолога Германа Гельмгольца обвинил в скрытом заимствовании идей у Роберта Майера. Таким образом, основанием для изгнания яркого мыслителя из Берлинского университета стало нарушение норм профессиональной этики» [10. С 197]

126 *Г.С. Семиглазов*

лизм) подступаются к нему» [13. С. 262]. Здесь лежит разгадка такого частого ницшевского упоминания Дюринга в дневниковых заметках, идущих после периода 1875 г. Несмотря на критику идей, сама фигура Евгения Дюринга ставится Ницше на уровень высших людей эпохи, чьи личные судьбы являются судьбой европейской культуры, выражением ее постепенного упадка. Более того, можно предположить, что Ницше понимал и собственную биографию через призму биографий высшего типа человека, почему и давал своему творчеству столь выдающуюся оценку. Единственное отличие, которое он проводил между собой и современниками, заключалось в том, что через ницшевскую судьбу действовал не только нигилизм времени, но и силы по преодолению декаданса, о чем и было рассказано в «Ессе homo» (1888).

Для подтверждения этого тезиса еще раз напомним факт из биографии Дюринга: к 30 годам он полностью слепнет и вынужден писать свои книги, диктуя их жене и детям. Эта ситуация во многом напоминает случай из жизни Ницше, когда тот также работает над текстами, надиктовывая их Петеру Гасту, а кроме того, страдает сильными головными болями, не дающими возможности работать и послужившими одной из причин отставки из Базеля в 1879 г. Общность физического недуга находит отклик в ницшевских дневниках: «За обедом мне рассказывали о Дюринге; ему многое «прощают», так как, говорят, он слеп. Ну и что? Я тоже почти слеп. Гомер был абсолютно лишен зрения. И из-за этого быть в дурном настроении? Полным навязчивых идей? И выглядеть, как чернильница?» [13. С. 234].

Здесь тезис о самопонимании Ницше через судьбы своих современников становится хорошо просматриваемым. Из биографических совпадений, являющихся симптомами нигилизма в качестве физиологического упадка, делаются противоположные выводы. Слепота Дюринга, по мнению Ницше, приводит того к скверному характеру и схожим по настроению книгам, когда точно такой же недуг в ницшевском случае толкает к накапливанию жизненных сил и поиску выхода из кризисного состояния, который и был найден в концепции вечного возвращения и требовании принятия жизни в ее страданиях.

Если говорить о том, какие работы Дюринга составляли круг чтения Ницше, то к записям лета 1875 г. принадлежит конспект дюринговской «Ценности жизни» (1865), получившей от автора «Заратустры» подробный критический анализ. Ницше делает такие замечания в отношение этой книги: «Дурной слог, плохая осанка, недобор высоты, испорченная манера сжатого изложения» [9. С. 201].

Помимо критики, философ также отмечает и сходство собственной и дюринговской мысли, что еще раз показывает ту духовную общность между ними, которая указывалась выше: «Фактической формой жизни представляется определенная дисгармония, т.е. смесь согласия и сопротивления. Привлекательность этой игре придает движение ниже границы вполне гармонического. Здесь Дюринг многое берет от аналогии музыки и жизни; впрочем, в символически-мифологическом плане его учение содержится и в моем понимании дионисийского и аполлонического» [Там же. С. 215].

Тем не менее общее впечатление Ницше от книги Дюринга неудовлетворительное. В частности, базельского профессора не устраивает дюринговское понятие справедливости в качестве реактивного ответного действия на совершенную несправедливость – в ницшевском понимании, справедливость активна и есть привилегия господ. Кроме того, попытка реабилитировать жизнь с моральной (рациональной, оптимистической) точки зрения также не принимается мыслителем, еще находящимся в то время под влиянием Шопенгауэра и Вагнера.

Несмотря на многочисленную критику этого дюринговского произведения со стороны Ницше, историкам философии невозможно проигнорировать первоисточник, работе с которым автором «Заратустры» было уделено особое внимание. Обратимся к труду Дюринга «Ценность жизни» (1865)¹, чтобы понять, насколько велика дистанция между идеями двух философов, а также попытаться обнаружить те фрагменты, которые могли послужить толчком к переосмыслению Ницше своей философии, поспособствовав тем самым ее «позитивисткому повороту»².

Отыскивая возможную преемственность между мыслителями, укажем на ту задачу, которую ставил перед собой Дюринг при написании «Ценности жизни» (1865). В первой главе он указывает, что «вопрос здесь идет о том, чтобы одновременно выступить и против оклеветания жизни, и против изображения ее в ложном розовом свете <...> Необходимо проложить пути к героическому пониманию жизни и к героическому отношению к ней, а где нездоровье уже укрепилось — там устранить вред, производящий болезнь, слабость и малодушие» [15. С. 57].

Отметим два важных момента: во-первых, Дюринг ставит своей целью реабилитировать жизнь, подвергшуюся нападкам со стороны пессимистических учений, которые олицетворяет Шопеграуэр, однако эта реабилитация нисколько не носит оптимистического характера (за что Ницше упрекает Дюринга в своих дневниках). Во-вторых, Дюринг понимает пессимизм как болезнь духа и тела, поэтому подходит к решению проблемы не только с позиции философа, но и с точки зрения «ученого-медика»³. Примечательно, что позже Ницше также возьмет на вооружение медицинско-физиологический ракурс, а кроме того, поставит созвучную с Дюрингом задачу: реабилитировать жизнь, обесценивающуюся из-за действия нигилистических сил (в частности, христианской религии).

Далее, исходя из самой постановки вопроса о *ценности жизни*, можно допустить вхождение Дюринга в одну плеяду мыслителей, составляющих группу «философов жизни», к которой также относится и Ницше. Понимание жизненного процесса во многом материалистично для Дюринга, что было

¹Доступная русскоязычному читателю книга является 4-м изданием, когда Ницше работал с более ранним. Однако, Дюринг указывает, что не менял главных идей в последующих переработках своего произведения.

² Насчет непосредственного влияния Дюринга на Ницше написано не так много работ. В частности, можно указать полемическую заметку Р. Штайнера «"Так называемое" возвращение одного и того же у Ницше», в которой отмечается следующий факт: «Как пришел Ницше к идее вечного возвращения всех вещей? В беседах с г-жой Элизабет Фёрстер-Ницше и д-ром Кёгелем в 1896 г. я неоднократно указывал источник этой идеи. Я и сегодня пребываю в убеждении, что эта идея посетила Ницше в связи с чтением «Курса философии как строго научного мировоззрения и жизнеоформления» (Лейпциг, 1875) Евгения Дюринга и под влиянием этой книги» [14. С. 178].

³ Например, он пишет: «Но кто пожелал бы судить о значении пищи и пития или вообще о наслаждении здоровой жизнью по проявлению расстроенного желудка или притупленной наркозом нервной системы, тот сделал бы приблизительно то же, что и тот, кто стал бы ожидать от пресыщенного развратника правильной оценки семейной жизни и любви» [15. С. 61].

128 Г.С. Семиглазов

обусловлено влиянием на него контовского позитивизма. Фундамент жизни составляет естественный ход вещей (укорененный в чувствах, ощущениях, переживаниях, теле как таковом). Хотя жизненные проблемы не исчерпываются одним лишь позитивистским подходом, тем не менее, физические условия существования являются основой любого организма — для Дюринга приемлема лишь такая ценностная система, которая не отказывается от материальных аспектов жизни.

На основе этого требования Дюринг выступает против аскетических практик из-за того, что те стремятся сузить круг естественных потребностей человека: «Равным образом, явления, возникающие на почве аскетизма, гораздо отвратительнее, чем результаты одного лишь чувственного понимания мира» [15. С. 100]. Напомним, что критика аскетизма впоследствии станет важной частью ницшевской «Генеалогии морали» (1887), что показывает общность предметов рассуждений, вокруг которых вращалась мысль обоих философов. В частности, в аскете Ницше увидит извращенное проявление воли к власти, направленной на саму себя в желании подчинить жизнь: «Ибо аскетическая жизнь есть противоречие себе: здесь царит беспримерный ресентимент, ресентимент ненасытимого инстинкта и воли к власти, которой хотелось бы господствовать не над чем-либо в жизни, а над самой жизнью, над глубочайшими, сильнейшими, фундаментальными ее условиями» [16. С. 337]. Эта общность также обусловлена и тем, что и Дюринг, и Ницше выступали в качестве критиков Шопенгауэра, наоборот, позитивно оценивающего «аскетический идеал».

Рассматривая проблему обесценивания жизни, Дюринг указывает несколько симптомов пессимизма: ими оказываются первые религии, такие как христианство (иудаизм) и буддизм: «Пессимистическая печать лежит уже на первых – буддистской и еврейской – религиозных системах и организациях» [15. С. 59]. Выделение буддизма и иудаизма в качестве первоисточников обесценивания жизни знаково, потому что Ницше, в свою очередь, аналогичным образом укажет на нигилистичность названных религиозных учений, обусловленную физиологическим декадансом их последователей (хотя ницшевское отношение к буддизму менее критично, чем у Дюринга)¹.

Согласно Дюрингу две названные религиозные системы стали выражением упадка духа. Однако, помимо духовного вырождения, Дюринг предполагает истощение сил и на физиологическом уровне. Как отмечалось выше, человеческой жизнью управляют чувства и страсти – люди укоренены в своей телесности. Где наступает пресыщение чувственностью, там наблюдается и пресыщение жизнью в целом. Физическое пресыщение ведет за собой пресыщение духовное, свидетельством чему становится формирование пессимистического мировоззрения, лишающего жизнь ценности, поскольку чувства больше не доставляют человеку радости, из-за чего и наступает апатия души.

Истощенный организм создает для себя метафизические системы, являющиеся последним прибежищем духа и свидетельством его нездоровья. Отметим, что Дюринг делает примечательное наблюдение насчет действия пес-

¹В «Антихристианине» (1888) Ницше напишет: «Осудив христианство, я не хотел бы совершить несправедливость в отношении родственной религии, превосходящей его числом приверженцев, — это буддизм. Обе нигилистические религии, обе религии décadence'а и близки, и самым замечательным образом разделены» [7. С. 124].

симистической метафизики: «Это есть последние убежища для людей, которые не в состоянии с одной стороны иметь желания, с другой — не хотят перестать желать» [15. С. 64]. Сравним эту фразу с размышлением из ницшевской «Генеалогии морали» (1887): «В том, однако, что аскетический идеал вообще так много значил для человека, выражается основной факт человеческой воли, его horror vacui: он нуждается в цели — и он предпочтет скорее хотеть Ничто, чем ничего не хотеть [16. С. 316].

Приведенные фрагменты объединены одной идеей о волении как неотъемлемом аспекте человеческой жизни, которая перестала бы являться таковой в случае исчезновения стремлений. Невозможность «перестать волить» означает, что человек предпочел бы перенаправлять свои желания на метафизические ценности (например, надежду на лучшую жизнь в ином мире), чем вообще отказаться от целей, пускай и не реализуемых в повседневности. Именно эта логика формирования трансцендентного мира в качестве «нигилистического стремления» разделяется как Дюрингом, так и Ницше, ставящими акцент на «посюстороннем» удовлетворении желаний с целью возвращения жизни ее смысла, — с призывом Заратустры «быть верными земле» Дюринг бы, безусловно, согласился.

Почему, по мнению Дюринга, вообще формируется необходимость в пессимистической метафизике? Философ полагает, что в основе жизни лежит представление о справедливости, а несправедливость, в свою очередь, оказывается величайшим злом для человека. Там, где возникает пресыщение жизнью, также появляется и чувство несправедливости, которую причиняет жизнь наличием в ней страданий. Потребность в восстановлении порядка осуществляется при помощи метафизики, через идею потустороннего воздания за те страдания, которые человек терпит в настоящем. Дюринг пишет: «Неудовлетворенное стремление к возмездию составляет жало, которое там, где оно в действительности бессильно, рождает надежды на так называемую вечную справедливость» [15. С. 208].

Опять же, сравним эти слова с фрагментом из «Так говорил Заратустра» (1883–1885): «Это страдание и бессилие – они создали все иные миры; и то короткое безумие счастья, которое испытывает только страдающий больше всех. Усталость, желающая одним прыжком достигнуть конца скачком смерти, бедная усталость неведения, не желающая больше желать, – она создала всех богов и иные миры» [17. С. 31]. Несомненно, Ницше критикует Дюринга за то, что тот выстраивает справедливость на необходимости воздаяния, т.е. реактивном чувстве мести. Однако дюринговское замечание, что неудовлетворенное возмездие действует как творческая сила, порождающая метафизику, оказывается ключевым и для Ницше. Ницшевское представление о ресентименте в качестве творческой способности восставших рабов в морали отсылает к приведенной мысли Дюринга, повлиявшей на разработанную Ницше концепцию.

Итогом духовного и физиологического вырождения (пессимизма) является дискредитация разума. Дюринг настаивает, что необходимо вернуть веру в то, что разум способен получать истинные знания о мире и выносить здоровые суждения о ценности жизни. Мыслитель приходит к следующему выводу: «Модное отвращение к жизни, связанное с культом небытия, само должно наконец сделаться для публики предметом отвращения. Теория пре-

130 Г.С. Семиглазов

сыщения повлечет за собой пресыщение ею, а игра в умозрительное отрицание жизни сама не минует отрицания» [15. С. 81]. Важно, что схожей оказывается и судьба нигилизма в рамках ницшевской философии – последовательный нигилизм отменит сам себя, превратившись в свою противоположность, т.е. в утверждение жизни.

Каков ответ Дюринга на вынесенный в заголовок книги вопрос о ценности жизни? Он приходит к концепции примирения с миром. Жизнь полна трудностей, однако они не должны вызывать страх и быть причиной пессимистического мировоззрения: «Первый основной закон есть труд; чувство преодоления препятствий, стоящих на пути к более совершенному удовлетворению жизненных возбуждений, есть уже удовлетворение само по себе» [Там же. С. 273]¹. Наполненность жизни страданиями есть ее неотъемлемая характеристика, которую остается только принять, сделав акцент на самостоятельности ценностей преодоления этих страданий. Идея примирения, как уже было отмечено выше, не устраивает Ницше, поскольку в ней выражено реактивное отношение к жизни, а не проявление активно действующей воли к власти, самой создающей для себя границы и ставящей перед собой цели.

Итак, на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что работа Дюринга «Ценность жизни» (1865) сыграла важную роль в формировании поздней ницшевской философии, которая созревала как на фоне критики указанного мыслителя, так и непосредственного продумывания дюрингианских концептов до их логического завершения. Несомненно, Ницше развивает дюринговские идеи на собственный лад, однако сам этот факт показывает, что базельский профессор находился в интеллектуальном пространстве современного ему XIX в. Таким образом, ницшевская мысль встраивается в духовный контекст эпохи, лишаясь мифического ореола вокруг себя, позволяя обнаруживать господствующие настроения в культуре того периода. Их и не мог не впитать в себя Ницше, радикальным образом переосмысливая на страницах своих текстов, создавая тем самым собственный неповторимый проект, являющийся важным наследием европейской философии XIX столетия.

Литература

- 1. Синеокая IO. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманит. ин-та, 1999. С. 7–38.
- 2. *Синеокая Ю*. Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 124–136.
- 3. *Мотрошилова Н*. Дискуссии о философии Ф. Ницше в России серебряного века // Фридрих Ницше и философия в России : сб. статей. СПб. : Изд-во Рус. Христианского гуманит. инта, 1999. С. 38–46.
- 4. *Марков Б.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб. : Владимир Даль, 2005.
- $5.\ Nietzsche,\ Power\ and\ Politics.\ Rethinking\ Nietzsche's\ Legacy\ for\ Political\ Thought\ /\ W.\ Siemens\ (ed.),\ V.\ Roodt\ (ed.).\ Berlin,\ New\ York:\ Walter\ de\ Gruyter,\ 2008.$

¹ Ср. с фрагментом из «Так говорил Заратустра»: «Уметь спать – не малое искусство: для этого нужно бодрствовать весь день. Десять раз должен ты днем преодолеть себя: это даст хорошую усталость, это мак души. Десять раз должен ты вновь мириться с самим собой; ибо преодоление – это горечь, и дурно спит непримирившийся» [17. С. 28]. Как ни Дюринг видится за образом философа, превозносящего ценности преодоления жизненных трудностей лишь с целью успокоения собственной совести.

- 6. Перцев А. Фридрих Ницше у себя дома: опыт реконструкции жизненного мира. СПб. : Владимир Даль, 2009.
 - 7. Ницие Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6.
- 8. Левит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб. : Владимир Даль, 2002.
 - 9. *Ницше* Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2008. Т. 8.
- 10. Демин М. Профессионализация немецкой философии: от корпоративной автономии к академической свободе // Вестник ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. С. 186–196
- 11. Бакусев В. Юный Ницше: Автобиографические материалы. Избранные письма. Из ранних работ. 1856–1868. М.: Культурная революция, 2014.
 - 12. Ницие Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2010. Т. 10.
 - 13. *Ницие* Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 11.
 - 14. Штайнер Р. Фридрих Ницше. Борец против своего времени. М.: Новалис, 2010.
 - 15. Дюринг Е. Ценность жизни. М.: Юрайт, 2018.
 - 16. Ницие Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5.
 - 17. Ницие Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2007. Т. 4.

Georgiy S. Semiglazov, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: dbrhe@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 122–132.

DOI: 10.17223/1998863X/54/1

EUGEN DÜHRING AND *FRIEDRICH* NIETZSCHE: A COMPARISON OF TWO PHILOSOPHICAL PROJECTS

Keywords: Friedrich Nietzsche; Nietzscheanism; positivism; pessimism; resentment.

This article focuses on Friedrich Nietzsche's philosophy in the period of its transition from the early problems of the first texts, the most famous of which is The Birth of Tragedy from the Spirit of Music (1872), to the second period, namely, a positivist turn taking place since the release of Human, All Too Human (1878). Several factors, including the expansion of his natural-science library, cause changes in Nietzsche's ideas. Thus, we need to examine authors relevant to the philosopher at that time. Eugene Dühring (1833–1921) is one of these important figures. His name is found in Nietzsche's diaries of 1875. In this period, Nietzsche also wrote a summary of Dühring's book Der Wert des Lebens (The Value of Life) (1865). References to Dühring still appear in later Nietzsche's texts, up to his final Ecce Homo (1888). Due to Nietzsche's close attention to Dühring, there is a need to make a historical and philosophical research to answer a few questions. The first one is why Dühring was so important for Nietzsche. The second is which Dühring's ideas influenced Nietzsche's philosophy, beginning with Thus Spoke Zarathustra (1883). This study is based on the textual analysis of Der Wert des Lebens and compares key fragments of this book with Nietzsche's reflections after 1875. The analysis of the texts shows that Nietzsche develops his ideas such as resentment, nihilism, overman. in polemics with Dühring. Moreover, key topics of Nietzsche's works, e.g., overcoming cultural decline, coincide with the main themes of Düring's book. It is argued that Nietzsche's ideas are formed by reflection on Der Wert des Lebens. Dühring influenced the genesis of Nietzsche's thought by introducing important philosophical problems relevant for the intellectual sphere of the time. Furthermore, Dühring is one of the figures who gave Nietzsche specific medical terminology and helped Nietzsche to develop his own fundamental concepts, some aspects of which were taken from Düring's book.

References

- 1. Sineokaya, Yu. (1999) Vospriyatie idey Nitsshe v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie [Perception of Nietzsche's ideas in Russia: main stages, trends, significance]. In: Motroshilova, N.V. & Sineokaya, Yu.V. (eds) *Fridrikh Nitsshe i filosofiya v Rossii* [Friedrich Nietzsche and Philosophy in Russia]. St. Petersburg: The Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 7–38.
- Sineokaya, Yu. (2015) Filosofiya Fridrikha Nitsshe kak zerkalo konstruirovaniya postsovetskoy natsional'noy identichnosti Rossii [Philosophy of Friedrich Nietzsche as a mirror of the construction of the post-Soviet national identity of Russia]. Voprosy filosofii. 12. pp. 124–136.
- 3. Motroshilova, N. (1999) Diskussii o filosofii F. Nitsshe v Rossii serebryanogo veka [Discussions on F. Nietzsche's philosophy in Russia of the Silver Age]. In: Motroshilova, N.V. & Sineokaya,

- Yu.V. (eds) *Fridrikh Nitsshe i filosofiya v Rossii* [Friedrich Nietzsche and Philosophy in Russia]. St. Petersburg: The Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 38–46.
- 4. Markov, B. (2005) *Chelovek, gosudarstvo i Bog v filosofii Nitsshe* [Man, State and God in Nietzsche's Philosophy]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- 5. Siemens, W. & Roodt, V. (eds) (2008) *Nietzsche, Power and Politics. Rethinking Nietzsche's Legacy for Political Thought.* Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- 6. Pertsev, A. (2009) Fridrikh Nitsshe u sebya doma: opyt rekonstruktsii zhiznennogo mira [Friedrich Nietzsche at Home: Experience of the Living World Reconstruction]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- 7. Nietzsche, F. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- 8. Löwith, K. (2002) *Ot Gegelya k Nitsshe. Revolyutsionnyy perelom v myshlenii XIX veka* [From Hegel to Nietzsche. A Revolutionary Breakthrough in 19th-century Thinking]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- 9. Nietzsche, F. (2008) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 8. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- 10. Demin, M. (2013) German Philosophy Professionalization: From Corporate Autonomy to Academic Freedom. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina Vestnik of Pushkin Leningrad State University.* pp. 186–196. (In Russian).
- 11. Bakusev, V. (2014) *Yunyy Nitsshe: Avtobiograficheskie materialy. Izbrannye pis'ma. Iz ran-nikh rabot. 1856–1868* [Young Nietzsche: Autobiographical materials. Selected letters. From the early work. 1856–1868]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- 12. Nietzsche, F. (2010) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 10. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- 13. Nietzsche, F. (2012a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 11. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- 14. Steiner, R. (2010) *Fridrikh Nitsshe. Borets protiv svoego vremeni* [Friedrich Nietzsche. A Fighter Against His Time]. Translated from German. Moscow: Novalis.
- 15. Dühring, E. (2018) *Tsennost' zhizni* [The Value of Life]. Translated from German. Moscow: Yurayt.
- 16. Nietzsche, F. (2012b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 5. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- 17. Nietzsche, F. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.64 + 364.122.8

DOI: 10.17223/1998863X/54/14

Р.А. Быков, Е.Ю. Быкова, Ю.А. Власова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ КАК ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ АПАТИИ СРЕДИ УЧИТЕЛЕЙ¹

В статье анализируется процесс формирования профессиональной позиции учителя, которая, по мнению авторов, является необходимым условием адаптации и дальнейшего благополучного функционирования педагога в школе. Предложенный подход по решению распространенных проблем учителей основан на концепции социальной апатии и базируется на результатах прикладного социологического исследования учителей в Томской и других областях Западной Сибири.

Ключевые слова: рефлексия, конструирование смыслов, профессиональная позиция учителя, социальная апатия.

В данной статье предложены некоторые идеи и размышления, базирующиеся на теоретическом наследии исследователей системы образования, а также на эмпирическом исследовании учителей в Томской и других близлежащих областях, благодаря которому возможно увидеть и объяснить глубинные проблемы современной школы и в первую очередь понять, какие меры необходимы для улучшения психосоциального самочувствия учителей и над чем в действительности следует работать всем заинтересованным участникам образовательного процесса. В первой части работы описан подход, связанный с понятием социальной апатии, а также показаны причины ее распространения в школьной среде. Во второй части продемонстрированы практики по формированию профессиональной позиции, описаны выявленные стратегии, представлены рекомендации самих учителей по улучшению самочувствия в школьном пространстве, а также показана роль рефлексии, которая критически необходима современному учителю, способствует его адаптации и благополучному существованию даже в школах со сложным социальным контекстом.

Социальная апатия как характеристика состояния учителей

Для описания сущностной характеристики современного общества, позволяющей дать понимание и объяснение доминирующего аспекта социального самочувствия, наиболее приемлемым видится использование понятия социальной апатии. Современная трактовка понятия «апатия» включает в себя целый ряд компонентов, характерных для состояния эмоциональной пассив-

 $^{^{1}}$ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-311-00166 «Социальная апатия как форма адаптации российских учителей к современным социокультурным условиям» (руководитель – Р.А. Быков).

ности, безразличия, упрощения чувств, равнодушия к окружающим событиям и ослабления побуждений и интересов [1]. В социальной философии термин употребляется такими авторами, как К. Ясперс, Г. Маркузе, А. Швейцер, П. Бурдье и другие, которые, анализируя современное общество, говорят о социальной апатии в таких терминах, как «негарантированность», «пассивность», «бездумье», «равнодушие», «безличность» и подобные, что дает основание расширить контекст употребления данного понятия.

Употребление понятия «социальная апатия» также позволит рассмотреть проблемы социального самочувствия на другом, более глобальном уровне. Обозначение особенностей состояния индивидов как проблем психосоциального самочувствия предполагает их рассмотрение исследователями с позиции влияния мезоуровня, т.е. уровня социальных институтов. Это объясняет причину акцентирования внимания психологов на особенностях организационной среды, с которыми связывается распространение данных проблем. Использование понятия социальной апатии, таким образом, видится более актуальным, нежели употребление понятия «синдром выгорания», поскольку позволяет представить форму социального самочувствия, при которой сознание, поведение и деятельность индивидов обусловлены влиянием общесоциальных факторов.

Изменения, произошедшие в обществе, организационные трудности работы в школе и специфика педагогического общения с другим поколением приводят к распространению в среде учителей такой формы реагирования на дискомфортные условия, как социальная апатия. В данном случае апатия возникает либо непроизвольно, как форма реакции на общесоциальный контекст и сложные обстоятельства, связанные с ощущением дискомфорта, небезопасности и неопределенности постмодернистского общества, либо целенаправленно, как защита от стрессовых факторов профессиональной деятельности.

В исследовательской литературе мировоззрение и профессиональное самовосприятие учителей характеризуется такими признаками социальной апатии, как безынициативность; склонность к патерналистским настроениям; безразличие, отсутствие самокритичности и заинтересованности в высоких результатах образовательной деятельности и повышении профессиональной компетентности; тенденция к отчуждению от культуры; низкая мотивация на достижения или ее отсутствие.

Причины распространения социальной апатии в системе образования

Каковы же фундаментальные причины, провоцирующие в современном обществе распространение данного состояния апатии? Как обозначенные тенденции влияют на учителей и приводят к развитию среди них апатичных настроений? Можно сформулировать три основные предпосылки, формирующие апатичное настроение и мироощущение современных индивидов: проблемы отчуждения, инструментальной рациональности и трансформации ценностей.

Отиуждение и смыслоутрата как источники безразличия. Основой для рассуждений о проблеме отчуждения выступает идея Ж. Липовецки об обес-

ценивании высших смыслов и отрицании смысла жизни как о главных причинах социальной апатии [2].

Применение концепции отчуждения позволяет по-другому взглянуть на усилившуюся в последнее время тенденцию к распространению проблем современных индивидов, которые в научной литературе принято трактовать как синдром выгорания и эмоциональное истощение. Согласно отечественным исследователям Е.Н. Осину и Д.А. Леонтьеву феномен отчуждения, который употребляется в основном в контексте экзистенциальной традиции, близок по своему описанию к понятиям экзистенциального вакуума или смыслоутраты, активно обсуждаемым современными психологами [3. С. 71]. Авторы отмечают, что состояние смыслового отчуждения, экзистенциального вакуума, отказа от ценностей в пользу потребления является традиционным для современного общества, а значит, общепринятым, распространенным и нормальным. Однако, несмотря на кажущуюся неопасность данного феномена, в действительности он приводит к появлению целого ряда клинических симптомов: начиная от девиантного поведения, и заканчивая социальной апатией [Там же. С. 69].

Смысловое отчуждение касается не только жизни человека в целом, но может быть проявлено и в отдельных сферах деятельности, таких как работа и труд. Эрнест Беккер, которому посмертно была присуждена Пулитцеровская премия за книгу «Отрицание смерти», утверждал, что потребность человека осознавать смысл своей деятельности есть не что иное, как их способ справиться со страхом смерти. Для этого ему необходимо чувствовать себя «героем», обладающим особым значением в более широкой «космической» системе вещей. Каждому обществу присущи свои культурно предписанные «героические» системы: в современной социальной среде религия в этом плане утратила свои позиции, поэтому место смысла жизни, согласно Becker, для многих людей заняла работа [4]. Как отмечают Sakharov и Farber, выгорание в данном случае следует рассматривать как субъективный опыт переживания неудачи в «героической» системе, принятой в данном обществе [5]. Многие исследования показали, что религиозные люди (с устойчивыми представлениями о смысле жизни) реже подвержены выгоранию по сравнению со своими нерелигиозными коллегами [6. Р. 126].

В современной литературе заметна обеспокоенность исследователей по поводу распространения *смыслового отчуждения* в системе образования, которое проявляется в виде утраты смыслов, размывания системы ценностей основных участников образовательного процесса. Состояние неопределенности и постоянные изменения в системе образования формируют у учителей такую установку на труд, при которой они не чувствуют ценности своей профессии и которую А. Лэнгле обозначает как «дефицит исполненности» [7], при котором на первый план выходит неудовлетворенность педагогами своим трудом и переживание ими рутины повседневных обязанностей. Изучение экзистенциальной наполненности учителей (состояния, обратного экзистенциальному вакууму) показало, что оно имеет значительную обратную связь с эмоциональным истощением и деперсонализацией [8. Р. 68].

Согласно экзистенциально-аналитическому подходу дефицит истинного, экзистенциального смысла и связанного с ним переживания чувства экзистенциальной исполненности (переживание добровольности деятельности и

ее ценности, которое может возникнуть, в том числе и на фоне усталости, например, «усталый, но довольный») является главным источником истощения и апатии в современной социальной среде [7. С. 6]. Опросы учителей показывают, что из-за накопившихся материальных и психологических трудностей отношение российских педагогов к высоким жизненным смыслам зачастую характеризуется отстраненной позицией. Среди мнений учителей на этот счет показательны следующие высказывания, полученные в ходе исследования Г.Л. Вайзер: «Мне надоело сеять разумное, доброе, вечное бесплатно. Я – нищий»; «"Высокий смысл жизни" сейчас даже вреден. Чтобы теперь добиваться благополучия, нужны более "заземленные смыслы жизни"» [9. С. 220].

В результате смыслового отчуждения возникает противоречие между тем, что, согласно социальным ожиданиям, должен делать учитель как носитель высоких жизненных смыслов, и тем, что он реально может и хочет сделать в условиях современного общества потребления. При этом осознанный отказ от поисков смысла не только жизни, но и более простых событий и явлений действительности, свидетельствует, согласно А.Ю. Чернову, о низком уровне сформированности мировоззрения человека, его «экзистенциальной» сферы [10. С. 234].

А. Лэнгле утверждает, что жизнь, построенная в соответствии только с кажущимся смыслом (например, сосредоточенностью на собственной карьере, ожиданием социального признания и т.п.), лишает человека сил, уводит его в пустоту и апатию. Применительно к учителям получается, что вместо радости по поводу того, что именно было достигнуто в работе, педагог может в лучшем случае ощущать гордость от самого факта достижения. При этом отдых и расслабление часто не заменяют пустоты, в которую человек ежедневно загоняет себя вновь и вновь. При истинном смысле действие и переживание в работе учителя ощущаются как ценность, при кажущемся педагог чувствует, что его как будто что-то принуждает к действию (вспомним про отчуждение труда по К. Марксу), и он при этом не может переживать ценностные основания конкретной ситуации.

Причины дефицита экзистенциального смысла в профессии педагога исследователи предлагают искать не только в состоянии социальной среды, но и в более конкретных недостатках системы образования и подготовки будущих учителей. Отечественные исследователи сходятся во мнении, что профессиональная подготовка будущих педагогов не предполагает работу со смыслами как системообразующими компонентами при обучении учителей [11. С. 213]. Пока же ситуация обстоит таким образом, что в педвузе готовят в основном учителей-предметников, не уделяя внимания формированию должного отношения к своей профессии. Именно поэтому, по мнению исследователей В.Э. Чудновского, Е.В. Мартыновой [12. С. 113] и Е.В. Киселевой [13. С. 228], выпускники педагогических вузов не готовы к работе в школе.

Более глубокую причину трудностей в становлении смысла жизни педагогов некоторые авторы видят в отдаленности результатов их профессиональной деятельности, когда из-за временного разрыва между вложенными трудовыми усилиями и плодами этих усилий существенно затрудняется формирование подлинного смысла работы. Специфика учительского труда заключается в том, что, в отличие от многих других профессий, плоды педаго-

гической деятельности зачастую трудноуловимы, более опосредованы и неоднозначны. В связи с данной особенностью В.Э. Чудновский предлагает проводить более тщательную работу с учителями по «проекции» результатов труда в отдаленное будущее [14. С. 84].

А.М. Пинес предлагает использовать экзистенциальный подход при анализе более глубоких причин распространения среди учителей различных негативных состояний, поскольку с его помощью можно объяснить основные выводы исследователей выгорания. Например, наиболее часто авторы обнаруживают связь между стрессом педагогов и присутствием в классе деструктивных учеников, причину наличия которой Пинес предлагает искать в том, что нарушение дисциплины в классе формирует ситуацию, в которой учителя не могут извлекать экзистенциальный смысл из своей работы и ощущают свою незначительность. По этой же причине переполненность классов становится существенным стрессовым фактором, поскольку в таких условиях учитель вынужден слишком много времени тратить на поддержание порядка во время урока вместо образовательного процесса, благодаря которому педагог мог бы поддерживать свое чувство значимости [6. Р. 124].

В масштабном исследовании, проведенном А.М. Пинес среди учителей США и Израиля, было обнаружено подтверждение обратной зависимости между чувством значимости своей профессиональной деятельности и эмоциональным выгоранием педагогов. Кроме того, сравнение результатов, полученных из двух стран, показало, что учителя из США устойчиво демонстрируют более высокие показатели выгорания, чем их израильские коллеги, несмотря на то что условия работы и сама жизнь в современном Израиле гораздо более напряженная, чем в США. Данные результаты А.М. Пинес объясняет тем, что в таких условиях учителя демонстрируют осознанную позицию, более осмысленное отношение к своей работе как к необходимой для развития небольшой страны, в которой (как написал один из респондентов) «вклад каждого намного заметнее и важнее» [Ibid. P. 136].

Таким образом, проблему смыслового отчуждения можно считать главной фундаментальной причиной распространения среди учителей социальной апатии, которая усиливается на фоне размытости идентичности современных педагогов как представителей той уникальной профессии, которая должна обладать ярким символическим образом с насыщенным ценностно-смысловым содержанием и пониманием глубоких смыслов своей деятельности.

Инструментальная рациональность и отношение к труду. Не менее значимым фундаментальным основанием для распространения в современном социуме состояния социальной апатии можно считать феномен инструментальной рациональности — главную социетальную характеристику позднекапиталистических обществ [15. С. 96]. Эта «болезнь разума», согласно М. Хоркхаймеру, проявляется в том, что современное общество подменяет цели способами их достижения и делает разум простым инструментом для достижения целей, которые могут быть человеку навязаны, могут не осознаваться или даже не приниматься, входя в противоречия с личностью [16. С. 27–30].

Феномен инструментальной рациональности влияет на все сферы жизни человека, но особенно заметен в области труда и занятости. Господствующее инструментальное мышление, выражающееся в природном принципе господ-

ства и подавления, приводит к потребительской установке на труд, при которой человек в своей профессии не чувствует ценности того, чем он занят. А. Лэнгле подробно описал результат воздействия инструментальной рациональности на состояние работников: с позиций эмоционально-аналитической теории мотиваций положение современных индивидов характеризуется формальной, а не содержательной мотивацией деятельности, когда содержание деятельности является только средством для удовлетворения, как правило, неосознаваемых эгоцентрических потребностей (мотивов). Такими мотивами могут быть карьерные устремления, влияние, зарплата, признание, социальное принятие, исполнение долга или необходимость освободиться от давления обстоятельств [7. С. 7]. Когда работа утрачивает для человека свою внутреннюю ценность (индивид перестает получать «радость от дела») и получает лишь практическую ценность, воспринимается как средство для достижения каких-то иных целей, возникает «утилитарная» жизненная установка, которая ведет к утрате чувства жизни и, как следствие, - к эмоциональному истощению и утрате мотивации [Там же. С. 9].

В системе образования, как и в любой другой профессиональной среде, данная установка выражается в потребительском, инструментальном и эгоцентрическом отношении к труду, которое вполне адекватно и нормально воспринимается применительно к любой другой деятельности, однако входит в противоречие с провозглашенными в обществе целями образования и сущностью педагогической профессии. По сути, учитель должен в одиночку «бороться» с преобладающей в обществе инструментальной рациональностью, что удается лишь ограниченному числу педагогов, осознающих свое профессиональное призвание. Можно предположить, что учителя становятся частью образовательной машины, которая стремится к «пользе, успеху и рациональным достижениям». При этом они теряют себя, бесконечно сомневаются и не могут понять, ради чего происходят постоянные новации, какую цель преследует Министерство образования, современная школа и даже они сами [16. С. 27–30].

Инструментальная позиция российских учителей наглядно продемонстрирована в исследовании Т.В. Максимовой, в котором автор рассматривает три варианта отношения к педагогической деятельности: профессия либо составляет главный смысл существования учителя, либо выступает значимым или периферическим компонентом структурной иерархии смысла жизни. В том случае, когда профессиональный смысл обладает малой значимостью в структурной иерархии смыслов, затрудняются раскрытие индивидуальности учителя, оптимальное использование его потенциала, а также нейтрализация недостатков, связанных с особенностями личности учителя [17. С. 118].

Исследование Максимовой также показало, что из 130 опрошенных учителей примерно для половины (48%) характерен «приземленный» смысл жизни (выражающийся в ориентировке на элементарные материальные и духовные ценности: наличие определенного авторитета в производственном коллективе, повышение уровня материальной обеспеченности, семейное благополучие); 30% испытуемых обладают «ситуативным» (сводится к планированию жизни на ближайший период и не затрагивает основных личностных установок и стремлений человека) и 22% — «возвышенным» смыслом жизни (максимальная творческая самореализация, стремление посвятить свою

жизнь любимому делу, помочь воспитанникам отыскать единственный и неповторимый для каждого жизненный смысл) [17. С. 114–115]. Данные результаты можно интерпретировать следующим образом: лишь одной пятой части педагогов свойственна та установка, которую от них ожидает общество, а именно ориентация на творческое самосовершенствование в профессии и воспитание нового, активного и целеустремленного поколения молодых людей.

Таким образом, результатом такого отношения к педагогической профессии становится невозможность наполнить смыслом свою деятельность изза наличия определенной дисгармонии в структуре смысла жизни, при которой внимание учителей концентрируется на неудовлетворенности своим трудом и происходит рутинизация повседневных обязанностей. В исследовании Е.В. Киселевой было обнаружено, что учителя, которым характерна такая установка, не могут наполнить смыслом свою профессиональную деятельность [13. С. 228].

Трансформация ценностей и изменение природы психосоциальных проблем учителей. Результатом экономических, технологических и культурных изменений стала трансформация личностных ценностей, присущая современному обществу в целом. Апатия, нигилизм, личная выгода в значительной степени заменили собой социальные обязательства: все меньше индивидов теперь беспокоятся о социальных проблемах и таким путем находят смысл в своей работе (помимо исключительно финансового).

Согласно Б. Фарбер и К. Юханнисон, если раньше состояние выгорания было обусловлено переутомлением и связывалось с конкретными профессиями (социальные работники, учителя, врачи), то сейчас все изменилось: эмоциональному истощению могут быть подвержены представители практически любой профессии, причем его невозможно вылечить с помощью отдыха или расслабления, потому что не всегда синдрому выгорания предшествует интенсивная работа. Юханнисон отмечает, что данное состояние можно описать как нарастающую пустоту, болезнь и отчуждение [18]. Данный вывод исследователей подтверждает наше предположение о необходимости рассматривать современные проблемы индивидов вне профессионального контекста, с более широкой точки зрения и трактовать в иных, непсихологических терминах. Фарбер и Юханнисон также сходятся во мнении, что в современном обществе возникает новый тип «хрупкой» личности, которую могут «раздавить серьезные нагрузки», которая утратила баланс между требованиями и возможностями [Там же. С. 593]. О распространении выгорания в современной социальной среде некоторые исследователи также говорят: «новый способ быть несчастным» [19. С. 15].

В отечественной системе образования работа учителя все чаще связана с достижением показателей, соответствием высоким требованиям и необходимостью отчитываться перед администрацией школы и вышестоящими органами. Введение многочисленных форм отчетности, оценки результатов и бюрократических обязанностей изменило саму работу педагогов и привело к преобладанию поверхностных межличностных отношений в профессиональном коллективе.

Большое распространение в связи с этим получил новый тип выгорания, причиной которого становится не погоня за возвышенными и социально зна-

чимыми целями, а ощущение давления от большого числа обязательств, возросшее внешнее давление со стороны общества и государства, неадекватное финансовое вознаграждение и недостаточные возможности для продвижения по службе. В этом заключается основное отличие между учителями 1960-х гг., жаловавшимися на то, что, несмотря на их попытки, многие ученики до сих пор не умеют хорошо читать, и учителями 1990-х, жалующимися на сильное давление со стороны директора, чтобы все ученики написали следующий тест выше проходного балла.

Все чаще слышатся жалобы учителей на невозможность продолжать работать за небольшую зарплату или негодование по поводу добавления дополнительных 10 минут рабочего времени в конце рабочего дня. Выгорание вызвано установкой «Я хочу это, и я имею на это право», сместившись, таким образом, далеко в сторону от изначально породившего его идеализма. Некогда связанное с неудачами в достижении идеалистических целей, сегодня оно является отражением неудачи в достижении более эгоистичных интересов [19. С. 593].

Несмотря на достаточную распространенность мнения о влиянии ценностных ориентаций на особенности протекания выгорания, некоторые отечественные авторы полагают, что трансформация системы жизненных ценностей выступает не причиной, а «экзистенциальным следствием» эмоционального выгорания учителей. Например, на таком предположении построено исследование Г.С. Корытовой, в которой автор изучает соотношение терминальных и инструментальных ценностей, а также особенностей их проявления среди разных групп учителей - у эмоционально выгоревших и эмоционально сохранных. Данное исследование показало, что эмоционально выгоревшим педагогам больше присущи рационализм и нонконформистские ценности - такие средства, как «непримиримость к недостаткам», «умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные решения», «твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)». Эмоционально сохранные учителя на первые позиции поставили альтруистические ценности, а также ценности общения и дела (честность, чуткость, самоконтроль). Кроме того, полученные данные говорят о наличии тенденций к смещению ценностных ориентаций у эмоционально выгоревших учителей в сторону прагматичности, дегуманизации, отчужденности, абстрактности и некоторой «размытости», а также отказа от таких жизненных ценностей, как «познание», «активная жизнь», «продуктивная жизнь», «исполнительность», «ответственность», «трудолюбие» и высокой значимости ценностей «здоровье», «свобода», «материально обеспеченная жизнь» [20. С. 147].

По результатам исследования Корытова делает вывод о том, что педагоги, переживающие эмоциональное выгорание, более склонны к обезличенному отношению к профессиональной деятельности, обесцениванию смысла жизни и развитию экзистенциального вакуума [Там же. С. 148]. Между тем А. Лэнгле, В. Farber, В.Э. Чудновский, Е.А. Максимова и другие авторы рассматривают выгорание, апатичное отношение к работе и снижение мотивации как последствия трансформации жизненных ценностей и утраты смысла.

Таким образом, профессия педагога требует от индивидов не просто иметь повышенную стрессоустойчивость, но обладать целостной установкой

на жизнь, осознанной и осмысленной позицией, пониманием уникальных смыслов педагогической деятельности. В противном случае следование потребительским требованиям своего времени и отчуждение от экзистенциальных установок и высоких смыслов профессии приводят к распространению среди учителей социальной апатии.

Дальнейшее гармоничное существование человека невозможно без преодоления отчужденной, инструментальной установки на жизнь, что возможно только через изменение и переориентацию общественного сознания от потребительских идеалов к гуманистическим ценностям. Особенно важным данный переход видится для учителей, ценностно-смысловые ориентации которых в значительной степени могут повлиять на развитие и становление личности современных школьников, а значит, и на дальнейшее развитие общества в целом. Данные выводы демонстрируют важность формирования профессиональной позиции, поскольку все ее аспекты крайне необходимы учителю в XXI в. Этому будет посвящен следующий раздел, в котором мы постараемся дать оценку ситуации в школе, специфике работы и предоставить некоторые рекомендации по формированию устойчивой позиции педагога.

Профессиональная позиция учителя

Под профессиональной позицией мы понимаем систему отношений, место специалиста и осознаваемую им собственную роль в профессиональной деятельности. Она включает установки личности, систему его ориентаций в профессиональной сфере, внутренние ожидания и оценку своих возможностей как профессионала, понимание своего предназначения. Статус учебного заведения, характеристики личности и система ценностей индивида, его профессиональные интересы и приоритеты — все это основа профессиональной позиции.

Прежде чем говорить об эффективной и «проактивной» профессиональной позиции, позволяющей учителям адаптироваться к современным условиям социальной и школьной среды, представляется важным дать оценку специфики работы в школе и современным условиям, ее определяющим. Наши рассуждения основаны на интерпретациях самих учителей, их мнениях и идеях, продемонстрированных педагогами-участниками исследования, проведенного в 2018—2019 гг. [21]. С целью выявления особенностей профессионального самовосприятия учителей были проведены фокус-групповое интервью и 32 глубинных нарративных интервью с учителями школ и лицеев Томской, Новосибирской и Кемеровской областей, Красноярского края.

В процессе исследования педагоги рассуждали о разнообразных аспектах своей профессии, но в данной статье мы остановимся только на наиболее значимых применительно к позиции учителя в отношении своей деятельности. Прежде всего учителя обращали внимание на то, что учительство позволяет ощущать полноту жизни и вдохновение через общение с детьми, отмечали творческий компонент профессии, который задает необходимость постоянного развития и личностного роста. Учитель приобретает большое количество компетенций, среди которых: решение конфликтов, стрессоустойчивость, навыки взаимодействия с людьми разных возрастных категорий и статусов и т.д.

При этом профессия позволяет чувствовать свою социальную значимость, ощущать себя нужным, благотворно влиять на детей, развивать их и менять в лучшую сторону и тем самым определять будущее общества и страны: «Мы, учителя, в какой-то степени, мы – реформаторы. Мы делаем так, что люди пересматривают свое отношение к чему-то в жизни. Мы меняем судьбы. Мы можем, допустим, изменить судьбу человека так, что он станет успешным. ...Похвалив и увидев одаренного ребенка и его талант, помочь ему реализовать этот талант, чтобы он сам мог это тоже увидеть» (из нарративного интервью).

Также учителя отмечали необходимость заниматься деятельностью ради формальных показателей, которые далеки от реального образовательного процесса, зависимость деятельности учителей от надбавок: «...администрации все равно, как я веду урок, важно, чтобы я съездила на конференцию или отвезла детей на какое-то мероприятие, даже если в этом нет смысла и пользы для детей» (из нарративного интервью). Сюда же можно отнести загруженность «бумажной» работой, бесцельно заполняемой документацией, не имеющей прямого отношения к педагогической деятельности, которая «отвлекает» от самого главного в профессии, «заглушает», «вырывает из профессии», «убивает учительскую работу», «занимает большую часть времени» (из нарративных интервью).

При этом эмоционально тяжелый компонент вносит высокий уровень ответственности, являющийся аккомпанементом всей профессиональной деятельности. Учитель отвечает за результаты работ школьников, ЕГЭ, он думает о безопасности и здоровье детей в образовательном процессе. Также существует проблема перегруженности учителей: «Невозможно прожить на одну ставку, а все, что больше, это уже не настоящая творческая работа учителя. ...очень сложно выделять время на семью, личные дела или профессиональное развитие»; «...это труд. 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, независимо от выходных дней»; «На уровне звонков, сайтов, сетей, вотсапов... на любом уровне. Иногда ложишься спать и, все равно, ты в процессе, обдумываешь о завтрашнем, о будущем, о планировании, как вести» (из нарративных интервью).

Таким образом, творческая и интересная профессиональная жизнь учителя пронизана множеством стресс-аспектов, описанных выше. Она требует от педагога психологической устойчивости, но и одновременно невероятной гибкости, умения распределять свое внимание и быть многозадачным, правильно использовать время и ресурсы, постоянно заниматься расстановкой приоритетов. Однако эти компетенции являются вершиной айсберга, который в целом следует назвать порождением смыслов профессиональной деятельности. Несмотря на трудности профессиональной жизни, эмоциональное выгорание выходит на передний план у тех людей, кто перестал видеть для себя в профессии учителя смысл и ценность, и именно в этих случаях условия работы воспринимаются как тяжелые. Учитель с позитивным отношением к профессии в первую очередь рассказывает о значимости того, что он делает, воспринимая трудности как вызовы для себя, позволяющие более наполненно проживать свою жизнь.

Особенности профессии связывают часто со спецификой работы в школе, и здесь уместно указать некоторые проблемы, с которыми учителя стал-

киваются на практике и, что более важно, делают на них акцент в своем сознании. Помимо указанной выше проблемы работы ради формальных показателей, учителя говорили об отсутствии или размытости общей цели образования, особенно среди тех, кто принимает управленческие решения. В связи с этим теряют смысл любые изменения и новые стандарты, которые «мешают учить детей». В обществе падает престиж профессии учителя и развивается «культ прав ребенка», соответственно, педагог воспринимается как представитель сферы услуг, теряя свои позиции. Его труд обесценивается, при росте ожиданий со стороны общества и, в первую очередь, родителей.

Учителя испытывают состояние апатии, когда ощущают собственное бессилие, например, не могут в полной мере повлиять на детей, нарушающих дисциплину, находятся в состоянии стресса от ожиданий со стороны всех участников образовательного процесса, перегружены уроками, большим количеством ВПР и иными итоговыми работами детей, которые также находятся в состоянии страха, который, по их мнению, мешает творческому процессу образования.

В целом от определения учителем ситуации в школе, его отношения к ней зависит выбор стратегии адаптации к тем или иным условиям, общественным оценкам и стереотипам, динамике социокультурной среды. Условно стратегии и практики можно разделить на положительные и негативные, котя в результате исследования были выделены универсальные способы адаптации. К ним стоит отнести ориентацию на развитие, нацеленность на коллектив, концентрацию на положительных сторонах профессии, «рефлексивную стратегию» как непрерывный и вынужденный самоанализ (ее выделили сами учителя), гуманистическую стратегию (принимаю трудности ради хорошего дела), адаптацию через наставника, клиентоориентированный подход (означает в дискурсе учителей, что в школе нужно делать только то, на что есть реальный запрос, без идеализации целей образования и перфекционизма).

По результатам исследования были выделены следующие стратегии адаптации учителей к особенностям и условиям работы в школе, которые имеют двойственную природу, т.е. позитивно или негативно влияют на удовлетворенность учителем своей профессией, на формирование конструктивной позиции в отношении педагогической деятельности:

- 1. **Позитивное или негативное абстрагирование** либо я не обращаю на проблемы внимания, я равнодушен к ним, не принимаю близко к сердцу, либо стараюсь не реагировать, не замечать проблемы, при этом отношусь к ним негативно, хочу из сознания убрать эту часть реальности.
- 2. **Позитивная** / **негативная принимающая стратегия**, которая, с одной стороны, являет собой конформистскую практику, когда учитель принимает ситуацию в школе, понимая, что в современном мире все находятся в подобных тяжелых условиях. В негативном контексте это относительное принятие, когда происходит ритуализация и рутинизация образовательных практик.
- 3. Учителя имеют **либо интенцию**, **направленную в будущее**, **либо мыслят ретроспективно**. В первом случае это позволяет им понимать неизбежность и важность изменений в системе образования и обществе, а во вто-

ром заражает пессимизмом в отношении любых новаций и актуализирует постоянное романтизированное сравнение с прошлым.

- 4. Рациональная конструктивная стратегия, предполагающая понимание и принятие проблем, с нацеленностью на прикладывание личных усилий к конструктивному решению текущих вопросов здесь и сейчас, или нигилистическая установка, предполагающая нежелание адаптации к новым условиям, некоторое дистанцирование: «Я не вписываюсь в стандарты модерновой педагогической деятельности и модель поведения модернового учителя. Я не хочу туда вписываться» (из фокус-группового интервью).
- 5. Учителя демонстрируют **инструментальную стратегию**, воспринимают процесс обучения как, например, способ развития собственных навыков, временное место, после которого можно заниматься репетиторством или пойти в административную часть (нельзя ее считать полностью позитивной, поскольку происходит подмена целей образования, но это лучшая стратегия в сравнении с противоположной установкой). К негативной стоит отнести **стратегию «выживания»** (*«мне уже некуда идти»*, школа как западня, установка на поведение, в котором доминируют обязанности, со слабым осознанием собственных прав). Учитель с подобной установкой не готов принимать проблемы и решать их.

Таким образом, профессиональная позиция, по сути, представляет собой сознательное принятие учителем условий работы, рефлексии относительно своего места в профессии и в рабочей среде, осознание своих ценностей и установок, целей и смыслов деятельности, выбор стратегии. В следующем разделе мы постараемся показать способы нивелирования апатичных состояний и формирования «успешной» позиции для работы в школе.

Способы восстановления гармоничной и продуктивной профессиональной позиции

Применительно к педагогическому сообществу периодически возникающее состояние социальной апатии может нивелироваться различными способами. Осознавая важность решения имеющихся проблем в отечественной системе образования, мы не предлагаем учителям «перетерпеть» и приспособиться к современным условиям, какими бы сложными они ни были. Тем не менее часто учителя сами говорят, что даже одномоментное улучшение условий труда не решит всех проблем педагогов, так же как этого не происходит в странах, в которых учитель обладает более высоким статусом, чем в России. Иными словами, работать нужно и над контекстом образовательного процесса, и над позицией учителей, играющих такую важную и особенную роль в обществе, имеющих специфическую профессиональную деятельность. В интервью респонденты поделились своими методами восстановления рабочего настроя и активной профессиональной позиции.

Исследование показало важность рефлексии как эффективного механизма психологической работы учителя, который позволяет ему осознавать свое место в профессии и благодаря этому предупреждать и корректировать признаки выгорания и апатии. Рефлексия, или осмысление, — это задача по поиску смысла в деятельности, которая невозможна без активной позиции педагога. Именно с помощью рефлексии учителя могут ответить на вопросы «зачем я здесь?»; «для чего я этим занимаюсь?»; «что мне это дает?»; «хочу ли я по-

святить этому делу свою жизнь?». Это позволит педагогам увидеть свое профессиональное «Я» и определить траекторию дальнейшего саморазвития.

В концепции онтогенетического развития субъективной реальности В.И. Слободчиков определяет рефлексию как специфически человеческую способность, которая позволяет ему сделать свои мысли, эмоциональные состояния, действия и отношения, вообще всего себя предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и практического преобразования [22]. О.Б. Даутова и С.В. Христофоров [23] говорят о самообразовании учителя как условии его профессионального и личностного развития. Рефлексия педагога в профессиональной деятельности является процессом «последовательных действий от затруднения (сомнения) к его обсуждению с самим собой и к поиску выхода из него. Рефлексия — комплексная мыслительная способность к постоянному анализу и оценке каждого шага профессиональной деятельности».

Мы рассматриваем рефлексию как необходимую практику учителя, которая позволяет сделать профессиональную деятельность более продуктивной, а также минимизировать негативные последствия напряженной профессиональной жизни, такие как эмоциональное выгорание. Рефлексия задействована в процессах порождения смыслов, поэтому развитие рефлексивной позиции следует считать самым важным аспектом гармонизации профессиональной жизни учителей. Она позволяет выстраивать иерархию профессиональных и жизненных приоритетов, задавать самому себе необходимые вопросы и осуществлять поиск ответов, тем самым обновляя образ мира, вписывая в него новые смыслы и ценности.

Также с помощью рефлексии учитель «выходит» из поглощенности своей профессией, она позволяет посмотреть на педагогическую деятельность с точки зрения другого человека, найти соответствующее отношение к ней. Таким образом, педагогическая рефлексия важна в двух аспектах — рефлексии деятельности и ценностно-смысловом самоопределении. Иначе говоря, посредством рефлексии выстраивается профессиональное сознание, а также она является универсальным инструментом психологической самопомощи.

Результаты эмпирического исследования методом нарративного интервью подтвердили важность рефлексии и работы со смыслами в деятельности учителей [24]. Прежде всего, по мнению респондентов, педагогу важно сознательно подходить к планированию своей работы (выстраиванию границ рабочего времени), отдыха и иных сфер жизни. Учитель также должен заботиться о себе и рефлексировать собственное психоэмоциональное состояние: позволять себе периодически заниматься той деятельностью, которая приносит удовольствие и способствует расслаблению, не зацикливаться на незначительных проблемах, не беспокоиться о трудностях или возможных изменениях, которые еще не произошли, «отключаться от работы», настраиваться на работу (особенно после перерывов) и поддерживать общий позитивный фон (семья, хобби и пр.).

Немаловажной, по мнению педагогов, является осознанная установка на саморазвитие и совершенствование собственной педагогической практики. Многие учителя в нашем исследовании делились тем, что сохранять правильный настрой в деятельности им помогают постоянное неформальное обучение и позиция «быть учеником». В данном случае речь идет не только и

не столько о курсах повышения квалификации, сколько о профессиональном подходе, основанном на признании своей практики живым процессом, в котором все участники, а не только ученики, совершенствуются и подвержены постоянным изменениям. «Быть учеником» — значит уметь учиться, уметь слышать и прислушиваться, воспринимать и принимать свои ошибки как важный опыт, а не как жизненную неудачу.

Респонденты указывали на отношения с коллегами как на важный фактор комфортности их самоощущения в школе, поскольку нередко именно педагогический коллектив выступает причиной того, что учителя уходят или остаются в профессии. Для этого необходимо создание и укрепление позитивной атмосферы в школе, более тесное сотрудничество со старшими коллегами, наставниками, психологами, формирование команды и создание благоприятной, «рабочей» среды. Зарубежные исследования доказали, что наиболее продуктивными вариантами отношений между учителями являются кооперация и мотив сотрудничества, которые реализуются через широкое обсуждение успехов коллег, взаимную поддержку, обмен мнениями и инструментальными средствами решения учебных задач, совместное участие в организации конкурсов, семинаров и других мероприятиях школы [25. С. 178]. В таких условиях формируется здоровая коммуникативная среда, основанная на сильной мотивации. Например, важная – и до сих пор добровольная – часть работы финских учителей посвящена улучшению практики преподавания, прогрессу всей школы и работе с сообществом. Согласно мнению П. Сальберг, системе образования Финляндии удается добиться стабильно высоких образовательных результатов в том числе благодаря тому, что финские педагоги берут на себя значительную ответственность за учебный план и оценивание, а также экспериментирование и улучшение методов преподавания [26. С. 13]. Финские власти при этом осознают ценность своих учителей и доверяют им профессиональные решения в школе.

Наиболее важной, по мнению учителей, является **практика работы со смыслами профессиональной деятельности**. Рефлексия в жизни педагога — это навык, которому можно и нужно учиться. Профессия учителя сложна из-за постоянного столкновения с миром «другого» — представителями другого поколения, другого уровня и образа жизни, другого культурного и образовательного уровня. Чтобы не потеряться в этом многообразии и чтобы не рассеивалось внимание, не уйти от главного в профессии, педагогу нужно постоянно осмыслять свое место в школе, классе и образовательном процессе.

Работа со смыслами поможет артикулировать цели, понять и прояснить свои ценности. Например, знакомство с историей жизни и опытом других учителей вдохновляет на саморефлексию и понимание того, в чем заключается «путь учителя». Многим педагогам необходимо осознавать «благородность» и важность выбранной профессии, а также ее специфику: столкновение с «миром других», эмоциональный труд, ответственность и пр. Только так можно конструктивно относиться к сложностям и неизбежным неудачам. «Ситуацию в образовании делаем мы! И мы же являемся этой ситуацией. Ежесекундно. Если мы с себя не начнем что-то менять, если себе не будем отдавать отчет, что мы делаем, а не часы отрабатываем, она никогда не поменяется...» (из нарративного интервью).

Учителя говорили об особенностях современного общества и неизбежности его трансформации. В данных условиях наиболее конструктивным вариантом адаптации будет попытка понять специфику нового поколения и происходящих изменений, увидеть их положительные и отрицательные последствия для системы образования, при этом концентрируясь на преимуществах нашего времени, на его сильных сторонах, поскольку негативизация происходящего, скорее, уводит учителей от глубинных целей преподавания.

Преодоление негативных социальных стереотипов — еще один необходимый элемент конструирования профессиональной идентичности. Учителям важно понимать, как на их практику и отношение к работе влияют распространенные в обществе упрощенные представления о педагогах. «Учитель — не обычный человек», «Учитель — обслуживающий персонал», «Учитель жертвует своей жизнью ради других» — что возможно противопоставить данным стереотипам? Респонденты, демонстрировавшие в интервью гармоничную и продуктивную профессиональную позицию, показали другой образ учителя: «Учитель как профессионал своего дела», «Учитель — обычный человек, имеющий право на личную жизнь», «Учитель может получать от работы настоящее удовольствие», «Учитель — ученик, готов развиваться и улучшать свою практику».

Заключение

Социальная апатия, объединяющая симптомы безразличия, скуки, истощения и равнодушия, связана с широким социальным контекстом: проблемой распространения в обществе смыслового отчуждения, потребительского отношения к работе и индивидуализированных ценностей. Наличие у учителей подобных установок, идущих вразрез с декларируемыми целями и задачами системы образования, лишает педагогическую деятельность высоких смыслов, ради которых они могли бы прилагать усилия для улучшения своей уникальной практики. В этом плане устойчивая и проактивная профессиональная позиция выступает гарантом того, что педагог сможет качественно выполнять обязанности, понимая свое предназначение, конструировать смыслы собственной деятельности даже в сложных институциональных условиях. Это позволяет учителю предупреждать появление синдрома выгорания и избегать состояний отчужденности и апатии.

Обращение к жизненному миру учителя имело большое значение для понимания процессов адаптации и приспособления педагогов к современной реальности. В российской системе образования можно многое изменить в лучшую сторону – уменьшить объем нагрузки на учителей, улучшить условия труда, автоматизировать некоторые виды отчетов или готовить их по требованию или реальной необходимости, расширить права педагогов в сфере взаимодействия с детьми и родителями и пр. Не уменьшая значимости всего этого и важности работы в данных направлениях, хотелось бы отметить, что это, вероятнее всего, радикально не изменит самочувствие учителей, что демонстрируют зарубежные и российские исследования. Проведение нарративных интервью с педагогами показало, что комфортно ощущают себя те учителя, которые согласовали собственные цели, ценности и «правила игры» в школе. Без подобной оценки своего места в педагогической профессии человек не сможет увидеть ее глубину и позитивные стороны. В непростых

условиях необходимости принятия другого, чужого способа существования (или даже экзистенции) и эмоциональной включенности труда он будет вынужден концентрироваться исключительно на проблемах системы образования, даже если они решаемы и не несут необратимых последствий. В интервью на этом акцентировали внимание учителя, демонстрирующие позитивные стратегии адаптации. Улучшение условий труда в школе необходимо, но, вероятнее всего, при этом сохранится доля педагогов, которые будут отвергать позитивные новации, иметь патерналистские установки и другие признаки социальной апатии, поскольку их причина — не в институциональных особенностях, а в смысловом отчуждении, невозможности извлекать смысл из своей деятельности.

Одним из ключевых результатов нашего исследования стала классификация стратегий адаптации педагогов к условиям современной системы образования. На основании представленной концепции были выделены негативные («апатичные») и позитивные способы приспособления учителей, которые позволили определить основные направления в работе со смыслами педагогов. Позитивное абстрагирование, ориентация на развитие, перспективное видение ситуации, принимающая стратегия, инновационная стратегия, адаптация через наставника или через знакомство с историями других учителей — все эти стратегии по своей сути являются противоположностью социальной апатии, потому что вбирают в себя мотивы движения, кооперации, принятия и достижения.

Самой важной практикой любого учителя должны стать рефлексия и работа со смыслами «зачем я это делаю?», постановка целей, понимание своих ценностей. Это своего рода терапия, психологическая помощь себе, способ отслеживания и наблюдения за своим состоянием. Данная работа должна включать различные аспекты: сознательное планирование своей работы и отдыха, рефлексию психоэмоционального состояния, осознанную установку на важность саморазвития и выстраивания кооперации с коллегами. Стоит отметить, что этой практикой важно заниматься еще на этапе подготовки будущих учителей к профессии, поскольку конструирование личной профессиональной позиции поможет раскрыть ее значимость и связь со смыслом жизни молодых педагогов, сформировать среди них сильное «чувство миссии».

Проведенное исследование предоставляет возможности для дальнейшего, более детального изучения проблемы социальной апатии учителей в целом, исследований частных случаев проявления данного состояния в конкретных педагогических коллективах, определения и оценки реальных эффектов от применения различных методов воздействия на ценностно-смысловую сферу учителей, а также для использования концепции социальной апатии применительно к изучению распространения проблем социального самочувствия в других профессиональных областях и социальных институтах.

Литература

- 1. Головин С.Ю. Апатия // Словарь практического психолога. Минск, 1998. URL: https://med-tutorial.ru/dict-psiholog/term/150 (дата обращения: 20.01.2020).
- 2. *Носов Д.М., Рау Н.А.* Отчуждение // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова. М.: Культурная революция, 2009. URL: http://www.cyclopedia.ru/97/206/2680637.html (дата обращения: 21.03.2015).
- 3. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 68–77.

- 4. *Becker E.* The Denial of Death. New York: Free Press, 1973. URL: https://ia801401.us.archive.org/25/items/ DenialOfDeath/DenialOfDeath.pdf (дата обращения: 30.04.2017).
- 5. Sakharov M., Farber B.A. A critical study of burnout in teachers // Stress and Burnout in Human Service Professions. New York: Pergamon Press, 1983. P. 65–81.
- 6. Pines A.M. Teacher burnout: A psychodynamic existential perspective // Teachers and Teaching, 2002. Vol. 8, № 2. P. 121–140.
- 7. *Лэнгле А*. Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа / пер. с нем. О.М. Ларченко // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 3–16.
- 8. *Tomic W., Evers W., Brouwers A.* Existential fulfillment and teacher burnout // European Psychotherapy. 2004. Vol. 5, № 1. P. 65–73.
- 9. Вайзер Г.Л. Учитель о смысле жизни и акме человека в современном обществе // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: материалы VIII—X симп. ПИ РАО / под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В.Э. Чудновского. Ч. 1. М.: Смысл, 2004. С. 215–225.
- 10. *Чернов А.Ю.* Смысложизненные ценности и разрешение нестандартных ситуаций в системе «учитель ученик» // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: материалы VIII—X симп. ПИ РАО / под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В.Э. Чудновского. Ч. 1. М.: Смысл, 2004. С. 231–235.
- 11. Волкова Н.В. Ситуационный подход в психологии : теория и практика изучения смысложизненных ориентации педагогов // Смысл жизни и акме : 10 лет поиска : материалы VIII—X симп. ПИ РАО / под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В. Э. Чудновского. Ч. 1. М. : Смысл, 2004. С. 206–214.
- 12. *Мартынова Е.В.* Роль смысложизненных ориентаций в системе профессиональной подготовки студентов педвузов // Мир психологии. 2001. № 2. С. 109–114.
- 13. Киселева Е.В. Проблема ценностно-смыслового отношения учителя к педагогической профессии // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: материалы VIII–X симпозиумов ПИ РАО / под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В.Э. Чудновского. Ч. 1. М.: Смысл, 2004. С. 225–231.
- 14. Чудновский В.Э. Смысл жизни, акме и профессиональное становление педагога. М.: Обнинск, 2008, 532 с.
- 15. *Баженов Д.А.* Инструментальная рациональность и попытки ее преодоления Франкфуртской школой // Вестник ВГУ : Философия. 2016. № 4. С. 96–102.
- 16. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
- 17. *Максимова Т.В*. Смысл жизни и индивидуальный стиль педагогической деятельности // Мир психологии. 2001. № 2. С. 114–118.
- 18. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / пер. со швед. И. Матыциной. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 320 с. URL: http://royallib.com/book/avtor_neizvesten/yuhannison_k___istoriya_melanholii_kultura_povsednevno sti 2011.html (дата обращения: 10.03.2016).
- 19. Farber B.A. Introduction: Understanding and treating burnout in a changing culture // Journ. of Clinical Psychology. 2000. Vol. 56. P. 589–594.
- 20. Корытова Г.С. Трансформация ценностных ориентаций у эмоционально выгоревших педагогов // Ценностные основания психологии и психология ценностей: сб. материалов IV Сиб. психол. форума. Томск, 16–18 июня 2011 г. Томск: Том. универ. изд-во, 2011. С. 145–148.
- 21. Быков Р.А., Быкова Е.Ю., Власова Ю.А. Социальная апатия учителей как форма адаптации к современным социокультурным условиям. Томск: Красное знамя, 2020. 242 с.
- 22. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
- 23. Даутова О.Б., Христофоров С.В. Самообразование учителя как условие его личностного и профессионального развития // Инновации и образование. 2003. № 29. С. 309–317.
- 24. *Быкова Е.Ю., Власова Ю.А., Быков Р.А.* Пособие по рефлексии для учителей. Рекомендации «от учителей учителю» по восстановлению гармоничной и продуктивной профессиональной позиции. Томск: Красное знамя, 2020. 30 с.
- 25. Шенцева Н.Н. Основные факторы мотивации достижения в педагогической деятельности учителей школы // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. 2011. № 1. С. 175–180.
- 26. Sahlberg P. Developing effective teachers and school leaders: The case of Finland // Teacher and Leader Effectiveness in High Performing Education Systems. 2011. P. 13–23.

Roman A. Bykov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nimai.bykov@gmail.com

Elena Yu. Bykova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: bykova1117@gmail.com

Yulia A. Vlasova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: yu-chan@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 133–152.

DOI: 10.17223/1998863X/54/14

CONSTRUCTING A PROFESSIONAL POSITION AS A PREVENTION OF TEACHERS' SOCIAL APATHY

Keywords: reflection; construction of meanings; professional position of teacher; social apathy.

The article analyzes the constructing of a professional position of a teacher, which, according to the authors, is a necessary condition for adaptation and further successful functioning at school. The proposed approach to solve the common problems of teachers is based on the concept of social apathy and on the results of focus group and narrative interviews of teachers conducted in 2018-2019 in Tomsk and in other regions of Western Siberia. The article shows the reasons of social apathy in the modern educational system. They are directly related to the problem of semantic alienation, consumption attitudes to work and the transformation of values. The states of alienation, burnout, and apathy among teachers deprive teaching activities of high meanings for which they could make efforts to improve their unique practices. A stable and proactive professional position, according to the authors, is the main means to prevent these conditions and a guarantee that the teacher will be able to qualitatively perform the duties and design the meanings of their own activities, even in difficult institutional conditions. The usage of the teacher's life world was of great importance for understanding the processes of teachers' adaptation to the modern reality. Narrative interviews clearly demonstrated that teachers who agreed on their own goals, values, and "rules of the game" at school feel the most comfortable. The authors suggest a classification of strategies for adapting teachers to the modern educational system based on the results of the study. It includes negative ("apathetic") and positive ways of teachers' adaptation which allowed determining reflection and working with meanings as the most important practices for teachers in the field of conscious planning of their work and rest, reflection on their emotional state, construction of the importance of self-development and cooperation with coworkers. Positive abstraction, development orientation, perspective vision of the situation, accepting strategy, innovative strategy, adaptation through a mentor or through insight into the stories of other teachers—all these strategies are inherently the opposite of social apathy because they incorporate the motives of movement, cooperation, acceptance and achievement.

References

- 1. Golovin, S.Yu. (1998) *Apatiya* [Apathy]. [Online] Available from: https://med-tutorial.ru/dict-psiholog/term/150 (Accessed: 20th January 2020).
- 2. Nosov, D.M. & Rau, N.A. (2009) Otchuzhdenie [Alienation]. In: Kheffe, O., Malakhov, V.S. & Filatov, V.P. (eds) *Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [The Modern Western Philosophy. The Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya. [Online] Available from: http://www.cyclopedia.ru/97/206/2680637.html (Accessed: 20th January 2020).
- 3. Osin, E.N. & Leontyev, D.A. (2007) Smysloutrata i otchuzhdenie [The loss of meaning and alienation]. *Kul'turno istoricheskaya psikhologiya Cultural-Historical Psychology*. 4. pp. 68–77.
- 4. Becker, E. (1973) *The Denial of Death*. New York: Free Press. [Online] Available from: https://ia801401.us.archive.org/25/items/DenialOfDeath/DenialOfDeath.pdf (Accessed: 20th January 2020).
- 5. Sakharov, M. & Farber, B.A. (1983) A critical study of burnout in teachers. In: Farber, B.A. (ed.) *Stress and Burnout in Human Service Professions*. New York: Pergamon Press. pp. 65–81.
- 6. Pines, A.M. (2002) Teacher burnout: A psychodynamic existential perspective. *Teachers and Teaching*. 8(2). pp. 121–140. DOI: 10.1080/13540600220127331
- 7. Langle, A. (2008) Emotsional'noe vygoranie s pozitsii ekzistentsial'nogo analiza [Emotional burnout in terms of existential analysis]. Translated from German by O.M. Larchenko. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 3–16.

- 8. Tomic, W., Evers, W. & Brouwers, A. (2004) Existential fulfillment and teacher burnout. *European Psychotherapy*. 5(1), pp. 65–73.
- 9. Vayzer, G.L. (2004) Uchitel' o smysle zhizni i akme cheloveka v sovremennom obshchestve [A teacher on the meaning of life and human acme in the modern society]. In: Bodalev, A.A., Vayzer, G.A., Karpova, N.A. & Chudnovsky, V.E. (eds) *Smysl zhizni i akme: 10 let poiska* [The Meaning of Life and Acme: 10 Years of Search]. Moscow: Smysl. pp. 215–225.
- 10. Chernov, A.Yu. (2004) Smyslozhiznennye tsennosti i razreshenie nestandartnykh situatsiy v sisteme "uchitel" uchenik" [Life values and resolution of non-standard situations in the system "teacher student"]. In: Bodalev, A.A., Vayzer, G.A., Karpova, N.A. & Chudnovsky, V.E. (eds) *Smysl zhizni i akme: 10 let poiska* [The Meaning of Life and Acme: 10 Years of Search]. Moscow: Smysl. pp. 231–235.
- 11. Volkova, N.V. (2004) Situatsionnyy podkhod v psikhologii: teoriya i praktika izucheniya smys-lozhiznennykh orientatsii pedagogov [Situational approach in psychology: theory and practice of studying the meaning of life orientations of teachers]. In: Bodalev, A.A., Vayzer, G.A., Karpova, N.A. & Chudnovsky, V.E. (eds) *Smysl zhizni i akme: 10 let poiska* [The Meaning of Life and Acme: 10 Years of Search]. Moscow: Smysl. pp. 206–214.
- 12. Martynova, E.V. (2001) Rol' smyslozhiznennykh orientatsiy v sisteme professional'noy podgotovki studentov pedvuzov [The role of meaning-life orientations in the system of professional training of students of pedagogical universities]. *Mir psikhologii – The World of Psychology*. 2. pp. 109– 114.
- 13. Kiseleva, E.V. (2004) Problema tsennostno smyslovogo otnosheniya uchitelya k pedagogicheskoy professii [The problem of the value-semantic relations of teachers to the profession]. In: Bodalev, A.A., Vayzer, G.A., Karpova, N.A. & Chudnovsky, V.E. (eds) *Smysl zhizni i akme: 10 let poiska* [The Meaning of Life and Acme: 10 Years of Search]. Moscow: Smysl. pp. 225–231.
- 14. Chudnovsky, V.E. (2008) *Smysl zhizni, akme i professional'noe stanovlenie pedagoga* [The Meaning of Life, Acme and Professional Formation of a Teacher]. Moscow: Obninsk.
- 15. Bazhenov, D.A. (2016) Instrumental rationality and its attempts to overcome by the Frankfurt School. *Vestnik VGU: Filosofiya Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy.* 4. pp. 96–102. (In Russian).
- 16. Horkheimer, M. (2011) *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma* [Eclipse of Reason. The Critique of Instrumental Reason]. Translated from English by A.A. Yudina. Moscow: Kanon+
- 17. Maksimova, T.V. (2001) Smysl zhizni i individual'nyy stil' pedagogicheskoy deyatel'nosti [The meaning of life and individual style of pedagogical activity]. *Mir psikhologii The World of Psychology*, 2, pp. 114–118.
- 18. Johannison, K. (2011) *Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i pechali v prezhnie vremena i teper'* [The History of Melancholy. About Fear, Boredom and Sadness in Former Times and Now]. Translated from Swedish by I. Matytsina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 19. Farber, B.A. (2000) Introduction: Understanding and treating burnout in a changing culture. *Journal of Clinical Psychology*. 56. pp. 589–594. DOI: 10.1002/(SICI)1097-4679(200005)56:5<589::AID-JCLP1>3.0.CO;2-S
- 20. Korytova, G.S. (2011) Transformatsiya tsennostnykh orientatsiy u emotsional'no vygorevshikh pedagogov [Transformation of value orientations in emotionally burned out teachers]. In: Znakov, V.V. & Zalevsky, G.V. (eds) *Tsennostnye osnovaniya psikhologii i psikhologiya tsennostey* [Value foundations of psychology and psychology of values]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 145–148.
- 21. Bykov, R.A., Bykova, E.Yu. & Vlasova, Yu.A. (2020) Sotsial'naya apatiya uchiteley kak forma adaptatsii k sovremennym sotsiokul'turnym usloviyam [Social apathy in teachers as a form of adaptation to the modern socio-cultural conditions]. Tomsk: Krasnoe znamya.
- 22. Slobodchikov, V.I. & Isaev, E.I. (1995) *Psikhologiya cheloveka: vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Human Psychology: Introduction to the Psychology of Subjectivity]. Moscow: Shkola-Press.
- 23. Dautova, O.B. & Khristoforov, S.V. (2003) Samoobrazovanie uchitelya kak uslovie ego lichnostnogo i professional'nogo razvitiya [Teacher's self-education as a condition for their personal and professional development]. *Innovatsii i obrazovanie*. 29. pp. 309–317.
- 24. Bykova, E.Yu., Vlasova, Yu.A. & Bykov, R.A. (2020) Posobie po refleksii dlya uchiteley. Rekomendatsii "ot uchiteley uchitelyu" po vosstanovleniyu garmonichnoy i produktivnoy professional'noy pozitsii [Reflection guide for teachers. Recommendations "from teachers to teachers" on restoring a harmonious and productive professional position]. Tomsk: Krasnoe znamya.

- 25. Shentseva, N.N. (2011) Osnovnye faktory motivatsii dostizheniya v pedagogicheskoy deyatel'nosti uchiteley shkoly [The main factors of achievement motivation in the pedagogical activity of school teachers]. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya*. 1. pp. 175–180
- 26. Sahlberg, P. (2011) Developing effective teachers and school leaders: The case of Finland. In: Darling-Hammond, L. & Rothman, R. (eds) *Teacher and Leader Effectiveness in High Performing Education Systems*. Washington, DC; Stanford, CA: Alliance for Excellent Education; Stanford Center for Opportunity Policy in Education. pp. 13–23.

УДК 314.15 + 316.4 + 316.77 DOI: 10.17223/1998863X/54/15

И.Б. Бритвина, Е.Л. Могильчак, Г.А. Савчук

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

На основе применения кластерного анализа выделены три типологические группы мигрантов из Центральной Азии. Первый кластер характеризуется сочетанием инструментальной готовности жить в России и отсутствием готовности переехать навсегда. Для второго кластера свойственна высокая развитость желания переехать в Россию и низкая — инструментальной готовности к переезду. Представители третьего кластера демонстрируют высокую развитость обоих видов готовности. Ключевые слова: иноэтничные мигранты, Центральная Азия, опрос, кластерный анализ, типологизация.

Постановка проблемы

Интенсивность миграционных потоков на территорию Европы и России обусловливает актуальность выявления типов мигрантов, так как их принадлежность к разным группам влияет на эффективность интеграции в принимающий социум. Основную часть внешнего миграционного потока из стран СНГ на территорию России составляют выходцы из Центральной Азии и в последние годы — из Украины. Если этнические украинцы воспринимаются россиянами как культурно близкие и социальные взаимодействия с ними, несмотря на политические события последних лет, не проблематизируются, то выходцы из стран Центральной Азии воспринимаются как культурно чужие [1].

Подавляющее большинство населения России (78%) считает, что государство должно ограничивать приток иностранных мигрантов в страну [2]. Результаты российских исследований говорят о широком распространении негативного отношения к определенным, прежде всего к непривычным для данной принимающей среды этническим группам [3]. Исследователи отмечают, что россияне в целом принимают украинцев, молдаван, белорусов как потенциальных соседей и более враждебны по отношению к выходцам с Кавказа и Центральной Азии. Эта этническая иерархия разделяется всеми крупными этническими группами, населяющими Россию [4, 5]. Общероссийские опросы показывают, что жители нашей страны высказываются в пользу принятия «качественных» мигрантов (молодых, русскоязычных и образованных), которые смогли бы эффективно интегрироваться в российский социум [6]. Эффективность интеграции зависит от того, к какой группе принадлежат мигранты в зависимости от их планов переехать в Россию навсегда и получить российское гражданство или устроиться на временную работу, а потом вернуться на родину. В итоге у разных групп мигрантов формируется разное отношение к жизни в России, что во многом определяет их поведенческие

 $^{^1}$ Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований и поддержана грантом № 19-011-00467.

практики на территории нашей страны. Исследовательский вопрос, который ставят перед собой авторы, — типологизировать мигрантов из стран Центральной Азии на основе их отношения к жизни в России.

На территории Свердловской области и в целом Урала исследования в отношении типологизации мигрантов из стран Центральной Азии не проводились. Можно отметить более ранние опросы переселенцев И.Б. Бритвиной на территории Курганской области (Уральский федеральный округ), которая изучала гендерную детерминацию эффективности адаптации в России русскоязычных вынужденных мигрантов из стран Центральной Азии [7] и пришла к выводу, что женщины адаптируются быстрее и эффективнее, чем мужчины, а молодые переселенцы – успешнее пожилых мигрантов. Кроме того, уральские социологи занимались изучением адаптации на Урале детеймигрантов из стран Центральной Азии, в первую очередь, анализируя проблемы их обучения в дошкольных и школьных учреждениях Свердловской области, сравнивая опыт их интеграции в российское социальное пространство с опытом развитых стран, анализируя характер сообщений СМИ о мигрантах (М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, Г.Е. Зборовский, Л.Е. Петрова, Е.В. Прямикова, Е.А. Шуклина, М.А. Фадеичева).

Адаптация мигрантов из стран Центральной Азии ранее исследовалась авторами статьи в части культурной адаптации и отражена в ряде публикаций. Полученные результаты говорят о том, что проблемы интеграции мигрантов во многом связаны с неполной готовностью принять повседневные нормы поведения принимающей страны. Авторы статьи, изучая факторы, которые влияют на адаптацию иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии, анализируя их в культурном разрезе, пришли к выводу, что ни пол, ни возраст переселенцев не играют существенной роли в интеграционных процессах. Статистически значимое влияние имеет, прежде всего, уровень образования мигрантов.

Методика исследования

Авторами статьи в 2017 г. был опрошен методом стандартизированного интервью 231 иноэтничный мигрант из стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), не имеющий российского гражданства и проживающий в Екатеринбурге. Тип выборки – целевая. В выборочную совокупность были отобраны выходцы из пяти указанных выше стран в равных пропорциях.

В 2018 г. мы взяли глубинные интервью у 16 иноэтничных мигрантов из стран этого региона. Методический инструментарий для опросов – авторский. Тип выборки – целевая. Интервью проводились на русском языке, который является неродным для респондентов. Данное условие учитывалось при разработке инструментария и отборе респондентов.

В ходе стандартизированного интервью отношение мигрантов к жизни в России измерялось на нескольких уровнях: оценка возможности остаться жить в России, оценка готовности к такому шагу (степень владения русским языком, знание российских законов, готовность менять свое поведение), оценка повседневных реалий (личных качеств жителей Екатеринбурга, оценка их культуры поведения, привычность жизни в Екатеринбурге), оценка места русской культуры.

Путеводитель по интервью был нацелен на то, чтобы прояснить данные вопросы подробнее. Отбор респондентов для интервью строился по самостоятельной выборке, не связанной с выборкой исследования, проведенного в 2017 г. Вместе с тем полученные с помощью глубинного интервью данные мы использовали как иллюстративный материал к результатам стандартизированного интервью: они демонстрируют развернутые описания отношения мигрантов к жизни в России.

Ранее нами было выявлено, что социально-демографические характеристики мигрантов из стран Центральной Азии (пол и возраст), образование и длительность проживания на территории России не определяют их готовность менять свои поведенческие привычки. Статистическое влияние на это имеет лишь желание мигрантов получить российское гражданство [8]. В связи с этим мы выдвинули гипотезу, что в классификационные переменные нужно включать признаки, отражающие характер отношения к жизни в России, а социально-демографические и поведенческие характеристики респондентов рассматривать как уточняющую информацию о кластерах.

На основе данных, собранных с помощью стандартизированного интервью, нами был проведен кластерный анализ с использованием 10 классификационных переменных. В их число входят признаки, отражающие характер отношения мигрантов к жизни в России:

- 1) культурно-оценочные характеристики (оценка личных качеств жителей Екатеринбурга, оценка их культуры поведения, степень согласия с тем, что российская культура должна занимать ведущее место в России, готовность менять культурные привычки, чтобы безопасно жить в Екатеринбурге, число одобряемых требований к поведению мигрантов в России);
- 2) миграционные установки (желание получить российское гражданство, желание переехать в Россию навсегда);
- 3) степень освоения жизни в России (степень знакомства с российскими законами, степень владения русским языком, оценка привычности жизни в Екатеринбурге).

Тип шкалы, используемый при измерении классификационных переменных, – порядковый. Процедура кластерного анализа осуществлялась методом k-средних при помощи компьютерной программы обработки данных SPSS. Используемая количественная мера при формировании кластеров – квадрат евклидова расстояния. Вследствие разного количества значений классификационных переменных они были подвергнуты стандартизации при помощи Z-преобразования.

Результаты

В результате применения описанной процедуры было выделено три кластера мигрантов: освоившиеся на время, не освоившиеся, освоившиеся навсегда. В табл. 1 представлены характеристики кластеров, основанные на классификационных переменных, а в табл. 2 — на признаках, которые не входили в число классификационных и выполняли функции получения уточняющей информации о кластерах. Если классификационные переменные включают знания, а также культурные диспозиции мигрантов, то «неклассификационные» признаки отражают их социально-демографические и поведенческие свойства.

Таблица 1. Процентные показатели кластеров мигрантов, сформированные на основе классификационных переменных, % от числа опрошенных в кластерах

Показатель	1-й кластер «освоившиеся на время»	2-й кластер «не освоивши- еся»	3-й кластер «освоившиеся навсегда»
% входящих в кластер от объема выборочной совокупности	24,5	40,1	35,4
Хочет получить российское гражданство	8,9	70,7	90,1
Не хочет получать российское гражданство	46,4	1,1	1,2
Считает, что многие жители города ведут себя культурно	21,4	18,5	43,2
Считает, что жители города – хорошие люди	26,8	30,4	60,5
Полностью привык к жизни в Екатеринбурге	30,4	16,3	74,1
Знает российские законы	62,5	19,6	92,6
Знал российские законы еще до переезда	12,5	4,3	43,2
Считает, что русская культура должна занимать ведущее место в России	10,7	16,3	74,1
Плохо знает российские законы	21,4	59,8	2,5
Считает, что среди национальных культур России никакая культура не должна выделяться особо	46,4	30,4	23,5
Хочет переехать навсегда в Россию	1,8	53,3	71,6
Не хочет переезжать навсегда в Россию	51,8	4,3	0,0
Готов кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное существование среди екатеринбуржцев	1,8	1,1	30,9
Могут не только общаться на русском языке, но и читать, писать	64,3	18,5	65,4
Число одобряемых требований к поведению мигрантов в России	2,3	2,6	3,3

Таблица 2. Социально-демографические и поведенческие характеристики кластеров

Характеристика	1-й кластер «освоившиеся на время»	2-й кластер «не освоившие- ся»	3-й кластер «освоившиеся навсегда»
Процент имеющих высшее и незаконченное высшее образование в кластерах	32,1	14,3	42,0
Процент исповедующих ислам	73,2	79,3	60,5
Процент приехавших в Екатеринбург с целью получения работы	52,0	68,1	50,0
Доля 16–22-летних	39,3	26,4	25,9
Число используемых источников информации о России, Екатеринбурге	2,5	2,1	3,9
Число социальных групп, входящих в круг общения мигрантов	2,3	1,9	4,2
Число лет проживания в России	3,6	3,2	3,8
Число соблюдаемых национальных традиций и культурных практик	1,8	2,5	2,8

Выделенные кластеры отличаются друг от друга прежде всего по классификационным переменным. Опишем особенности респондентов, входящих в каждую из трех классификационных групп: 1-й кластер («освоившиеся на время»), 2-й кластер («не освоившиеся»), 3-й кластер («освоившиеся навсегда»).

Кластер «освоившиеся на время». Как видно из табл. 1, в данном кластере меньше всего желающих получить российское гражданство и остаться в России навсегда. Число одобряемых требований к поведению мигрантов

является в данной группе самым низким, а считающих, что никакая культура не должна выделяться особо, значительно больше, чем в других кластерах. Неприятие ведущей роли русской культуры и целого ряда поведенческих требований к мигрантам говорит, в том числе о культурной обусловленности нежелания становиться гражданином России. Однако это не связано с осознанием собственной национальной культуры, исполнением национальных традиций, прежде всего, религиозных. Так, в данной группе в два раза реже, чем в других кластерах, регулярно молятся, в 1,5 раза реже отмечают религиозные праздники.

Нежелание переезжать в Россию на постоянное место жительства сопровождается в данной группе достаточно хорошим знанием русского языка и российских законов, довольно высоким уровнем образования. Развитые когнитивные ресурсы не создают препятствий для освоения российской жизни и закрепления на новом месте жительства.

По результатам анализа глубинных интервью мы также выделили группу тех, кто считает, что хорошо знает русский язык и российские законы, но не желает переезжать в Россию навсегда. Эти респонденты рассматривают свое пребывание в России как временное, скучают по Родине, называют себя патриотами своей страны и именно поэтому планируют вернуться. В основном в эту группу попали работающие мужчины, семья которых осталась на родине. Среди женщин есть неработающие, живущие в России вместе с мужем; для них характерна позиция соглашаться с решением мужа.

«Да, 5-6 лет [живу в России], не помню точно... Да, деньги всегда нужны... Я здесь работаю, а дом там... Вся остальная семья, земля родная, традиции... Не знаю, наверное, буду также ездить работать, только уже официально» (мужчина, 31 год, Киргизия).

«Люди хорошие, нормальные, доброжелательные [первое впечатление о России]. Мы живем, стараемся диаспорами жить, чтобы ходить друг другу в гости... Языкового барьера у меня не было, потому что у меня было образование в школе на русском языке... Так мы в магазин одни никогда не выходим, находимся с мужем или братом мужа, или с кем-то из мужской половины» (женщина, 42 года, Таджикистан).

«Ну, Россия, конечно, более состоятельная страна, мы можем здесь больше позволить себе... И, конечно, полностью мигрировать семьи могут... [Но] остаются на родине у нас родители, кто-то должен с ними находиться, каждый год мы обязательно ездим к ним в гости... Или если уже муж решил поехать в Таджикистан жить постоянно, то тоже [поеду]» (женщина, 42 года, Таджикистан).

Кластер «не освоившиеся». Представители этого кластера часто указывают на то, что приехали в Екатеринбург ради получения работы, они хотели бы остаться в России и получить российское гражданство.

Представители данного кластера плохо знают российские законы и недостаточно хорошо – русский язык. Доля имеющих высшее и незаконченное высшее образование здесь наименьшая, а срок проживания в Екатеринбурге самый маленький. Представители этой группы имеют менее широкие контакты с местным населением, используют меньшее число источников информации о жизни в городе, здесь меньше всего привыкших к жизни в Екатерин-

бурге. С учетом самого маленького срока проживания можно говорить о возможности освоения жизни в России в будущем.

Можно говорить о том, что наличие цели остаться в России пока не сопровождается наличием в данной группе информационных и образовательных ресурсов, необходимых для ее достижения. В данной типологической категории существует противоречие между поставленной целью и недостаточными средствами ее достижения. Это свидетельствует о проблемности ситуации, в которой находится указанная типологическая группа.

Среди респондентов, которые дали глубинные интервью, также можно выделить группу тех, кто считает, что плохо знает русский язык и российские законы, но желает переехать жить в Россию. Они могли приехать к уже работающим здесь знакомым или родственникам, в то время как в своей стране нет возможности найти работу. Живут они вместе с соотечественниками, с ними же в основном и общаются.

«Я думаю, что здесь не сложно. Хорошо, да. Хорошо понимают, как свои будут. Ну, чуть-чуть вот так [изображает неудобство], а потом... [улыбается и расправляет плечи] (женщина, 53 года, Киргизия).

«Нет [хорошего владения русским языком]... ну, учила так в школе, с первого класса... Я первый раз ни то, ни это. Так разговаривала: "Вы понимаете"? ...Нет, не училась, просто работала и говорила» (женщина, 35 лет, Киргизия).

«Нет, нет, нет [не ношу здесь хиджаб]... [смеется]... Есть у меня платье мусульманское и штаны, халатик там. Это я дома ношу [на момент интервью была одета в спортивные штаны, футболку, голова не покрыта]. Ну, сейчас я на работе, уже российской. А если ты в Киргизии, то всегда платок, чтобы не видели волос... Сейчас нет [муж не против такой одежды в России], сейчас уже городская я... а вот если в Киргизии, то [муж] против» (женщина, 35 лет, Киргизия).

Кластер «освоившиеся навсегда». Среди представителей этого кластера — максимальное число желающих получить гражданство и переехать навсегда в Россию. Указанные представители часто утверждают, что полностью привыкли к жизни в Екатеринбурге. В этой группе больше всего знавших российские законы еще до переезда в город, самое большое число используемых источников информации о Екатеринбурге, готовность выполнять наибольшее число требований к поведению мигрантов в России, самый высокий уровень образования.

Представители данной классификационной группы чаще других считают, что жители Екатеринбурга — хорошие люди, они ведут себя цивилизованно, а русская культура должна занимать ведущее место в России. Нужно отметить, что мигранты из данной категории готовы кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить безопасное существование в новом социуме.

Наиболее высокие показатели готовности принять российскую культуру имеют здесь поведенческое и культурное основание. Так, в данной группе 73% опрошенных не испытывают неприязни ни к каким национальностям, здесь меньше исповедующих ислам, зафиксированы самые широкие из всех типологических групп контакты с жителями Екатеринбурга. Нужно отметить, что максимальное число соблюдаемых национальных традиций и интерес к

своей национальной истории не препятствуют вхождению в новую культурную среду, а создают возможности для сохранения родной культуры.

Информанты, которые участвовали в качественном интервью и характеризуются тем, что хотят окончательно переехать в Россию, а также и, по их мнению, хорошо знают русский язык и российские законы, могут быть студентами. Они сознательно выбрали Россию для получения образования. Другая категория — те, кто переехал сюда еще ребенком, с семьей и живет более 10—15 лет. Еще одна категория — те, кто приехал к родственникам, ранее переехавшим в Россию. Если не считать тех, кто получает образование, это, как правило, мигранты, живущие в России вместе с семьей.

«Стабильность [характеризует Россию]. Средний прожиточный минимум. Здесь есть будущее для нас, для наших детей, что мы не можем сказать пока, к сожалению, о нашей Родине. Наша коррупция — проблема на первом месте. С этой проблемой в России как-то пытаются бороться, а у нас — нет...» (женщина, 26 лет, Таджикистан).

«С детства я представляла себе, что я россиянин. Я видела себя здесь. Я настраивалась всю жизнь на то, чтобы переехать сюда. Я была осведомлена о России больше, чем о Казахстане порой... через телевидение я узнавала о том, какая жизнь здесь... у нас все связано с Россией» (женщина, 19 лет, Казахстан).

«Тут [в России], наверное, жизнь легче. Сейчас лучше стало в Узбекистане, но раньше было ужасно, в зимний период отключали газ, свет и воду, зарабатывали копейки» (женщина, 25 лет, Узбекистан).

«Я всегда общаюсь с русскими, я ими окружен. Меня даже не воспринимают как приезжего, Россия — многонациональная страна. Тут казахом не удивишь... Я думаю, что останусь тут, в России. Здесь есть работа и много вариантов отдыха. Мой родной город меня не привлекает перспективами» (мужчина, 23 года, Казахстан).

Важно отметить, что представители этой группы мигрантов не идеализируют Россию, наряду с положительными сторонами жизни здесь они видят и проблемы. В интервью встречаются критические высказывания, в которых, например, отмечается склонность россиян к употреблению алкоголя, недостаточное внимание к старшему поколению, отсутствие трудолюбия. Вместе с тем респонденты-женщины отмечают те черты россиян, которых не видят у соотечественников из стран Центральной Азии: независимость, демократичность. И они для них значимы.

«Я насчет мужчин не знаю, но насчет женщин могу сказать, что они не обсуждают, не вмешиваются в чужую жизнь, не суют нос в чужое дело, свободны» (женщина, 25 лет, Узбекистан).

«Я женщину в России представляю сильнее, чем мужчину... Они более ответственные... Русская женщина — очень сильная женщина. А мужчина?.. У нас мужчины более ответственно относятся к семье, чем русские мужчины» (женщина, 26 лет, Таджикистан).

Характеризуя Россию, в сравнении со своей родиной, респонденты подчеркивали развитие экономики, прогресс и т.п. Именно поэтому им самим хочется остаться жить в России и чтобы здесь остались жить их дети. Также они обращали внимание на то, что Россия многонациональная страна, и это важное условия для их отношения к жизни в России.

Возвращаясь к данным количественного исследования нужно отдельно отметить различия между кластерами по сочетанию значений следующих признаков: желание навсегда переехать в Россию, с одной стороны, и знание русского языка, российских законов – с другой.

Кластер «освоившиеся на время» характеризуется сочетанием инструментальной готовности жить в России (знание языка, законов) и неразвитости готовности переехать в Россию навсегда. Для кластера «не освоившиеся», наоборот, свойственны высокая развитость желания переехать в Россию и низкая — инструментальной готовности к переезду. Мигранты, входящие в кластер «освоившиеся навсегда», демонстрируют сильную развитость обоих видов готовности.

Выявленная типология дает возможность понять, что представители кластера «освоившиеся навсегда» наиболее позитивно относятся к жизни в России. Это проявляется не только в оценочных характеристиках отношения к местному населению, российской культуре, но и в поведенческих характеристиках — освоении ресурсов, необходимых для жизни в Екатеринбурге, желании жить в России постоянно, получить российское гражданство.

Как видно из табл. 2, кластер «освоившиеся навсегда» содержит самое большое количество переселенцев, имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Мы пришли к выводу, что с повышением уровня образования мигрантов растет уровень их интегрированности в городскую жизнь. Это проявляется как в большей развитости инструментов адаптации (знание русского языка, российских законов, возможности контактов с местным населением), так и в ценностных предпочтениях (отсутствие национальных предубеждений, религиозных привычек). Однако нужно отметить, что доля мигрантов, имеющих высокий уровень образования и одновременно желающих остаться в России навсегда, в нашем исследовании составила всего лишь 16% от числа опрошенных респондентов.

Для того чтобы выяснить, какие барьеры стоят на пути высокообразованных мигрантов к принятию решения о постоянном жительстве в России, мы сравнили две подгруппы мигрантов с высшим и неоконченным высшим образованием: 1) выразившие желание переехать навсегда в Россию; 2) не выразившие такого желания. Если вторая группа отличалась от первой по развитости конкретного свойства, то это свойство рассматривалось как препятствие для принятия решения остаться в России. Было выяснено, что основные препятствия для принятия высокообразованными мигрантами решения остаться навсегда в России, – коммуникативные и национальнокультурные барьеры.

Коммуникативные барьеры — это препятствия для получения информации, а также для комфортного общения в условиях новой социальной среды. Результаты нашего исследования показали, что не выразившие желания остаться в России почти в 1,5 раза реже имеют друзей или родственников среди постоянных жителей Екатеринбурга (53,6 и 78,4% соответственно), они также реже получают информацию о русских, о России от приезжих своей национальности (21,4 и 40,5% соответственно). Можно говорить о дефиците общения в данной подгруппе высокообразованных мигрантов.

Национально-культурные барьеры – ценности и установки, которые препятствуют процессу интеграции мигрантов в российское общество. По нашим

данным, к этим препятствиям относится специфическое понимание места русской культуры среди других национальных культур и отношение к националистическим организациям. Так, для группы, не выразившей явного желания остаться в России, в большей степени, чем для группы желающих жить в России, характерно неприятие идеи ведущего места русской культуры. Более распространенным среди них является мнение, что среди национальных культур России никакая культура не должна выделяться особо (64,3 и 29,7% соответственно). В данной категории мигрантов гораздо реже встречается отрицательное отношение к националистическим организациям, чем для другой группы (35,7 и 78,4% соответственно). Следовательно, можно говорить о том, что внутренним препятствием для формирования желания остаться в России у высокообразованных мигрантов является развитая ориентация на автономию национальной культуры, внешним — недостаточно благоприятная коммуникативная среда.

С одной стороны, высокий уровень образования является позитивным фактором интеграции мигрантов в местное сообщество. Но, с другой стороны, недостаточно развитые коммуникативные возможности препятствуют принятию решения высокообразованными мигрантами остаться в России. Авторы считают, что повышение уровня образованности потенциальных и реальных мигрантов может оказать положительное влияние на интеграцию только в сочетании с благоприятной коммуникативной средой. Институциональные и неинституциональные формы повышения образования потенциальных мигрантов имеют важное значение. В условиях ликвидации русских школ, снижения уровня русификации высшего образования в странах Центральной Азии следует развивать не только трудовую, но и учебную миграцию, в том числе дистантные формы обучения русскому языку как потенциальных трудовых, так и образовательных мигрантов.

Литература

- 1. *Бритвина И.Б., Шумилова П.А.* Культурная идентичность как результат идентификации иноэтничных мигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2017. Т. 17, № 3. С. 317–326.
- 2. *ВЦИОМ*: Мигранты в России: эффекты присутствия // ВЦИОМ: офиц. сайт. 29.11.2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=473 (дата обращения: 08.02.2019).
- 3. *Кузнецов И.М.* Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 58-80.
- 4. *Bessudnov A*. Ethnic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia // European Sociological Review. 2016. Vol. 32, № 5. P. 567–580.
- 5. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 32–57.
- 6. ВЦИОМ: [Результаты опроса 16.12.2018] // ВЦИОМ: офиц. сайт. 19.12.2018. URL: https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9488 (дата обращения: 08.02.2019).
 - 7. Бритвина И.Б., Киблицкая М.В. Жизнь мигрантки в моногороде. М.: Книгодел, 2004.
- 8. Britvina I., Savchuk G. Sources for forming a common social identity: migrants and a host community // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2017: Conference Proceedings. Book 3 (Science and Society). Vol. III (Sociology and Healthcare). Sofia: STEF92 Technology Ltd, 2017. P. 705–712.
- *Irina B. Britvina*, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: irina.britvina@urfu.ru

Elena L. Mogilchak, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

Galina A. Savchuk, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: galina.savchuk@urfu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 153–162

DOI: 10.17223/1998863X/54/15

AN EXPERIENCE OF CREATING A TYPOLOGY OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Keywords: non-ethnic migrants; Central Asia; survey; cluster analysis; typology.

The intensity of migration flows to the territory of Europe and Russia determines the relevance of identifying types of migrants because their belonging to different groups affects the effectiveness of their integration into the host society. In the article, the author identifies three typological groups of migrants from Central Asian countries, differently related to life in Russia based on cluster analysis: temporarily settled; not settled; settled forever. The features of each group are described. The first cluster is characterized by a combination of instrumental readiness to live in Russia and a lack of readiness to move to Russia forever. The unwillingness to move to Russia for permanent residence is accompanied by a pretty good knowledge of the Russian language and Russian laws, a fairly high level of education in this group. The second cluster, vice versa, is characterized by a high level of the desire to move to Russia and a low instrumental readiness to move. In this group, the goal to stay in Russia is not yet accompanied by the availability of information and educational resources necessary to achieve it. Migrants belonging to the third cluster demonstrate a high level of development of both types of preparedness, accompanied by a high assessment of the culture of Ekaterinburg residents' behavior, a widespread willingness to change cultural habits, and agreement that Russian culture should occupy a leading place in Russia. The number of observed national traditions and interest in their national history are the highest in this cluster compared to the other two clusters. It does not prevent the entry into a new cultural environment and creates opportunities for the preservation of native national culture. The revealed typology makes it possible to understand that the representatives of the cluster "settled forever" have the most positive attitude to life in Russia. This is manifested not only in the evaluation characteristics of the attitude to the local population, Russian culture, but also in the behavioral characteristics: the development of resources necessary for life in Yekaterinburg, the desire to live in Russia permanently, to obtain Russian citizenship. The authors' hypothesis that the desire of migrants to participate in the integration processes has a cultural basis has been confirmed. This is proved by the results of quantitative and qualitative analysis based on in-depth interviews.

References

- 1. Britvina, I.B. & Shumilova, P.A. (2017) Kul'turnaya identichnost' kak rezul'tat identifikatsii inoetnichnykh migrantov v Rossii [Cultural identity as the result of recognition of different ethnicity migrants in Russia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Sotsiologiya" RUDN Journal of Sociology.* 17(3). pp. 317–326. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326
- 2. VTsIOM. (2016) *Migranty v Rossii: effekty prisutstviya* [Migrants in Russia: effects of presence]. [Online] Available from: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=473 (Accessed: 8th February 2019).
- 3. Kuznetsov, I.M. (2017) The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Mir Rossii Universe of Russia*. 26(1). pp. 58–80. (In Russian).
- 4. Bessudnov, A. (2016) Ethnic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. 32(5). pp. 567–580. DOI: 10.1093/esr/jcw002
- 5. Mukomel, V. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii Universe of Russia*. 26(1). pp. 32–57. (In Russian).
- 6. VTsIOM. (2018) *Poll Results. December 16, 2018* [Online] Available from: https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9488 (Accessed: 24th May 2019). (In Russian).
- 7. Britvina, I.B. & Kiblitskaya, M.V. (2004) *Zhizn' migrantki v monogorode* [The life of a migrant in a single-industry town]. Moscow: Knigodel.
- 8. Britvina, I. & Savchuk, G. (2017) Sources for forming a common social identity: migrants and a host community. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2017: Conference Proceedings*. Vol. 3. Sofia: STEF92 Technology Ltd. pp. 705–712.

УДК 303.688

DOI: 10.17223/1998863X/54/16

О.В. Вилкова

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ОСМЫСЛЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ВЕБ-СКРЕЙПИНГА КАК МЕТОДА СБОРА ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена современному методу сбора открытых интернет-данных — вебскрейпингу — и научной осмысленности его использования в социологических исследованиях. Основываясь на концепциях цифровой социологии, приводятся методологические и технические возможности и ограничения веб-скрейпинга. С позиции философии науки обосновывается место, отводимое веб-скрейпингу в структуре социологического знания. Приведен обзор недавних социологических исследований с применением данного метода.

Ключевые слова: веб-скрейпинг, цифровая социология, социология интернета, методы социологических исследований.

Введение

С ростом цифровизации и постиндустриальными изменениями в социологической науке выделилось отдельное направление — цифровая социология. В 2015 г. на первой в мире конференции по цифровой социологии этой предметной области было дано определение субдисциплины, которая изучает цифровые средства, платформы и технологии как элементы повседневности, а также их влияние на поведение человека в группе — с использованием методов извлечения данных цифровых платформ [1. Р. 1]. Сегодня социологи вынуждены применять новые подходы к изучению трансформирующихся социальных реалий. Объектом исследования становится не индивид, а «социотехнический гибрид» (пользователь приложения, вебсайта, гаджета) и его «методологический аккаунт»; гаджеты накапливают информацию о социальном поведении, доступную для анализа, — так называемые большие социологические данные [2. С. 21].

Цифровая социология активно развивается, чувствительно реагируя на социально-экономические и политические изменения. В 2017 г. после голосования по Brexit и провозглашения нового президента США Д. Трампа выходит книга Нортье Маррес, значимого теоретика цифровой социологии, «Digital Sociology: The Reinvention of Social Research». В книге Маррес анализирует релевантность методов анализа цифровых данных для решения социологических задач. Книга оказалась востребованной, поскольку была издана после событий, породивших дискуссии о роли социальных сетей, медиа, фейковых новостях и инструментах их идентификации. Проявило интерес к цифровой социологии и отечественное академическое сообщество: в конце лета 2018 г. в Государственном университете управления учреждается журнал «Цифровая социология».

Несмотря на признание академической актуальности, цифровая социология подвергается критике в отношении методов сбора и анализа данных.

0.В. Вилкова

Д. Фаррелл и Дж. Петерсен, считавшиеся пионерами веб-технологий в социологии и призывавшие к сбору и анализу неструктурированных интернет-данных [3. Р. 1], в последних работах используют интернет для сбора структурированной информации — отдавая предпочтение интернет-опросам [4. Р. 1]. Анализ интернет-данных ученые считают проблематичным в силу возможного нарушения приватности данных и несоответствия показателям теоретической рамки исследования [5. Р. 2] (табл. 1).

Таблица 1. Критические положения несоответствия измерений, проводимых методами цифровой социологии, теоретической рамке исследования

	Положение	Влияние на исследование					
1. He	1. Нерепрезентативность выборок интернет-данных						
1.1.	Невозможно доказать репрезентативность: гарантировать, что данная выборка пользователей случайная и подчинена закону больших чисел	Описывается частный случай, а не массовый социальный процесс / группа					
1.2.	Анонимность и безнаказанность интернет-среды искажет выборку за счёт спама, бот-активности и недостоверной информации	Состояние социальной группы / процесса искажается за счёт нерелевантных данных					
2. Ин	нтернет как площадка искажает дискурс						
2.1.	При оценке общественных мнений / настроений порог входа в интернет как площадку низкий; культура интернет-среды заменяет рациональные аргументы жёсткими эпитетами и обвинениями	Описывается не действительное состояние социальной группы / процесса, а семантические искажения, связанные с общедоступностью интернет-среды					
2.2.	Несмотря на всеобщую пифровизацию, имеет место цифровое неравенство: отдельные социальные группы могут быть не охвачены средствами, оставляющими цифровой след; существует проблема доступа к отдельным порталам; технические неполадки в работе интернет-платформы и т.п.	Охватывается не вся выборка объекта / предмета исследования из теоретической рамки исследования					
2.3.	Постиндустриальное общество необходимо рассматривать не только как пространство онлайн-ереды, но и как офлайн-ереды [6. С. 31]. Сложность при таком анализе заключается в том, что не всегда онлайн и офлайн-статусы индивида совпадают; необходимо искать пересечения между онлайн- и офлайн- статусом индивида, а не выстраивать их как автономные структуры	Рассматривается только одна сторона медали - виртуальная действительность индивида; теоретическая рамка может включать и его офлайн-статус, который с помощью цифровых данных сложно описать					
2.4.	Цифровая социология стремится проводить анализ в режиме real-time, опираясь на потоки сообщений блогосферы, RSS-ленты, на лету формируя выборки и разрезы, отсеивая аномалии и выбросы [7. С. 6]	Real-time извлечение и фильтрация данных могут дать существенные искажения на более длинном горизонте анализа, если таковая определялась теоретической рамкой исследования					
3. Нарушение приватности персональных данных: сбор информации должен сопровождаться согласием носителей данных		Угроза правонаршения и наказания для исследователя					
 Увлечение математическими методами: социологи в погоне за оптимальной математической спецификацией забывают основную задачу – описать социальную группу, институт или процесс [8. Р. 32] 		Цели и задачи теоретической рамки, замысел исследования раскрываются					

Социологические исследования используют современные стратегии анализа данных, опираясь на теоретические описания их преимуществ [9. С. 132; 10. С. 4]. Однако исследования, системно описывающие возможности и ограничения метода сбора данных цифровой социологии – веб-скрейпинга – и его научной осмысленности, отсутствуют. В условиях тренда на доказательную социальную науку, призывающую «идти от данных» [11. С. 217], применение веб-скрейпинга актуализируется. Работа ставит задачей систематизировать возможности и ограничения веб-скрейпинга для преодоления стигматизации вокруг сбора интернет-данных в социологических исследованиях.

Веб-скрейпинг в социологических исследованиях: определение, возможности, ограничения

Веб-скрейпинг (син. парсинг, скрин-скрейпинг, веб-кроулинг) — практика сбора открытых данных с загруженных веб-страниц и форм, не предназначенных для этого (т.е. в большинстве случаев в обход интерфейсных правил пользования вебсайтом, АРІ и других ограничений). Сбор открытых данных осуществляется автоматической программой (парсером), которая обращается к веб-серверу для запроса данных и их последующей обработки.

Открытые данные представляют собой информацию в машиночитаемом формате, которая может свободно и бесплатно использоваться, перерабатываться и распространяться. Данные, полученные путем авторизации на веб-

ресурсах, защищенные авторскими правами и не подлежащие свободному распространению, открытыми не являются. Если технически и существует способ извлечения, возможность использования в исследованиях должна согласовываться с источником.

Веб-скрейпинг обладает комплексом преимуществ и ограничений, сгруппированных вокруг методологических, технических, правовых, финансовых факторов.

1. Возможности веб-скрейпинга.

1.1. Методологические.

Полнота данных. С использованием веб-скрейпинга у социолога появляется возможность однозначно выделить генеральную совокупность объекта исследования при условии, что интернет-данные достаточны для проработки исследовательской проблемы. Становится выполнимым выделение списка всех контрагентов, их индивидуальных характеристик, оценка интернетрынка — другими методами получить подобные данные без прямого взаимодействия с собственниками платформ невозможно. Открытые данные даже в качестве неосновного источника дополнят описание объекта.

По сравнению с конвенциональными методами сбора данных (опросы, интервью), веб-скрейпинг элиминирует проблему низкого количества откликов в опросах [5. Р. 2; 12. С. 163], телефонных звонках и при личных обращениях [13. Р. 5].

Качество данных. Скрейпинг, в отличие от канонических способов сбора данных, не связан с отклонениями человеческого фактора: неправильной интерпретацией вопросов интервьюером и респондентом [14. С. 602]. Исключается необходимость валидации интервью на соблюдение программы исследования (корректности отбора респондента и поставленных вопросов, длительности интервью, соответствия ответов вопросам по понятийным критериям) [15. С. 123], допустимого уровня когнитивной нагрузки интервьюера [16. С. 627]. У социолога появляется шанс зафиксировать реальное поведение индивидов, минуя призму восприятия.

Стратегия исследования. Социолог исходит не из теорий, а из доступных данных веб-платформ, которые могут являться маркерами наиболее значимых социальных явлений.

Открывается возможность использовать интернет-данные если не как самостоятельный метод исследования, то как отправную точку для углубления методологии конвенциональных методов сбора данных. Так, анализ распределений генеральной совокупности способствует формированию более надежных стратификационных критериев подбора информантов либо точечной рассылки опросников.

1.2. Технические.

Используя парсер, исследователь налаживает прямую связь с источником данных, создает информационную базу; ее можно обновлять на регулярной основе, отслеживать историю изменений.

1.2. Правовые, этические.

Часто существует возможность получить открытые данные, не нарушая правовые и этические аспекты распространения и использования информации, поскольку четкого регулирования на российском законодательном уровне скрейпинг не имеет. Согласно ст. 5 закона «Об информации, инфор-

0.В. Вилкова

мационных технологиях и о защите информации» информация может свободно передаваться в случае отсутствия ограничений к доступу и распространению в других федеральных законах [17. Ст. 5]. В соответствии с этим скрейпинг является законным при соблюдении установленных законодательством РФ ограничений: не нарушаются авторские права; не допускается сбор сведений, составляющих коммерческую тайну; не допускается ограничение конкуренции. Сбор персональных данных пользователей социальных сетей может осуществляться только при согласии [18. Ст. 9]; при этом персональными данными является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к субъекту [Там же. Ст. 3].

В международном законодательстве скрейпинг также не получил четкого определения, его юридические рамки прецедентно обрисовываются в судебной практике США (табл. 2).

Длительность судебных тяжб	Истец	Ответчик, осуществляющий скрейпинг	Кого поддержали по решению суда	Решение суда
2000-2009	eBay	Bidder's Edge	Сначала истца, потом ответчика	Высокая активность роботов- парсеров создаёт дополнительную нагрузку к работоспособности сайта еВау; позднее установили, что подобные границы не распространяются к компьютерной среде, поскольку явного ушерба еВау причинено не было
2009	Facebook	Power.com	Истца	Извлечение информации о пользователях – прямое и косвенное нарушение авторских прав
2011-2014	AT&T	Andrew Auernheimer	Истца	Извлечение конфиденциальной пользовательской информации (пусть и обшедоступной) несанкционированно
2013	Associated Press	Meltwater	Истца	Нарушается авторское право
2014	QVC	Resutly	Ответчика	Боты ответчика не намеревались нанести ущерб
2017–2020	LinkedIn	HiQ	Ответчика	Скрейпинг правомерен для сбора любых общедоступных данных, не защищённых авторским правом

Таблица 2. Наиболее заметные судебные дела, связанные с правомерностью скрейпинга

1.4. Финансово-экономические.

Стоимость сбора данных, по сравнению с конвенциональными методами, может быть ниже, поскольку исключаются затраты на поиск и подбор интервьюеров, оценку их деятельности, поиск информантов, проведение интервью / опросов, аппроксимацию выборочных оценок на генеральную совокупность.

2. Ограничения веб-скрейпинга.

2.1. Методологические.

Объект исследования. Ограниченная область применения: подходит для исследования объектов / явлений, которые могут быть описаны исключительно интернет-данными (блогосфера, взаимодействие через соцсети, цифровые биржи), либо исследование предполагает методику соотнесения онлайн- и офлайн-статусов индивидов [6. С. 30].

Стратегия исследования. Социолог вынужден руководствоваться datadriven подходом: отталкиваться не от теории и операционализации понятий, гипотез, а от данных. Маррес рекомендует на каждом из этапов работы с цифровыми данными обращаться к теоретической рамке и, методично рефлексируя, сравнивать, не отклонился ли исследователь в увлечении методами от своих залач.

Если в конвенциональных методах сбора данных имеется свод правил и предписаний (по расчету выборки, шкалированию), то, применяя скрейпинг, социолог каждый раз должен изобретать новый дизайн исследования согласно структуре данных и контексту платформы (что пользователи пишут на страницах профилей, как общаются) [19. С. 35].

Качество данных. Нечасто имеется возможность выявить методологию заполнения и расчета показателей, интерпретировать пустые значения. Обращение к владельцам платформы при этом не всегда действенно: разработчики могут быть не готовы разглашать алгоритмы, являющиеся интеллектуальной собственностью.

Кроме того, платформы чаще открывают доступ к набору стандартизированных данных, в то время как большая часть неструктурированной информации (коммуникация между пользователями, история посещений) остается закрытой.

Так же как и в конвенциональных социологических методах сбора данных, при скрейпинге сложно однозначно верифицировать достоверность интернет-данных, особенно в условиях тренда на фейк-ньюс, «накрутки» комментариев и голосов, бот-активности. К счастью, часто веб-платформы самостоятельно заботятся о качестве данных, пытаются выявить и предупредить подозрительную активность. Однако в условиях анонимности интернетсреды отсутствуют гарантии того, что одному индивиду соответствует один аккаунт.

Данные многих интернет-платформ содержат как большое количество полезной информации, так и информационного шума (несвязного набора слов, спама, символов выражения эмоциональной окрашенности) – могут потребоваться механизмы фильтрации для его устранения.

2.2. Технические.

Социологии зависимы от проводимых платформой действий: платформа может установить ограничения на пагинацию, объем видимых данных, скорость загрузки во время веб-скрейпинга. Также платформа может внести изменения в структуру данных, что приведет к необходимости преобразования кода либо конфигурации ПО, использующегося для скрейпинга. Исследователь зависит от устойчивости, работоспособности, загруженности платформы.

2.3. Правовые, этические.

Законодательно могут быть предусмотрены ограничения на вебскрейпинг; его использование может нарушать соглашение об использовании интернет-платформы.

Защищаясь от скрейпинга, платформа может предпринимать действия, ограничивающие возможность извлечения информации, являющейся ее интеллектуальной собственностью. Возникает этический вопрос использования закрытых данных, даже в агрегированном виде.

168 О.В. Вилкова

2.4. Финансово-экономические.

В случаях, когда социолог не обладает компетенциями в программировании, привлечение программиста-подрядчика для скрейпинга может оказаться дороже по сравнению с конвенциональными методами сбора данных.

2.5. Квалификационные.

Существует высокий порог входа в исследование, предполагающее вебскрейпинг: требуется знание html-разметки, структуры веб-страниц, понимание технических основ сетей, работы интернета, базовое владение языками программирования и работы с базами данных.

Платформы продуцируют множество показателей больших объемов, которые по своей сути являются неструктурированными большими данными: их сбор и анализ требует повышенной когнитивной нагрузки. Результаты энцефалограмм, измерений пульса, индекса утомления и анкетных опросов инженеров-программистов и операторов ПО показывают, что деятельность, связанная с большим количеством функциональных звеньев в системе переработки информации, сопряжена с психической напряженностью и, при отсутствии должного отдыха, прогрессирующим снижением работоспособности [20. С. 27; 21. С. 109].

Научная осмысленность веб-скрейпинга в социологических исследованиях с позиции философии науки

Поскольку веб-скрейпинг, помимо возможностей, предполагает методологические ограничения, связанные с обратной операционализацией понятий, возникает вопрос, насколько теоретически оправданно его использовать. На текущий момент отсутствуют работы, которые давали бы теоретические доказательства научной обоснованности применения веб-скрейпинга в социологических исследованиях с позиции философии науки.

Аргументируем, почему веб-скрейпинг можно считать научно обоснованным инструментом исследовательской оптики социолога.

Веб-скрейпинг — метод цифровой социологии, относящейся к частной теории социологических наук. По теории научных революций [22. Р. 7] классическая социология выступает «нормальной наукой», в чью парадигму входят стандартные качественные и количественные методы анализа. Однако в связи с постиндустриальным переходом назревает смена парадигм: онлайнопросы, средства бизнес-аналитики, потоковые данные, онлайн-платформы и существующие вокруг них научные сообщества способствовали зарождению новой нормальной науки — цифровой социологии.

По Куну, в периоды научных революций разворачивается конкурентная борьба научных сообществ, объединенных разными парадигмами, где победа присуждается сообществу с более устойчивым социально-психологическим настроем и способностью «решать головоломки». Успех научной революции определяется беспрецедентностью теории: может ли привлечь на длительный срок сторонников конкурирующих направлений. Сторонники цифровой социологии только начинают «призывать» на свою сторону технических специалистов (бизнес-аналитиков, UX-исследователей, программистов) для совместного изучения данных цифровых платформ, поэтому говорить о научной революции, заданной вектором цифровой социологии, рано [7. С. 6]. Однако достаточно посмотреть глобальную статистику поисковых запросов к поня-

тиям цифровых данных за последние 10–20 лет — интерес к большим социологическим данным не прекращается: согласно Google Trends всплеск общественного интереса стремится к максимуму в 2020 г. (рис. 1), а в Web of Science устойчиво растет количество цитирований понятия «интернет-данные» в социологии (рис. 2).

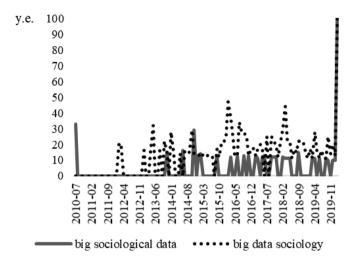

Рис. 1. Уровень интереса к понятию больших социологических данных, у.е. По данным Google Trends на основе статистики поисковых запросов по всему миру; 100 у.е. – максимальный всплеск интереса

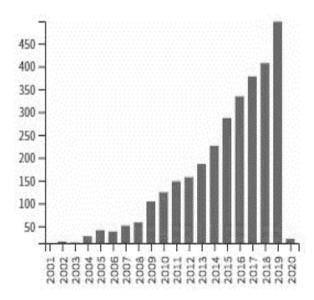

Рис. 2. Число цитирований по теме web data sociology в системе научного цитирования Web of Science, шт.

Дискуссии вокруг веб-скрейпинга справедливы и предсказуемы как для метода нового научного направления и совпадают со всплесками растущего общественного интереса (рис. 3).

170 О.В. Вилкова

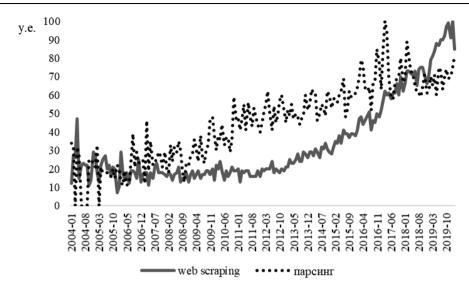

Рис. 3. Уровень интереса к понятиям веб-скрейпинга и парсинга, у.е. По данным Google Trends на основе статистики поисковых запросов по всему миру; 100 у.е. – максимальный всплеск интереса

Веб-скрейпинг — метод, чья ценность в ускорении научной верификации за счет быстрой агрегации данных. Согласно теории логического позитивизма, получившей развитие в рамках Венского кружка, для доказательства научной осмысленности теорий используется верификация — процедура проверки истинности знаний, в ходе которой сложные предложения разделяются на протокольные путем редукции [23. P. 125].

Веб-скрейпинг используется для сбора больших данных, которые детализируются до уровня пользователя / аккаунта. Проверять данные генеральной совокупности, сгруппированные в массиве, на соответствие критериям быстрее и проще, чем осуществлять выборочные проверки аккаунтов. При этом проверка может устанавливаться еще в начале отбора данных (например, когда исследователю требуется отделить только активные аккаунты, аккаунты, созданные в этом году и т.п.). При скрейпинге исследователь осуществляет верификацию протокольных предложений для максимально быстрого обобщения и сведения к теории.

Извлекая данные интернет-платформ, веб-скрейпинг способствует целостному пониманию современной картины мира. Наука предназначена не только для сбора фактического материала, но и формирования целостного мировоззрения [24. С. 19]. Веб-скрейпинг полезен в случаях, когда официальная статистика не помогает описать суть социальных явлений либо отсутствует. Примером группы, для изучения которой веб-скрейпинг представляется единственным источником, являются фрилансеры, осуществляющие поиск контрактов через интернет-биржи труда: только начинают внедряться законодательные инициативы по учету таких работников.

В основе той же синергетики для ученого реальность является миром структур, упорядоченных в соответствии со строгими закономерностями. Интернет-платформы предполагают упорядоченную структуру представления данных (в виде HTML-разметки / прямых запросов через API), разделен-

ных для на простые для восприятия смысловые блоки. Во многом подобная структура и состав информации, представленной на платформе, продиктованы рыночными правилами, а значит, высвечивает наиболее значимые факты.

Веб-скрейпинг — инструмент социолога, готового к междисциплинарному подходу изучения социальной действительности. Порой даже малейшие изменения внешних условий могут приводить к внезапным и радикальным изменениям в системе, которые могут оказать влияние не только на науку, но и на систему подготовки научных кадров. Социолог должен чувствительно реагировать на изменения подходов и методологий, обладать мультидисциплинарными навыками, в том числе использовать программирование для получения доступа к открытой информации.

Однако исследование не должно превращаться в механический анализ данных пользователей: «жестким ядром» [25. С. 1] исследовательской программы социолога должны оставаться стандартные элементы исследования (стратегия, теоретическая рамка, объект, предмет), а «защитным поясом» могут быть цифровая социология, STS и веб-скрейпинг.

Обзор социологических исследований с применением веб-скрейпинга на примере фрилансеров как объекта исследования

Рассмотрим возможности использования интернет-данных, полученных с помощью веб-скрейпинга, на примерах исследований фрилансеров.

По данным крупнейшей российской биржи фрилансеров, собранным вебскрейпингом, был изучен механизм конкурсов – открытых состязаний между фрилансерами по выполнению задания от заказчика, где за победу присуждается денежное вознаграждение [19. С. 25]. Выборка составила 6 тыс. конкурсов, в которых приняли участие более 300 тыс. фрилансеров. Исследование показывает, что в выборе победителя важное значение отводится репутации фрилансера (рейтингу, отзывам заказчиков на странице профиля) и активному взаимодействию с заказчиком в комментариях. Социально-демографические признаки при этом не являются значимыми и дискриминирующими выбор победителя.

Продолжая тему конкурсов, по данным 30 тыс. проектов биржи freelancer.com были выделены факторы, определяющие победу фрилансера на аукционе с понижением [26. Р. 133]. Так, в категории дорогостоящих задач вероятность победы тех назначающих более высокую цену с большим сроком выполнения решения выше и действует в обратном направлении для дешевых задач. Чем сильнее конкуренция за проект, тем ниже конечная стоимость проекта.

Успех будущих проектов фрилансера определяется результатами его предыдущих работ. Так, по данным более миллиона задач, выполненных фрилансерами биржи oDesk, исследователи построили модель предсказания успешности фрилансера по отзывам о его работе на предыдущих проектах [27. Р. 1]. Однако не все фрилансеры с равной вероятностью могут стать успешными: на основе анализа 13,5 тыс. профилей фрилансеров бирж TaskRabbit и Fiverr (демографических характеристик, рейтингов и оценок заказчиков, мест фрилансеров в поисковой выдаче) была выявлена расовая и гендерная дискриминация [28. Р. 1]. Белые женщины-фрилансеры получают

172 О.В. Вилкова

на 10% оценок меньше, чем мужчины с соответствующим опытом работы, а афроамериканцы в целом обладают более низким рейтингом. Только фрилансеры без фото в профиле ниже по рейтингу, чем афроамериканцы. Отзывы о работе афроамериканских женщин-фрилансеров содержат меньше положительных прилагательных. Среди всех категорий работников мужчины-азиаты располагают наибольшим рейтингом.

Заключение

Веб-скрейпинг обладает потенциалом обогащения социологического знания и вписывается в теоретическую рамку социологических наук. Несмотря на технические и методологические ограничения, стигматизацию интернет-данных, факт появления дискуссий об (анти)научности современных методов цифровой социологии — явление положительное для научного сообщества. Рост знаний достигается в процессе рациональной дискуссии, неизбежно выступающей критикой существующего знания.

Критика конвенциональных источников социологического знания должна привести к популяризации веб-скрейпинга как метода получения информации об объективной действительности, а прогрессивная социология — стать проповедником мультидисциплинарности.

Поддержание подобных тенденций нуждается в содействии научного сообщества. Освоение веб-скрейпинга требует переподготовки социологов на уровне понимания функционирования интернета, усовершенствования навыков программирования и работы с неструктурированной информацией.

Литература

- 1. *Lupton D.* Digital Sociology: Beyond the Digital to the Sociological // The Australian Sociological Association (TASA) Conference 2013. Melbourne, 2013.
- 2. *Кравченко С.А*. Новации в социологическом знании: по итогам XIII конференции ЕСА // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 18–24.
- 3. Farrell D., Petersen J. The growth of internet research methods and the reluctant sociologist // Sociological Inquiry. 2010. № 1. P. 114–125.
- 4. Petersen J., Farrell D. Internet Surveys // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. New York: John Wiley & Sons, 2016.
- 5. Petersen J., Farrell D. Online Research Methods // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. New York: John Wiley & Sons, 2016.
- 6. Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 29–34.
- 7. *Крыштановская О.В.* Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 4–9.
- 8. Marres N. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Давыдов А.А. Компьютерные технологии для социологии (обзор зарубежного опыта) // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 131–138.
- 10. *Толстова Ю.Н.* Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.
- 11. *Губа К.С.* Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 213–236. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-213-236
- 12. *Назарова И.Б.* Непроведение опроса и отказ от интервью // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 161–167.
- 13. Dillman D.A. et al. Response rate and measurement differences in mixed-mode surveys using mail, telephone, interactive voice response (IVR) and the Internet // Social science research. 2009. N_2 1. P. 1–18.

- 14. *Markou E., Bourgeat E.* Observing the work of interviewers: how the quality of the data collection is constructed // 13th Conference of the European Sociological Association (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities / ed. by F. Welz. Athens: European Sociological Association, 2017. August 29 September 1, P. 602.
- 15. *Берестинева О.Г., Романчуков С.В., Шухарев С.О.* Технология оценки качества работы интервьюеров // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 3. С. 123–125.
- 16. Девятко И.Ф. Разработка подхода к количественной мультимодальной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров: результаты пилотного квазиэксперимента // Вестник РУДН. Социология. 2018. № 4. С. 626–637.
- 17. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ.
 - 18. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ.
- 19. Стребков Д., Шевчук А., Лукина А., Мелианова Е., Тюлюпо А. Социальные факторы выбора контрагентов на бирже удаленной работы: исследование конкурсов с помощью «больших данных» // Экономическая социология. 2019. № 3. С. 25–65.
- 20. Петрукович В.М., Иванов А.О., Зотов М.В., Федоров С.И. Влияние гипоксии на умственную работоспособность операторов с различными стратегиями переработки информации в оперативной памяти // Вестник СПбГУ. Социология. 2015. № 3. С. 27–37.
- 21. Дружилов С.А. Психическая напряженность в профессиональной деятельности операторов прокатных станов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Психологические науки. 2014. № 5. С. 109–112.
- 22. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
 - 23. Carnap R. Scheinprobleme in der Philosophie. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1929.
- 24. *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.
- 25. *Лакатос И*. История науки и ее рациональные реконструкции // Из Бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203–235.
- 26. Öğüt H. Factors Affecting Professionals' Selection in High and Low-Value Online Service Procurements // The Service Industries Journal. 2013. № 1 (33). P. 133–149.
- 27. Kokkodis M., Ipeirotis P. Reputation Transferability in Online Labor Market // Management Science. 2016. № 62 (6). P. 1687–1706.
- 28. Hannák A. et al. 2017. Bias in Online Freelance Marketplaces: Evidence from TaskRabbit and Fiverr // ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing. 2017.

Olga V. Vilkova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olg.vilkova@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 163–175.

DOI: 10.17223/1998863X/54/16

WEB SCRAPING AS A METHOD OF DATA EXTRACTION IN SOCIOLOGICAL STUDIES: ON SCIENTIFIC APPLICABILITY

Keywords: web scraping; digital sociology; sociology of Internet; methods of sociological studies.

The article is devoted to a modern method of data extraction from the Web, web scraping, and its scientific significance and applicability in sociological studies. Based on trends across empirical sociological studies, concepts of digital sociology, science and technology studies (STS), computational sociology, and issues raised at recent international committees' meetings, the current research gives a definition of web scraping and presents an overview of its both methodological and technical opportunities, challenges, and limitations. Advantages and shortcomings are classified across a set of methodological, technical, judicial, ethic, financial, and professional issues and can serve as a perfect framework to be referenced to while weighing risks and rewards at the stage of research design. Comparison with conventional sociological methods, such as survey, in-depth interview or focus group, which lack response rates and have semantic distortions, holds prospects for web scraping as for a method that enables information extraction towards entire population in a timely and structured manner. According to sociology and the philosophy of science, the research aims to determine a place for the method of web scraping in the structure of sociological and scientific knowledge. By alleging to theories of scientific revolutions, science of synergies and the Vienna Circle ideas, the present study tries to prove that,

174 О.В. Вилкова

under the circumstances of a shifting reality, scientific knowledge transforms correspondingly, and research questions imposed to the relevance and scientific meaningfulness of the new theory and its new methods are extremely prompt and expose the necessity of methodology conceptualization. This research is designed to overcome the stigmatization around studies, in which informational bases are mainly constituted by web-platform data. Dealing with online platforms, web scraping is successfully embedded into digital sociology and has potential in covering topics on platform economy. This article urges modern sociologists not to be frightened of learning new instruments and turning their research into interdisciplinary sociological studies. Web scraping benefits interdisciplinary research at the expense of its ability in the simplification of scientific verification processes.

References

- 1. Lupton, D. (2013) Digital Sociology: Beyond the Digital to the Sociological. *The Australian Sociological Association (TASA) Conference 2013*. Melbourne: [s.n.].
- 2. Kravchenko, S.A. (2018) Innovations in sociological knowledge: a summary of 13th Conference of ESA. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 2. pp. 18–24. (In Russian).
- 3. Farrell, D. & Petersen, J. (2010) The growth of internet research methods and the reluctant sociologist. *Sociological Inquiry*. 1. pp. 114–125. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2009.00318.x
- 4. Petersen, J. & Farrell, D. (2016a) Internet Surveys. In: Ritzer, G. et al. (eds) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. New York: John Wiley & Sons.
- 5. Petersen, J. & Farrell, D. (2016b) Online Research Methods. In: Ritzer, G. et al. (eds) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. New York: John Wiley & Sons.
- 6. Grishaeva, S.A. & Kulikova, O.A. (2018) Socio-psychological features of the process of transformation of the social structure of society and the process of communication in the digital space. *Tsifrovaya sotsiologiya Digital Sociology.* 1. pp. 29–34. (In Russian). DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-29-34
- 7. Kryshtanovskaya, O.V. (2018) Contactless sociology: new forms of research in a digital age. *Tsifrovaya sotsiologiya Digital Sociology*. 1. pp. 4–9. (In Russian). DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-4-8
- 8. Marres, N. (2017) Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press.
- 9. Davydov, A.A. (2005) Komp'yuternye tekhnologii dlya sotsiologii (obzor zarubezhnogo opyta) [Computer technologies for sociology (a review of foreign experience)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 1. pp. 131–138.
- 10. Tolstova, Yu.N. (2015) Sociology and computer technologies. *Sotsiologicheskie issledovani-ya Sociological Studies*. 8. pp. 3–13. (In Russian).
- 11. Guba, K.S. (2018) Big Data in Sociology: New Data, New Sociology? *Sotsio-logicheskoe obozrenie Sociological Review*. 1. pp. 213–236. (In Russian). DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-213-236.
- 12. Nazarova, I.B. (1998) Neprovedenie oprosa i otkaz ot interv'yu [Failure to conduct a survey and refusal of an interview]. *Sotsiologicheskiy zhurnal Sociological Journal*. 1–2. pp. 161–167.
- 13. Dillman, D. A. et al. (2009) Response rate and measurement differences in mixed-mode surveys using mail, telephone, interactive voice response (IVR) and the Internet. *Social Science Research*. 1. pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.03.007
- 14. Markou, E. & Bourgeat, E. (2017) Observing the work of interviewers: how the quality of the data collection is constructed. In: Welz, F. (ed.) 13th Conference of the European Sociological Association (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities. Athens: European Sociological Association. pp. 602.
- 15. Berestneva, O.G., Romanchukov, S.V. & Shukharev, S.O. (2016) Tekhnologiya otsenki kachestva raboty interv'yuerov [Technology for assessing the quality of interviewers' work]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke Health and education in the XXI century*. 3. pp. 123–125.
- 16. Devyatko, I.F. (2018) Developing an approach to multimodal quantitative assessment of interviewers' cognitive load: first results of a field quasi experiment. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya RUDN Journal of Sociology*. 4. pp. 626–637. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-627-637
- 17. The Russian Federation. (2006a) *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zash-chite informatsii: feder. zakon ot 27.07.2006 g. № 149-FZ* [On information, information technology and information protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006].
- 18. The Russian Federation. (2006b) *O personal'nykh dannykh: feder. zakon ot 27.07.2006* g. № 152-FZ [About personal data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006].

- 19. Strebkov, D., Shevchuk, A., Lukina, A., Melianova, E. & Tyulyupo, A. (2019) Social Factors of Contractor Selection on Freelance Online Marketplace: Study of Contests Using "Big Data". *Ekonomicheskaya sotsiologiya Economic Sociology*. 3. pp. 25–65. (In Russian).
- 20. Petrukovich, V.M., Ivanov, A.O., Zotov, M.V. & Fedorov, S.I. (2015) Hypoxia influence on the mental working capacity of operators who used different strategies of information processing in a working memory system. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology.* 3. pp. 27–37. (In Russian).
- 21. Druzhilov, S.A. (2014) Psikhicheskaya napryazhennost' v professional'noy deyatel'nosti operatorov prokatnykh stanov [Mental tension in the professional activities of rolling mill operators]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledo-vaniy. Psikhologicheskie nauki.* 5. pp. 109–112.
- 22. Kuhn, T. (1962) The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press. 1962.
 - 23. Carnap, R. (1929) Scheinprobleme in der Philosophie. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- 24. Haken, G. (2003) *Tayny prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodeystvii* [Secrets of Nature. Synergetics: The Doctrine of Interaction]. Translated from English. Moscow; Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy.
- 25. Lakatos, I. (1978) Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii [History of science and its rational reconstruction]. In: Gryaznov, B.S. & Sadovsky, V.N. (eds) *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki* [Structure and Development of Science. From Boston Studies on the Philosophy of Science]. Moscow: Progress. pp. 203–235.
- 26. Öğüt, H. (2913) Factors Affecting Professionals' Selection in High and Low-Value Online Service Procurements. *The Service Industries Journal*. 1(33). pp. 133–149. DOI: 10.1080/02642069.2011.600445
- 27. Kokkodis, M. & Ipeirotis, P. (2016) Reputation Transferability in Online Labor Market. *Management Science*, 62(6), pp. 1687–1706, DOI: 10.1287/mnsc.2015.2217
- 28. Hannák, A. et al. (2017) Bias in Online Freelance Marketplaces: Evidence from TaskRabbit and Fiverr. ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing.

УДК: 316.776.23

DOI: 10.17223/1998863X/54/17

М.Н. Бычкова

ОТ БОГАТСТВА МЕДИА ДО ЭКОНОМИИ ЭМОЦИЙ: К РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМС СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ¹

Компьютерно-опосредованные системы коммуникации (англ. computer mediated communication — CMC) вот уже несколько десятилетий находятся в фокусе внимания исследователей различных областей знаний. Особое место здесь занимает теория богатства медиа американских ученых Ричарда Дафта и Роберта Ленгеля, получившая развитие как конструкт полимедиа в концепции британских специалистов Мирки Мадиану и Дэниэла Миллера. В статье представлены результаты исследований, посвященных верификации отдельных положений вышеназванной теоретической позиции. Ключевые слова: компьютерно-опосредованные системы коммуникации, СМС, теория богатства медиа, теория полимедиа.

В современную цифровую эпоху юноши и девушки с различным уровнем достатка и образования, проживающие в разных странах и регионах, по большому счету, имеют одинаковую реальную возможность выбирать для коммуникационного взаимодействия с родителями и партнерами по гендерным отношениям, потенциальными работодателями и друзьями, коллегами по проектной деятельности и преподавателями различные форматы связи (мобильный телефон, Skype, e-mail, проводной телефон, различные мессенджеры, личные сообщения в социальных сетях и т.п.). Иными словами, жизнь современного молодого поколения невозможно представить без «...компьютерно-опосредованных систем коммуникации (СМС) в самых разных формах; они становятся неотъемлемой частью инициации, развития и поддержания межличностных отношений и участвуют в тонком формировании коммуникации практически в каждом современном контексте» [1. Р. 443]. По большому счету, такой методологический инструментарий при исследовании новых медиа, как big data, оформился именно благодаря изучению СМС и также является сегодня крайне востребованным [2. С. 81] маркетологами, журналистами, специалистами рекрутинговых агентств, профессионалами из области информационной безопасности, политологами и т.д.

В настоящее время существует большое количество теоретических позиций, непосредственно связанных с СМС. Эти теории классифицируются [3. Р. 529–563] в соответствии с их концептуализацией того, как пользователи реагируют на характеристики систем СМС, особенно в адаптации к системам симуляции, которые отличаются от личной связи. Так, авторы части теорий СМС утверждают [4], что систематическое сокращение невербальных сигналов, передаваемых различными системами связи, приводит к безличной ори-

¹ Публикация вышла при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Культура сетевых полупубличных коммуникаций цифрового поколения» (№ 18-011-00225, 2018).

ентации среди пользователей. Между фокусами безличных ориентаций существуют различия, некоторые являются асоциальными, а другие - совершенно конкретными и социальными. Авторы другой группы теорий отмечают [5. Р. 321-341 и др.], что характеристики коммуникаторов, их взаимодействие с другими акторами, контекстуальные факторы влияют на воспринимаемые возможности различных систем связи. Эти восприятия, в свою очередь, влияют на выразительность и нормативное использование новых технологий. Следующий набор теорий отражает [6. Р. 456–480 и др.] способы, с помощью которых коммуникаторы приспосабливаются или используют ограничения для систем СМС при достижении или повышении индивидуальных уровней близости. Наконец, существуют новые теоретические идеи, которые касаются анализа полезности различных сред в отношении прогрессирования последовательности использования; реляционных стадий или сравнения медиаэффектов разных типов новых медиа; сопоставлений форматов личного общения, ориентированных на технологии; потенциального влияния новых технологий на межличностное общение и последствия мультимодальности в отношениях.

В числе последних — теория богатства медиа (теория богатства медиавозможностей), анг. media richness, [7. Р. 554–571], также известная как теория информационного богатства [8. Р. 191–233], изначально описывающая относительную эффективность различных средств коммуникации для уменьшения двусмысленности при принятии человеком тех или иных решений (анализируется степень понимания, сохранения смысла, полнота и верность трактовки информации, полученной / переданной посредством e-mail, Skype, различных мессенджеров и пр.). Она также применяется к анализу межличностных ситуаций, происходящих в рамках формальных или неформальных отношений. Термин «media richness» часто используется в литературе и для обозначения коммуникационных сред, которые поддерживают одновременно несколько вербальных и невербальных систем.

Теория богатства медиа является одной из самых популярных моделей СМС [9. Р. 486–507], так как некоторые из ее основных положений интуитивно очень привлекательны. В данном случае речь идет о существовании четырех подпространств СМС:

- 1) число систем сигналов, поддерживаемых носителем;
- 2) непосредственность обратной связи, предоставляемой средой (от однонаправленного и асинхронного к одновременному двунаправленному взаимодействию);
- 3) потенциал естественного языка (по сравнению с более формальным жанром меморандумов, деловых писем или базы данных);
- 4) персонализация сообщений (т.е. степень персонификации, в которой сообщение может быть адресовано конкретному лицу).

Таким образом, СМС обеспечивает общение лицом к лицу в *богатом режиме*, поскольку оно включает в себя системы с несколькими сигналами, одновременные обмены с отправителем и получателем (обеспечивающие отличную обратную связь), естественный язык и персонализацию сообщений; телефоны, письма и меморандумы предлагают (в этом смысле) постепенное снижение уровня *богатства*. Второй основной конструкцией модели богатства медиа является двусмысленность ситуации обмена сообщениями: экви-

178 М.Н. Бычкова

валентность определяется как степень, в которой решающая ситуация и связанная с ней информация подвержены множественным интерпретациям. В данной теории утверждается, что существует совпадение между двусмысленностью ситуации с сообщениями и богатством среды, в которой она может быть решена: чтобы быть наиболее эффективной, большая двусмысленность требует большего мультимедийного богатства, а меньшая — более компактных средств медиа.

Сегодня отдельные положения теории богатства медиа значительным образом либо уточнены [10. Р. 256–274; 11. Р. 130–136]; либо расширены [12. Р. 265–278; 13], либо раскритикованы Walther and Parks [3. Р. 529–563]. Вместе с тем ее конструкты, будучи до сих пор весьма популярными, являются отправной точкой для создания новых теоретических позиций, исследующих богатый потенциал новых медиа. Наиболее интересной в смысле развития этих конструктов представляется теория полимедиа, британских исследователей М. Мадиану, Д. Миллера. Авторы трактуют феномен полимедиа как «среду, вырастающую из коммуникационных возможностей, функционирующую как "интегрированная структура", внутри которой специфика каждого отдельного медиа определяется через отношение к контексту всех остальных медиа» [14. Р. 336].

Конвергентные (в нашем случае – информационно-коммуникационные) технологии [18. Р. 57–71; 21], в настоящее время не просто порождают новую коммуникативную ситуацию, но и значительным образом влияют на межличностные отношения ее участников. Авторы теории полимедиа считают [14. С. 337], что уровень ограничений, накладываемых технологическим потенциалом разных новых медиа на близость, уровень эмоциональности при общении не так интересен, как оценка участниками коммуникации богатства выбранных медиа, следствий того или иного выбора. Следовательно, менеджмент богатого пространства медиа самым тесным образом связан с формированием межличностных отношений, переживаниями их акторов и т.п.

Верификации вышеназванных идей послужили изыскания, проведенные группой ученых Национального исследовательского Томского государственного университета в рамках исследовательского проекта «Культура сетевых полупубличных коммуникаций цифрового поколения» (№ 18-011-00225, 2018), поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований. Был осуществлен количественный опрос 322 респондентов, а также организованы и проведены полуструктурированные интервью (написание эссе) с 50 респондентами. Все участники — бакалаврианты и магистранты шести томских университетов: НИ ТГУ, НИ ТПУ, ТГПУ, СибГМУ, ТУСУР и ТГАСУ, в возрасте от 18 до 28 лет; выборка носила целевой характер: рекрутинг участников осуществлялся на основе принципа доступности, способности к саморефлексии и высокой цифровой компетентности.

Среди ответивших 86% составляют люди в возрасте от 17 до 24 лет, относящиеся к поколению Z, родившиеся в 1996—2000 гг. (согласно теории поколений [17] американских исследователей Уильяма Штрауса и Нила Хоува); 75,5% респондентов — девушки, 24,5% — молодые люди.

Две трети опрошенных имеют от 1 до 7 аккаунтов в различных социальных сетях (рис. 1).

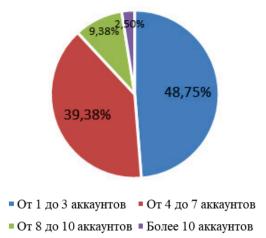

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько у Вас аккаунтов в социальных сетях?»

Это неслучайно, так как наиболее релевантной площадкой для коммуникации представителям поколения Z представляются социальные сети. Согласно исследованию Think with Google [19] «зеты» буквально живут с телефоном: 7 из 10 проверяют гаджет каждые две минуты с целью просмотра сообщений в социальных сетях; для них социальные сети — естественная среда обитания, и они будут готовы выстраивать коммуникации с любыми аудиториями именно там, на установленном в этой среде языке. Данную гипотезу подтверждают молодые люди в ходе опроса, проведенного сотрудниками Сбербанка [20]: они отмечают, что за всем сейчас следят именно в социальных сетях.

В рамках настоящего исследования было также выяснено, что 55,3% респондентов в использовании различных социальных сетей и мессенджеров, в выборе других форматов СМС придерживаются определенной избирательности, когда выбор средства коммуникации обусловлен степенью близости к партнеру по коммуникации, уровнем доверия к нему, эмоциональной вовлеченностью в отношения с ним. Ниже представлены ответы на вопросы о разноцелевом использовании социальных медиа, мессенджеров, реализации их потенциала (богатства медиа, полимедиа) при формировании взаимоотношений онлайн, полученные в рамках полуструктурированных интервью (из текстов эссе). Сохранены оригинальная стилистика и пунктуация респондентов.

«ВК мне могут написать все пользователи, так как часто он используется для связи не только друзей, но и знакомых, или даже незнакомых. Мой профиль в Инстаграм открыт, так как я не выставляю туда слишком личную информацию и воспринимаю эту платформу как творческую и готова делиться творческой деятельностью с незнакомыми», девушка, 19 лет.

«ВК: ограничение в сообщениях (чтобы ограничить себя от нежелательного общения), комментарии (чтобы не писали какой-нибудь бред и не распространяли рекламу). В Instagram и Youtube — никаких, поскольку там не пишут ничего такого и что-то скрывать мне незачем», девушка, 22 года.

«Родители вк не сидят, там только общаюсь с друзьями. Родители сидят в ОК, но я не считаю нужным там регистрироваться только ради об-

180 М.Н. Бычкова

щения с ними, потому что мне вполне хватает личных звонков и WhatsApp. Очень много родственников сидят в Instagram, там иногда ограничиваю доступ к просмотру историй. А так общение впринципе не разграничиваю», юноша, 24 года.

«С преподавателями общаюсь исключительно через почту (если только преподаватель сам не изъявляет желание общаться через другую сеть). ВК – для знакомых, одногруппников, приятелей и друзей. Мессенджеры – для семьи, так как не все из них имеют аккаунты, например, ВК, и есть возможность создать групповой чат», юноша, 27 лет.

«Родителям я в первую очередь пишу в Whatsapp, друзьям я пишу в Вконтакте или Whatsapp, одногруппникам я пишу Вконтакте», юноша, 22 года.

«Например, мои бабушки и дедушка (им за 70) выбирают, конечно же, телефонный звонок, нежели чем сообщение. Для людей такого возраста иногда бывает сложно разобраться в наборе сообщений, позвонить намного проще. Для некоторых же людей преклонного возраста важнее услышать человека по ту сторону телефона, понять его эмоции, нежели напечатать безэмоциональное письмо. Наверное, все потому, что они по-другому воспитаны. В их детстве и в уже осознанной жизни не было таких технологий, какие существуют сейчас. Для них всегда было важно именно ОБЩЕНИЕ с человеком. Родители – тут сложно сказать. У всех родители разного возраста – у кого-то преклонного (бывает и такое) и поэтому они относятся к вышеперечисленной группе, выбирая телефон в качестве дистанционного общения. У кого-то молодые родители и родители средних лет. Именно эта группа уже более втянута в существующие технологии, поэтому каждый выбирает форму дистанционного общения «под себя», исходя из личных предпочтений, характера и т.д. Ведь кто-то зажат, стеснителен – ему, скорее всего, проще выбрать SMS. Кто-то активен, открыт для общения – он, скорее всего, выберет и ту и другую форму общения, исходя из настроения и т.д.», девушка, 26 лет.

Иными словами, результаты проведенного исследования подтвердили ключевое положение теории богатства медиа (полимедиа) о ресоциализации платформ и мессенджеров, когда происходит перестройка межличностной коммуникации на основе технических платформ, которые становятся элементами близких отношений; когда люди все чаще используют потенциал структуры полимедиа для выстраивания своих отношений, формируя, по меткому выражению авторов теории полимедиа [14. С. 348], свой собственный персональный репертуар средств коммуникации, с их эмоциональными регистрами. Так, почти 87% опрошенных на вопрос «Может ли выбор не того формата общения (например, сообщение в мессенджере вместо звонка) вызвать у Вас обиду при общении с Вашими различного рода аудиториями (например, партнером / партнершей по гендерным отношениям)?» ответили утвердительно.

Это проявляется даже по времени ответа на поступившие запросы: респонденты оперативно отвечают на запросы более значимых партнеров по коммуникации, моментально реагируя на звонки и сообщения от родителей, партнеров по гендерным отношениям; наиболее отнесенными по времени (асинхронными) являются реакции на звонки и сообщения малознакомых людей («френдов») и преподавателей (рис. 2).

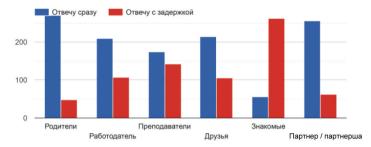

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «В случае, если Вам придет сообщение от родителей, работодателя, преподавателей, друзей, знакомых, партнера / партнерши — насколько сразу (синхронно) или с задержкой Вы ответите каждой из перечисленных групп и почему?»

Почти 77% современных юношей и девушек отслеживают доступ к данным своих персональных страниц, личной информации со стороны пользователей социальных медиа (включая даже «френдов»¹) (рис. 3).

258 ответов

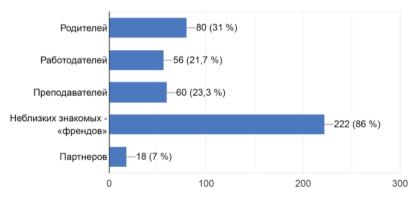

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Для кого Вы вводите ограничения доступа к личной информации (для родителей, работодателей, неблизких знакомых-«френдов», преподавателей, гендерных партнеров)?»

Таким образом, по результатам проведенных исследований подтвердился и тезис о «силе слабых связей» [15. С. 1]. Этот феномен задолго до появления Facebook описал американский социолог Марк Грановеттер. Его суть — влияние мнения, суждений, поведения малознакомых людей на принятие нами решений, различных выборов. Получается, что, разветвляя собственные сети, приращивая количество подписчиков, молодежь все же пристально отслеживает доступ этих самых «малознакомых людей» к своей персональной информации, используя и настройки приватности, и отписываясь от назойливых респондентов. В настоящее время для большинства молодых людей наличие внушительного числа подписчиков и «френдов» является показателем состоятельности, владения «социальным капиталом»; ими принимаются самые различные попытки увеличить количество таких, пусть и «слабых связей». Это дает им ощущение «мнимой полноты жизни» [16. С. 32], так как они со-

¹ Термин из интернет-сленга, означающий друга в реальной и виртуальной жизни (от англ. friend).

182 М.Н. Бычкова

здают сообщества, участвуют в деятельности различных комьюнити, в непрерывном режиме отслеживают новости и комментарии от других людей, сами выражают оценки, голосуют и т.д., т.е. они важны, нужны, популярны и значимы.

Интересными в этом смысле представляются ответы респондентов на блок вопросов, посвященных приоритетности, ресурсозатратности (имеются ввиду траты времени, психологической энергии, эмоций) и этики при использовании различных медиа в ситуациях различной степени неопределенности (рис. 4).

320 ответов

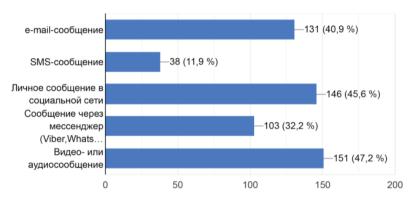

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие типы сообщений являются для Вас наиболее "ресурсозатратными" (требуют внимания, эмоций, вовлечения, полной отдачи общению)?»

Вот как это прокомментировали респонденты в рамках полуструктурированных интервью (текстов эссе). Сохранены оригинальная стилистика и пунктуация респондентов.

«Аудиосообщение — самое ресурсозатратное, потому что там ты должен следить за тем, что ты говоришь. При этом важно точно донести информацию для твоего собеседника», юноша, 18 лет. «Аудиосообщения в будущем, думаю, останутся. По крайней мере, я на это очень надеюсь. Ведь людям все равно (даже с физической точки зрения) необходимо ежедневное общение, необходимо ГОВОРИТЬ. Пусть это общение будет и через телефон, но оно будет и это важно. Человек просто не сможет постоянно сидеть, молчать и печатать сообщения. Ведь так (без речи) можно сойти с ума», девушка, 21 год. Явное свидетельство того, что представителям поколения Z проще общаться с электронными устройствами, чем с живым человеком.

«Видеосообщения могут заменить сообщение «текст + фото», что экономит время. Также это приближает виртуальное общение к реальному. Минус — занимает память на телефоне. Аудиосообщение особенно удобно в случаях, когда необходимо передать большой объем информации — экономит время и усилия. Также удобно записывать на ходу — можно не отвлекаться от дороги, например. Еще, если необходимо запечатлеть какой-либо звук, который нельзя передать словами. Можно также включить аудио на фоне и делать другое дело одновременно. Позволяют непосредственно выразить

эмоции с помощью интонации, смысловых ударений и других фонетических средств. Преимущество перед аудиозвонками — нет возможности перебить собеседника, он может высказываться сколь угодно долго. Минус последних двух способов — не всегда удобно прослушать / просмотреть», девушка, 26 лет. В качестве плюса выделяется все, что происходит здесь и сейчас: передача эмоций, использование слов, возможность многозадачности.

«Наиболее ресурсозатратный формат — почта, так как она подразумевает особый этикет, а также используется для передачи официальной, важной информации. Далее — мессенджеры, так как там происходит общение с самыми близкими людьми. Особенно если это аудио или видео, которые более приближены к живому общению», девушка, 25 лет. «Е-таіl сообщения являются для меня самыми "ресурсозатратными", потому что при помощи е-таіl я обычно общаюсь с людьми выше меня по иерархии, с преподавателями, например, и мне нужно тщательно подбирать слова и правильно строить предполагает соблюдение множества формальностей: письмо без ошибок, уместное обращение к адресату, соблюдение логики изложения и т.п. У современной молодежной аудитории это не вызывает восторга.

Таким образом, СМС как культурный и коммуникативный феномен характеризуются следующими положениями: перманентная включенность аудиторий, подразумевающая мгновенную реакцию на полученное сообщение; высокая проникающая способность, т.е. распространенность среди молодежи; рационализация, продуманность и целенаправленность коммуникации; контекстуально обусловленный особый аудиовизуальный контент; вариативность инструментов, используемых для коммуникации (личные сообщения, комментарии, реакции и т.д.). Представители поколения Z включены в среду СМС и потребляют поступающую информацию по совершенно новым правилам: например, мгновенно реагируют на контент, но реагируют избирательно; они очень прагматичны, предпочитают нересурсозатратные средства коммуникации, отбирают исключительно релевантный для себя контент, выраженный кратко, простыми и понятными словами, а также сопровождаемый интригующим аудиовизуальным или визуальным рядом, привлекающим внимание. Согласимся с мнением российского социолога А.П. Глухова [22. С. 82–96], что в рамках классификации элементов «культуры участия» Г. Дженкинса [23. Р. 3] «навыки эффективного менеджмента компьютерно-опосредованных коммуникаций в плане вовлеченности, синхронизации и доступа способствуют большей аффилиации (участию и вовлечению в общение), таргетированной экспрессии (возможностям различного самовыражения для различных целевых аудиторий через регулировку доступа к информации аккаунта и "стены"), эффективной коллаборации (возможности синхронизировать участие в нескольких форматах общения одновременно) и континуальной трансляции (когда пользователь всегда находит время для фиксации "цифровых следов" своих активностей в социальных сетях, таргетируя исходящие потоки информации о себе)». Современные юноши и девушки, с одной стороны, используют все богатство новых медиа, весь их коммуникативный репертуар, с другой стороны экономя психо184 М.Н. Бычкова

эмоциональные ресурсы: «...они заявляют об истощении и нехватке времени; всегда находясь в состоянии подключения, многозадачности, они избегают голосовой связи за пределами небольшого личного круга, потому что она требует их полной вовлеченности и внимания, которое они не хотят отдавать» [24. Р. 155].

Литература

- 1. Walter J.B. Theories of Computer-mediated Communication and interpersonal relations // The Sage Handbook of Interpersonal Communication. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011. P. 443–479.
- 2. *Щеглова И.А.* Этические и правовые аспекты использования данных из социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 81–87. DOI: 10.17223/15617793/431/10
- 3. Walter J.B., Parks M.R. Cues Filtered Out, Cues Filtered In: Computer-mediated Communication and Relationships // Handbook of Interpersonal Communication. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. P. 529–563.
- 4. Short J.A., Williams E., Christie B. The Social Psychology of Telecommunications. London: Wiley, 1976.
- 5. Lea M., Spears R. Paralanguage and Social Perception in Computer-mediated Communication // Journal of Organizational Computing, 1992. № 2. P. 32–341.
- 6. Biocca F., Harms C., Burgoon J.K. Toward a more robust theory and measure of social presence: Review and suggested criteria // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 2003. № 12. P. 456–480.
- 7. Daft R.L., Lengel R.H. Organizational information requirements, media richness and structural design // Management Science. 1986. 32. P. 554–571.
- 8. Daft R.L., Lengel R.H. Information richness: A new approach to managerial behavior and organization design // Research in organizational behavior / B.M. Staw, L.L. Cummings (eds.). Greenwich, CT: JAI Press, 1984. Vol. 6. P. 191–233.
- 9. *D'Urso S.C.*, *Rains S.A*. Examining the scope of channel expansion: A test of channel expansion theory with new and traditional communication media // Management Communication Quarterly. 2008. № 21. P. 486–507.
- 10. Dennis A.R., Kinney S.T. Testing media richness theory in the new media: The effects of cues, feedback, and task equivocality // Information Systems Research. 1998. 9. P. 256–274.
- 11. *Hancock J.T., Thom-Santelli J., Ritchie T.* Deception and design: The impact of communication technologies on lying behavior // Proceedings of the ACM Conference on Human Factors in Computing Systems / E. Dykstra-Erickson, M. Tscheligi (Eds.). New York: ACM, 2004. Vol. 6. P. 130–136).
- 12. Cummings J.M., Lee J.B., Kraut R.E. Communication technology and friendship during the transition from high school to college // Computers, phones, and the Internet: Domesticating information technology / R.E. Kraut, M. Brynin, S. Kiesler (Eds.). New York: Oxford University Press, 2006. P. 265–278.
- 13. Setlock L.D., Quinones P.-A., Fussell S.R. (2007). Does culture interact with media richness? The effects of audio vs. video conferencing on Chinese and American dyads. In Proceedings of the 40th annual Hawaii International Conference on System Sciences. URL: http://csdl2.computer.org/comp/proceedings/hicss/2007/2755/00/27550013.pdf (дата обращения: 11.11.2018).
- 14. *Мадиану М., Миллер Д.* Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334–356. DOI: 10.14515 (дата обращения: 02.07.2019).
- 15. Γ рановеттер M. Сила слабых связей // JSTOR цифровая библиотека. Нью-Йорк. 2000—2019. URL: https://www.jstor.org/stable/2776392?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 10.10.18).
- 16. *Тульчинский Г.Л., Лисенкова А.А.* Постинформационное общество, недоверие и новые индентичности // Вопросы культурологи. 2015. № 10. С. 30–35.
- 17. Фонд «Петербургская политика»/ Исследование «#ПоколениеУ и #ПоколениеZ в поиске собственных мест под Солнцем» 2017 г. URL: https://fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/pokoleniya_xyz.pdf https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/ https://intalent.pro/files/158487_youth_presentation.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

- 18. Schummer J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: "The best way to predict the future is to create it" // Governing Future Technologies. Springer Netherlands. 2009. P. 57–71.
- 19. *Think* with Google 2019 г. URL: https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/z-y/ (дата обращения: 22.09.2019).
- 20. 30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка и Validata 2019 г. URL: http://www.profirk.ru/article/19097/ (дата обращения: 22.09.2019).
- 21. *Кабанов А., Сагдеев Р.* Зачем Кремлю конвергентные технологии URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/26/625453-kremlyu-konvergentnie-tehnologii (дата обращения: 08.01.2019).
- 22. Глухов А.П., Булатова Т.А. Социальные сети как инфраструктура межличностного общения: трансформация и диффузия фреймов коммуникации (кейс томских студентов) // Siberian Socium. 2017. Т. 1, № 2. С. 82–96. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-82-96
- 23. Jenkins H., Clinton K., Purushotma R. et all. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century // An occasional paper on digital media and learning. The MacArthur Foundation. 2006.
- 24. *Turkle Sh.* Alone together: why we expect more from technology and less from each other. Published by Basic Books. 2011.

Marina N. Bychkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: bychkovamn@mail.tsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 176–187.

DOI: 10.17223/1998863X/54/17

FROM THE MEDIA RICHNESS THEORY TO SAVING EMOTIONS: ON THE RESULTS OF AN EMPIRICAL RESEARCH OF CMC USAGE BY MODERN YOUTH

Keywords: computer-mediated communication systems; CMC; media richness theory; theory of polymedia.

Computer-mediated communication (CMC) systems have been the focus of researchers' attention in various fields of knowledge for several decades: from cultural anthropology to cybernetics, from sociology to psychology of mass communications, etc. A special place here is occupied by the media richness theory of American scientists Richard Daft and Robert Langel (1986), which was developed in 2012 as a construct of polymedia in the concept of British experts Mirka Madian and Daniel Miller. The article presents the results of quantitative (a quantitative survey of 322 respondents was carried out) and qualitative (semi-structured interviews (writing an essay) with 50 respondents were organized and conducted) research. Its participants were bachelor's and master's students of six Tomsk universities: National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk State Pedagogical University, Siberian State Medical University, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, and Tomsk State University of Architecture and Building. The aim of this research is to verify certain provisions of the above-mentioned theoretical position. As a result of the data obtained, it is possible to confirm that the respondents find it important to use the entire repertoire of new media with the intended purpose of their emotional register: nowadays, CMC is not just an integral part of the life of the youth; it is actively used to form interpersonal relationships of their actors online and offline. The position of the media (polymedia) richness theory on the resocialization of social platforms and messengers has been confirmed: people are increasingly using the potential of the polymedia structure to build their relationships; when affordance becomes a quality, we use a person-person interaction rather than a person-computer one). Using the potential of the new media, young men and women manage their communications focusing on the degree of closeness to the partner in their communicative interaction, on the assessment of the degree of uncertainty in the emerging communication situation, on the level of resource consumption of particular media, on the mandatory ethical aspect of communication linking formats, the technical potential of their devices, selected social platforms and messengers with the concept of decency.

References

1. Walter, J.B. (2011) Theories of Computer-mediated Communication and interpersonal relations. In: Knapp, M.L. & Daly, J.A. (eds) *The Sage Handbook of Interpersonal Communication*. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 443–479.

186 М.Н. Бычкова

- 2. Shcheglova, I.A. (2018) Ethical and legal aspects of social media data usage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 431. pp. 81–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/10.
- 3. Walter, J.B. & Parks, M.R. (2002) Cues Filtered Out, Cues Filtered In: Computer-mediated Communication and Relationships. In: Knapp, M.L. & Daly, J.A. (eds) *Handbook of Interpersonal Communication*. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 529–563.
- 4. Short, J.A., Williams, E. & Christie, B. (1976) *The Social Psychology of Telecommunications*. London: Wiley.
- 5. Lea, M. & Spears, R. (1992) Paralanguage and Social Perception in Computer-mediated Communication. *Journal of Organizational Computing*. 2. pp. 32–341. pp. 52–90. DOI: 10.1080/10919399209540190
- 6. Biocca, F., Harms, C. & Burgoon, J.K. (2003) Toward a more robust theory and measure of social presence: Review and suggested criteria. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. 12. pp. 456–480. DOI: 10.1162/105474603322761270
- 7. Daft, R.L. & Lengel, R.H. (1986) Organizational information requirements, media richness and structural design. *Management Science*. 32. pp. 554–571. DOI: 10.1287/mnsc.32.5.554
- 8. Daft, R.L. & Lengel, R.H. (1984) Information richness: A new approach to managerial behavior and organization design. In: Staw, B.M. & Cummings, L.L. (eds) *Research in organizational behavior*. Vol. 6. Greenwich, CT: JAI Press. pp. 191–233.
- 9. D'Urso, S.C. & Rains, S.A. (2008) Examining the scope of channel expansion: A test of channel expansion theory with new and traditional communication media. *Management Communication Ouarterly*, 21, pp. 486–507. DOI: 10.1177/0893318907313712
- 10. Dennis, A.R. & Kinney, S.T. (1998) Testing media richness theory in the new media: The effects of cues, feedback, and task equivocality. *Information Systems Research*. 9. pp. 256–274. DOI: 10.1287/isre.9.3.256
- 11. Hancock, J.T., Thom-Santelli, J. & Ritchie, T. (2004) Deception and design: The impact of communication technologies on lying behavior. In: Dykstra-Erickson, E. & Tscheligi, M. (eds) *Proceedings of the ACM Conference on Human Factors in Computing Systems*. Vol. 6. New York: ACM. pp. 130–136.
- 12. Cummings, J.M., Lee, J.B. & Kraut, R.E. (2006) Communication technology and friendship during the transition from high school to college. In: Kraut, R.E., Brynin, M. & Kiesler, S. (eds) *Computers, Phones, and the Internet: Domesticating Information Technology*. New York: Oxford University Press. pp. 265–278.
- 13. Setlock, L.D., Quinones, P.-A. & Fussell, S.R. (2007) Does culture interact with media richness? The effects of audio vs. video conferencing on Chinese and American dyads. *Proceedings of the 40th annual Hawaii International Conference on System Sciences*. [Online] Available from: http://csdl2.computer.org/comp/proceedings/hicss/2007/2755/00/27550013.pdf (Accessed: 11th November 2018).
- 14. Madianu, M. & Miller, D. (2018) Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal.* 1. pp. 334–356. (In Russian). DOI: 10.14515 (Accessed: 2nd July 2019).
- 15. Granovetter, M. (2019) *Sila slabykh svyazey* [The power of weak ties]. [Online] Available from: https://www.jstor.org/stable/2776392?seq=1#page_scan_tab_contents (Accessed: 10th October 2018).
- 16. Tulchinsky, G.L. & Lisenkova, A.A. (2015) Postinformatsionnoe obshchestvo, nedoverie i novye indentichnosti [Post-information society, mistrust and new identities]. *Voprosy kul'turologi*. 10. pp. 30–35.
- 17. The Peterburgskaya politika Foundation. (2017) *Issledovanie "#PokolenieY i #PokolenieZ v poiske sobstvennykh mest pod Solntsem"* [Research "#GenerationY and #GenerationZ in the search for their own places under the Sun"]. [Online] Available from: https://fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/pokoleniya xyz.pdf (Accessed: 22nd September 2019)
- 18. Schummer, J. (2009) From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: "The best way to predict the future is to create it". In: Kaiser, M., Kurath, M., Maasen, S. & Rehmann-Sutter, Ch. (eds) *Governing Future Technologies*. Springer Netherlands. pp. 57–71. DOI: 10.1007/978-90-481-2834-1-4
- 19. Thinkwithgoogle.com. (2019) *Think with Google 2019*. [Online] Available from: https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/z-y/ (Accessed: 22nd September 2019)

- 20. Profirk.ru. (2019) *30 faktov o sovremennoy molodezhi: issledovanie Sberbanka i Validata 2019 g.* [30 facts about modern youth: a study by Sberbank and Validata 2019]. [Online] Available from: http://www.profirk.ru/article/19097/ (Accessed: 22nd September 2019).
- 21. Kabanov, A. & Sagdeev, R. (2016) *Zachem Kremlyu konvergentnye tekhnologii* [Why does the Kremlin need convergent technologies]. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/26/625453-kremlyu-konvergentnie-tehnologii (Accessed: 8th January 2019)
- 22. Glukhov, A.P. & Bulatova, T.A. (2017) Social Networks as an Infrastructure of Interpersonal Communication: Transformation and Diffusion of Communication Frames (Tomsk Students' Case). *Siberian Socium*. 1(2). pp. 82–96. (In Russian). DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-82-96
- 23. Jenkins, H., Clinton, K., Purushotma, R. et al. (2006) *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. The MacArthur Foundation.
- 24. Turkle, Sh. (2011) Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. Basic Books.

УДК 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/54/18

А.Б. Рахманов

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СУБИМПЕРИАЛИЗМ И ИХ НЕОБХОДИМОСТЬ: РОССИЯ И ИСПАНИЯ

Коммуникативные потребности человечества в условиях глобализации с необходимостью приводят к росту влияния английского как глобального языка и других языков крупных народов. Анализ разделов Википедии на разных языках, языковых практик народов республик в составе Российской Федерации, а также языковых практик населения Каталонии и Страны Басков в Испании показывает необходимость лингвистического империализма и лингвистического субимпериализма. Вместе с тем, бесспорной целью языковой политики человечества является сохранение языкового многообразия мира.

Ключевые слова: лингвистический империализм, лингвистический субимпериализм, английский язык, экология языков, Википедия, Россия, Испания.

Лингвистический империализм и лингвистический субимпериализм

В эпоху глобализации, в условиях становления глобального общества, когда возникает глобальная экономика, основанная на всемирном разделении труда, циркулируют по всей планете люди, товары, капиталы и информация, формируются глобальная политика и глобальная духовная жизнь, с необходимостью возникает глобальный язык — средство коммуникации людей из разных стран. Ранее в истории существовали языки (древнегреческий, латинский, арабский, французский и т.д.), которые выполняли подобные функции на макрорегиональном уровне, и ими владели главным образом привилегированные и образованные слои общества, но языка, объединяющего все человечество — все народы и все социальные слои, — никогда ранее не существовало.

Глобальным языком закономерно стал английский язык. Завоевание им этого статуса было обусловлено тем, что страны английского языка в XVIII-XXI вв. были и остаются самыми развитыми, передовыми, могущественными, благополучными, и выступают во всех сферах как образец для других народов. Страны английского языка были классическими странами капитализма. В XVIII и XIX вв. лидером мира во многих областях была Великобритания, в XX и XXI вв. - США вместе с Великобританией, причем бывшие британские колонии (Канада, Австралия и Новая Зеландия) также были в числе наиболее передовых обществ. Огромный вклад в продвижение английского языка внесло и существование Британской империи с ее бескрайними колониальными владениями. Но путь языка Шекспира к статусу глобального языка начался еще раньше – с развитием капитализма в Англии XVI в. и Английской буржуазной революцией середины XVII в. Важными вехами на пути всемирной экспансии английского языка послужили победы Англии (с 1707 г. – Великобритании) над своими соперниками - над Непобедимой армадой в 1588 г. в рамках англоиспанской войны 1585-1604 гг., над Голландией в серии англо-голландских

войн второй половины XVII в., над Францией в Войне за испанское наследство 1701–1714 гг., Семилетней войне 1756–1763 гг., в войнах с наполеоновской Францией, а также победы США и Великобритании в обеих мировых войнах. Рассуждая с точки зрения формальных исторических возможностей, если бы эти войны закончились иначе, то глобальным языком могли бы стать испанский, голландский, французский или немецкий языки.

Еще в конце XIX и начале XX в. с английским по влиятельности в мире соперничали французский и немецкий языки. Растущее осознание необходимости всемирного языка и, вместе с тем, стремление избежать привилегий для одного из великих государств привело к идее искусственного языка. В конце XIX в. польский врач Л. Заменгоф создал эсперанто, а немецкий священник И. Шлейер — волапюк. Долгое время эсперанто рассматривался как язык будущего единого человечества, существовало движение эсперантистов. Однако последующие мировые процессы привели к тому, что языком всемирной коммуникации стал английский, и ныне его статус как глобального языка неоспорим. Ни один из языков, включая китайский, ему в этом качестве не сможет бросить вызов, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Вместе с тем завоевание английским языком статуса глобального является неоднозначным результатом. С одной стороны, возникновение глобального языка является безусловным благом, поскольку это позволяет всем жителям планеты общаться, воспринимать материальные и духовные достижения всего человечества, преодолевает локальную ограниченность всякого рода и тем самым содействует развитию каждого отдельного человека и человечества в целом. Английский язык в определенной мере уже отделился от англоговорящих народов и принадлежит всему человечеству. Если бы американцы, британцы, канадцы, австралийцы и новозеландцы, например, улетели на Луну, то и тогда английский язык, поскольку человечество нуждается в нем, сохранил бы статус глобального языка. Существование английского языка как глобального стало лингвистической предпосылкой современного уровня производительных сил, технологий, науки, культуры и цивилизованности человечества, которые результируются в небывало высоком уровне средней продолжительности жизни всех стран мира. Литература, посвященная исследованию английского как глобального языка, воистину безбрежна (см., например: [1-4]). Ее классикой следует считать труд британского ученого Д. Кристала «Английский как глобальный язык» (1-е издание – в 1997 г.) [5], который посвящен разнообразным аспектам становления и функционирования английского языка как глобального.

Однако превращение английского языка в глобальный язык влечет за собой ряд негативных последствий для других языков. В их числе выделим тенденцию полного или частичного вытеснение языков из наиболее важных сфер общественной жизни (экономики, технологий, управления, науки, образования, культуры, СМИ и т.д.). Небесспорным последствием господства английского языка является его влияние на другие языки, приводящие к заимствованиям лексики, изменениям синтаксиса и т.п. В перспективе это может привести к быстрому развитию английского языка при одновременном упадке других, что принимает форму языкового сдвига (language shift), т.е. перехода индивидуумов, социальных слоев и целых народов от своих языков к английскому [6–10], что может привести к исчезновению языков небольших этносов [11].

Особого внимания заслуживает концепция лингвистического империализма, выдвинутая живущим в Дании британским ученым Робертом Филлипсоном [12]. На его взгляды оказали влияние концепции империализма Дж. Гобсона, К. Каутского и В.И. Ленина. Филлипсон утверждал, что Британия некогда правила морями, но теперь ими правит английский язык: «Британская империя проложила путь империи английского языка» [Ibid. P. 1]. По мысли Филлипсона, в современном мире помимо гендерного, национального, расового, классового, существует и языковое неравенство. Наиболее яркой формой проявления последнего является лингвистический империализм. Лингвистический империализм - это социальный порядок (и соответствующие ему политика и идеология), заключающийся в доминировании английского языка как средства коммуникации в разных сферах общественной жизни человечества и обусловленные этим привилегии, касающиеся распоряжения властью и ресурсами, присваиваемыми теми, кто свободно владеет английским языком. В первую очередь, это представители народов, для которых английский является родным языком. В условиях лингвистического империализма другие языки находятся в угнетенном положении, а люди, чьим родным и / или главным языком является какой-либо другой язык, оказываются в состоянии дискриминации, т.е. ограничения возможности удовлетворять свои экономические, политические, социальные и культурные потребности [12. Р. 47]. Филлипсон развил свою концепцию в ряде трудов [13-17]. Отметим, что аналогия с империализмом уместна, поскольку английский язык подчиняет себе социокультурные пространства других языков, захватывает их человеческие ресурсы.

Финский лингвист Тове Скутнабб-Кангасс, говоря о последствиях давления английского языка на другие языки, использовала довольно резкие выражения «лингвистический геноцид» и «убийство языков» [18]. Т. Скутнабб-Кангасс и Р. Филлипсон, опираясь на идеи японского ученого Юкио Цуды, выделили два противостоящих друг другу подхода к взаимодействию английского и других языков в условиях глобализации — парадигму распространения английского языка и парадигму экологии языков (табл. 1).

Таблица 1. Парадигмы языковой политики Цуды-Скутнабб-Кангасс-Филлипсона [14. Р. 193; 18. Р. 657]

зие
-
ен-
раз-
ОГО
ира
(

Однако в условиях глобализации не только английский язык оказывает давление на другие языки мира – языки крупных народов действуют аналогично. В связи с этим надлежит вспомнить концепцию субимпериализма бразильского ученого Руя Мауро Марини, одного из видных представителей семейства концепций зависимого развития (Р. Пребиш, Ф. Кардозу, С. Амин, А.Г. Франк и др.). Марини охарактеризовал как субимпериалистические те развивающиеся страны, которые, обладая относительно крупными экономиками и мощными вооруженными силами, находились в противоречивом положении - с одной стороны, они были зависимы от ведущих капиталистических стран (США, Великобритании, Франции и т.д.) и были объектами их эксплуатации, с другой – они сами стремились подчинить себе еще более слабые развивающие страны. Примером субимпериалистической страны для Марини была Бразилия, которая зависела от США, но стремилась подчинить себе Колумбию, Боливию, Парагвай и т.д. К субимпериалистическим странам он относил также Аргентину, Израиль, Иран, Ирак, ЮАР и иные субцентры мировой капиталистической системы [19, 20].

Исходя из концепции лингвистического империализма Филлипсона и концепции субимпериализма Марини, мы образуем понятие лингвистического субимпериализма. Лингвистический субимпериализм - это явление, заключающееся в том, что языки крупных народов, находящиеся под давлением английского языка, в свою очередь сами оказывают давление на языки небольших народов, подчиняют себе их социокультурное пространство, завоевывают их людские ресурсы. В этом случае происходит то же самое, что и при лингвистическом империализме, только в более ограниченном масштабе. В этой позиции находятся, например, португальский по отношению к индейским языкам в Бразилии, русский по отношению к языкам других народов Российской Федерации (РФ) и отчасти по отношению к языкам стран постсоветского пространства, испанский по отношению к каталанскому и баскскому языкам в Испании, к индейским языкам в Латинской Америке и т.д. Лингвистический субимпериализм также приводит к языковому сдвигу. Примером могут послужить этнолингвистические процессы в Латинской Америке, где испанский язык в некоторых случаях вытесняет индейские языки [21]. Языковой сдвиг может происходить и в случае взаимодействия языков сравнительно небольших народов. Например, в Венгрии существует тенденция перехода представителей национальных меньшинств на венгерский язык [22], а в Румынии – представителей венгерского меньшинства на румынский язык [23].

Концепция Р. Филлипсона делает чрезмерный акцент на негативных аспектах экспансии английского языка. В условиях становления глобального общества лингвистический империализм и субимпериализм являются необходимыми, неизбежными и, более того, прогрессивными явлениями. Для того чтобы показать это, обратимся к анализу эмпирических данных.

Википедия как зеркало развития языков

Эмпирическое исследование, показывающее необходимость лингвистического империализма и субимпериализма в эпоху глобализации, может быть осуществлено с помощью интернета, который уже стал основной формой коммуникации и ведущим способом функционирования общественного сознания человечества. В первую очередь подспорьем, на мой взгляд, может

послужить Википедия, которая превратилась в главную энциклопедию мира и в этом качестве является объектом исследований ученых из разных стран [24, 25].

Википедия включает в себя разделы на более чем 300 языках, включая диалекты, мертвые (древнегреческий, латынь и т.д.) и искусственные языки. Это воистину мировая энциклопедия – по состоянию на 25.03.2020 в ее написании приняли участие свыше 87,9 млн человек! Мы будем исходить из того, что по степени развития разделов Википедии на разных языках мы можем судить об уровне развития и влиятельности этих языков. Чем больше развит раздел Википедии на том или ином языке, тем больше этот язык позволяет отразить богатство природного, технического и социального миров современного глобального человечества, а также многообразную деятельность людей в ходе истории. Но следует сделать важную оговорку: такой способ рассмотрения пригоден только для языков народов, для которых характерен высокий уровень урбанизации и подключения к интернету. В связи с этим данный метод применим, например, к таким языкам, как хинди, суахили, амхарский, узбекский, киргизский, лишь условно cum grano salis.

Показателями развития разделов Википедии на разных языках являются, во-первых, количество статей в разделе, во-вторых, среднее их качество (качество средней статьи). Чем больше статей содержит раздел Википедии на том или ином языке, тем в большей степени этот раздел отражает мир во всех его проявлениях. Чем выше среднее качество статей раздела, тем в большей степени потребность в информации будет удовлетворена при обращении к нему и тем выше вероятность, что пользователь в условиях растущего много-язычия не обратится к разделу на другом языке.

Данные о количестве статей разделов Википедии на разных языках мы заимствуем на ежедневно обновляемой служебной странице энциклопедии [26]. Среднее качество статей этих разделов мы можем рассчитать следующим образом. Служебная страница Википедии содержит и информацию о количестве правок, внесенных в данный раздел с момента его создания, количестве членов сообщества по развитию данного раздела с момента его создания, количестве администраторов раздела и другие сведения. На мой взгляд, чем больше правок было внесено в статью и чем больше авторов участвовало в ее написании, тем, как правило, более полной, объективной, многосторонней и разноплановой, следовательно, лучшей по качеству она будет в среднем и типическом случае. В виде математической формулы предлагаемый автором этой статьи индикатор качества средней статьи раздела Википедии на том или ином языке будет выглядеть следующим образом:

$$L = \frac{XY}{R^2}$$
, где X – количество правок, внесенных в раздел Википедии за все

время его существования, Y — количество участников сообщества по развитию раздела, R — количество статей раздела 1 . Представим полученные таким образом данные о количестве и качестве статей 20 ведущих разделов Википедии (по количеству статей), а также о скорости прироста количества статей

¹ Администрация Википедии предлагает свой критерий оценки качества статей, именуемый «глубиной», но, на мой взгляд, методика, используемая при его вычислении, довольно несовершенна, что приводит к тому, что по качеству статей лидируют английский, сербохорватский, вьетнамский разделы.

этих разделов с 17.10.2016 по 25.03.2020 (табл. 2). Данные, касающиеся качества статей, округлены до двух значений после запятой, данные о среднесуточном приросте количества статей – до целых значений. Языки Википедии ранжированы по количеству статей на них.

Таблица 2. 20 ведущих национальных разделов Википедии по количеству статей по состоянию
на 25.03.2020*

Ранг	Язык Количество статей		Индикатор качества средней статьи, балл	Среднесуточный прирост раздела с 17.10.2016 по 25.03.2020, статьи
	Английский	6 041 317	997,03	620
	Себуанский	5 378 525	0,07	1849
	Шведский	3 736 864	2,44	124
	Немецкий	2 411 711	115,59	338
	Французский	2 193 156	130,72	310
	Нидерландский	2 002 722	14,72	99
	Русский	1 607 394	111,11	207
	Итальянский	1 591 730	85,83	227
	Испанский	1 585 094	284,41	235
	Польский	1 397 154	30,82	166
	Варайский	1 263 978	0,17	2
	Вьетнамский	1 242 281	28,24	74
	Японский	1 196 463	86,08	130
	Китайский	1 106 264	139,27	160
	Арабский	1 035 228	76,83	469
	Португальский	1 025 591	130,49	68
	Украинский	1 000 957	13,67	275
	Персидский	715 977	50,20	165
	Каталанский	640 463	19,63	94
	Сербский	631 600	15,05	н/д
На вс	ех языках Вики-			
педии	f	52 286 531	87,54	н/д

^{*} Составлено и подсчитано по: [26].

Англоязычная Википедия значительно превосходит все другие разделы по объему – статьи на английском языке на составляли 11,55% от общей массы статей Википедии на всех языках. Еще более разительным выглядит превосходство англоязычного раздела по качеству статей. Английская Википедия серьезно опережает практически все другие разделы и по скорости приращения объема. Без сомнения, это обусловлено не только многочисленностью и высоким уровнем развития англоговорящих народов, но и статусом английского языка как глобального: англоязычный раздел развивают не только те, для кого английский является родным языком, но и те, кто им владеет как вторым языком. В силу этого разделы Википедии даже на таких влиятельных языках, как немецкий, французский, русский, испанский, никогда не сравняются с разделом на английском языке. Это означает, что любой современный человек в поисках информации энциклопедического характера в интернете непременно будет в той или иной степени обращаться к англоязычному разделу, что поисковая политика пользователей Википедии будет, по крайней мере, билингвальной, опираясь не только на родной, но и на английский язык. Это в свою очередь говорит о становлении в современном мире многослойной языковой личности, для которой характерна ориентация на поиск информации разной тематики на разных языках.

К группе наиболее влиятельных (после английской) относятся — если использовать показатели количества и качества статей совокупно — Википедии на немецком, французском, русском, испанском, китайском и португальском языках. Все эти языки располагают разделом в Википедии объемом не менее 100 тыс. статей и со средним качеством статей не менее 100 баллов. Определим эти языки как великие языки, т.е. языки, играющие очень важную роль в современном мире, хотя и уступающие по влиятельности английскому языку. К великим языкам приближаются, несколько уступая им по качеству статей, итальянский, японский и арабский. Остальные языки отстают существенно — либо по количеству, либо по качеству, либо по обоим показателям.

По качеству статей на втором месте среди всех Википедий находится испанская Википедия, что вполне логично, поскольку она развивается гражданами не только Испании, но и почти всей Латинской Америки, а также испаноязычной общиной США.

Относительно скромные показатели китайской Википедии объясняются просто: жители Китая пользуются в первую очередь не Википедией, а энциклопедией Байду (Байдупедией) — интернет-энциклопедией, которая интегрирована с китайской поисковой системой Baidu. В силу этого китайская Википедия развивается китайскими авторами лишь во вторую очередь.

Примечательно, что вторым языком Википедии по числу статей оказывается себуанский, один из языков Филиппин. Огромное количество статей и очень высокий суточный прирост количества статей уравновешивается крайне низким качеством статей. Это заставляет предполагать так называемую ботозаливку, т.е. взрывное увеличение раздела посредством закачки с помощью специальных программ статей, чаще всего небольших, из бумажных энциклопедий. В этом случае последующая работа по совершенствованию статей Википедии практически не осуществляется. Очевидно, что появившиеся таким образом в корпусе Википедии статьи содержат незначительную по объему, неполную, устаревшую или недостоверную информацию, т.е. информацию, которая не может удовлетворить потребности людей. В этом случае развитие раздела Википедии является сугубо формальным. Это означает, что филиппинцы, которые ищут информацию на себуанском языке, будут, не мешкая, уходить к другим разделам Википедии, скорее всего — к английскому. Раздел на варайском языке, еще одном языке Филиппин, аналогичен.

Высокие позиции по количеству статей у шведской (3-е место) и нидерландской Википедий (6-е место) при одновременном низком их качестве, скорее всего, также говорит о ботозаливке. Низкое качество статей шведского и нидерландского разделов Википедии свидетельствует, на мой взгляд, о том, что шведы и нидерландцы, известные высоким уровнем англоязычия, обращаются в первую очередь к Википедии на английском языке и, возможно, участвуют в ее развитии более энергично, чем в развитии разделов на своих языках.

Википедиям на великих языках существенно уступили Википедии других языков мира — индонезийском (524 080 статей и 69,76 балла за среднее качество статей), корейском (489 278 / 66,69), финском (481 220 / 36,06), венгерском (466 862 / 45,11), чешском (448 994 / 44,38), румынском (405 230 / 41,67), турецком (345 203 / 210,04), иврите (260 925 / 249,23), датском (257 881 / 58,04), хорватском (216 172 / 27,42), хинди (137 438 / 131,64),

греческом (175 345 / 78,72) языках и т.д. Очевидно, что в силу такого существенного отставания представители соответствующих народов будут обращаться к Википедиям на английском или на великих языках.

Безусловно, количественные показатели разделов Википедии со временем будут изменяться и, вероятно, некоторые из них, занимающие ныне скромные позиции, смогут приблизиться к группе разделов на великих языках. Это будет означать рост влиятельности соответствующих языков. Но Википедиям на некоторых языках (польском, украинском, каталанском или сербском) это будет сделать чрезвычайно сложно, поскольку разделы Википедии на великих языках развиваются довольно быстро.

Лингвистический субимпериализм на постсоветском пространстве

Рассмотрим лингвистический субимпериализм на постсоветском пространстве сквозь призму языковых разделов Википедии. Выше была рассмотрена украинская Википедия. Выведем за пределы рассмотрения туркменский язык, поскольку раздел на этом языке был весьма незначительным, насчитывая всего 5 670 статей, а также молдавский (в Википедии нет молдавского раздела, но есть румынский). Языки ранжированы по количеству статей в соответствующем разделе Википедии (табл. 3).

Ранг	Язык	Количество статей	Индикатор качества статей, балл	Среднесуточный прирост раздела с 26.11.2018 по 25.03.2020, статьи
	Армянский	266 527	9,19	37
	Казахский	226 316	5,12	7
	Эстонский	206 915	17,94	48
	Литовский	198 679	20,63	13
	Белорусский	186 963	9,59	57
	Азербайджанский	156 799	39,88	н/д
	Грузинский	135 820	24,68	21
	Узбекский	134 546	5,91	н/д
	Латышский	100 687	28,21	23
	Таджикский	100 630	3,13	н/д
	Киргизский	79 777	1,40	1

Таблица 3. Разделы Википедии на языках стран постсоветского пространства по состоянию на 25.03.2020

Википедии на языках стран постсоветского пространства по всем параметрам серьезно уступают не только англоязычному разделу интернетэнциклопедии, но и разделам на великих языках, включая русский. Лучшая по качеству тройка Википедий – азербайджанская, латышская и грузинская – очень далека от того, чтобы приблизиться к русской Википедии. Низкое качество казахской, узбекской, таджикской и киргизской Википедии заставляет подозревать «ботозаливку». Ряд Википедий бывших советских народов сопоставимы или даже немного превосходят греческую по числу статей, но по качеству статей значительно ей уступают. Если разделы Википедии на русском и других великих языках никогда не догонят англоязычную Википедию, то разделы Википедии на языках народов бывших советских республик никогда не догонят Википедию на русском языке. Это означает, что граждане

^{*} Составлено и подсчитано по: [26].

постсоветских республик будут вынуждены обращаться либо к Википедии на русском языке, либо к Википедиям на других великих языках, скорее всего, к англоязычной. Дистанцирование от РФ стран Прибалтики и Закавказья означает в рассматриваемом нами контексте то, что их жители будут ориентированы на использование английской Википедии, а не русской.

Лингвистический субимпериализм в России

Рассмотрим лингвистический субимпериализм в РФ. Вначале обратимся к анализу разделов Википедии на языках народов РФ (русский раздел был рассмотрен выше). В большинстве случаев они весьма невелики по объему. Например, по состоянию на 26.03.2020 якутская Википедия включала в себя 12 208 статей, осетинская — 12 014, горномарийская — 10 271, крымскотатарская — 7 107, эрзянская — 5 901, удмуртская — 4 855, аварская — 2 423, бурятская — 2 162, калмыцкая — 2 083, карачаево-балкарская — 2 035, тувинская — 1 971 статью. В этом случае не имеет смысла вычислять среднее качество статей на этих языках, ибо предложенный выше способ его вычисления является эффективным при наличии большой массы статей. Сколько-нибудь заметное количество статей характерно только для чеченской, татарской, башкирской и чувашской Википедий, и поэтому мы рассмотрим их показатели (табл. 4). Языки ранжированы по количеству статей на них в Википедии.

Язык	Количество статей, ед.	Индикатор качества средней статьи раздела, баллы	Среднесуточный прирост раздела с 26.11.2018 по 25.03.2020, статьи
Чеченский	254 194	1,67	н/д
Татарский	89 102	10,03	15
Башкирский	51 333	9,74	12
Чувашский	42 743	9,52	3

Таблица 4. Разделы на языках ряда народов РФ в Википедии по состоянию на 25.03.2020

Разделы на чеченском, татарском, башкирском и чувашском языках развиваются с колоссальным отставанием от русской Википедии и по количеству, и по качеству статей, и по скорости приращения объема разделов. Очень низкий уровень качества статей чеченской Википедии говорит о том, что их внушительный объем был достигнут посредством «ботозаливки». Татарский раздел Википедии, будучи сопоставимым по числу статей с латышским, значительно уступает ему по качеству. При этом татарская Википедия опережает по обоим показателям свой киргизский аналог.

Ограниченность количественных и качественных параметров Википедий на языках народов РФ делает неизбежным то, что представители этих народов при поиске информации в интернет-энциклопедии будут использовать в первую очередь русскую Википедию. Википедии на языках народов РФ никогда не смогут заменить для представителей этих народов русскую Википедию, но они будут сохранять для них нишевое значение — будут востребованы при поиске информации о реалиях, которые имеют отношении к бытию данных народов и не отражены или плохо отражены в русской Википедии (национальная культура, история, выдающиеся деятели, населенные пункты, географические объекты).

^{*} Составлено и подсчитано автором по: [26].

Для конкретизации положения о необходимости и неизбежности лингвистического субимпериализма рассмотрим этнолингвистические ориентации народов республик РФ. Для этого используем возможности, которые дает самая популярная в РФ социальная сеть «ВКонтакте». Пользователи этой сети, помещая информацию о себе, указывают и языки владения (общения). В качестве индикатора этнолингвистических ориентаций населения определенных территорий используем отношение численности тех, кто указал родной и русский языки.

Наибольший интерес предоставляет население сельской местности, поскольку именно здесь в большей степени, чем в городах, сохраняются традиционные образ жизни, культура и языковые практики. Для выяснения закономерностей в чистом виде отберем те республики РФ, в состав которых входят сельские районы, удовлетворяющие следующим условиям: во-первых, полное отсутствие городов, во-вторых, титульное население должно составлять не менее 85% (по переписи 2010 г.), в-третьих, таких районов должно быть не менее двух, в-четвертых, численность пользователей ВКонтакте должна быть сопоставима с численностью населения района. Речь идет о районах, где практически все представители титульной национальности владеют своим родным языком, где этот язык доминирует и где нередко представители иных национальностей его также знают. Этим четырем условиям из всех республик РФ удовлетворяют только Башкирия, Татарстан, Тува, Чувашия и Якутия.

Башкирия представляет собой особый случай в связи с тем, что титульным народом в этой республике считаются башкиры, но значительной частью ее населения являются, наряду с русскими, татары. В республике можно выделить башкироязычные (юго-восточные) и татароязычные (северо-западные) районы. На Северо-Западе Башкирии родным для большинства населения является не титульный и не русский, а татарский язык. И среди башкироязычных, и среди татароязычных районов республики обнаруживаются такие, которые удовлетворяют вышеуказанным четырем условиям. В остальных четырех республиках родной язык населения выделенных районов полностью совпадает с титульным языком.

В силу вышесказанного список выделенных районов названных республик будет выглядеть так: Башкирия (башкироязычные районы: Абзелиловский, Бурзянский¹, татароязычные районы: Буздякский, Бураевский, Илишевский, Чекмагушевский²), Татарстан (Атнинский, Актанышский, Апастовский, Балтасинский, Муслюмовский, Сабинский, Сармановский, Тюлячинский районы)³, Тува (Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Монгун-Тайгинский, Овюрский, Сут-Хольский, Тес-Хемский, Чаа-Хольский, Чеди-Хольский, Эрзинский кожууны)⁴, Чувашия (Вурнарский, Урмарский, Яльчикский районы)⁵ и Якутия (Амгинский, Верхневилюйский, Горный, Мегино-Кангаласский, Намский, Сунтарский, Чурапчинский улусы)⁶.

¹ Совокупное население 2 районов в 2017 г., согласно Википедии – 61,52 тыс. чел.

 $^{^{2}}$ Совокупное население 4 районов в 2017 г. – 110,28 тыс. чел.

 $^{^{3}}$ Совокупное население 8 районов в 2019 г. – 194,77 тыс. чел.

 $^{^4}$ Совокупное население 10 районов в 2018 г. -93,38 тыс. чел.

⁵ Совокупное население 3 районов в 2017 г. – 72,54 тыс. чел.

 $^{^{6}}$ Совокупное население 7 районов в 2018 г. – 150,45 тыс. чел.

Этнолингвистические ориентации населения выделенных районов рассмотрим сквозь призму возрастных различий, выделив следующие возрастные когорты: 1) младшую молодежную (14–23 лет), 2) старшую молодежную (24–33), 3) младшую зрелую (34–43), 4) старшую зрелую (44–53) лет и 5) пожилую (54–80 лет). Представим полученные данные (табл. 5).

•	-				•	
Doorwing (neverance no November 1)	Возрастные когорты, лет					
Республика (выделенные районы)	14-23	24-33	34-43	44-53	54-80	Bce
Башкирия (башкироязычные районы) (башкирский язык)	0,79	0,76	0,84	0,87	0,89	0,80
Башкирия (татароязычные районы) (татарский язык)	0,58	0,60	0,60	0,63	0,74	0,60
Башкирия (татароязычные районы) (башкирский язык)	0,22	0,12	0,09	0,11	0,11	0,15
Татарстан	0,76	0,73	0,75	0,84	0,91	0,77
Чувашия	0,43	0,42	0,43	0,52	0,48	0,43
Тува	0,73	0,63	0,57	0,68	0,60	0,67
Якутия	0,83	0,81	0,76	0,73	0,71	0,81

Таблица 5. Соотношение указания родного (титульного) и русского языков пользователями ВКонтакте из сельских районов Башкирии, Татарстана, Чувашии, Тувы и Якутии*

В республиках РФ даже на территориях с очень сильными позициями локальных языков ориентация на русский язык преобладает над ориентацией на родной язык. Ориентация на родной язык является относительно высокой в Якутии, башкироязычных районах Башкирии и в Татарстане. В Чувашии она невысока. Среднее положение занимает Тува и татароязычные районы Башкирии. Примечательно, что в Башкирии, Татарстане и Чувашии ориентация на русский язык у молодых возрастных когорт выше, чем у старших. При этом ориентация на родной язык у младшей молодежной когорты несколько превышает показатель старшей молодежной (в случае Чувашии это едва заметно). В отличие от этого в Якутии и Туве ориентация на родной язык у молодежных когорт выше, чем у когорт среднего и пожилого возраста. Можно предполагать, что определенную роль в росте ориентации на родной (титульный) язык в этих пяти республиках сыграло то, что его изучение в качестве государственного было обязательным в школах республик до 2018 г. В татароязычных районах Башкирии ориентация на башкирский язык незначительна, заметно уступая ориентации на татарский и русский языки. При этом она у младшей возрастной когорты пользователей из татароязычных районов превосходит показатели всех других когорт, что также объясняется обязательностью его изучения как государственного в 2006-2018 гг. (татарский язык в этих районах изучался и изучается как родной).

Многие языки народов РФ занимают прочные позиции в семейнобытовой сфере соответствующих республик. Они частично присутствуют в экономике, политике, образовании, культуре, шоу-бизнесе, СМИ, интернете и социальных сетях. Но наше исследование показывает, что в ведущих сферах общественной жизни языки республик РФ на «своих» территориях заметно уступают русскому языку. Об этом говорит также и то, что в социальных сетях, например, во ВКонтакте, Фейсбуке и Telegram наиболее крупными из числа полностью на языках народов РФ являются группы, посвященные национальной музыке, тогда как группы, касающиеся политиче-

^{*} Подсчет автора по данным на 25-27.11.2018 по: [27].

ских, социальных и экономических проблем соответствующих республик и народов, являются либо русскоязычными, либо двуязычными. В этом случае мы должны констатировать, что языковой сдвиг произошел. У народов республик РФ преобладает ориентация на русский язык в силу того, что он по функциональности превосходит локальные языки.

Наше исследование как Википедий на языках народов РФ, так и этнолингвистических ориентаций сельской глубинки российских республик показало, что лингвистический субимпериализм - это необходимое и в целом позитивное явление, обусловленное не только закономерностями приобщения к русской культуре – одной из наиболее влиятельных культур мира, но и закономерностями восприятия культуры всего человечества. Созданная за многие века мировая культура усваивается сквозь призму либо английского, либо одного из великих языков. В РФ, а также в ряде постсоветских государств в качестве такого посредника, естественно, выступает русский язык. Аристотель, Данте, Шекспир, Кальдерон, Гегель, Бальзак и Борхес «приходят» к татарам, чувашам, башкирам, чеченцам, якутам, равно как ко многим представителям народов постсоветских государств, как правило, на русском языке. Богатство мировой культуры человечества невозможно полностью перевести на языки небольших народов. Подобно тому как английский язык является достоянием всего человечества, а не только англоязычных народов, так же и русский язык принадлежит не только русским, но и всем народам РФ и постсоветского пространства. В соответствии с этим Википедия на русском языке развивается не только русскими, но и теми, для кого русский стал вторым языком, что на ином уровне соответствует случаю англоязычной Википедии, статьи для которой пишет весь мир.

Лингвистический субимпериализм в Испании

Еще одной страной, для которой характерен лингвистический субимпериализм, может послужить Испания. В период господства франкизма (1939-1975) каталанский, баскский и другие языки национальных меньшинств подвергались дискриминации, будучи изгнанными из государственного управления, из официальной системы образования и других значимых сфер общественной жизни и оказавшимися вытесненными в семейно-бытовую сферу и немногие частные или даже подпольные школы. Демократические изменения, закрепленные в Конституции 1978 г., сделали Испанию многоязычной страной. В Испании, помимо общегосударственного испанского (кастильского), официальным статусом обладают каталанский (в Каталонии, Валенсии, на Балеарских островах), баскский (в Земле басков), галисийский (в Галисии), окситанский или аранский языки (в Каталонии). В результате проводимой властями сообществ языковой политики этнолингвистическая ситуация изменилась – произошел переход от диглоссии к билингвизму. Особый интерес представляет этнолингвистическая ситуация в двух автономных сообществах - Каталонии и Стране Басков, для которых характерны высокий уровень национального самосознания и большое внимание к своим языкам.

Наиболее энергично политика возрождения и продвижения языка осуществлялась и осуществляется в Каталонии – одном из самых развитых и богатых регионов Испании. С 1979 г. каталанский и испанский являются официальными» языками Каталонии, причем каталанский считается исконным

языком сообщества; официальным на части территории региона является и окситанский (аранский) язык¹. Таким образом, де-юре у каталанского даже более высокий статус, чем у испанского.

Особенностью Каталонии, влияющей на лингвистическую ситуацию в этом сообществе, является ее значительная этническая гетерогенность, которая к тому же растет. Сюда, начиная с 1950-х гг., прибыло много мигрантов из других регионов Испании (в основном из более бедных Андалусии и Эстремадуры), а после 1990-х гг. - из Латинской Америки (в основном из Эквадора, Перу, Аргентины, Боливии, Колумбии), из Африки (главным образом из Марокко), из Восточной Европы (в первую очередь, из Румынии, Украины и Болгарии), из стран Азии. При этом, как отмечают исследователи, иммигранты из испаноязычных стран Латинской Америки менее ориентированы на овладение каталанским, чем приезжие из других регионов мира. В результате иммиграции в Каталонии испаноязычные численно преобладают над каталаноязычными. Если считать этническим каталонцем того, кто называет своим родным языком каталанский язык или же каталанский наряду с испанским, то в 2018 г. в Каталонии таковых было совокупно 34,3%; если же тех, кто указал на каталанский или оба языка как на язык идентичности, то таких было совокупно 43,2% жителей сообщества [29]. Испанский доминирует над каталанским в крупных городах и приморской зоне: 27,8% жителей Барселоны называют своим повседневным языком каталанский язык, тогда как 60% – испанский [30. Р. 14]. Каталанский язык более укоренен в сельской местности и небольших городках региона.

Благодаря усилиям Женералитата Каталонии² и каталонской общественности с 1980-х гг. произошел рост каталофонии, и каталанский язык теперь доминирует в органах государственной власти и общественных службах и играет важную роль в системе образования. «Каталанизация» системы образования заключается в том, что в детсадах и начальных классах обучение осуществляется в основном на каталанском, старшие классы средних школ билингвальны. Программы школ Каталонии предполагает, что их выпускники должны свободно владеть обоими языками независимо от того, какой язык используется в их семьях. При этом тесты на знание испанского языка показывают, что школьники Каталонии знают его на уровне своих сверстников из других регионов Испании, где обучение ведется только на испанском [34. Р. 157]. В университетах используются и каталанский и испанский языки при некотором преимуществе второго. Женералитат проводит политику интеграции иммигрантов, согласно которой каталонцем считается тот, кто живет и работает в Каталонии, владеет каталанским языком и разделяет культуру и ценности каталонского общества. В число каталафонов входят и те, кто не

¹ Статья 6 Устава Каталонии (Закон от 19.07.2006) гласит: «1. Языком Каталонии является каталанский язык. В этом качестве он является языком нормального и предпочтительного использования в органах общественного управления и СМИ Каталонии, а также языком нормального использования при преподавании и обучении в системе образования. 2. Каталанский язык, наряду с испанским языком, является официальным языком Каталонии. Все люди имеют право использовать оба официальных языка, и граждане Каталонии имеют право и обязаны знать их» [28]. Эта же статья провозглашает окситанский язык языком Арана и еще одним официальным языком Каталонии, а также запрещает дискриминацию по поводу какого-либо из языков сообщества.

² Высший орган самоуправления Каталонии, включающий в себя президента, правительство и парламент сообщества.

является этническим каталонцем от рождения, среди них – люди разных поколений.

Овладение каталанским языком является средством ускорения восходящей социальной мобильности, а знание каталанского выступает как символический капитал. Каталонские исследователи А. Амаркон и Л. Гарсон замечают: «Каталанский язык — это вход на арену, с которой управляют жизнью Каталонии и каталонской политикой» [31. Р. 145]. Вместе с тем в сфере экономики, деятельности правоохранительных органов и СМИ испанский язык и поныне обладает более сильными позициями, чем каталанский. Например, в начале 2010-х гг. тексты только 12,2% судебных приговоров в Каталонии были написаны на каталанском языке [32. Р. 40]. Каталонская исследовательница Е.Х. Оласабаль указывает, что «частный сектор рассматривает знание каталанского языка в позитивном свете — как преимущество на рынке труда, но не как необходимый культурный капитал, который имел бы решающее значение» [33. Р. 229].

Неизбежный в условиях глобализации рост влияния английского, французского, китайского и других великих языков — что отражает и система образования Каталонии, — а также превращение Барселоны и приморской зоны Каталонии в один из центров мирового туризма приводят к тому, что каталанский в Каталонии оказывается вынужденным конкурировать не только с испанским языком, но и со многими другими языками мира.

Для рассмотрения этнолингвистической ситуации в Каталонии обратимся к статистическим данным Женералитата об использовании каталанского и испанского языков на территории сообщества в XXI в. (табл. 6).

g	Φ	Год				
Язык	Функция	2003	2008	2013	2018	
	Родной язык	36,2	31,6	31,02	31,5	
Каталанский	Язык идентичности	44,3	37,2	36,38	36,3	
	Повседневный язык	46,0	35,6	36,29	36,1	
	Родной язык	56,1	55,0	55,14	52,7	
Испанский	Язык идентичности	47,5	46,5	47,55	46,6	
	Повседневный язык	47,2	45,9	50,73	48,6	
	Родной язык	2,5	3,8	2,44	2,8	
Оба языка	Язык идентичности	5,0	8,8	7,0	6,9	
	Повседневный язык	4,7	11,9	6,82	7,4	

Таблица 6. Динамика функций каталанского и испанского языков в языковых практиках жителей Каталонии с 2003 по 2018 г. [29]

Мы видим, что с 2003 по 2018 г. в Каталонии позиции каталанского языка ухудшились с точки зрения всех трех функций. Испанский язык в качестве родного языка и языка идентичности ослаб, а в качестве повседневного — немного окреп. Очевидно, что это обусловлено притоком иммигрантов со всего мира. Правда, если рассматривать динамику с 2008 по 2018 г., то позиции каталанского языка выглядят в целом стабильными. Эти данные убедительно показывают, что испанский язык в Каталонии чувствует себя более уверенно, чем каталанский. Фактический статус каталанского, в отличие от юридического, ниже, чем статус испанского языка.

В Стране Басков к началу постфранкистской демократизации уровень языковой ассимиляции был более высоким, чем в Каталонии. В начале 1990-х гг. в Стране Басков баскский язык не понимали 54% жителей, тогда как в Катало-

нии каталанский не понимали только 4% граждан этого сообщества [35. Р. 149]. Трудности освоения баскского языка были связаны и с тем, что он, в отличие от каталанского, не относится к числу романских языков, и овладеть им испаноязычным не так просто. Но все же политика властей Басконии по возрождению баскского языка принесла свои плоды.

Баскский язык ныне используется во всех сферах общественной жизни Страны Басков. В результате «баскизации» системы образования выросло число баскофонов: число свободно владеющих баскским языком выросло с 24% в 1991 г. до 33,9% в 2016 г., а среди молодежи 16-24 лет - с 25 до 71,4%. В Басконии для 50% баскофонов этот язык является первым языком, 13,2% из них – билингвы с рождения, и для 36.8% этот язык – второй [36. Р. 217–218]. В Басконии был созданы школы трех типов (А, В и D): обучение в школах типа А предполагает изучение почти всех предметов на испанском языке (за исключением баскского и английского языков), школы типа В являются смешанными, в школах типа D почти все предметы изучаются на баскском языке (за исключением математики, испанской литературы, испанского и английского языков). В период с 1983 по 2012 г. выросла популярность баскских и смешанных школ, причем особенно резко - баскских, и теперь баскские школы намного более популярны в Басконии, чем испанские (перелом произошел в 1999 г.), а смешанные равны по популярности испанским [37. Р. 16]. Характеризуя ситуацию в середине 2010-х гг., баскские ученые О. Леонет, Ж. Кеноз и Д. Гортер пишут: «Сегодня баскский язык является основным языком преподавания в Земле басков на всех уровнях начальной и полной средней школы. Дети из семей с баскским языком учатся в основном на баскском языке, а также большинство детей из семей с испанским языком изучают все или часть предметов на баскском языке» [36. Р. 217]. Мотивы, по которым даже семьи с домашним испанским языком предпочитают для своих детей обучение на баскском языке, связаны с тем, что этот язык рассматривается как составная часть баскской идентичности (даже если язык утерян в этой семье), а также с тем, что владение им улучшает шансы на рынке труда. Баскский язык активно используется также при обучении на всех специальностях в университетах Басконии. Многие студенты сдают вступительные экзамены на баскском, на нем же пишутся дипломные и диссертационные работы в разных областях науки [Ibid. Р. 218]. Таким образом, баскский язык в системе образования Басконии официально занимает более сильные позиции, чем испанский. Примечательно, что, как и в случае Каталонии, тесты показывают знание испанского языка выпускниками школ Басконии на уровне их сверстников из регионов страны, где преподавание осуществляется только на испанском языке.

Однако несмотря на достигнутые успехи, баскский язык в Басконии остается миноритарным языком, и позиции испанского языка в этом автономном сообществе намного сильнее. Только 13,4% жителей этого сообщества используют баскский язык чаще, чем испанский, и 7,1% используют его столь же часто, как и испанский, остальные используют баскский язык мало или же не используют совсем [36. Р. 218]. В 2016 г. лишь 33,9% населения Басконии было билингвальным, тогда как 47% совершенно не говорили на баскском языке [Ibid. Р. 217]. Студенты, которые обучаются на баскском языке, общаются друг с другом главным образом по-испански, потому что, во-

первых, знают испанский лучше и, во-вторых, испанский является языком большинства [36. Р. 218]. (В республиках РФ «титульное» население, в первую очередь, молодежь, также использует русский язык нередко более активно, чем родной язык.)

Глобализация привела к тому, что система образования Басконии стала трехязычной, поскольку английский язык изучается с детского сада. Иммиграция (в 2016 г. иммигранты составляли в Басконии 8,6% населения) способствует усилению позиций испанского языка, поскольку многие иммигранты прибывают из Латинской Америки. (В республиках РФ гастарбайтеры из Средней Азии также ориентированы на овладение русским языком и прохладно относятся к изучению титульных языков.) В Земле басков языковая политика властей исходит из того, что в современных условиях формируются мультилингвальные идентичности граждан.

Обратимся к данным о каталанском (см. табл. 2) и баскском разделах Википедии. Баскская Википедия содержит 352 405 статей, среднее качество статьи — 6,87 балла (по данным за 25.03.2020). Примечательно, что каталанский и баскский разделы Википедии по количеству статей значительно превосходят Википедии на всех языках постсоветского пространства, кроме русского и украинского. По качеству статей каталанская Википедия превосходит все Википедии народов бывшего СССР, кроме русской, литовской, грузинской, азербайджанской и латышской. Баскская Википедия по качеству статей заметно уступает Википедиям на языках бывших союзных республик СССР, кроме среднеазиатских, а также немного отстает от татарской, башкирской и чувашской Википедий. Заметим, что баски, говорящие по-баскски, сопоставимы по численности с чувашеязычными чувашами и башкироязычными башкирами.

Разделы Википедии на каталанском и на баскском языках и по количеству и по качеству статей не могут соперничать с испаноязычной Википедией. В силу всеобщего распространения испанского языка в Каталонии и Басконии каталофоны и баскофоны неизбежно будут обращаться в первую очередь к испанской Википедии, тогда как Википедии на их языках будут иметь для них дополнительное, нишевое значение. Пример Каталонии и Страны Басков показывает, что даже в случае проведения государством и общественностью многолетней эффективной политики по продвижению локального языка результатом является не смена доминирующего языка, а билингвизм (мультилингвизм в условиях глобализации), причем локальный (каталанский или баскский) язык никогда не сможет в полной мере конкурировать с великим (испанским) языком в силу превосходства последнего в функциональности.

Заключение

Коммуникативные потребности объединяющегося человечества и, следовательно, победное шествие английского языка и великих языков в условиях глобализации делают лингвистический империализм и лингвистический субимпериализм абсолютно неизбежными явлениями. Если воспользоваться аналогией, опирающейся на мир-системный анализ И. Валлерстайна, то английский язык выступает как центр, великие языки – как полупериферия, а все остальные языки – как периферия глобального

языкового пространства. При этом внутри этой периферии также существует иерархия.

Вместе с тем не подлежит сомнению то, что языковое многообразие представляет собой огромное богатство современного мира. Признавая колоссальные возможности, предоставляемые глобальным английским языком, следует дорожить и великими языками. Признавая огромные возможности, связанные с владением великими языками, следует дорожить и более скромными языками небольших народов. Нередко последние обладают лексическими и грамматическими преимуществами в способности отражать мир, которые отсутствуют даже у более мощных и влиятельных языков. Например, языки народов Севера содержат обилие слов, выражающих оттенки белого цвета, а языки народов, живущих в джунглях, - оттенки зеленого цвета. Язык каждого народа является одним из оснований его неповторимого духовного космоса, и исчезновение языка означает потерю этого богатства всем человечеством. Кроме этого, необходимо помнить о благотворном влиянии билингвизма (и трилингвизма) на интеллектуальное развитие детей.

В свете сказанного идеал многообразия языков, который отстаивает парадигма экологии языков Цуды-Скутнабб-Кангасс-Филлипсона, следует воспринимать так же, как в философии И. Канта рассматривалось бытие бога: с одной стороны, оно недоказуемо, с другой – выступает как постулат практического разума. Равным же образом сохранение языкового многообразия трудноосуществимо, но на этом принципе должна быть построена языковая политика государств в эпоху глобализации. Воплощением этого идеала может послужить становление многослойных языковых личностей (русскоанглийского, чувашско-русско-английского, каталано-испано-английского и многих других типов). Человечеству еще предстоит решить задачу сохранения языкового многообразия в условиях становления глобального общества.

Литература

- 1. Brutt-Griffler J. World English. A Study of its Development. Clevedon: Multilingual Matters, 2002.
- 2. Salomone R. The rise of global English. Challenges for English-medium instruction and language rights // Language Problems & Language Planning. 2015. Vol. 39, is. 3. P. 245–268.
- 3. Ives P. "Global English": Linguistic Imperialism or Practical Lingua Franca? // Studies in Language & Capitalism. 2006. № 1. P. 121–141.
- 4. Song J.J. English as an official language in South Korea. Global English or social malady? // Language Problems & Language Planning. 2011. Vol. 35, № 1. P. 35–55.

 5. Crystal D. English as a Global Language. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University
- Press, 2003.
 - 6. Veltman C. Language Shift in the United States. Berlin: Mouton, 1983.
- 7. Fishman J. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
- 8. Mesthrie R. English in language shift. The history, structure and sociolinguistics of South African Indian English. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- 9. Djité P.G. Shifts in linguistic identities in a global world // Language Problems & Language Planning. 2006. Vol. 30, is. 1. P. 1–20.
- 10. Pauwels A. Language Maintenance and Shift. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- 11. Harrison K.D. When Languages Die. The Extinction of the World's Languages and the Erosion of Human Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2007.
 - 12. *Phillipson R.* Linguistic imperialism. Oxford: Oxford university press, 1992.

- 13. *Phillipson R*. Globalizing English: are linguistic human rights an alternative to linguistic imperialism? // Language sciences. 1998. Vol. 20, № 1. P. 101–112.
- 14. *Phillipson R*. English for globalisation or for the world's people? // International Review of Education. 2001. Vol. 47, № 3–4. P. 185–200.
- 15. *Phillipson R.* Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalisation // World Englishes. 2008. Vol. 27, № 2. P. 250–267.
- 16. *Phillipson R*. English in Globalization: Three Approaches // Journal of Language, Identity & Education. 2004. Vol. 3, № 1. P. 73–84.
- 17. Phillipson R. Myths and realities of «global» English // Language policy. 2017. № 17. P. 313–331.
- 18. Skutnabb-Kangas T. Linguistic genocide in education or worldwide diversity and human rights? Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 2000.
- 19. Marini R.M. The Paths of Latin American Integration // Social Justice. 1992. Vol. 19, № 4 (50). P. 34–47.
- 20. Valensia A.S. Sub-Imperialism Revisited. Dependency Theory in the Thought of Ruy Mauro Marini. Leiden, Boston: Brill, 2017.
- 21. *The Indigenous* Languages of South America. A Comprehensive Guide / ed. by L. Campbell and V. Grondona. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012.
- 22. *Borbély A.* Studying sustainable bilingualism: comparing the choices of languages in Hungary's six bilingual national minorities // International Journal of the Sociology of Language. 2015. Issue 236. P. 155–179.
- 23. Borbély A. Sustainable bilingualism and language shift. Longitudinal research in Romanian Hungarian bilingual Kétegyháza (Hungary) // Acta Linguistica Hungarica. 2016. Vol. 63, № 1. P. 23–61
- 24. Lund A. Wikipedia, Work and Capitalism. A Realm of Freedom? Lund : Palgrave Macmillan, 2017.
- 25. Leveraging Wikipedia. Connecting Communities of Knowledge / ed. by M. Proffitt. Chicago: ALA Editions, 2018.
- 26. Википедия: Список Википедий. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Список_Википедий (дата обращения: 25.03.2020).
- 27. Вконтакте: люди. URL: https://vk.com/search?c%5Blang%5D=-1&c%5Bper_page%5D=40&c%5Bphoto%5D=1&c%5Bsection%5D=people (дата обращения: 27.11.2018).
- 28. Organic Act 6/2006 of the 19th July, on the Reform of the Statute of Autonomy of Catalonia. URL: https://www.parlament.cat/document/cataleg/150259.pdf (assessed: 22.03.2020).
- 29. Language Uses of the Population. By linguistic identification and most frequent languages. URL: http://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=803&lang=en&t=2018 (assessed: 25.03.2020).
- 30. Codo E. Lifestyle residents in Barcelona: a biographical perspective on linguistic repertoires, identity narrative and transnational mobility // International Journal of the Sociology of Language. 2018. Vol. 250. P. 11–34
- 31. Language, Migration and Social Mobility in Catalonia / Ed. by Amado Alarcón and Luis Garzón. Leiden, Boston: Brill, 2011.
- 32. Vargas-Urpi M. Official bilingualism meets de facto multilingualism: public service interpreting for the Chinese in Catalonia // International Journal of the Sociology of Language. 2018. Vol. 251. P. 37–54.
- 33. *Democratic* Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan / ed. by M. Strubell and E. Boix-Fuster. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- 34. Woolard K.A. Singular and Plural. Ideologies of Linguistic Authority in 21st Century Catalonia. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- 35. Huguet \acute{A} . Small Languages and School: the Case of Catalonia and the Basque Country // International Journal of the Sociology of Language. 2006. Vol. 182. P. 147–159.
- 36. Leonet O., Cenoz J., Gorter D. Challenging Minority Language Isolation: Translanguaging in a Trilingual School in the Basque Country // Journal of Language, Identity & Education. 2017. Vol. 16, № 4. P. 216–227.
- 37. Vega-Bayo A., Mariel P. School choice in the Basque Country: Public, government-dependent and private schools with different languages of instruction // International Journal of Educational Research. 2015. Vol. 74. P. 13–25.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 188–207.

DOI: 10.17223/1998863X/54/18

LINGUISTIC IMPERIALISM AND LINGUISTIC SUB-IMPERIALISM, AND THEIR NECESSITY: RUSSIA AND SPAIN

Keywords: linguistic imperialism; linguistic sub-imperialism; English language; ecology of languages; Wikipedia; Russia; Spain.

The author analyzes the concept of linguistic imperialism by Robert Phillipson and proposes an idea of linguistic sub-imperialism. Serving the communicative needs of people, uniting in the context of globalization, necessarily leads to the growth of the influence of English as a global language as well as of other languages of the major nations: French, Spanish, German, Russian, Chinese, etc. Wikipedia, which has already become the leading encyclopedia of the humankind, can serve as an indicator of different languages' influence. We can judge about the development of Wikipedia sections in different languages, firstly, by the number of articles in the sections, secondly, by the average quality of these articles, and, thirdly, by the rate of the increase in the number of articles. The author suggests determining the average quality of articles in Wikipedia sections using the method he developed. A comparative analysis of Wikipedia sections in different languages shows the immense superiority of English over the rest of the languages in the world, on the one hand, and the tremendous value of the large nations' languages, on the other. English as a means of worldwide communication is unparalleled, and the potential for its influence is rapidly increasing. Russian maintains its strong position on the territory of the post-Soviet Union: in all respects the usage of Wikipedia in Russian is far ahead of Wikipedia in the languages of other peoples of the territory. The author analyzes the language practices of the peoples of the republics of the Russian Federation (Bashkortostan, Tatarstan, Tuva, Chuvashia, and Yakutia) using the data of the social network VKontakte. These practices and the analysis of Wikipedia in the languages of these republics discover the dominant orientation of the peoples of the republics to the use of Russian. The analysis of ethnolinguistic processes in two autonomous communities of Spain (Catalonia and the Basque Country) and the comparison of the development of Wikipedia in Spanish, Catalan, and Basque show us the inevitability of the predominance of Spanish in the language practices of Catalonia and the Basque Country. The author comes to a conclusion that linguistic imperialism and linguistic sub-imperialism are necessary in the conditions of globalization. At the same time, the undisputed goal of the worldwide language policy is to preserve the linguistic diversity of the world.

References

- 1. Brutt-Griffler, J. (2002) World English. A Study of its Development. Clevedon: Multilingual Matters.
- 2. Salomone, R. (2015) The rise of global English. Challenges for English-medium instruction and language rights. *Language Problems & Language Planning*. 39(3). pp. 245–268. DOI: 10.1075/lplp.39.3.03sal
- 3. Ives, P. (2006) "Global English": Linguistic Imperialism or Practical Lingua Franca? *Studies in Language & Capitalism*. 1. pp. 121–141.
- 4. Song, J.J. (2011) English as an official language in South Korea. Global English or social malady? *Language Problems & Language Planning*. 35(1). pp. 35–55. DOI: 10.1075/lplp.35.1.03son
- 5. Crystal, D. (2003) English as a Global Language. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press.
 - 6. Veltman, C. (1983) Language Shift in the United States. Berlin: Mouton.
- 7. Fishman, J. (1991) Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters.
- 8. Mesthrie, R. (1992) English in language shift. The history, structure and sociolinguistics of South African Indian English. Cambridge: Cambridge University Press.
- 9. Djité, P.G. (2006) Shifts in linguistic identities in a global world. *Language Problems & Language Planning*. 30(1). pp. 1–20.
- 10. Pauwels, A. (2016) Language Maintenance and Shift. Cambridge: Cambridge University Press.
- 11. Harrison, K.D. (2007) When Languages Die. The Extinction of the World's Languages and the Erosion of Human Knowledge. Oxford: Oxford University Press.
 - 12. Phillipson, R. (1992) Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press.
- 13. Phillipson, R. (1998) Globalizing English: are linguistic human rights an alternative to linguistic imperialism? *Language Sciences*. 20(1). pp. 101–112. DOI: 10.1016/S0388-0001(97)00015-6

- 14. Phillipson, R. (2001) English for globalisation or for the world's people? *International Review of Education*. 47(3-4). pp. 185–200. DOI: 10.1023/A:1017937322957
- 15. Phillipson, R. (2004) English in Globalization: Three Approaches. *Journal of Language, Identity & Education*. 3(1). pp. 73–84. DOI: 10.1207/s15327701jlie0301 4
- 16. Phillipson, R. (2008) Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalization. *World Englishes*. 27(2). pp. 250–267. DOI: 10.1111/j.1467-971X.2008.00555.x
- 17. Phillipson, R. (2017) Myths and realities of "global" English. *Language Policy*. 17. pp. 313–331. DOI: 10.1007/s10993-016-9409-z
- 18. Skutnabb-Kangas, T. (2000) Linguistic genocide in education or worldwide diversity and human rights? Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers.
- 19. Marini, R.M. (1992) The Paths of Latin American Integration. *Social Justice*. 4(50). pp. 34–47. DOI: 10.4324/9780429041594-4
- 20. Valensia, A.S. (2017) Sub-Imperialism Revisited. Dependency Theory in the Thought of Ruy Mauro Marini. Leiden, Boston: Brill.
- 21. Campbell, L. & Grondona, V. (2012) *The Indigenous Languages of South America. A Comprehensive Guide.* Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
- 22. Borbély, A. (2015) Studying sustainable bilingualism: comparing the choices of languages in Hungary's six bilingual national minorities. *International Journal of the Sociology of Language*. 236. pp. 155–179. DOI: 10.1515/ijsl-2015-0025
- 23. Borbély, A. (2016) Sustainable bilingualism and language shift. Longitudinal research in Romanian Hungarian bilingual Kétegyháza (Hungary). *Acta Linguistica Hungarica*. 63(1). pp. 23–61. DOI: 10.1556/064.2016.63.1.2
- 24. Lund, A. (2017) Wikipedia, Work and Capitalism. A Realm of Freedom? Lund: Palgrave Macmillan.
- 25. Proffitt, M. (ed.) (n.d.) Leveraging Wikipedia. Connecting Communities of Knowledge. Chicago: ALA Editions.
- 26. Wikipedia. (2020) Spisok Wikipediy [Wikipedia: List of Wikipedias]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Список Википедий (Accessed: 25th March 2020).
- 27. Vkontakte. (2020) *Vkontakte: lyudi* [Vkontakte: People]. [Online] Available from: https://vk.com/search?c%5Blang%5D=1&c%5Bper_page%5D=40&c%5Bphoto%5D=1&c%5Bsection%5D=people (Accessed: 27th November 2018).
- 28. Spain. (2006) Organic Act 6/2006 of the 19th July, on the Reform of the Statute of Autonomy of Catalonia. [Online] Available from: https://www.parlament.cat/document/cataleg/150259.pdf (Assessed: 22nd March 2020).
- 29. Generalitat de Catalunya. (2018) Language Uses of the Population. By linguistic identification and most frequent languages. [Online] Available from: http://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=803&lang=en&t=2018 (Accessed: 25th March 2020).
- 30. Codo, E. (2018) Lifestyle residents in Barcelona: a biographical perspective on linguistic repertoires, identity narrative and transnational mobility. *International Journal of the Sociology of Language*. 250. pp. 11–34. DOI: 10.1515/ijsl-2017-0053
- 31. Alarcón, A. & Garzón, L. (eds) (2011) Language, Migration and Social Mobility in Catalonia. Leiden, Boston: Brill.
- 32. Vargas-Urpi, M. (2018) Official bilingualism meets de facto multilingualism: public service interpreting for the Chinese in Catalonia. *International Journal of the Sociology of Language*. 251. pp. 37–54. DOI: 10.1515/ijsl-2018-0003
- 33. Strubell, M. & Boix-Fuster, E. (eds) (2011) Democratic Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan. New York: Palgrave Macmillan.
- 34. Woolard, K.A. (2016) Singular and Plural. Ideologies of Linguistic Authority in 21st Century Catalonia. Oxford: Oxford University Press.
- 35. Huguet, Á. (2006) Small Languages and School: the Case of Catalonia and the Basque Country. *International Journal of the Sociology of Language*. 182. pp. 147–159. DOI: 10.1515/IJSL.2006.074
- 36. Leonet, O., Cenoz, J. & Gorter, D. (2017) Challenging Minority Language Isolation: Translanguaging in a Trilingual School in the Basque Country. *Journal of Language, Identity & Education*. 16(4). pp. 216–227. DOI: 10.1080/15348458.2017.1328281
- 37. Vega-Bayo, A. & Mariel, P. (2015) School choice in the Basque Country: Public, government-dependent and private schools with different languages of instruction. *International Journal of Educational Research*. 74. pp. 13–25. DOI: 10.1016/j.ijer.2015.09.003

УДК 316.354

DOI: 10.17223/1998863X/54/19

М.В. Удальцова, Е.А. Абрамова

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ФАКТОР СВОБОДЫ

В статье с позиции постсоветского критического марксизма рассматриваются объективные и субъективные факторы, определяющие ту или иную степень свободы человека. С этой целью исследуются само содержание свободы, ее обусловленность таким феноменом жизнедеятельности человека, как социальное благополучие. Раскрывается содержание социального благополучия. Особое внимание уделено его составляющим, как культура, образование, материальное благосостояние. Ключевые слова: свобода, благосостояние, ценности, цели, благополучие, образование, культура, человеческое развитие.

Полагаю, я любил бы свободу во все времена, но в наши дни я готов поклоняться ей, как Богу.

Алекс де Таквиль

Современное мировое сообщество и его исследователи все с большей тревогой определяют возможности дальнейшего человеческого развития, что находит отражение в ежегодных мировых докладах Программы Объединенных наций [1-3]. В связи с расширением влияния технологий на все стороны жизни нарастает ощущение неопределенности, неустойчивости (экологической, социально-экономической). Самостоятельным и весьма важным вызовом человеческому развитию является неисчезающее (а порой и усиливающееся) неравенство людей разных стран и внутристрановое неравенство. Определяются цели развития в мире в целом, в отдельных странах, в том числе и внутристрановые (в регионах, городах и сельских поселениях и т.п.) [4]. В связи с этим исследования в данном направлении наиболее результативными могут быть на стыке социальной философии, социологии и политической экономии, т.е. как междисциплинарные. В их основе лежит марксистская идеология, но с позиций постсоветской школы критического марксизма. С этих позиций «императивом рождающегося сегодня будущего становится свободный труд креативного работника, то есть труд человека, который сам свободно выбирает сферу своей деятельности и самореализации и свободен, то есть не подчинен ни вещным факторам производства, ни внешнему управлению со стороны капитала и бюрократии в процессе труда» [5. С. 24]. Этот подход к перспективам человеческого развития предполагает, во-первых, исследование содержания такого феномена, как свобода, во-вторых, объективных и субъективных условий, при которых становится возможной реализация свободы как таковой.

Исследованием феномена свободы занимались многие ученые, в том числе К. Маркс [6, 7], А. Смит [8], Э. Фромм [9, 10], Н.А. Бердяев [11], Ф.А. Хайек [12]. С. Хантингтон [13] и др. Так, К. Маркс рассматривал свободу с двух сторон: «свобода как сила и свобода как избавление» [7. С. 303].

Он отмечал также, что «свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека: человек есть существо родовое... он относится к себе как к существу универсальному и потому свободному» [6. С. 93, 92]. Э. Фромм полагал, что, во-первых, свобода – это атрибут только среднего класса [9], во-вторых – это ответственность, от которой хотят избавиться [10]. Ф.А. Хайек говорит только об экономической свободе, основанной на институте частной собственности, являющейся, по его мнению, предпосылкой всякой другой свободы и «...неизбежно влекущей за собой риск и ответственность, связанных с правом выбора» [12. С. 222]. С. Хантингтон понимает свободу и как сбрасывание уз и как ограничение [13]. Близкое к такому пониманию свободы встречается и у А. Смита [8]. Н.А. Бердяев, выделяя аспект ответственности личности как неотъемлемой характеристики свободы, отмечал: «Пафос социального равенства всегда подавлял у нас пафос свободы личности. Утверждение же прав личности духовно и морально не связывалось с утверждением обязанности личности и ответственности личности... свобода ведет к ответственности. Несвобода все делает безответственным» [11. С. 229, 225].

При некоторых различиях в понимании содержания свободы безусловным является признание того факта, что она влечет за собой ответственность и что ее исследование предполагает многоаспектный подход, о чем указывалось выше. Более того, свобода не является неким подарком человеку, ее надо завоевать. «...люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им, допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами» [7. С. 433]. Однако производительные силы общества в значительной мере определяются возможностями и способностями самих людей. Следовательно, в исследовании свободы важны, как отмечалось, оба аспекта: объективный и субъективный. «Человек должен выработать в себе преимущественную установку на плодотворную деятельность, преодолев зависимость, самолюбование, склонность к накопительству и к помыканию другими; человек должен поверить в собственные силы, должен отважиться полагаться на себя в достижении цели» [9. С. 194]. А для этого он должен быть свободным. И действительно, нельзя быть свободным, угнетая других.

К сожалению, социокультурные итоги последних десятилетий парадоксальны для человека. С одной стороны, его обостренное чувство собственной индивидуальности и свободы, с другой – все большее отсутствие этой индивидуальности, самоотрицание собственной свободы, бегство от самого себя. Очевидно, данный парадокс есть продукт противоречий самой жизнедеятельности человека и общества, в котором он живет. Так, сегодня мир достиг больших достижений в области техники и технологий, разрабатываются и начинают внедряться цифровые технологии во многих сторонах жизни. Однако этот процесс очерствил души людей, сделал их очень прагматичными. Миром стали править деньги, интернет, гаджеты и другие технические новшества, в том числе связанные и с искусственным интеллектом. Они во многом заменили театры, библиотеки, концерты. Разрушены многие межличностные связи, их заменили социальные сети. Возникают и усиливаются такие риски, как риск утраты гуманистической основы общества. В этих условиях гуманистические ценности релятивируются, а взаимодействия начинают формироваться в значительной степени независимо от самого человека. Живое общение утонуло в интернет-возможностях и перестало быть потребностью. Между тем доказано, что социальные связи (взаимодействия) повышают человеческие возможности, являются одним из важных факторов долголетия и здоровья, что, в свою очередь, увеличивают возможности жизненного выбора, а следовательно, и свободы человека. У. Бек предупреждает о том, что «некоторые области, например, нанотехнологии настолько опасны, что нам следовало бы отойти от них подальше... мы должны ограничить свободную доступность полученных тем знаний... но одновременно важно не дать технологически конструированной цивилизации исчезнуть из-за наших колебаний между кошмаром и спасением» [14. С. 190-191]. В определенной степени был прав и М. Вебер, утверждающий, что человечество есть субъект и объект угрозы самому себе [15]. Происходит то, что известный российский культуролог Л.Л. Штуден называет социальной болезнью или коммерциализацией многих аспектов жизни, прежде всего культуры [16]. Растет и неопределенность жизненных планов. Например, только 52% россиян имеют осознанную и претворенную в жизнь цель, другие не видят и / или не ставят на будущее конкретных целей. Характеристика этих целей приведена в табл. 1 [17. С. 9]. Через призму подобных целей довольно явно вырисовывается социальный облик общества: выраженная тенденция к чистому утилитаризму в целеполагании с наращиванием потребления и лишь незначительная доля целей связана с творчеством, профессиональным и духовным ростом (11,7%).

Таблица 1. Характеристика жизненных целей россиян (данные приведены из статьи В.В. Карачаровского и О.И. Шкаратана, опубликованной в журнале «Социологические исследования», 2019, № 1)

Вид цели	Доля респондентов, %
Приобретение квартиры, покупка / постройка дома	24,3
Обеспечение будущего детям	16,2
Образование, повышение квалификации, творческие задачи	11,1
Создание или пополнение семьи	10,8
Карьера, повышение в должности, организация своего дела	9,9
Погашение крупного кредита, ипотеки	6,9
Приобретение автомобиля, мебели, ремонт в квартире	4,2
Путешествия, смена региона проживания	6,0
Увеличение доходов, материального достатка	4,2

Конечно, подобный перекос в жизненных целях отражает объективно нерешенные социально-бытовые проблемы, но такое доминирование целей ведет общество по пути, у которого нет будущего. Следует заметить, что эти тенденции характерны не только для российского общества [18].

Известно, что важнейшими аспектами всякого развивающегося общества являются экономика, политика, культура. «Одной из отличительных черт растущей цивилизации, – отмечает А.Дж. Тойнби, – является то, что она представляет собой на данном этапе некое единое социальное тело, в котором экономический, политический и культурный элементы объединены внутренней гармонией растущей социальной системы» [19. С. 223]. Следует заметить, что А.Дж. Тойнби под ростом понимает духовное обогащение социума, а не технико-технологическое развитие. Ф.А. Хайек также заявлял, что «открытия и изобретения дали нам необыкновенную власть, но абсурдно полагать, что мы должны обратить эту власть на уничтожение нашего драго-

ценного достояния: свободы» [12. С. 201]. Путь к такой свободе в истории человечества очень длинный. Вся история, по сути, есть непрерывная цепь постепенного приобретения и раскрытия возможностей, заложенных в самой человеческой природе. Результаты этого исторического процесса зависят и от условий внешней среды, и от активности самого человека. Активность, как известно, это такое качество поведения, которое всегда дает некий видимый результат, это всегда целенаправленное поведение.

Очевидно, обретение и сохранение личностной свободы может обеспечиваться таким состоянием социума, в котором достоинство, ответственность, патриотизм, благосостояние людей являются базовыми характеристиками благополучия человека и общества. Собственно, об этом почти 200 лет назад говорил и А. Смит: «Главное заключается в том, чтобы забота человека о собственном благополучии и счастье не служила помехой на пути ко всеобщему благу, чтобы мысль о благоденствии всего общества преобладала над личными мотивами» [8. С. 305]. Это еще раз подтверждает первичность духовно-нравственных начал в развитии человечества и его свобод. Действительно, культура по сравнению с экономикой, политикой, техникой не только более глубокий аспект социальной жизни, но и более фундаментальный. Существует значимая связь человеческой свободы с миром ценностей: духовных, социальных, нравственных, поведенческих, интеллектуальных, эстетических и т.д. Иерархия ценностей меняется, причем меняются не только сфера перемен, но и их темп. В этом и заключается суть идеи о человеке независимом, активном, продуктивном, т.е. о человеке свободном. В любой исторической эпохе важно сохранить ценностное ядро культуры. Но механически ценности тиражироваться не могут, их нельзя обеспечить законом. Они должны «взращиваться», воспитываться (как и свобода). «Воспитание человека, - отмечал П.А. Сорокин, - представляет то или иное изменение его свойств и поведения, сообразное с поставленной целью или идеалом» [20. С. 254]. Однако, как отмечалось, данный процесс должен иметь соответствующую социально-экономическую базу, т.е. то или иное благосостояние общества и человека. Благосостояние является неким базовым параметром воспитательного процесса. Еще К. Маркс доказал, что «какоенибудь существо является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на собственных ногах, а на собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе» [6. C. 125]. И еще он напоминает, что «удрученный заботами, нуждающийся человек нечувствителен даже по отношению к самому прекрасному зрелищу» [Там же. С. 122]. До сих пор, уже в XXI в., не только существует, но и возрастает глубокий дисбаланс возможностей людей и альтернатив выбора в связи с различным уровнем благосостояния, обусловленным неравенством в доходах, в образовании, здоровье, доступе к технологиям и т.п. В табл. 2 приведены показатели неравенства по некоторым странам в 2017 г. [3. С. 30–33].

Сегодня 8 человек в мире владеют таким же богатством, что и 3,6 млрд людей, составляющих беднейшую половину человечества, и 82% всего общественного богатства перешло в 2018 г. к верхнему 1%, в то время как нижняя половина человечества вообще не видела никакого улучшения своего благосостояния [Там же. С. 4]. Обостряется и другая проблема неравенства, а именно стагнация и ухудшение условий жизни домохозяйств со средним

уровнем дохода [3. С. 4]. В целом в мире среднее уменьшение величины индекса человеческого развития (ИЧР), обусловленное неравенством, составляет около 20% (19,9%). В отдельных странах (табл. 2) эта величина разная, но неизменно присутствует везде, даже в Норвегии, которая уже продолжительное время занимает первое место по рейтингу ИЧР. Следовательно, неравенство является важным и всеобщим фактором, снижающим уровень благосостояния людей, а следовательно, их благополучия и свободы.

Таблица 2. Показатели неравенства людей по некоторым странам с различным уровнем индекса
человеческого развития (ИЧР) в 2017 г.

		ИЧР,		Hamanay			Неравенс	тво по до	оходам
Рейтинг стран по ИЧР	ИЧР	скорректированный с учетом неравенства	Коэффициент неравенства людей	Неравен- ство в ожи- даемой продолжи- тельности жизни, %	Неравен- ство в образо- вании, %	Нера- венство в дохо- дах, %	Квин- тильный коэффи- циент дохода	Коэф- фициент Паль- мы*	Коэф- фици- ент Джини
Норвегия	0,953	0,876	7,9	2,7	6,1	14,9	4,1	7,0	27,5
5. Германия	0,936	0,854	8,6	2,8	2,9	20,1	5,1	1,2	31,9
13. CIIIA	0,924	0,797	13,1	5,6	5,5	28,1	9,4	2,0	41,5
14. Великобри-									
тания	0,922	0,835	9,1	4,0	3,7	19,5	5,4	1,3	33,2
19. Япония	0,909	0,876	3,6	2,9	1,6	6,3	5,4	1,2	32,1
24. Франция	0,901	0,808	10,1	3,6	8,6	18,1	5,2	1,3	32,7
49. Россия	0,816	0,738	9,3	8,0	2,2	17,7	6,6	1,7	37,7
53. Беларусь	0,808	0,755	6,5	4,9	3,7	10,8	3,8	1,0	27,0
58. Казахстан	0,800	0,737	7,9	10,1	3,2	10,3	3,7	1,0	26,9
64. Турция	0,791	0,669	15,3	9,6	13,5	22,6	8,5	2,1	41,9
86. Китай	0,752	0,643	14,2	7,9	11,5	23,3	9,2	2,1	42,2
130. Индия	0,640	0,468	26,3	21,4	38,7	18,8	5,3	1,5	35,1
Мир в целом	0,728	0,582	19,9	15,2	22,0	22,6	-	-	-

^{*} Коэффициент Пальмы введен в 2011 г. по имени автора и означает долю богатейших 10% населения в национальном доходе страны (ВНД), деленную на долю беднейших 40%.

Тем не менее в третьем тысячелетии главным богатством должно стать поколение талантливых, образованных, ответственных, креативных, т.е. свободных, людей. В данном случае под поколением понимается «...не горсть одиночек и не просто масса: это как бы новое, целостное социальное тело, обладающее и своим избранным меньшинством, и своей толпой, заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией. Для каждого поколения жизнь есть работа в двух измерениях: в одном оно получает пережитое предшествующими поколениями – идеи, оценка, институты и т.д., в другом – отдается спонтанному потоку собственной жизни» [21. С. 5, 6]. Важно чтобы этот «поток собственной жизни» вмещал в себя отмеченные выше ценности. Тогда в действительности для каждого человека объективная всеобщая история, отражающая то или иное состояние благополучия, будет выступать и как его личная история. И наоборот, «что истинно в жизни людей, то истинно и в жизни общества» [19. С. 301]. В этом диалектическом единстве человек создает социальную реальность, а социальная реальность создает человека. Или, по словам П. Бергера и Т. Лукмана, «человек творит реальность и тем самым творит себя» [22. С. 116]. И все же решающая роль в цивилизационном развитии отводится человеку: «Общество не является и не может быть ничем иным, кроме как посредником, с помощью которого отдельные люди взаимодействуют между собой. Личность, а не общество создает человеческую историю» [19. С. 254]. Но следует признать, что общество – очень важный посредник, так как именно оно создает социокультурные условия формирования социального благополучия. И свобода как таковая предполагает выстраивание действий, направленных на благополучие общества и человека. В этом смысле свобода является определенным результатом социального благополучия. К числу таких действий относим, как отмечалось, действия в области культуры, социального благосостояния и образования. Причем они должны действовать одновременно, в одной связке, так как, по сути, человек не очень глубоко защищен культурой: этот «слой» быстро слетает и должен быть усилен благосостоянием и образованием. Доказано, что человек в нечеловеческих условиях превращается в биологическое существо за три дня. Конечно, культура через воспитание, развитие творческих способностей определяет уровень духовного развития, позволяет «сторожить в себе человека».

Важным ресурсом социального благополучия, а следовательно, и фактором свободы является образование. «Для каждого человека то "значительное", чего он хочет достигнуть в мышлении, будет иным в зависимости от степени его образования, от его жизненных отношений и от его цели в данных момент» [7. С. 281]. В связи с этим от политики в сфере образования зависят: политика (действия) в области социально-трудовых отношений, система социальной защиты, политика (действия) в области охраны здоровья, развитие коммуникативно-информационных технологий и т.д. Достижения в области образования в мире и отдельных странах представлены в табл. 3 [3. С. 52, 53, 55].

		n v	1.1		~	
	Население,	Валовои	коэффициент ох	квата населения с	оразованием	
	имеющее как	дошколь-	начальным	средним	высшим	Государ-
Рейтинг стран	минимум	ным	(% населения в	(% населения в	(% населения в	ственные
по ИЧР	среднее обра-	(% детей	официальном	официальном	официальном	расходы
в 2017 г.	зование (% в	дошколь-	возрасте	возрасте сред-	возрасте выс-	на обра-
	возрасте 25 лет	ного воз-	начального	него образова-	шего образова-	зование (% ВВП)
	и старше)	раста)	образования)	ния)	ния)	(% DDII)
Норвегия	95,7	96	100	114	81	7,7
5. Германия	96,5	107	102	101	66	4,9
13. США	95,3	69	99	97		5,0
14. Велико-						
британия	82,9	96	102	125	57	5,6
19. Япония	93,3	86	99	102	63	3,1
24. Франция	83,2	109	107	111	65	5,5
49. Россия	95,6	89	102	105	82	3,8
53. Беларусь	91,9	99	102	104	87	5,0
58. Казахстан	98,8	54	108	113	50	3,0
64. Турция	52,2	29	103	103	95	4,4
80. Китай	77,4	84	101	95	48	
130. Индия	51,6	13	115	75	27	3,8
Мир в целом	66,5	50	105	79	36	4,8

Таблица 3. Достижения в области образования в мире и некоторых странах (2017 г.)

В табл. 3 отражены основные количественные характеристики политики в области образования. Безусловно, они очень важны, но с точки зрения социального благополучия, а следовательно и свободы, прогресс может быть

достигнут только путем обеспечения качества в области образования, включающего в себя, например, возможности не только посещать детям школу, но и еще возможности приобретения ими навыков и знаний, необходимых для полноценной жизни. Образование диверсифицирует свою «продукцию» и само трансформируется: от массового производства к образовательному разнообразию. И чем разнообразнее образовательные программы, тем эффективнее достижение цели образования, а через них – и большие возможности свободы выбора. Следовательно, не только благосостояние, но и образование и культура всегда имеют социально значимые последствия, они «ответственные» перед обществом и должны «овладеть» опережающей функцией подготовки человека к практической деятельности, к жизни общества вообще. «Образованию задание ясно: его первоочередная задача – повысить способность индивида преодолевать трудности, т.е. способность быстро и экономно адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям. И чем стремительнее скорость перемен, тем больше внимания нужно уделять распознаванию людьми будущих событий» [23. С. 437]. На наш взгляд, для реализации данного утверждения Элвина Тоффлера необходимо, чтобы образование стало фундаментальной, а не инструментальной ценностью. К сожалению, современное образование в значительной мере не является гарантией человеческого развития и социального благополучия. Во всяком случае, в структуре ценностей россиян оно является только средством достижения более высоких позиций в обществе, связанных с материальным благосостоянием и властью [24. С. 24–25]. Однако из всех ресурсов социального благополучия как фактора свободы личности и любого субъекта социальной деятельности вообще наиболее актуальными сегодня являются знания, т.е. интеллектуальные ресурсы (в том числе и в области культуры). Знания вообще являются важнейшим фактором свободы личности и существенным условием ее реализации. Они выступают как различные виды «деятельности ума», вырабатывающие «человековедческие», «организационные» и «потребительские» знания. Их взаимодействие позволяет более обоснованно разрабатывать стратегию развития общества, так как эта разработка будет осуществляться людьми знающими, творческими, способными постоянно адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды и свободно и открыто взаимодействовать друг с другом. Знания, сопряженные с культурой, по мнению П. Бурдьё, «участвуют» в формировании своеобразного рынка. На этом рынке «...люди используют не экономический, а культурный капитал. Этот капитал в значительной степени становится результатом социально-классового происхождения и образовательного опыта людей. На рынке люди накапливают большее или меньшее количество капитала и либо расходуют его для улучшения своего положения, либо утрачивают его и таким образом ухудшают свою позицию в экономике» [25. С. 466]. Сама возможность накапливать такой капитал и тем более его реализовать в значительной степени определяет, как отмечалось, уровень социального благополучия людей, а следовательно, ту или иную степень их свободы.

Таким образом, и культура, и социальное благосостояние, и образование должны обеспечивать соответствие формационного качества цивилизационному контексту. Данное требование распространяется не только на российское общество, но и на весь современный мир [26]. Определенным стимулом

для этого, по мнению Ю. Хабермаса, выступают должным образом организованные коммуникации, способные обеспечивать пробуждение самосознания и на этой почве — возможное освобождение. Он исходил из того, что «...построение неограниченного и не искаженного дискурса может... служить в качестве фона для того, чтобы более ярко наметить довольно неопределенные тенденции, связанные с развитием современного общества» [27. Р. 107]. Самостоятельным и очень важным вызовом человеческого развития в третьем тысячелетии является развитие здоровых, ответственных, креативных людей, что предполагает их свободу. Обретение свободы обеспечивается таким состоянием социума, базовой характеристикой которого является благополучие человека.

Литература

- 1. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития. ООН и Россия, 2016. М. : Аналитический центр при правительстве РФ, 2016. 293 с.
 - 2. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2018. Нью-Йорк: ООН, 2018. 37 с.
- 3. *Индексы* и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистически данные, 2018. UNDP, 2019. 111 с.
- 4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Экологические приоритеты для России, 2017. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2017. 290 с.
- 5. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- 6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41–174.
- 7. *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–544.
 - 8. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
 - Фромм Э. Душа человека. М.: ACT, 1998. 664 с.
 - 10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2018. 288 с.
 - 11. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
 - 12. Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7. С. 177–230; № 8. С. 181–233.
 - 13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2019. 640 с.
- 14. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно историческая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Изд. Дом Траектория будущего, 2004. 464 с.
- 15. Weber M. Economy and Society / eds. G. Roth, R. Wittich Trans. Fischoff, et al., 2017. 544 p.
 - 16. Штуден Л.Л. Патология культуры. Новосибирск: НГУЭУ, 2001. 220 с.
- 17. *Карачаровский В.В.*, *Шкаратан О.И*. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17.
- 18. Kasser T. Materialistic Values and Goals // Annual Review at Psychology. 2016. Vol. 67. P. 489–514.
 - 19. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 729 с.
- 20. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
 - 21. *Ортеха-и-Гассет X*. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 405 с.
- 22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 120 с.
 - 23. *Тоффлер* Э. Шок будущего. М.: ACT, 2001. 556 с.
- 24. *Удальцова М.В.* Социальное управление и социальные взаимодействия: диалектика прямых и обратных связей // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Вып. 9. Новосибирск: НГУЭУ, 2007. С. 20–27.
 - 25. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.
 - 26. Devey J. Democracy and Education. New York: The Free Press, 1966. 384 p.
- 27. *Habermass Ju.* The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures. Cambridge, Mass: MIT Press, 1987. 416 p.

Maria V. Udaltsova, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: a.y.oreshko@mail.ru

Elena A. Abramova, Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Elabr72@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54, pp. 208–217.

DOI: 10.17223/1998863X/54/19

SOCIAL WELL-BEING AS A FACTOR OF FREEDOM

Keywords: freedom; welfare; values; goals; well-being; education; culture; human development.

In connection with the expanding influence of technology on all aspects of life, a sense of anxiety, uncertainty, instability is growing in society. An independent and very important challenge to human development is the growing inequality of people from different countries and domestic inequality. The world community, defining the Millennium Development Goals, focuses on the need to ensure freedom of choice of people based on the development of their abilities and empowerment. The article discusses the objective and subjective conditions under which the realization of human freedom becomes possible. The content of freedom is considered, which includes not only "dropping bonds" and expanding freedom of choice, but also responsibility for choices made. In connection with the development of Internet technologies, there is a risk of losing the humanistic basis of society, and, as a result, humanistic values are relativized, and interactions between people are largely formed independently of people themselves, which, in turn, reduces the possibilities of life choice and human freedom. The uncertainty of life plans (goals) is growing. Goal-setting is dominated by consumption, not by creativity, professional and spiritual growth. Such a bias in life goals reflects objectively unresolved social problems, and not only in Russia. The acquisition and preservation of personal freedom can be ensured by a state of society in which dignity, responsibility, and welfare of society members are basic characteristics, and they determining people's well-being. To ensure social well-being, it is necessary to develop such fundamental aspects of society as culture, education, social welfare. Inequality in incomes, access to high-quality education, healthcare, technology, etc. introduces a deep imbalance in the possibilities of human development and alternatives to people's choice. Moreover, in the third millennium, a generation of talented, educated, healthy, responsible, creative, i.e., free people should become the main wealth. Freedom involves building actions aimed at the well-being of society and man.

References

- 1. The Russian Federation. (2016) *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiyskoy Federatsii. Tseli ustoychivogo razvitiya. OON i Rossiya, 2016* [Report on human development in the Russian Federation. Sustainable Development Goals. UN and Russia, 2016]. Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation.
- 2. The UNO. (2018) *Doklad o Tselyakh v oblasti ustoychivogo razvitiya, 2018* [Sustainable Development Goals Report, 2018]. New York: UNO.
- 3. The UNDP. (2019) *Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiya. Obnovlennye statisticheski dannye*, 2018 [Indices and indicators of human development. Updated statistics, 2018]. UNDP.
- 4. The Russian Federation. (2017) *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiyskoy Federatsii. Ekologicheskie prioritety dlya Rossii, 2017* [Report on human development in the Russian Federation. Environmental Priorities for Russia, 2017]. Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation.
- 5. Buzgalin, A.V. & Kolganov, A.I. (2019) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 1. pp. 18–28. (In Russian).
- 6. Marx, K. (1974) Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 g. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 42. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. pp. 41–174.
- 7. Marks, K. (1955) Nemetskaya ideologiya [German ideology]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. pp. 7–544.
- 8. Smith, A. (1997) *Teoriya nravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Translated from English. Moscow: Respublika.

- 9. Fromm, E. (1998) *Dusha cheloveka* [The Human Soul]. Translated from German. Moscow: AST.
- 10. Fromm, E. (2018) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Translated from German. Moscow: AST.
 - 11. Berdyaev, N.A. (1990) Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]. Moscow: Moscow State University.
 - 12. Hayek, F.A. (1991) Doroga k rabstvu [The road to slavery]. Novyy mir. 7. pp. 177-230.
 - 13. Huntington, S. (2019) Stolknovenie tsivilizatsiy [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
- 14. Beck, W. (2004) *Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno istoricheskaya ekonomiya* [Power and its opponents in the era of globalism. New world historical economy]. Moscow: Progress-Traditsiya, Izd. Dom. Traektoriya budushchego.
 - 15. Weber, M. (2017) Economy and Society. Univ of California Pr.
 - 16. Studen, L.L. (2001) Patologiya kul'tury [Pathology of Culture]. Novosibirsk: NGUEU.
- 17. Karacharovsky, V.V. & Shkaratan, O.I. (2019) Different Goals of the Same Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 1. pp. 5–17. (In Russian).
- Kasser, T. (2016) Materialistic Values and Goals. Annual Review at Psychology. 67. pp. 489– 514.
 - 19. Toynbee, A.J. (1991) Postizhenie istorii [Understanding History]. Moscow: Progress.
- 20. Sorokin, P.A. (1994) Obshchedostupnyy uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let [Public textbook of sociology. Various articles]. Moscow: Nauka.
 - 21. Orteha y Gasset, H. (1991) Chto takoe filosofiya? [What is philosophy?]. Moscow: Nauka.
- 22. Berger, P. & Luckman, T. (1995) Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated from English. Moscow: Medium.
- 23. Toffler, E. (2001) *Shok budushchego* [The Future Shock]. Translated from English by E. Rudnev. Moscow; AST.
- 24. Udaltsova, M.V. (2007) Sotsial'noe upravlenie i sotsial'nye vzaimodeystviya: dialektika pryamykh i obratnykh svyazey [Social Management and Social Interactions: Dialectics of Direct and Feedback Relations]. In: Udaltsova, M.V. (ed.) Sotsial'nye vzaimodeystviya v tranzitivnom obshchestve [Social Interactions in a Transitive Society]. Novosibirsk: NGUEU. pp. 20–27.
- 25. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.
 - 26. Devey, J. (1966) Democracy and Education. New York: The Free Press.
- 27. Habermass, Ju. (1987) The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures. Cambridge, Mass: MIT Press.

политология

УДК: 324

DOI: 10.17223/1998863X/54/20

С. Атлагич, Б. Стоянович

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ В СЕРБИИ С 1990 ПО 2017 г.

В статье освещаются ценностные основы стратегий избирательных кампаний в Сербии, от первых состоявшихся парламентских выборов до настоящего времени. Авторы, проанализировав избирательные программы и факторы, влияющие на рациональность выбора граждан, исследуют взаимосвязь между обозначенными ключевыми темами избирательных кампаний и образом политического лидера, которые являются определяющими факторами электоральной мотивации.

Ключевые слова: ценности, избирательная кампания, тематические фреймы, имидж, Сербия.

Введение

Избирательная кампания представляет собой, с одной стороны, совокупность политических, экономических, социальных, национальных, религиозных и прочих процессов, происходящих в данный момент времени, а с другой стороны, чаще всего речь идет о долгосрочной стратегии продвижения политических субъектов [1. С. 159]. Иными словами, идеи, реализовать которые стараются субъекты избирательного процесса при поддержке граждан, не пришли ниоткуда. Чаще всего речь идет о целях и ценностях, представляющих собой основу действий в будущем [2. С. 233] и политического идентитета. На их почве базируются идеология и программы субъектов избирательного процесса и политических субъектов. Сама «избирательная» коммуникация, вернее, сообщения, которые транслируются гражданам в процессе проведения кампании, представляет «вершину ледяного берега», т.е. конечный пункт в данном «порядке вещей». Попытка проследить путь от коммуникации субъектов избирательного процесса, этого поверхностного слоя политики, до ценностной ориентации как основы идеологии политических субъектов в Сербии (с момента возобновления многопартийности в 1990 г. до последних президентских выборов, состоявшихся в 2017 г.), а также проанализировать политические и избирательные программы – основная цель данной работы.

На данную попытку авторы решились, руководствуясь также последними тенденциями в исследовании избирательных кампаний, прежде всего, в рамках политического маркетинга, который потихоньку приобретает статус научной дисциплины, предметом исследования которой как раз и являются избирательные кампании. В рамках данной статьи мы не будем говорить о современном этапе развития данной дисциплины, а лишь укажем на то, что в

литературе об избирательных кампаниях много говорится о менеджерском аспекте, о том, что политические субъекты делают в кампаниях, но не о том, как их исследование может способствовать пониманию политической сферы в широком смысле, а также все чаще пренебрегают «стратегическим фреймом избирательных кампаний», в результате чего на первый план выходит описание способа использования маркетинговых инструментов кандидатом [3. P. 24].

Центральные ценности, которыми руководствовались при осуществлении коммуникации с избирателями в Сербии субъекты избирательного процесса, определим с помощью тематических фреймов избирательных кампаний в рассматриваемом периоде. Тематические фреймы представляют центральное место в политической стратегии и приняты в качестве общего подхода к коммуникации с избирателями [1. С. 189]. С их помощью транслируются главные политические цели / ценности , содержащиеся в программах субъектов избирательного процесса. Избирательные кампании, несмотря на то что направлены на работу с актуальными общественными вопросами, «не представляют борьбу по отдельным вопросам, а по темам» [4. С. 55]. Наконец, в результате политического процесса, такого как избирательная кампания, происходит более точное разграничение между партиями и кандидатами. Это различие базируется на так называемых доминирующих ценностях, более постоянных комбинациях терминальных и инструментальных ценностей, которые «формируют и определяют общие ценориентации» [6. С. 48]. Под терминальными ценностями подразумеваем «самоценности», которые включают самые общие цели человеческой деятельности. С другой стороны, инструментальные ценности приобретают это качество как средство реализации некоторой из важнейших целей. Различие между терминальными и инструментальными ценностями имеет практическое значение для организации системы ценностей политического субъекта (иерархии ценностей), для разработки политической стратегии, которая постоянно помещается в определенное пространство и время, а также для оценки соответствия целей и средств политического процесса.

Темы в избирательных кампаниях в Сербии с 1990 по 2017 г.

Общий план коммуникации партий с избирателями за прошедшие 25 избирательных циклов (14 избирательных циклов в республиканский парламент, включая также выборы в Парламент Сербии и Черногории в 1996 и 2000 гг., и 11 выборов на должность Президента Республики) и специфика основных положений их избирательных программ были определены общественными условиями. Они претерпели изменения за последние 20 лет, самое значительное из которых – это потеря Сербией части государственной территории в результате провозглашения независимости Косово. Несмотря на то что сейчас нет никаких военных действий, как это было в 90-е гг., в стране

¹ Способ использования терминов «цель» и «ценность» в данном случае не означает их равнозначность. Существование цели − это необходимое условие обсуждения ценностей, и поэтому цели являются одним из важнейших аспектов ценности. Речь идет об одном аспекте, потому что ценность может быть основой для реализации большого количества целей. Если не существует выделенного элемента цели, значение является неполным, диффузным, и желательность, как наиболее значимая особенность значения, не привязывается к определенному объекту. Такие значения являются скрытыми. Но они проявляются, как только цели конкретизируются [5. С. 53–54].

царит общественный кризис: внешние долги, высокая безработица, хозяйственная деятельность пока не достигли уровня конца 80-х. С момента проведения первых парламентских выборов в Сербии институты политической системы сталкиваются с серьезным кризисом легитимности. Соотношение доверия и недоверия граждан к Президенту Республики было в пользу недоверия (только в начале 1990-х гг. уровень недоверия был ниже 50%). Уровень же недоверия к Парламенту редко был ниже 50% (в середине 2001 г., после обновления правительства и всплеска энтузиазма граждан, уровень недоверия составил всего 10%, а в конце 2002 г. – 49%). Так же как и в случае с Парламентом, уровень недоверия к правительству редко был ниже 50%. Уровень доверия не превышал 30% в течение 1990-х гг. [7. С. 189]. Самое большое недоверие граждане выражали политическим партиям (66% — в 2011 г., 60% — в 2012 г. и 53% — в 2013 г.). Доверие к средствам массовой информации в 2013 г. ниже недоверия (24 : 33%) 1. Доверие к СМИ выросло в 2015 и 2016 гг. (31% — в 2015 г. и 38% — в 2016 г.) 2.

Специфику функционирования данных институтов можно охарактеризовать через амбивалентное отношение граждан к демократии, вернее через восстановление надежного основания для отрицания демократии как системы институтов и набора образцов поведения³. В первом десятилетии ХХ в. в Сербии часто менялась, а потом «зацементировалась» избирательная система с относительно низким избирательным порогом, отличительной чертой которой стали пестрота политических субъектов и возможность формирования постизбирательных коалиций, вернее, слабых коалиционных правительств [11. Р. 9]. Ключевые политические партии — партии конгломератного типа, плохо представленные в отдельных социальных структурах, не имеющие большой разницы в программах и политических действиях, отличающиеся недемократическими внутренними отношениями и тенденцией к радикальному перепозиционированию [12. С. 17].

Улучшение благосостояния граждан — терминальная ценность, к которой стремились ключевые субъекты избирательного процесса в Сербии в последнюю четверть столетия. Путь к осуществлению благосостояния как исторической цели вел через решение «экзистенциального вопроса нации» — сначала через сохранение государственных общин, членом которых была Сербия и в различных частях которых жили сербы, а затем через сохранение ее территориальной целостности. Национальный и государственный интересы как ин-

¹ Данные из отчета по опросу общественного мнения «Odnos gradana prema Narodnoj skupštini Republike Srbije» («Отношение граждан к Парламенту Республики Сербия»), который был подготовлен неправительственной организацией Центром свободных выборов и демократии (CESID) для нужд ООН в мае 2013 г. [8].

² Данные из публикации «Stavovi građana o policiji – Rezultati istraživanja javnog mnenja Srbije» («Взгляды граждан на полицию – результаты исследования общественного мнения Сербии»), опубликованные НПО Pointpulse – Western Balkan Pulse for Police Integrity and Trust при поддержке Европейского Союза в Белграде в 2017 г. [9].

³ До какой меры между гражданами присутствует неловкость относительно принятия (не)демократических мнений и образа поведения, показывают результаты тематического исследования общественного мнения Института общественных наук в Белграде, проведенного в ноябре 2010 г. Несмотря на предварительное принятие со стороны 2/3 граждан демократии как «лучшего вида правления», на фундаменте индекса недемократической ориентации (сформированного на основании 29 вопросов), всего лишь 17% граждан показывают демократическую, 3% — недемократическую ориентацию, а у 80% — амбивалентную ориентацию ко всем конкретным мнениям о демократии как ценности, как системе и как наборе образцов поведения [10. Р. 63–67].

струментальная ценность, т.е. средство для реализации терминальной ценности, уже с 1992 г. представляют контекст всех прочих вопросов, причем не только политических в узком смысле (развитие демократии, организация государства, верховенство права и т.п.), но и экономических и социальных вопросов. Но в связи с неудачными попытками правящей партии предложить решение сербского национального вопроса (в чем оказались солидарными с правящей партией и ряд оппозиционных партий) сравнительно быстро наметилась тенденция снижения интереса к данному вопросу как ключевой теме избирательных кампаний. Тема национальной надежности уступила место разговору о социальной надежности - одному из главных вопросов, поднимающихся в отечественных избирательных кампаниях. Таким образом, основную тему политической программы правящей Социалистической партии Сербии (СПС) в избирательной кампании перед парламентскими выборами 1993 г. составили государственный и национальный интересы, а также умеренные изменения в обществе (с акцентом на объеме этих изменений). В основе программ избирательных кампаний оппозиционных партий отношение к правящей партии и альтернация в правлении (Сербская радикальная партия (CPC) и Демократическое движение Сербии (DEPOS)); соотнесение «больших» политических тем с ориентацией на жизненные потребности населения (Демократическая партия). Пока оппозиция спорит по вопросу аннулирования парламентских выборов 1997 г., правящая партия строит фундамент избирательной кампании на успехе в организации жизни под санкциями, акцентируя внимание на борьбе за национальные и социальные гарантии для граждан. Противостояние в представлении о будущем Сербии в избирательной кампании 2000 г. на следующих выборах (в 2003 г.) сменяется интересом к социальным вопросам, которые становятся основой программ избирательных кампаний всех партий. Социальная тематика остается в центре политических программ в рамках избирательных кампаний и после 2007 г. наряду с вопросом о присоединении Сербии к Европейскому союзу как залоге социальной надежности (особенно на выборах в 2008 г.) [13. C. 322].

Несмотря на переход от идеологической и национальной тематики к вопросам реальных жизненных потребностей людей, с середины 1990-х гг. до сегодняшнего дня партии не соблюдают схему «или... или», а работают в системе «и... и». По сей день удовлетворение конкретных потребностей населения провозглашается приоритетным национальным интересом, а реализация национального интереса - залогом лучшей жизни как высшей цели. Сохранение территориальной целостности государства и сегодня является одним из важнейших вопросов, который поднимается в рамках избирательных кампаний, но это уже вопрос другого уровня. Так, например, в кампаниях по выборам в Парламент в 2012 и 2014 гг. в качестве ключевых выступили вопросы экономического возрождения, повышения уровня жизни граждан, т.е. снижения уровня безработицы и увеличения заработных плат и пенсий. Тематика программ была такой же, как и на выборах в Парламент в 2016 г., и в значительной мере нашла отражение на президентских выборах в 2017 г. Участники кампании обращались так называемому рациональному избирателю и мотивировали его голосовать за того, кто предлагает самые выгодные решения проблем, с которыми сталкиваются граждане страны. В данных компаниях,

за исключением второго круга выборов в президенты страны в 2012 г., не было накала эмоций вокруг национального вопроса. Таким образом, Косово стало «забытой» темой. Даже тема европейской интеграции Сербии не находилась в приоритете как у граждан, так и у представителей политических партий. Однако разница в трактовке данной темы в избирательных кампаниях с 2012 по 2017 г. (в сравнении с толкованием вопроса о Косово) — это факт, говорящий о том, что отношение к вхождению в ЕС выделялось на фоне всех других тем и воспринималось как реальное условие для выхода из глубокого экономического, финансового, социального, институционального, политического и даже морального кризисов.

Значит, условие реализации национальных интересов сегодня - современная и экономически сильная Сербия в составе ЕС. Этот вопрос находится в стадии разработки наряду с другими. Отсюда и иной по сравнению с периодом до 2000 г. выбор инструментальной ценности, вернее, средства, с помощью которого будет реализована конкретная историческая цель. Однако специфика политической пропаганды, с помощью которой данная цель конкретизируется и «доводится» до «простого» человека, почти не изменена. В три последние избирательные цикла (как и с 1996 по 2008 г.) наблюдается контаминация обещаний, связанных с зарубежными инвестициями в экономику страны, и продвижение идеи «опоры на собственные силы» [14. С. 164]. Это особенно хорошо было заметно на парламентских выборах в 2016 г. и выборах президента в 2017 г. Однако вместе с этим субъекты избирательного процесса и тематические рамки программ избирательных кампаний соответствовали образцу ранних 90-х гг. XX в. На самом деле правящая коалиция, сформированная вокруг Сербской прогрессивной партии (СПП) и ее лидера Александра Вучича, так же как и Социалистическая партия Сербии (СПС) с ее лидером Слободаном Милошевичем, выступила с конструктивной программой, не настаивающей на идеологических расколах, а призывающей к национальному объединению; не инициирующей радикальные общественные изменения, а утверждающей достигнутое и предлагающей новые возможности общественного развития; ищущей поддержку для продолжения начатых процессов трансформации общества. С другой стороны, оппозиция ведет выраженную кампанию по противостоянию этим процессам, однако не на идеологическом уровне, как это делала оппозиция в Сербии в 1990 г. Речь идет о критике авторитарного правления Александра Вучича, о необходимости мер по преодолению глубокого кризиса системы различных общественных и политических институтов в стране. Вопросы о возвращении к демократическим ценностям, свободным СМИ и политической системе с независимой судебной системой – на главном месте в избирательных программах противников Вучича на последних выборах в президенты. Провал оппозиционных кандидатов на данных выборах произошел, на наш взгляд, по двум причинам. С одной стороны, вопрос о возвращении к демократии никогда не был значим для сербских избирателей. Делая акцент на данной проблематике, никто никогда не выигрывал и не проигрывал на выборах, даже в 2000 г. при падении режима Слободана Милошевича. С другой стороны, чтобы ощутимо изменить мнения и поведение избирателей, необходимо провести долгосрочную избирательную кампанию, которую большинство оппозиционных кандидатов на место президента не могло себе позволить.

Была попытка прикрыть несостоятельность обещания о поддержке национального интереса внутрипартийными расколами и радикальным перепозиционированием участников выборов с целью как бы заново «действительно» начать действовать «в интересах народа». Однако поскольку партии все еще остаются идеологически и программно недостаточно профилированными, с одинаково слабым социальным фундаментом и с плохо развитой структурой, складывается впечатление, что изменения вводятся, прежде всего, для приведения в порядок имиджа партийных лидеров. Партийные лидеры остаются доминантой на любом из этапов избирательной кампании, каждый из которых провозглашается «решающим». Такой «эпохальный» характер выборы приобретают в период глубокого кризиса и в атмосфере ненадежности, неизвестности и даже страха, когда провозглашаются «крепкие руки», «сильные вожди», «реформаторы» и «спасители». Таким образом создается определенная эмоциональная атмосфера в обществе и транслируется идея о том, что партийные лидеры достаточно компетентны, чтобы организовать гражданам страны достойную жизнь. Однако когда эти политические лидеры приходят к власти, они не решают «историческую» проблему, а занимаются пропагандой и тактическими вопросами: через отдельные мероприятия стараются достичь конкретных политических целей, вернее, достичь краткосрочного эффекта при помощи пропаганды. Одновременно осуществляется попытка формирования у граждан представлений о реальности, основанных на базе одномерных противопоставлений, полных эмоциональных зарядов, которые сводятся к дихотомии «хорошее – плохое». С помощью эмоционального заряда достигается приемлемость и убедительность необходимых политическому субъекту представлений о реальности, а также обосновывается противопоставление свой – чужой, «МЫ» – «ОНИ» («ЗА» носителя власти – «ПРОТИВ» представителя предыдущей власти). «Черно-белое» прорисовывание реальности в одноразмерных положительных / отрицательных дихотомиях постоянно провоцирует необходимость в ценностном определении «за» или «против», влияет на эмоции, а также определяет критику оппонентов - это неизбежный фон всех отечественных избирательных кампаний. Доминирование ценностного и эмоционального над рациональным уже в самом начале кампании ставит вопрос о тематическом содержании политической программы. Если при этом релевантные партии в процессе избирательной кампании обрабатывают одинаковые темы и дают похожие обещания, тогда не существует рационального выбора избирателей. На первый план выходят: имидж партийного лидера как определяющий фактор мотивации избирателей, представление о нем как о способной персоне и, соответственно, представление об оппоненте как о менее способном кандидате. Именно так и происходило на последних трех выборах в парламент и на должность президента страны. Выбор избирателей, таким образом, «переводится» в план иррациональных детерминант – ценностных и эмоциональных отношений избирателей к лидерам, причем политические программы партий легко превращаются в программы самих лидеров и зачастую характеризуются отрицательным содержанием.

Заключение

Несмотря на то что глубокие различия между политическими партиями и их избирательными программами возникают на уровне базовых ценностей –

целей, которыми определяются различные проекты устройства общества, в «избирательной» коммуникации в сербском обществе с 1990 г. до сегодняшнего дня эти различия осознаются плохо. На самом деле многие политические программы (не только в транзиционном обществе, наподобие сербского) пропагандируют следующие ценности – благосостояние, свободу, правду и пр. Разница гораздо чаще проявляется на уровне так называемых инструментальных ценностей - средств для достижения базовых ценностей, вернее на уровне доминирующих ценностей как постоянных комбинаций терминальных и инструментальных ценностей. В этой связи, опираясь на тематические фреймы избирательных кампаний в Сербии с момента повторного восстановления многопартийности в 1990 г., можно выделить два ключевых ценностных ориентира: до 2000 г. речь идет о защите национального и государственного интересов как ключевой инструментальной ценности, с помощью которой будет достигнута верховная цель – улучшиться жизнь граждан, благосостояние; после 2000 г. как средство реализации данной верховной цели провозглашено присоединение к Европейскому Союзу. Тема интеграции в Европу после 2000 г. была в широком смысле подтекстом любой политической коммуникации в рамках избирательных кампаний. Улучшение качества жизни граждан путем присоединения Сербии к Европейскому Союзу – доминирующий ценностный ориентир с 2000 г., являющийся основанием для защиты национального и государственного интересов как базовой инструментальной ценности, провозглашаемой на выборах начиная с 1990-х гг. Обсуждение тематики избирательных кампаний поднимает вопрос о мотивации избирателей, т.е. вопрос отношения этого фактора мотивации к другим факторам, особенно к образу кандидата. Случай Сербии подтверждает, что голосование за определенную идею (тему) может стать иллюзией для рационализации избирательного процесса. Избиратель голосует за партию не потому, что соглашается с ее установками, а делает свой выбор исходя из доверия к кандидату / лидеру партии, который выступает с такими установками.

Литература

- Slavujević Z. Političko komuniciranje, politička propaganda, politički marketing. Beograd : Grafokard, 2009.
 - 2. Djurić M. Stihija savremenosti. Beograd : SKZ, 1972.
- 3. *Gregor M., Matuskova A.* Electoral campaigns and marketing strategy The case study of Karel Schwarzenberger's campaign // Czech journal of social sciences, business and economics. 2014. Vol. 3, is. 4. P. 24–30.
 - 4. Nimmo D. The Political Persuaders. New Jersey: Prentice-Hall, 1970.
- 5. *Pantić D., Pavlović Z.* Javno mnenje: koncept i komparativna istraživanja. Beograd : Friedrich Ebert Stiftung i Institut društvenih nauka, 2007.
 - 6. Životić M. Aksiologija. Zagreb: Naprijed, 1986.
- 7. *Атагић С.* Теме као фактор изборне мотивације у Србији 1990–2014: Претпоставка рационалног избора у служби промоције лидера̂ // Српска политичка мисао. 2015. № 2. С. 183–198.
- 8. Odnos građana prema Narodnoj skupštini Republike Srbije («Отношение граждан к Парламенту Республики Сербия») // НПО Центр свободных выборов и демократии (CESID) для нужд ООН / United Nations Development Programme. Белград, 2013. URL: http://www.rs.undp.org/content/dam/serbia/Publications%20and%20reports/Serbian/UNDP_SRB_Izve staj_Narodna%20skup%C5%A1tina_%20CeSID_%20UNDP%20jun%202013.pdf (дата обращения: 25.06.2018).
- 9. Stavovi građana o policiji Rezultati istraživanja javnog mnenja Srbije («Взгляды граждан на полицию результаты исследования общественного мнения Сербии») // НПО Pointpulse –

Western Balkan Pulse for Police Integrity and Trust при поддержке Европейского Союза. Белград, 2017. URL: http://www.bezbednost.org/upload/document/stavovi_gradjana_srbije_o_policiji_20180730_124416.pdf (дата обращения: 11.07.2018).

- 10. *Slavujević Z.* Institucije političkog sistema Umesto simboličkog prava građana davladaju, sredstvo vladavine nad građanima // Kako građani Srbije vide tranziciju Istraživanje javnog mnenja tranzicije / под ред. S. Mihajlović. Beograd: FES, CSS, CeSID, 2010. P. 59–70.
- 11. *Jovanović M.* Parlamentarni izbori u Srbiji 2014. godine: mali jubilej // Politički život. 2014. Issue 11. P. 9–18.
- 12. *Mihajlović S.* Stare i nove linije vrednosno-ideološkog rascepa" // Oko izbora / под ред. S. Mihajlović. Beograd : Vukoslavović Studio, 2008. P. 7–20.
- 13. *Atlagić S.* Teme u parlamentarnim izbornim kampanjama u Srbiji 1990–2008: Nacionalno i državno pitanje i ostalo // Partije i izbori u Srbiji 20 godina / под ред. S. Orlović. Beograd : Friedrich Ebert Stiftung & Fakultet političkih nauka, 2011. П. 317–331.
- Slavujević Z., Atlagić S. Vreme neispunjenih obećanja: teme u izbornim kampanjama u Srbiji 1990-2014. Beograd: IP Dobar naslov, 2015.

Sinisa Atlagic, University of Belgrade (Belgrade, Serbia).

E-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

Bogdan Stojanovic, University of Belgrade (Belgrade, Serbia).

E-mail: bogdan.stojanovic@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 218–226.

DOI: 10.17223/1998863X/54/20

THE VALUE BASIS OF POLITICAL COMMUNICATION IN SERBIAN ELECTION CAMPAIGNS FROM 1990 TO 2017

Keywords: values; election campaign; thematic frames; image; Serbia.

The authors attempt to address the dominant value orientations in electoral communication, identifying theme frameworks of electoral campaigns in Serbia since the re-establishment of multipartism in 1990. They find it possible to identify two key value orientations: until 2000 the protection of the national and state interest was the key instrumental value for realization of the supreme goal - better living of citizens, affluence; while after 2000, the state's accession to the European Union was proclaimed the means for achieving this goal. In the longest part of the post-2000 period, the European integration topic was the subtext of electoral communication in a broader sense. Achievement of better living through the accession to the European Union as the dominant value orientation since 2000 has also been proclaimed as the basis for realization of the main instrumental value from political and electoral life of the 1990s – the protection of the national and state interest. The authors also find that the domination of value and the emotional over the rational during campaigns challenges their potential programme-wise character. Formation of voting decision is, then, "moved" to the realm of irrational determinants - value and emotional attitudes of voters towards leaders, whereas thematic campaigns are easily transformed into leadership ones, often accompanied with negative and disqualifying contents. The reason for this is that the parties are poorly profiled ideologically and programmatically, poorly socially based and are with underdeveloped infrastructure. This raises another important question: the issue of electoral motivation in the so-called to transitional societies such as Serbian. Namely, in these societies, thirty years after the first multiparty elections were held, there is no developed party identification as the most general and strongest factor of electoral motivation. That is why the second most important factor of electoral motivation emerges: the image of a party leader who can be trusted to deliver on election promises.

References

- 1. Slavujević, Z. (2009) *Političko komuniciranje, politička propaganda, politički marketing*. Beograd: Grafokard.
 - 2. Djurić, M. (1972) Stihija savremenosti. Beograd: SKZ.
- 3. Gregor, M. & Matuskova, A. (2014) Electoral campaigns and marketing strategy The case study of Karel Schwarzenberger's campaign. *Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics*. 4(3), pp. 24–30.
 - 4. Nimmo, D. (1970) The Political Persuaders. New Jersey: Prentice-Hall.

- 5. Pantić, D. & Pavlović, Z. (2007) *Javno mnenje: koncept i komparativna istraživanja*. Belgrade: Friedrich Ebert Stiftung i Institut društvenih nauka.
 - 6. Životić, M. (1986) Aksiologija. Zagreb: Naprijed.
- 7. Atlagi, S. (2015) Teme kao factor is perfectly motivated by Srbiji 1990–2014: Pre-delivery of rational election by the service is a promotion leader. *Srpska politician misao*, 2, pp. 183–198.
- 8. Serbia. (n.d.) Odnos građana prema Narodnoj skupštini Republike Srbije ("Citizens' Attitude to the Parliament of the Republic of Serbia"). Belgrade: NGO Center for Free Elections and Democracy (CESID) for UN / United Nations Development Program. [Online] Available from: http://www.rs.undp.org/content/dam/serbia/Publications%20and%20reports/Serbian/UNDP_SRB_Izve staj_Narodna%20skup%C5%A1tina_%20CeSID_%20UNDP%20jun%202013.pdf (Accessed: 25th June 2018).
- 9. Serbia. (2017) Stavovi građana o policiji Rezultati istraživanja javnog mnenja Srbije ("Citizens' views on the police the results of a public opinion survey in Serbia"). NGO Pointpulse Western Balkan Pulse for Police Integrity and Trust with the support of the European Union. Belgrade: [s.n.]. [Online] Available from: http://www.bezbednost.org/upload/document/stavovi_gradjana srbije o policiji 20180730 124416.pdf (Accessed: 11th July 2018).
- 10. Slavujević, Z. (2010) Institucije političkog sistema Umesto simboličkog prava građana davladaju, sredstvo vladavine nad građanima. In: Mihajlović, S. (ed.) *Kako građani Srbije vide tranziciju Istraživanje javnog mnenja redzicij.* Belgrade: FES, CSS, CeSID. pp. 59–70.
- 11. Jovanović, M. (2014) Parlamentarni izbori u Srbiji 2014. godine: mali jubilej. *Politički život*. 11. pp. 9–18.
- 12. Mihajlović, S. (2008) Stare i nove linije vrednosno-ideološkog rascepa. In: Mihajlović, S. (ed.) *Oko izbora*. Belgrade: Vukoslavović Studio. pp. 7–20.
- 13. Atlagić, S. (2011) Teme u parlamentarnim izbornim kampanjama u Srbiji 1990–2008: Nacionalno i državno pitanje i ostalo. In: Orlović, S. (ed.) *Partije i izbori u Srbiji 20 godina*. Belgrade: Friedrich Ebert Stiftung & Fakultet političkih nauka. pp. 317–331.
- 14. Slavujević, Z. & Atlagić, S. (2015) Vreme neispunjenih obećanja: teme u izbornim kampanjama u Srbiji 1990–2014. Belgrade: IP Dobar naslov.

УДК 327

DOI: 10.17223/1998863X/54/21

T. Beydina, A. Kukharsky, A. Novikova¹

CHINA AS A KEY PLAYER IN THE PRESENT-DAY POLITICAL PROCESS²

The main aim of the article is to scrutinize the importance of China's center of power within the framework of social and political changes of the contemporary world. The following methods of research were used: theoretical, historical, economic and statistical analyses, comparative, structure-functional and factorial methods. It is stated that China's economic and military build-up is a factor of social and political changes in the international arena. Among the factors affecting political and economic changes in the political system of the PRC as the article notes are the influence of traditionalism and soft power. The authors arrived at several conclusions. (1) Confucian values, inherent in China's management culture, involve ideological influence over the Chinese form of government, which is connected with the CPC dictatorship. (2) The article reveals the growing influence of China on global economic and political processes. (3) The present-day political process implies the Chinese political leadership (the political leadership of China).

Keywords: China, social and political changes, political processes, traditionalism, power center, reform in the PRC, soft power, modernization, foreign policy strategy³.

Political processes that reflect the political relation dynamics aimed at the qualitative implementation of the state interests spectrum are interconnected with legal, moral, power, country, leadership, and other public relations. The institutional (state, parties, political institutions, including leadership) and ideological (doctrines, ideologies, propaganda) subsystems of the political system are interrelated in the political sphere and affect the political activity. Nowadays the problem of political leadership accompanied by economic characteristics, including the rapid development of China, has become especially acute. China takes leading positions from the point of view of the following quantitative economic indices: export of goods, mining of iron, gold, and coal. Thanks to the economic growth of China, the world leader change problems are being updated. Strengthening of the PRC's power is connected with economic characteristics: the growth of gross domestic product (GDP), a quantitative increase in the export turnover of goods; and with globalization characteristics as well.

¹ **Авторы:** Т.Е. Бейдина, А.Н. Кухарский, А.В. Новикова.

 $^{^2}$ Название статьи: КИТАЙ КАК ЦЕНТР СИЛЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

³ **Аннотация:** В статье рассматривается актуальность китайского центра силы в контексте социально-политических изменений современного мира. Утверждается, что экономическое и военное наращивание Китая является фактором социально-политических изменений на международной арене. Среди факторов, влияющих на политические и экономические изменения в политической системе КНР, отмечается влияние традиционализма и мягкой силы. Конфуцианские ценности, унаследованные в китайской управленческой культуре, предполагают идеологическое влияние на китайскую форму правления, которая связана с диктатурой КПК. Раскрывается растущее влияние Китая на глобальные экономические и политические процессы.

Ключевые слова: Китай, социально-политические изменения, политические процессы, традиционализм, центр силы, реформирование КНР, мягкая сила, модернизация.

The political process in its state of dynamics implies the political systems movement and their mobility, as well as the active influence of public associations, institutions, and social groups on the systems. In this context, the accumulation of new features and characteristics takes place. In the 21st-century trends, the political process dynamics is being observed. It is aimed at technological breakthrough (know-how) and the informatization of the society, as well as at state and municipal government bodies. Due to the implementation of this dynamics, the state faces the issue of the political process information security concept formation and the protection of all state resources from internal and external threats. The political process in the state of statics means sustainable development and interrelations within political systems and outside them, forming-up of political actors and their political roles. One of characteristics of the political process is the dynamic side of politics in the form of integral transformations based on the activity of the society that fulfills its interests and needs in these processes. In most definitions, dynamics reflects the complexity of political processes. In this case the "political process" concept in its narrow sense is defined as the functioning of the political system. In its broad sense it is interpreted as a political life as a whole.

According to the structure-functional approach, the political process is characterized as a system self-structuring mechanism, as a political socialization of citizens by participating in the decision-making process in the political life. The political process is considered as a holistic framework in the system theoretic approach. This approach evaluates the stability of its elements, due to the hierarchical arrangement of its components. The basic component or element of the kind is the state. The society, in its turn, delegates the authority to manage relationships. And the state possesses all the resources necessary to fulfill this authority.

It is obvious that the political process includes objects and subjects (state, political parties, civil society, etc.). Taking into account the importance of information to government bodies, the information component can be categorized as the subject of the political process.

The characteristic of the regional aspect allows us to note that the main actors of the regional political process are:

- the system of government bodies, municipal administrations, parties, other political organizations;
- actors engaged in information security process as a necessary condition for the functioning of government at any level;
 - the population of regions and municipalities;
 - the system of international relations.

Social and political processes are problematic issues in the PRC. These processes represent a significant sphere of a human society at the national and global levels. This sphere is both a source and a factor for political developments in modern China. As G. Mirzoyan states, "political reform will provide re-branding of China's state power and will enable to resolve a number of structural matters in the country including corruption, as well as to close the gap between the poorer farming inland provinces and the wealthier coastal ones" [1].

Specific nature of social and political changes in the PRC in the new historic era can be regarded on the basis of the concept of a "Xiaokang" society or "harmonious society", that is shown in the article by G. V. Kondratenko "Continuation of reforms in China: from a society of "average prosperity" to a harmonious society"

[2. P. 17–36]. Changes in China are connected with the economy which forms the basis of stabilization. As A. V. Bolyatko points out, "under certain conditions unresolved border and territorial issues between the countries of Asia entail risks of the outbreaks of new conflicts" [3. P. 26]. Social changes are important as well. A family factor plays an important role in the modernization process in the PRC. A woman (a daughter or a daughter-in-law) takes the primary responsibility for supporting elderly Chinamen. While fertility is constantly declining, gender fatigue is increasing, due to exploitation of women and absence of a developed pension system. It is clear that the elderly Chinamen are family-oriented and seek financial support from their families. Nowadays, China intensifies social support for those in need. As V.V. Mikheev notes, "While commending China's reforms from the perspective of their impact on people's life, we cannot fail to mention that China has not been liberated from a number of complex social problems inherited from prereform and pre-revolution times. Moreover, scenario-based reform had much negative impact" [4. P. 89–103].

It is obvious that China has private and individual sectors of the economy with the increasing importance of the controlling branch of power. Auditors, including representatives of the police, customs and public security, are appointed by the state; that leads to greater openness. On the other hand, heavy state control promotes social unrest. Increasing challenges of social and political instability would be as follows: the rise of unemployment in cities, the growth of social inequality, great rural-urban migration, the environmental disaster and population ageing. It should be noted that information on people who are born and dead is based on women's and household members' interviews. As A. Andreev pointed out: "The information gathered enables to make demographic calculations but the reliability of the results is far below those made in civil offices. Accordingly, international agencies calculations connected with China often seem less than fully reliable. There is nothing surprising in this fact. For years the UN Statistics Division has been showing life expectancy in the USSR to be 70 years while in fact it was less than 68" [5]. Such regular surveys correlate with population census data. The latest population census in the PRC was from 1 to 10 November 2019 and it is very significant for the regulation of agriculture. According to the resident Chinese, "In many ways, such policy is very effective, since it is in fulfilment of that policy over the past four years when Chinese Government abolished agricultural tax that had existed for over 2000 years, 148 million pupils of primary and secondary rural school were freed from tuition fees, more than 22 million of unemployed were able to get a new job" [6. P. 13–14].

China tends to have a harmonious world which focuses on cultural diversity, multipolar policy and preservation of the unity by means of subjection. The ideal for the "unity without harmonization" is given by O. Borokh and A. Lomanov: "In today's world it means that China will oppose any attempts to impose values by force. The subtext is clear: when the USA uses "hard power" in order to disseminate its values, China highlights ideas of non-interference in anyone's business and respect for diversity of ways for countries and cultures" [7. P. 41–60].

Generally, we can sum up major changes in internal policy and economy of China over the past years of the beginning of the 21st century:

- 1. New housing of heightened comfort has been constructed.
- 2. The Internet business has increased employment and consumption.

- 3. Officials have become responsible for inaction.
- 4. Entrepreneurial thinking has been encouraged to innovate.
- 5. In order to avoid American influence, measures for creating working coalition in collaboration with Taiwan have been taken.
- 6. The Sino-American relationships have been developing; however, China is vigilant in ensuring safety for domestic culture and people's minds from the American influence.

In recent decades China's policy has been growing quite stable in accordance with the political course being followed.

Regarding the competent authorities, the supreme body of the PRC is the National People's Congress (abbreviated NPC). The executive power in China belongs to the State Council. The CPC, all people's party, dominates. Political disagreements are addressed through the highest economic growth. As G. Mirzayan reports, "According to the official forecasts, the GDP growth rate should reach 7 per cent in the next years, but, according to some economists, in order to insure social stability the GDP growth rate should have been at least 10 per cent annually" [1]. However, homogenization through economic growth leads to political instability which is connected with governance. According to A. Maslov, the director of the Moscow Centre for Strategic Studies of China, "people will get more rights at the local level. Firstly, it is the level of greater elections in legislative, executive, judicial branches of power, the election of judges and so on. Secondly, it is the empowerment of local committees which can be seen virtually in every street, but their rights are limited by control and migration registration for local people. Thirdly, the Communist Party will preserve its influence. The theory of Three Represents will be continuously developed. It means that the party will have representatives of a broad spectrum of Chinese society, including the representatives of economy, trade, traditional intellectuals and party officials. It may also be assumed that there will be a reform of ministries and departments. For instance, many ministries, connected with commercial activity, like the Ministry of Commerce, develop into various associations. Thus, the number of organs, which are strictly regulated, decreases" [Ibid].

Changes in the Party and in power have been occurring in the PRC. As G. Mirzayan reports, "For many years several city governments of Chongqing and the general population have made great contributions to reform and have made clear progress. However, the present Town Committee and government should think over Wang Lijun's case and learn the right lessons from it, — Wen Jiabao, Chinese prime minister, explained the perspective of the party leadership. He also added that he did not like revolutionary red songs contests. Experts believe that other neo-maoists will be in disgrace soon. Therefore, the fifth generation of Chinese leaders which will come to power this autumn can commence change the face of the Middle Kingdom" [Ibid].

Perspectives of social and political changes have reintroduced on the agenda the issue of new global leaders. Currently, the United States of America is considered to be the world leader. Discussions of the "Chinese factor" and the problem of a "peaceful integration" of the PRC into the global political game leave no doubt that the 21st century will be largely determined by competition among the two worldwide giants, China and the USA.

China's economy strengthens its positions as a world leader. As Xin Li reports, "China's economic potential has increased fivefold whereas the urban resi-

dents' income has increased by 3.1 times" [8. P. 75–87]. In terms of the parity of the currency, China's GDP achieved the highest enrolment rate in the world, overtaking the USA in 2012. According to the International Monetary Fund, China is expected to be three times greater than the USA" [9].

China certainly tends to be a super-power but it has certain civilization features different from the West and the traditional East. E.A. Leksina shows the economic expansion of China: "In order to implement the project "global power" China develops and strengthens its economic capacity reinforcing it by military and strategic development. China's fast-rising becomes the characteristic feature of the global "nitty-gritty of politics" of the 21st century. According to the World Bank, China's economy constitutes more than 9.5 trillion US dollars, that is a half of the American one" [11]. Furthermore, E. A Leksina notes: "In 2012 China was a leader in foreign trade turnover, it was ahead of the US by 50 billion dollars (import and export in China was 3.87 trillion, whereas in the USA it was 3.82 trillion dollars)" [Ibid].

Russian Sinologist S. Luzyanin indicated: "In terms of civilization development, the major goal of China is to restore historical validity, to get back the status of a regional leader and to achieve the global status..." [12. P. 54–60].

The foreign policy strategy of the PRC focuses on a peaceful development, but the People's Republic of China "borders on 14 countries such as Afghanistan, Mongolia, Nepal, DPRK, Pakistan, Russia, Tajikistan and Vietnam" [13]. According to S.G. Luzyanin, it is appropriate to comply with the following guidelines in order to modernize foreign policy (eight fundamental principles of Deng Xiaoping's conception):

- watch dispassionately;
- strengthen the positions;
- respond to changes with confidence;
- conceal the abilities;
- gain time;
- not to attract attention
- avoid taking the lead in international politics;
- do concrete actions" [14. P. 70].

A.A. Kosorukov suggests: "China is becoming one of the leaders of the developing world which is shifting the emphasis in its foreign policy strategy, relying more on global determinants, with the continuing and valuable role of state and intra-state determinants. The more national resources China has, the more unipolar impact it imposes on the USA, the more active foreign policy it should have. At the present stage, the PRC follows a policy of "peaceful development", which aims at building up a peaceful international environment and controlling an internal order. The essential feature of policy of China is the fight against international isolation by peaceful means, integration of neighbouring countries into joint economic projects, economic counteraction to anti-China alliances" [15].

According to A.A. Kosorukov: "There is a concept of "Easternization" in the area of promotion of Chinese "soft power" and getting a leading position in the APR, that concept implies the dominant role of "eastern knowledge". In contrast to "Westernization", the era of the eastern culture, known as "Easternization", is proclaimed. The state system in China plays a role of a main transporter of external impulses to society, using various approaches based on growing economic power.

China's national strength, while retaining its central role in ensuring foreign policy strategy, in the 2000s begins to lose a mobilizing ability and social cohesion, due to both a stable growth of overall national power of China and problems of public support of government initiatives" [15].

The problem of "soft power" is of current importance in China, as illustrated by A.V. Boyarkina in her thesis [16]. As she points out: "Political analysts believe that "soft power" primarily extends to political system, then to national spirit, international image of society <...> Many Chinese analysts suppose that Chinese "soft power" has more abilities than western countries have, and the reason for this lies in a rich oriental culture" [Ibid].

A.A. Kosorukov points out: "State dominance in the international as well as the domestic arena is typical for China. An important factor which brings together the Chinese society is the policy on the large Chinese community abroad. The better feedback from migrants will be built, the more cohesive society in China will be and the more mobilizing ability Chinese society will have. The example of the usage of mobilizing ability with regard to Chinese diaspora is the organization of mass protest actions in 2008 in Italy and Spain against their Government's desire to recognize the independence of Taiwan" [15].

From a geopolitical perspective, China, covering a land area, supports Eurasian cooperation with Europe, Russia, and India. China sees its future in cooperation with these countries. E. Grachikov states: "In the 21st century Chinese geopolitics extended beyond its national borders, its active economic activity had an impact on redistribution of spheres of influence of the world power centers (the USA, Europe) to its advantage, withdrawing them from the regions where they had been dominating" [17].

China, being a world export leader, attempts to influence the United States of America economically.

The official website "Ankvitori" publishes the following:

- new automobiles are purchased in China more actively than anywhere else in the world;
 - China has the largest amount of foreign exchange reserves;
 - China is the world's largest gold mining and gold importing country;
 - China has overtaken the US annual output of engineers and specialists" [18].

Thus, when estimating China and the USA as the world leaders, we can see that the PRC is gaining extensive strength in the region and in the world and it is rapidly moving towards global leadership. Dominance abilities depend on both the history of Sino-American relations and comparative economic indicators.

The economic indicators of net profit are of great importance since they influence upon the economic development of the country. This results in the great significance of implementation of input-output economics and enables to identify GDP at purchasing power parities (PPP) and to identify the structure of GDP itself. PPP makes it possible to estimate the real economy regardless of the US dollar and evaluate the real standard of living. That knowledge of the GDP structure allows to identify the real economy amount, that is, the actual amount of production in different branches of industry: extracting and manufacturing.

Nominal GDP rating in bln dollars:

- 1. US Nominal GDP: \$19.391 trillion.
- China Nominal GDP: \$12.013 trillion.

GDP based on PPP:

1. China GDP: \$23.159 trillion.

2. US GDP: \$19.391 trillion.

GDP also includes the value of things consumed by the population, such as food, clothes, housing, utilities, cars, medicines, and so on.

Certainly, these are the things of a primary importance, but the power of the country depends upon its army and science as well.

GDP per capita ranking:

1. China GDP: \$1.389.764.000.

3. US GDP: \$325.719.000.

GDP (PPP) per capita ranking in dollars:

10. US GDP: \$59.501.

78. China Nominal GDP: \$16.660.

As E. Frolov points out: "US manufacturing industry is 15%, agriculture and fishery is 1%, construction is 3%. In total, the real economy constitutes 19%. The rest is trade and various services: from manicure to financial services and transportation. In the case of China, its manufacturing industry is 40%, agriculture 10%, construction 7%. The real economy constitutes 57%. Thus, China's real economy is three times greater than that of the US" [19].

The major political problem of China is the accession of Taiwan. The electronic source publishes: "China has consistently opposed any forms of official contacts between the USA and the Taiwan authorities. The situation is aggravated by the statement of the Chinese authorities that the problem of Taiwan cannot wait indefinitely and it is necessary to abandon military action" [Ibid]. Therefore, politics sometimes has a negative impact on the economy.

There are certain factors of Chinese leadership which provide social and political changes: its demographic and economic power. The problems of the PRC growth were highlighted at the scientific conference in China in 2007. First of all, these are governance problems. As it is shown in a Chinese electronic source: "According to Deng Xiaoping, in order to get socialist democracy, it is necessary to implement popular democracy, go up against the dictatorship of power, decentralize the state, increase the participation of citizens in political life" [20]. According to O.V. Litvinov, "China still has low population literacy, that means that it is difficult to implement the principle of a responsible choice since 70% of the population is represented by the semi-literate peasant class" [21. P. 128–130].

The PRC demonstrates its own democracy version, a "vertical democracy", whereby interaction is being implemented top-down. D. Neisbit writes: "Vertical democracy in China fully integrates Chinese experience, Chinese history and Chinese vertical models of interaction. During this interaction long-term goals are being formulated and the process of mutual adaptation is taking place. Thus, through appropriate interaction of government and society, in the conditions of a centralized state, positive results are possible" [22. P. 45–46].

In order to save stability, politics should be based on national culture and Confucianism. A team of researchers of world politics stated: "Western views of Confucian democracy differ from the views of Chinese people. It is obvious, that today the central leadership enjoys the support of the majority of the Chinese population which believes that life is gradually improving" [23].

As E.O. Podolko highlights in her thesis, there are global problems in China, like "preventing the proliferation of weapons of mass destruction, fighting against the new threats to humanity (international terrorism, risks of the environmental disaster). The PRC plays a big role in the Asia and Pacific region, where more than a half of the world population live, where the majority of Powers with weapons of mass destruction is situated, which has the highest dynamics of development and which is nowadays one of the main centers of the world competition for markets and resources" [24]. An electronic source states: "China plays more constructive role in the Central Asian region, it is one of the organizers and active participants of the Shanghai Cooperation Organization" [25].

Bobo Lo's article "China's Permanent Reset" suggests: "Nowadays it is possible to speak about the shift of the global force to the East and China's emergence as a super-power of the 21st century. Most of the time after the Cold War China has been focusing on the concept "one super-power, several super-powers". Although Beijing often speaks about the "multipolar world order", it has no confidence that this order is a matter for the future. The United States remain undeniable world leader, despite the problems in Iraq and Afghanistan and the influence of global financial crisis" [26].

Bobo Lo gives an overview of internal problems of China: "Strengthening of domestic political stability is the most important priority of a regional policy. It can shortly sound like "struggle against three evils". That means the strengthening of the power of the Communist Party in Xinjiang, counteracting Uighur separatism and Islamic radicalism. Strengthening security in the region is considered in terms of domestic policy agenda. Its importance stems from awareness that internal stability of China will be strengthened in case of suspending the activity of Radical Islam and separatist movements. Guided by the idea of "enjoyable neighborhood", Beijing ingratiates itself with Central Asian leaders both at the bilateral level and in multilateral forums, such as the Shanghai Cooperation Organization" [Ibid]. According to Ch. Grant, "China will be able to play more important role in international relations, pursue its goals, acting unilaterally, bilaterally or with small groups of allies" [27].

It must be underlined that Confucian values, mainly in social and political sphere, have not undergone any modification. Preservation of traditional ideas demonstrates the desire of the state to create a stable and harmonious society. Chita researcher V.A. Abramov points out: "Social harmony and personal wellbeing are achieved through the principles of Confucian public order" [28. P. 69]. Due to the respect of the authority, the state remains integral and powerful. China's emergence as a global power implies not only economic, but also territorial expansion. China will continue to have a growing impact in the future. These are the political realities of today.

The present-day political process implies political leadership. China's political leadership is associated with economic forecasts, with results of 95% of the world production of rare earth metals which are the feed stock in the production of electronics, TV-sets, mobile phones. Foreign exchange reserves of the PRC are growing, industrial and agricultural production is growing as well. China's global influence is also supported by its demographic power (21% of the world's population lives in China). China's transformation into a superpower of the 21st century is accompanied by Sino-Russian energy cooperation, China's emphasis on

domestic political problems, and the desire to become the world power by status including the use of military resources.

References

- 1. Mirzayan, G. (n.d.) *Novoe litso Kitaya* [The new face of China]. [Online] Available at: http://expert.ru/2012/03/16/novoe litso podnebesnoj/ (Accessed: 21st January 2020).
- 2. Kondratenko, G.V. (2009) The continued reforms in China: from society of "medium prosperity" to harmonic society. *Rossiya i ATR Russia and the Pacific*. 3. pp. 17–36. (In Russian).
- 3. Bolyatko, A.V. (1998) *Bezopasnost' v Aziatsko-Tikhookeanskom regione* [Security in Asia and the Pacific]. Moscow: RAGS.
- 4. Mikheev, V.V. (2005) Kitay: ugrozy, riski, problemy razvitiya [China: threats, risks, development challenges]. Moscow: Carnegie Moscow Centre.
- 5. Andreev, E. (2015) *Udvoenie Kitaya: chto privedet k otmene pravila "odna sem'ya odin rebenok"* [Doubling of China: what will bring the abolition of the rule "one family one child"]. [Online] Available at: https://www.rbc.ru/opinions/society/11/11/2015/–5642d7709a794773d004037d (Accessed: 9th January 2020).
 - 6. Tszo Dapehl. (2008) It is necessary to discuss so that it is clear. Du Shu. 1. pp. 13–14.
- 7. Borokh, O. & Lomanov, A. (2007) Skromnoe obayanie Kitaya [China's modest charm]. *Pro et Contra*. 6(39). pp. 41–60.
 - 8. Xin Li. (2011) On the "Chinese model". A World of Change. 1. pp. 75–87.
- 9. IMF. (2014) MVF: VVP po paritetu pokupatel'noy sposobnosti Kitaya vpervye stal bol'she, chem u SShA [IMF: GDP at purchasing power parity of China for the first time became more than the USA]. [Online] Available at: https://tass.ru/ekonomika/1494526 (Accessed: 2nd February 2020).
- 10. Laperdina, V.V. (2009) Analiz ekonomicheskogo rosta Kitaya na rubezhe vekov. Problema otsenki VVP [Analysis of China's economic growth at the turn of the century. The problem of estimation of GDP]. Moscow: Institute of Economics.
- 11. Leksina, E.A. (2015) *Problema mirovogo liderstva: amerikanskiy i kitayskiy podkhody* [The Problem of Global Leadership: American and Chinese Approaches]. Penza: Information and Technical Department of Academy of Natural Sciences.
- 12. Luzyanin, S. (2013) China and the 18th Congress of the CPC. *Obozrevatel Observer*. 1. pp. 54–60.
- 13. Russian.people.com. (2011) *Zampredsedatelya KNR nazval pervoocherednoy zadachey KPK v oblasti diplomatii obespechenie mirnoy sredy* [Deputy Chairman of the PRC called the priority task of the CPC in the field of diplomacy to ensure a peaceful environment]. [Online] Available at: http://russian.people.com.cn/31521/7264054.html (Accessed: 2nd February 2020).
- 14. Luzyanin, S.G. (2011) China and the world: from regional to global. *Obozrevatel Observer*. 9. pp. 76–85. (In Russian).
- 15. Kosorukov, A.A. (n.d.) *Strategiya Kitaya v nachale XXI veka: vykhod na mirovoy uroven'* [China's strategy at the beginning of the 21st century: reaching the global level]. [Online] Available at: http://e notabene.ru/nb/article_13390.html (Accessed: 9th January 2020).
- 16. Boyarkina, A.V. (n.d.) "Myagkaya sila" kak politicheskiy instrument realizatsii vneshney politiki na rubezhe XX XXI vekov ["Soft power" as a political tool for the implementation of foreign policy at the turn of 20th 21st centuries]. [Online] Available at: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/3d2/%D0%90%D0%B2%D1 %82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%20%D0%91%D0%BE%D1%8F%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%90.%D0%92..pdf (Accessed: 9th January 2019).
- 17. Grachikov, E. (n.d.) *Kitay v mirovoy politike* [China in world politics]. [Online] Available at: http://www.geopolitica.ru/article/kitay v mirovoy politike (Accessed: 20th February 2019).
- 18. Anvictory.org. (2013) China and the US: the new leader of the world economy. [Online] Available at: http://anvictory.org/blog/2013/02/11/kitaj i ssha smena lidera mirovoj ekonomiki/ (Accessed: 4th February 2020).
- 19. Frolov, E. (n.d.) *GDP of Russia, USA and China. Unexpected comparison.* [Online] Available at: https://topcor.ru/732 vvp rossii ssha i kitaya neozhidannoe sravnenie.html (Accessed: 14th January 2020).
- 20. China. (n.d.) *Chinese democracy*. [Online] Available at: https://baike.baidu.com/item/中国民主政治/16846354 (Accessed: 11th January 2020).

- 21. Litvinov, O.V. (2004) *Put' Kitaya k demokratii* [China's path to democracy]. Moscow: Nauchnaya kniga. pp. 128–130.
- 22. Neisbit, D. (2009) Vertikal'naya demokratiya v Kitae. Mezhdunarodnyy protsess [Vertical democracy in China. International process]. *Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam Academic Educational Forum on International Relations*. 7(3), pp. 45–46.
- 23. Beydina, T., Kukharsky, A., Novikova, A. & Popov, Yu. (2019) Internal and External Dimensions of China's Development in the Face of Changing Contemporary International Relations. *International Journal of Humanities and Social Science*, 9(9), DOI: 10.30845/ijhss.v9n9p13
- 24. Podolko, E.O. (2006) Evolyutsiya kontseptsii vneshney politiki v Narodnoy Respublike Kitaya [Evolution of foreign policy concept in the People's Respublic of China]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
- 25. Sinologia.ru. (n.d.) *Kitayskiy faktor v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [The Chinese factor in modern international relations]. [Online] Available at: http://www.synologia.ru/(Accessed: 4th February 2020).
- 26. Bobo Lo. (2010) "Postoyannyy sbros" Kitaya [China's "permanent reset"]. [Online] Available at: https://globalaffairs.ru/number/Postoyannaya-perezagruzka-Kitaya-15017 (Accessed: 14th January 2020).
- 27. Grant, Ch. (2012) Rossiya, Kitay i problemy global'nogo upravleniya [Russia, China and Global Governance Issues]. Moscow: Center of European Reforms.
- 28. Abramov, V.A. (2010) Globalizatsiya Kitaya: aspekty sotsiokul'turnogo izmereniya [Globalizing China: aspects of social and cultural dimension]. Moscow: Vostochnaya kniga.

Tatyana E. Beydina, Municipal Administration and Politics of the Trans-Baikal State University (Chita, Russian Federation).

E-mail: beydina@inbox.ru

Artem N. Kukharsky, Municipal Management and Politics of the Trans-Baikal State University (Chita, Russian Federation).

E-mail: kukharskijjartjom@yandex.ru

Anna V. Novikova, Municipal Administration and Politics of the Trans-Baikal State University (Chita, Russian Federation).

E-mail: anna_novikova2010@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54, pp. 227–237.

DOI: 10.17223/1998863X/54/21

CHINA AS A KEY PLAYER IN THE PRESENT-DAY POLITICAL PROCESS

Keywords: China; social and political changes; political processes; traditionalism; power center; reform in the PRC; soft power; modernization; foreign policy strategy.

The main aim of the article is to scrutinize the importance of China's center of power within the framework of social and political changes of the contemporary world. The article contains the analysis of the modern political process. Political processes that reflect the political relation dynamics aimed at the qualitative implementation of the state interests spectrum are interconnected with legal, moral, power, country, leadership, and other public relations. The institutional (state, parties, political institutions, including leadership) and ideological (doctrines, ideologies, propaganda) subsystems of the political system are interrelated in the political sphere and affect the political activity. The following methods of research were used: theoretical, historical, economic and statistical analyses, comparative, structure-functional and factorial methods. According to the structure-functional approach, the political process is characterized as a system self-structuring mechanism, as a political socialization of citizens by participating in decision-making process in the political life. The political process is considered as a holistic framework in the system theoretic approach. This approach evaluates the stability of its elements, due to the hierarchical arrangement of its components. The basic component or element of the kind is the state. The society, in its turn, delegates the authority to manage relationships. And the state possesses all the resources necessary to fulfill this authority. It is obvious that the political process includes objects and subjects (state, political parties, civil society, etc.). Taking into account the importance of information to government bodies, the information component can be categorized as the subject of the political process. The characteristic of the regional aspect allows the authors to note that the main actors of the regional political process are: the system of government bodies, municipal administrations, parties, other political organizations; actors engaged in information security process as a necessary condition for the functioning of government at any level; the population of regions and municipalities; the system of international relations. It is stated that China's economic and military buildup is a factor of social and political changes in the international arena. Among the factors affecting political and economic changes in political system of the PRC as the article notes are the influence of traditionalism and soft power. The authors arrived at several conclusions. (1) Confucian values, inherent in China's management culture, involve ideological influence over Chinese form of government, which is connected with the CPC dictatorship. (2) The article reveals the growing influence of China on global economic and political processes. (3) The present-day political process implies the Chinese political leadership (the political leadership of China). УДК 328.34

DOI: 10.17223/1998863X/54/22

М.А. Кашина

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТАХ: ПЕРЕЙДЕТ ЛИ КОЛИЧЕСТВО В КАЧЕСТВО? КЕЙС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Хотя во всем мире женщины имеют избирательные права, гендерное неравенство сохраняется в том числе в России. В статье анализируется женская повестка в деятельности женщин-депутатов петербургского парламента на базе данных о законопроектах и депутатских запросах женщин-депутатов в 2016—2018 гг. Анализ показал, что лишь 17% их законодательных инициатив являются женскими / социально ориентированными.

Ключевые слова: гендерное неравенство, парламент, законотворчество, гендерные нормы.

Введение

Концепция паритетной демократии, разработанная Советом Европы в конце 1980-х гг., предполагала, что необходимо стремиться к представительству мужчин и женщин в органах власти в пропорции 50 на 50 [1. С. 325—326]. За прошедшие тридцать лет многое изменилось, но гендерный паритет в представительных органах государственной власти до сих пор не достигнут. Женщины по-прежнему остаются в меньшинстве в абсолютном большинстве парламентов мира. Этому вопросу посвящен массивный пласт литературы, в том числе отечественной (см., например: [2–5]). Априори полагается, что когда депутатов-женщин немного, то интересы женщин как группы представлены в политике недостаточно. При этом мало кто задается вопросом, а что реально происходит, когда доля женщин увеличивается, действительно ли политика и бюджет становятся проженскими и более социально ориентированными.

В научной литературе достаточно полно изучены различные аспекты женского политического участия [6–8], представлен компаративный анализ со странами Европы (см., например: [9]). В то же время сам законотворческий процесс, особенно в региональных парламентах, с точки зрения активности депутатов-женщин пока мало изучен на эмпирическом уровне. Исключение составляют работы Н. Козловой [10]. Исследователи чаще всего ограничиваются анализом распределения руководящих должностей в парламентах между мужчинами и женщинами, каждый раз фиксируя разделение парламентских комиссий и комитетов на мужские и женские (подробнее см.: [3, 5, 7, 11, 12]), однако сам законотворческий процесс чаще всего остается за кадром. В связи с этим возникает необходимость заполнить теоретический пробел, связанный с пониманием того, выступают ли женщины-депутаты представителями интересов женщин как социальной группы, проявляют ли они активность в решении женских проблем. Также было бы весьма актуально провести компаративные исследования в сфере парламентской деятельно-

сти российских женщин-депутатов, например, по линии Север – Юг, или дотационных регионов – регионов-доноров.

Официальная статистика свидетельствует, что доля женщин-депутатов в парламентах субъектов Российской Федерации варьирует от 5 до 50%, но как это сказывается на содержании и качестве законодательного процесса, с точки зрения отстаивания интересов женщин? Ответ на этот вопрос требует специальных исследований. В данной статье представлен только один кейс — деятельность женщин-депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в 2016—2018 гг. В Шестом созыве регионального парламента, избранного в сентябре 2016 г., женщин стало 24% (12 человек). Это абсолютный максимум для всего постсоветского периода. Однако, как показало исследование, количество пока не перешло в качество в смысле представительства женщинами-депутатами интересов женской части населения города.

Цель статьи — оценить, какова роль женщин-депутатов в решении женских проблем в Санкт-Петербурге, исходя из гипотезы, что высокая доля женщин в составе законодательного органа региона не приводит к качественному изменению законотворческого процесса, не повышает его социальную / женскую ориентированность ¹.

Предметом эмпирического исследования выступила степень представительства интересов женщин как социальной группы в деятельности женщин-парламентариев Санкт-Петербурга. В качестве основного метода исследования был использован контент-анализ материалов, размещенных на официальном сайте Законодательного Собрания Санкт-Петербурга [13]. Материалы депутатской деятельности анализировались за период с сентября 2016 г. (выборы нового состава парламента) по ноябрь 2018 г.

Теоретическую рамку исследования составили концепция «мужского господства» П. Бурдье [14] и вытекающий из нее феномен «выхода женщин за границы своего пола» или «добровольного согласия с господством», который заключается в том, что для сохранения себя в поле политики женщины выстраивают свой имидж не в соответствии со своей гендерной принадлежностью, а исходя из атрибутов доминирующей маскулинности [15. С. 7]. Другими словами, будучи объективно в меньшинстве, женщины должны отвечать представлениям большинства мужского мира политики. Именно поэтому они не склонны противостоять своему назначению в «женские» комиссии и комитеты, даже если себя чувствуют более компетентными в других областях.

«Мужское господство» П. Бурдье раскрывает символическую природу мужского доминирования в культуре и политике, лишний раз доказывая, что необходимы качественные изменения в представлениях о ролях женщин в обществе, ее способностях как политического актора. В противном случае женщины-политики всегда будут испытывать кризис гендерной идентичности, поскольку традиционалистские гендерные нормы видят в женщине мать и хранительницу домашнего очага, а отнюдь не человека, определяющего пути дальнейшего развития страны (региона) (подробнее о традиционалистских нормах см.: [16]).

¹ Знак равенства между женскими интересами и решением социальных проблем поставлен абсолютно сознательно, потому что в России социальная сфера продолжает оставаться крайне феминизированной. Семья, дети, образование, культура, медицина, уход за инвалидами и пожилыми – все это зона ответственности по большей части именно женщин.

240 М.А. Кашина

В качестве еще одной теоретической линзы будет использована теория социального действия в трактовке М. Вебера, т.е. сделан акцент на действующем индивиде, а не на социальных институтах. Это позволит включить в анализ политических / законотворческих процессов конкретную личность депутата, имеющего определенные социально-демографические характеристики, ожидания, ценности, установки и стереотипы.

Основные эмпирические данные получены с помощью контент-анализа, т.е. количественной методологии сбора данных.

Статья делится на три части. В первой проводится анализ литературы по теме исследования, во второй представлены данные отечественной статистики по политическому представительству женщин, а также результаты эмпирического исследования законотворческой деятельности женщин-депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в 2016—2018 гг. В третьей части подводятся итоги, делаются выводы и намечаются направления дальнейших исследований.

Тема политической активности женщин давно является предметом общественных дискуссий и научных исследований. Еще в XVII в М. Эстелл, отстаивая право женщин на рациональное мышление и субъектность, задавала вопрос: «Поскольку Бог наделил женщин, как и мужчин, разумной душой, почему им возбраняется пользоваться ею?» (цит. по: [17. С. 20]). Однако признание женщины разумным существом, имеющим те же способности, что и у мужчин, не отвечало на вопрос о том, насколько сходны / различны интересы женщин и мужчин, в том числе в политике.

Все феминистские теории и теоретики исходят из общего тезиса о том, что в условиях традиционного общества, где господствуют патриархатные представления, женщинам просто нет места в политике, соответственно, они объективно не могут быть реальными политическими акторами . Феминистские исследователи полагают, что это выступает проявлением гендерного неравенства и нарушением прав человека, следовательно, с этим необходимо бороться в современном / демократическом / либеральном / правовом обществе.

Первая волна женского движения, как известно, в качестве своей основной цели ставила обретение женщинами политических прав и свобод, в первую очередь избирательных (о первой волне русского феминизма см.: [18]). К началу XXI в. эта цель была полностью достигнута. В современном мире практически нет государств, где у женщин не было бы права голоса, но гендерное неравенство от этого отнюдь не исчезло. Как отмечает Н. Портякова в статье 2018 г., «...в 32 странах мира женщины не имеют права обратиться за получением паспорта без разрешения мужа. В Египте и еще 16 странах мира есть закон, который грозит супруге лишением финансовой поддержки мужа за выход из дома в одиночестве и без разрешения. В Мали все еще практикуется женское обрезание, а в Непале показатель смертности при родах составляет 1 к 24» [19]. Даже в странах с цифровой экономикой и устоявшимися демократическими институтами домашнее насилие не пре-

¹ Здесь не рассматриваются ситуации скрытого влияния и манипулирования, когда женщины могут оказывать заметное воздействие на политические решения и государственную политику, пользуясь своим положением матери / супруги (любовницы), а также находясь в статусе вдовы. Напомним, что русская императрица Екатерина II пришла к власти благодаря браку, а не в силу своих способностей, которые у нее, безусловно, были. Кроме того, в данной статье речь идет о массовом вхождении в политику женщин как социальной группы, а не об отдельных выдающихся исторических личностях.

кращается, сохраняется разрыв в доходах женщин и мужчин, и власть попрежнему во многом остается «мужским клубом».

Всемирный экономический форум в Давосе ежегодно публикует статистику по гендерному разрыву (см.: [20]). Программа развития ООН составляет рейтинг стран по индексу гендерного развития, в котором Россия в 2015 г. была на 49-м месте сразу после Бахрейна и Черногории (см.: [21]). Достижение гендерного равенства включено в качестве пятой цели в Цели устойчивого развития ООН [22]. Написано множество работ по различным стратегиям улучшения положения женщин и повышению их роли в обществе, например, о политике гендерного мейнстриминга или гендерной интеграции (см.: [2, 23, 24]). Тем не менее ситуация к лучшему меняется крайне медленно.

Подводя итоги представленного выше обзора научной литературы, можно констатировать, что в ней убедительно показано существование гендерного разрыва в мире в целом и в российском обществе в частности; проведен анализ причин его возникновения и сохранения. Однако реальные способы сокращения этого разрыва исследованы недостаточно. Одним из них может стать законотворческая активность женщин-депутатов в области нормативного правового обеспечения политики гендерного равноправия. Находясь в статусе депутатов, женщины теоретически вполне могут выдвигать законопроекты в интересах женщин, способствуя тем самым улучшению их положения и сокращению гендерного неравенства, если не в стране в целом, то хотя бы в одном отдельно взятом регионе. Женщин-депутатов национального и региональных парламентов в России не очень много, но все-таки они есть. Используется ли ими эта возможность – вопрос, который исследуется в данной статье.

Начнем с анализа женского представительства в законодательных органах государственной власти России на федеральном и региональном уровнях. На рис. 1 представлена динамика численности женщин-депутатов в нижней палате Федерального собрания Российской Федерации в 1993—2016 гг.

Если в 1990-х гг. в Государственной Думе наблюдалось заметное падение количества женщин-депутатов до критических 7,6% в Думе Третьего созыва, но затем ситуация выровнялась. Сейчас доля женщин в нижней палате российского парламента составляет 15,8%, это на 2% больше, чем было в Думе Первого созыва, избранной в 1993 г. Тем не менее сколько-нибудь заметного продвижения в женском представительстве за 25 лет постсоветской истории не произошло.

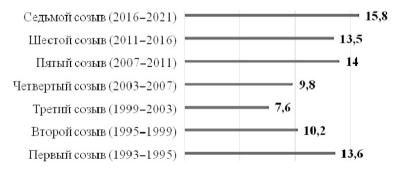

Рис. 1. Динамика доли женщин-депутатов в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации (1993–2016 гг.), %

242 М.А. Кашина

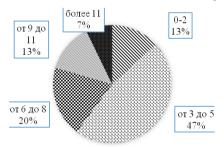
На рис. 2 представлено групповое фото 2019 г. с сайта верхней палаты Федерального собрания Российской Федерации [25].

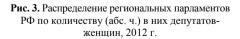

Рис. 2. Совет Федерации Федерального собрания (12 июня 2019 г.)

Согласно данным государственной статистики в Совете Федерации на 01.01.2012 было 10 женщин из 173 сенаторов (5,8%) [26]. На 01.01.2018 женщин стало уже 30 из 170 членов Сената (17,8%) [27]. Однако о гендерном паритете в этом федеральном органе законодательной власти говорить тоже пока не приходится.

Ситуация с женским представительством в региональных парламентах России весьма разнообразна 1. В целом по стране женщины в 2012 г. составляли 12% корпуса депутатов. В 13% региональных законодательных органов женщин-депутатов было по 1–2 человека, при этом в парламенте Пензенской области женщин-депутатов не было совсем (рис. 3). Две трети парламентов (67%) имеют в свои составе менее 15% женщин, только в 7% регионов (в шести регионах — Еврейская автономная область; Архангельская Иркутская, Калужская области, Республика Тыва, Чукотский автономный округ) доля женщин составляла 25% и более депутатов (рис. 4).

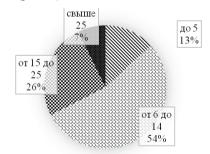

Рис. 4. Распределение региональных парламентов РФ по доле (%) в них депутатов-женщин, 2012 г.

¹ Необходимо пояснить, что данные о распределении депутатов региональных парламентов по полу последний раз были опубликованы в статистическом сборнике «Женщины и мужчины России, 2012». В сборниках 2014, 2016 и 2018 гг. эта информация не представлена. Есть только данные о Составе Федерального собрания Российской Федерации.

Причины низкого представительства женщин в законодательных органах Российской Федерации неоднократно были предметом научных исследований, в том числе автора статьи (подробный анализ см.: [28]). К наиболее распространенным относятся:

- низкая политическая культура и низкая политическая активность женщин, отсутствие массовых женских *политических* организаций [8];
- раздробленность российского женского общественного движения (борьба феминистских (диссидентских) и традиционалистских (прогосударственных) взглядов на решение проблем женщин), возникшая еще в советское время [29];
- господство в массовом сознании стереотипа «женщинам не место в политике» (см.: [30]), в силу этого женщины не голосуют за женщин на выборах;
- незрелость институциональных и неинституциональных предпосылок вхождения женщин в политику [31].
- В Законодательном Собрании Санкт-Петербурга ситуация несколько иная. В региональном парламенте Первого созыва (избран в 1994 г.) из 50 его членов была всего одна женщина-депутат Н.Л. Евдокимова, в Законодательном Собрании Шестого созыва уже 12 женщин-депутатов. Они составляют практически четверть всего парламента (24%). Доля женщин за период 1994—2016 гг. выросла на 22%.

Следует специально подчеркнуть, что в нашей стране присутствие женщин-депутатов в парламенте совершенно не означает, что они будут бороться за преодоление гендерного неравенства и продвижение женщин на позиции принятия ключевых решений. Гендерные стереотипы и представления депутата-женщины определяют ее понимание того, в чем именно состоят женские интересы и какова роль женщины в обществе [32].

В качестве иллюстрации можно привести результаты, полученные Н. Козловой в ходе исследования женщин-парламентариев Северо-Кавказского федерального округа. Она пишет: «Деятельность большинства женщин-депутатов сосредоточена на работе в комитетах социального профиля — здравоохранения, образования, семьи, молодежной политики. Это объясняется самими избранницами природными свойствами женщин и их традиционной ролью как хранителей и трансляторов национальной культуры... Даже при незначительном росте количества женщин в парламентах СКФО произойдет усиление консервативного дискурса, направленного на поддержание гендерной асимметрии представительной системы. Представительство женских интересов будет вести к дальнейшему воспроизводству и тиражированию традиционных социальных ролей, не связанных с мейнстримом демократизации и модернизации общества» [10. С. 110].

Охарактеризуем подробнее состав женского депутатского корпуса Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Шестого созыва, избранного в сентябре 2016 г. В табл. 1 представлены данные о всех 12 женщинах-депутатах. Две трети (67%) женщин являются членами партийной фракции Единой России. Это практически совпадает с общим распределением мест в региональном парламенте. Фракция «Единая Россия» имеет в нем 36 мандатов из 50 (72%).

244 М.А. Кашина

Таблица 1. Общая характеристика женщин-депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Шестого созыва

****	Партийная фракция	Год рожде- ния (лет)	Образование / профессия	Количество законодательных инициатив (2016–2018 гг.)			Количе- ство депу-
ФИО				Всего*	Подпи- сан	Отозван / отклонен	татских запросов
Дмитриева О.Г.	Партия РОСТА	1958 (60)	Экономист, д-р экон. наук	1	0	0	4
Егорова Л.И.	Единая Россия	1966 (52)	Спортсменка, канд. пед. наук	3	1	1	0
Иванова И.В.	КПРФ	1961 (57)	Товаровед, канд. техн. наук	5	2	0	2
Киселева Е.Ю.	Единая Россия	1962 (56)	1	19	11	2	1
Мартемьянова Ю.А.	Единая Россия	1973 (45)	Воспитатель дошкольного учреждения	4	2	0	0
Мельникова А.Р.	Единая Россия	1969 (49)	Актриса	14	3	2	0
Назарова Г.Н.	Единая Россия	1986 (32)	Управленец (ГМУ)	5	0	0	0
Рахова Е.А.	Единая Россия	1960 (58)	Экономист, юрист, управленец (ГМУ ²⁴)	18	7	2	0
Сергеева В.В.	Единая Россия	1956 (62)	Высшая школа МВД, юрист	4	0	0	0
Тихонова Н.Г.	Справедли- вая Россия	1973 (45)	Инженер-оптик, $\Gamma M Y^{24}$	15	6	1	4
Ходунова О.А.	КПРФ, ру- ководитель фракции	1955 (63)	Горный инженер, политолог	2	0	1	2
Щербакова М.Д.	Единая Россия	1955 (63)	Городское и жилищно- коммунальное хозяйство	7	3	0	5
Всего: для 12 депутатов-женщин				97	35	9	18
Справочно. Всего: для 38 депутатов-мужчин				415**	189	26	66

 $\mathit{Примечаниe}$. ГМУ – Государственное и муниципальное управление; МВД – Министерство внутренних дел.

В табл. 2 представлены некоторые социально-демографические характеристики женского депутатского корпуса. Они свидетельствуют, что петербургские женщины-депутаты — люди зрелого возраста с достаточным социальным опытом и высоким уровнем образования. Четверть из них имеют ученую степень. Некоторые, когда политика стала их профессиональной деятельностью, выбрали стратегию получения второго высшего образования. В то же время образование трети депутатов-женщин напрямую не связано с государственной политикой и законотворчеством.

^{*} Как свидетельствуют данные таблицы, существует весьма заметный разброс в количестве выдвинутых женщинами инициатив: от 1 до 19 при модальном значении 4–5 (33%). У депутатов-мужчин различия заметно выше. Максимум составило значение в 134 инициативы за 2 года, минимум – 1. Модальное значение – 6 инициатив, его имеют 9 депутатов (24%).

^{**} Из расчета исключены законодательные инициативы Председателя Законодательного Собрания, носящие регламентный характер. В частности, о формировании органов регионального парламента, о награждении, об объявлении благодарности и т.п. Не учитывались такие инициативы и у других депутатов, например, об установлении перерыва в заседаниях Законодательного Собрания, об избрании счетной комиссии и др.

 Таблица 2. Социально-демографические характеристики женщин-депутатов Законодательного

 Собрания Санкт-Петербурга Шестого созыва

Параметр	Значение
Средний возраст в 2018 г.	53,5 года
Доля лиц, имеющих высшее юридическое образование, %	16
Доля лиц, имеющих высшее экономическое образование, %	16
Доля лиц с образованием «Государственное и муниципальное управление», %	25
Доля лиц с ученой степенью, %	25

На рис. 5 показано, в каких комитетах и комиссиях Законодательного Собрания Санкт-Петербурга работают женщины-депутаты. Они составляют большинство (2 человека из 3) в Комиссии по экологической защите населения. Их ожидаемо много, хотя и меньше половины, в Комиссиях по социальной политике, образованию и здравоохранению. Женщин-депутатов меньше четверти в Комиссии по вопросам правопорядка и законности и в Комитете по законодательству. Всего одна женщина работает в Комиссии по устройству государственной власти, местному самоуправлению и административнотерриториальному устройству. Женщин совсем нет в Комиссии по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам, а также в Профильной комиссии по вопросам физической культуры и спорта. Последнее особенно странно, учитывая, что Л.И. Егорова — профессиональная спортсменка, имеет необходимое высшее образование и большой опыт законотворческой деятельности. Она избиралась депутатом парламента города три созыва подряд в 2007, 2011 и 2016 гг.

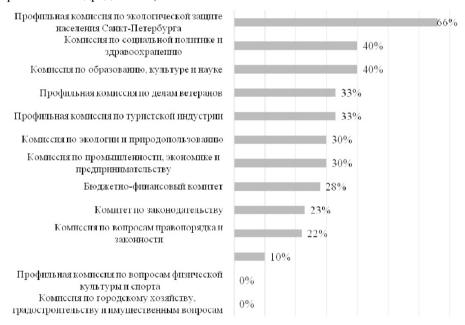

Рис. 5. Доля женщин-депутатов в комитетах и комиссиях Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

Понятно, что общее число женщин-депутатов невелико, их только 12, и они не могут работать более чем в двух органах Законодательного Собрания [33]. Тем не менее они сосредоточены в традиционно женских зонах ответ-

246 М.А. Кашина

ственности — образовании, здравоохранении, социальной помощи, а не распределены более или менее равномерно по всем комиссиям и комитетам. С этой точки зрения ситуация аналогична распределению, имеющемуся в парламентах Северного Кавказа. Это лишний раз доказывает распространенность гендерных стереотипов о том, чем должны заниматься женщины и мужчины в политике, при этом этнический и конфессиональный факторы особой роли не играют. Женщины отсутствуют в ключевой для жизни города Комиссии по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам, хотя, как было показано выше, М.Д. Щербакова имеет профильное образование по этим вопросам. Женщины практически отстранены и от работы по совершенствованию системы государственной власти и местного самоуправления в Санкт-Петербурге, поскольку из 10 членов этой комиссии женщина только одна — Е.А. Рахова. В то же время высшее образование по государственному и муниципальному управлению имеют три женщиныдепутата из двенадцати.

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют, что человеческий капитал женщин-депутатов в региональном парламенте в полной мере не используется.

Далее рассмотрим основные результаты депутатской деятельности женщин за 2016–2018 гг. В табл. 3 они представлены в сравнении с результатами деятельности депутатов-мужчин.

Параметр	Значение для депу-	Значение для депу-
Парамстр	татов-женщин	татов-мужчин
Среднее количество депутатских запросов на 1 депутата	1,5	1,74
Среднее число законодательных инициатив на 1 депутата	8	10,9
Доля подписанных законопроектов из числа выдвинутых, %	36	45
Доля отклоненных или отозванных законопроектов, %	9	6

Таблица 3. Сравнение результатов депутатской деятельности женщин и мужчин за 2016–2018 гг.

Как свидетельствуют данные табл. 3, активность мужчин-депутатов несколько выше, чем женщин, хотя и не на порядок. Следует отметить, что у мужчин лучше показатели по качеству депутатской деятельности: ниже процент отклоненных, отозванных или возвращенных на доработку законопроектов и выше процент уже подписанных и одобренных инициатив. Это объясняется опытом законотворческой деятельности и наличием профильного (юридического) образования. И того и другого у мужчин-парламентариев больше.

Далее проанализируем содержательную сторону законотворческой деятельности женщин-депутатов петербургского парламента.

Всего за 2016—2018 гг. женщинами было выдвинуто 65 законодательных инициатив, из них по социальным вопросам — 11 (17%). Депутатских запросов было сделано 18, из них напрямую затрагивают интересы женщин 2 (11%). Это позволяет сделать вывод, что, несмотря на участие в работе «женских», социально ориентированных структур Законодательного Собрания, социальные вопросы, по факту, не являются доминирующими в деятельности женщин-депутатов.

Как показано в табл. 1, количество инициатив и запросов у каждого депутата свое, одни женщины более активны, другие менее. В «несоциальных» комиссиях могут работать более активные женщины, чем в «социальных». Не в последнюю очередь их активность может быть вызвана необходимостью конкурировать с депутатами-мужчинами. Все это может объяснить небольшую долю инициатив по социальным и женским вопросам. Однако с точки зрения последствий для политики и законотворческого процесса факт остается фактом: женщины-депутаты не используют в полной мере свои возможности для артикуляции интересов женщин и сокращения гендерного неравенства в Санкт-Петербурге.

Для иллюстрации разницы «социальных / женских» (которых только 17%) и «несоциальных / неженских» законодательных инициатив женщин-парламентариев 1 приведем несколько примеров (табл. 4).

«Социальная / женская» законодательная «Несоциальная / неженская» законодательная инишиатива инишиатива О внесении изменений в статью 1 Закона О внесении изменений в пункт 1 статьи 6 Закона Санкт-Санкт-Петербурга «О мерах по реализации Петербурга «О пенсионном обеспечении лиц, замещавстатей 7 и 13 Федерального закона «Об осших должности муниципальной службы в органах новных гарантиях прав ребенка в Российской местного самоуправления в Санкт-Петербурге и муни-Фелерации» и статьи 22 Фелерального закона ципальных органах внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга» «Об образовании в Российской Федерации» О принятии заявления Законодательного О внесении изменения в Закон Санкт-Петербурга «О Собрания Санкт-Петербурга «О недопущемерах по обеспечению имущественных прав граждан, нии повышения пенсионного возраста в Росявляющихся владельцами гаражей на территории сийской Федерации» Санкт-Петербурга»

Таблица 4. «Социальные / женские» и «несоциальные / неженские» законодательные инициативы женщин-парламентариев Санкт-Петербурга

Аналогично можно сопоставить депутатские запросы. Напомним, что «социальных / женских» запросов было 11% (табл. 5).

«Социальный / женский» депутатский	«Несоциальный / неженский» депутатский		
запрос	запрос		
О развитии системы медицинского обеспечения	По вопросу правовой оценки деятельности		
учащихся образовательных учреждений СПб и фи-	должностных лиц администрации Центрального		
нансировании дополнительных ставок врачей и	района СПб в части освещения деятельности		
медицинских сестер для учреждений, которые про-	депутата в средствах массовой информации и		
водят обучение детей с особыми потребностями	работы с обращениями граждан		
О реконструкции здания Родильного дома № 17	О нарушении прав и гарантий при осуществле-		
	нии депутатской деятельности		

Таблица 5. «Социальные / женские» и «несоциальные / неженские» депутатские запросы женщин-парламентариев Санкт-Петербурга

Можно выдвинуть несколько предположений, объясняющих сложившуюся ситуацию.

- 1. Будучи избранными по партийным спискам, женщины-депутаты должны следовать партийной программе, в которой интересы женщин и задачи по сокращению гендерного неравенства в обществе практически не представлены.
- 2. Женские проблемы и интересы не выделяются женщинами-депутатами в качестве самостоятельных и / или сводятся к проблемам семьи и детей.

¹ Авторы этих законодательных инициатив не указываются сознательно, потому что с точки зрения целей и задач исследования это абсолютно неважно. Имеет значение только сам факт их выдвижения.

248 М.А. Кашина

- 3. Гендерные нормы и ценности женщин-депутатов по большей части носят традиционалистский характер, поэтому они не видят необходимости в преодолении гендерной асимметрии.
- 4. Чтобы удержаться в команде, женщины «подыгрывают» консервативным партийным лидерам-мужчинам, даже если их гендерные нормы и ценности носят эгалитарный характер.

В рамках проведенного исследования у нас недостаточно эмпирического материала, чтобы верифицировать данные гипотезы. Для этого необходимо проведение глубоких (свободных) интервью с женщинами-депутатами и использование не количественной, а качественной методологии исследования. Тем не менее основную гипотезу можно считать подтвержденной. Увеличение числа женщин-депутатов в составе Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по сравнению с предыдущими созывами не привело к повышению уровня представительства политических и социальных интересов женщин в законотворческом процессе. При этом человеческий капитал петербургских женщин-депутатов очень высок, но не используется в полной мере. Почему и как это изменить – вопросы для будущих исследований.

Литература

- 1. Айвазова $C.\Gamma$. Модернизация как контекст гендерного равноправия // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисьян. М.: РОССПЭН, 2011. С. 319–333.
- 2. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. М.: Макс Пресс, 2008. 772 с.
- 3. *Кочкина Е.В.* Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 173–183.
- 4. *Цветкова Н.А.* Женщины в системе государственного управления и политике России // Развитие российской системы государственного управления: реалии современности, тенденции, перспективы: сб. науч. тр. II междунар. науч.-практ. конф / сост. И.В. Мишуткина. 2017. С. 240–242.
- 5. Чирикова А.Е. Женщина в российской власти: три возможных сценария будущего // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях : материалы VII междунар. социол. Грушинской конф / отв. ред. А.В. Кулешова. 2017. С. 374–376.
- 6. Айвазова С.Г. Гендерный ракурс массовой политики // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 24–34.
- 7. Зимин В.А. Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 297–299.
- 8. Попова О.В. «Женские» партии в современной России: Проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 186—199.
- 9. *Степанова Н.М.* Участие женщин в политической жизни: сравнительный опыт России и Великобритании // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 77–80.
- 10. Козлова Н.Н. Женщины в публичной политике. На материалах региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа // Публичная политика. 2017. № 2. С. 94–111.
- 11. *Канапьянова Р.М.* Гендерная асимметрия на государственной службе: траектория преодоления стереотипов М.: Изд-во РАГС, 2006. 366 с.
- 12. Попова О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 21–30.
- 13. Сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. URL: http://www.assembly.spb.ru (дата обращения: 17.12.2019).
- 14. *Бурдъе П*. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2005. С. 286–363.
- 15. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3–13.
- 16. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
 - 17. Брайсон В. Политическая теория феминизма: пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
- 18. *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т. А. Мелешко. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.

- 19. Портякова Н. Нелегкая доля: в каких странах лучше не рождаться девочкой // Известия. 11 октября 2018 г. URL: https://iz.ru/797921/nataliia-portiakova/nelegkaia-dolia-v-kakikh-stranakh-luchshe-ne-rozhdatsia-devochkoi (дата обращения:17.10.2019).
- 20. The Global Gender Gap Report 2018. URL: https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2018 (дата обращения: 17.11.2019).
- 21. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf. (дата обращения: 17.11.2019).
- 22. *Цели* в области устойчивого развития. 17 целей для преобразования нашего мира. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/ (дата обращения: 17.11.2019).
- 23. Гендерная интеграция: Возможности и пределы социальных инноваций / ред.-сост. О.Б. Савинская, Е.В. Кочкина, Л.Н. Федорова. СПб.: Алетейя, 2004. 298 с.
- 24. *Калабихина И.Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 245 с.
- 25. *Сайт* «Совет Федерации Федерального Собрания неофициальная группа». URL: https://vk.com/sovfed?yclid=18217745321944982530&z=photo-67437835_456239905%2Falbum-67437835_261942844%2Frev (дата обращения: 17.11.2019).
- 26. Женщины и мужчины России. 2012 : стат. сб. / Росстат. М., 2012. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B12_50/Main.htm (дата обращения: 17.12.2019).
- 27. Женщины и мужчины России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18 50/Main.htm (дата обращения: 17.12.2019).
- 28. Кашина М.А. Гендерный ресурс государственной политики и управления в современной России : дис. . . . д-ра полит. наук. СПб., 2018. URL: https://www.ranepa.ru/aspirantura/zashchity-dissertatsij/kashina-marina-aleksandrovna (дата обращения: 17.09.2019).
- 29. *Хасбулатова О.А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2005. 372 с.
- 30. Кочергина Е. Участие женщин в политике // Пресс-выпуск. 16.10.2017. URL: https://www.levada.ru/2017/10/16/uchastie-zhenshhin-v-politike-2/ (дата обращения: 17.11.2019).
- 31. *Овчарова О.Г.* Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2008. 42 с.
- 32. *Середа М.В.* Женщины как субъект неотрадиционалистской гендерной политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 94–98.
- 33. Принципы формирования комитетов, постоянных и профильных (в составе постоянных) комиссий Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Приложение 1 к Постановлению Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «О структуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» от 14 апреля 1999 года № 78 (с изменениями на 27 июня 2018 года) // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга, N 5-6, 18.06.99. URL: http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/9110775 (дата обращения: 17.11.2019).
- *Marina A. Kashina*, North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: Kashina-ma@ranepa.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 238–251.

DOI: 10.17223/1998863X/54/22

WOMEN IN RUSSIAN PARLIAMENTS: WILL QUANTITY TRANSFORM INTO QUALITY? CASE OF THE LEGISLATIVE ASSEMBLY OF SAINT PETERSBURG

Keywords: gender inequality; parliament; lawmaking; gender norms.

The reduction of gender inequality is one of the tasks, which should be solved by democratic countries. This work should be done not only by the state, but also by women themselves. The analysis of women's political participation has many directions. In the scientific literature, there are works about the history of the women's movement and the struggle for their right to obtain suffrage, there are articles devoted to the representation of women in governmental structures, including legislative ones. The authors highlight two important points: the lack of gender parity (the number of women is noticeably smaller than the number of men); the existence of horizontal gender segregation in parliaments (there are "women's" and "men's" commissions and committees). However, there are much fewer surveys which describe what female deputies do in parliament. The theory of "male domination" by Pierre Bourdieu and the concept of "voluntary consent to domination" suggest that female deputies will not go beyond their gender role in order to remain in politics. The reason for it is the dominance of

250 М.А. Кашина

traditionalist gender norms. In other words, female deputies are not to reconsider the traditional gender order and therefore reduce gender inequality. To test this hypothesis, an empirical research was made using quantitative methodology. The object of the research was the activity of female deputies of the Legislative Assembly of Saint Petersburg. This regional parliament was chosen for the study because of the high proportion of women in it (24%). This is one of the highest rates in Russia. The subject of the study was the degree of representation of interests of women as a social group in the activities of female parliamentarians. The method of collecting information was the content analysis of legislative initiatives and deputy requests in 2016-2018. The results of the study confirmed that the solution of social problems and the protection of women's interests is not a priority in the activities of female deputies of Saint Petersburg parliament. Only 17% of their legislative issues are devoted to social issues, only 11% of parliamentary requests directly affect the interests of women. Thus, the quantity of women in the regional parliament did not turn into quality, which is the creation and adoption of laws in the interests of women. An important area of the future research may be a comparative analysis of women's parliamentary activities in various regional parliaments of Russia. It will make it possible to consider not only the socio-demographic characteristics of the deputies, but also the features of the region, such as the level of economic development, history, culture, denominations, etc.

References

- 1. Ayvazova, S.G. (2011) Modernizatsiya kak kontekst gendernogo ravnopraviya [Modernization as a context of gender equality]. In: Oganisyan, Yu.S. (ed.) *Modernizatsiya i politika v XXI veke* [Modernization and Politics in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. pp. 319–333.
- 2. Voronina, O.A. (ed.) (2008) Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov [Gender Equality in the Modern World: The Role of National Mechanisms]. Moscow: Maks Press.
- 3. Kochkina, E.V. (1999) Zhenshchiny v rossiyskikh organakh vlasti [Women in the Russian authorities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' Social Sciences and Contemporary World.* 1. pp. 173–183.
- 4. Tsvetkova, N.A. (2017) Zhenshchiny v sisteme gosudarstvennogo upravleniya i politike Rossii [Women in the system of public administration and the politics of Russia]. In: Mishutkina, I.V. (ed.) *Razvitie rossiyskoy sistemy gosudarstvennogo upravleniya: realii sovremennosti, tendentsii, perspektivy* [Development of the Russian Public Administration System: Realities of the Present, Trends, Prospects]. Guriev: [s.n.]. pp. 240–242.
- 5. Chirikova, A.E. (2017) Zhenshchina v rossiyskoy vlasti: tri vozmozhnykh stsenariya budushchego [A woman in Russian power: three possible scenarios of the future]. In: Kuleshova, A.V. (ed.) *Navstrechu budushchemu. Prognozirovanie v sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [Towards the Future. Forecasting in Sociological Research]. Moscow: [s.n.]. p. 374–376.
- 6. Ayvazova, S.G. (2016) Gendernyy rakurs massovoy politiki [Gender perspective of mass politics]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society*. 1. pp. 24–34.
- 7. Zimin, V.A. (2013) Russian women in politics and power structures. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya Theory and Practice of Social Development*. 10. pp. 297–299. (In Russian).
- 8. Popova, O.V. (2015) Role of women's parties in modern Russia: Problems and prospects. Politicheskaya nauka – Political Science. 1. pp. 186–199. (In Russian).
- 9. Stepanova, N.M. (2011) Uchastie zhenshchin v politicheskoy zhizni: sravnitel'nyy opyt Rossii i Velikobritanii [Women's participation in political life: a comparative experience of Russia and the UK]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society*. 3. pp. 77–80.
- 10. Kozlova, N.N. (2017) Zhenshchiny v publichnoy politike. Na materialakh regional'nykh parlamentov Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Women in public politics. A case study of materials of regional parliaments of the North Caucasus Federal District]. *Publichnaya politika Public Policy*. 2. pp. 94–111.
- 11. Kanapyanova, R.M. (2006) Gendernaya asimmetriya na gosudarstvennoy sluzhbe: traektoriya preodoleniya stereotipov [Gender asymmetry in public service: the trajectory of overcoming stereotypes]. Moscow: RAGS.
- 12. Popova, O.V. (2013) Gendernye aspekty politicheskoy kar'ery rossiyskoy subfederal'noy elity: mneniya ekspertov [Gender Aspects of the Political Career of the Russian Subfederal Elite: Expert Opinions]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society. 3. pp. 21–30.
- 13. *The Legislative Assembly of St. Petersburg*. Offical Website. [Online] Available from: http://www.assembly.spb.ru (Accessed: 17th December 2019).
- 14. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Translated from French. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheya. pp. 286–363.

- 15. Ayvazova, S.G. (2017) Gendernyy diskurs v pole konservativnoy politiki [Gender discourse in the field of conservative policy]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society*. 4. pp. 3–13.
- 16. Kletsina, I.S. & Ioffe, E.V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskiy feno-men* [Gender Norms as a Socio-Psychological Phenomenon]. Moscow: Prospekt.
- 17. Bryson, V. (2001) *Politicheskaya teoriya feminizma* [Feminist Political Theory]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press, 2001. 304 s.
- 18. Yukina, I.I. (2007) Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti [Russian feminism as a challenge of our time]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 19. Portyakova, N. (2018) Nelegkaya dolya: v kakikh stranakh luchshe ne rozhdat'sya devochkoy [A difficult share: in which countries it is better not to be born a girl]. *Izvestiya*. 11th October. [Online] Available from: https://iz.ru/797921/nataliia-portiakova/nelegkaia-dolia-v-kakikh-stranakh-luchshe-ne-rozhdatsia-devochkoi (Accessed: 17th October 2019).
- 20. World Economic Forum. (2018) *The Global Gender Gap Report 2018*. [Online] Available from: https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2018 (Accessed: 17th November 2019).
- 21. The UNDP. (2016) *Doklad o chelovecheskom razvitii 2016. Chelovecheskoe razvitie dlya vsekh i kazhdogo* [Human Development Report 2016. Human Development for Each and Everyone]. [Online] Available from: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf. (Accessed: 17th November 2019).
- 22. The UNO. (n.d.) *Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya. 17 tseley dlya preobrazovaniya nashego mira* [Sustainable development goals. 17 goals to transform our world]. [Online] Available from: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/ (Accessed: 17th November 2019).
- 23. Savinskaya, O.B., Kochkina, E.V. & Fedorova, L.N. (eds) (2004) *Gendernaya integratsiya: Vozmozhnosti i predely sotsial'nykh innovatsiy* [Gender Integration: Opportunities and Limits of Social Innovation]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 24. Kalabikhina, I.E. (2009) *Gendernyy faktor v ekonomicheskom razvitii Rossii* [Gender Factor in the Economic Development of Russia]. Moscow: MAKS Press.
- 25. The Council of the Federation of the Federal Assembly. An unofficial group. Website. [Online] Available from: https://vk.com/sovfed?yclid=18217745321944982530&z=photo-67437835 456239905%2Falbum-67437835 261942844%2Frev (Accessed: 17th November 2019).
- 26. The State Committee of Statistics of the Russian Federation. (2012) *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii*. 2012 [Women and Men of Russia. 2012]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/B12 50/Main.htm (Accessed: 17th December 2019).
- 27. The State Committee of Statistics of the Russian Federation. (2018) *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii*. 2018 [Women and Men of Russia. 2018]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/b18 50/Main.htm (Accessed: 17th December 2019).
- 28. Kashina, M.A. (2018) Gendernyy resurs gosudarstvennoy politiki i upravleniya v sovremennoy Rossii [Gender Resource of State Policy and Management in Modern Russia]. Political Science Dr. Diss. St. Petersburg. [Online] Available from: https://www.ranepa.ru/aspirantura/za-shchity-dissertatsij/kashina-marina-aleksandrovna (Accessed: 17th September 2019).
- 29. Khasbulatova, O.A. (2005) Rossiyskaya gendernaya politika v XX stoletii: mify i realii [Russian Gender Policy in the Twentieth Century: Myths and Realities]. Ivanovo: Ivanovo State University.
- 30. Kochergina, E. (2017) Uchastie zhenshchin v politike [Women's participation in politics]. *Press-vypusk.* 16th October. [Online] Available from: https://www.levada.ru/2017/10/16/uchastiezhenshhin-v-politike-2/ (Accessed: 17th November 2019).
- 31. Ovcharova, O.G. (2008) Gendernaya asimmetriya politiki: neinstitutsional'nye i institutsional'nye aspekty [Gender asymmetry of politics: non-institutional and institutional aspects]. Abstract of Political Science Dr. Diss. Saratov.
- 32. Sereda, M.V. (2011) Zhenshchiny kak sub"ekt neotraditsionalistskoy gendernoy politiki [Women as a subject of neotraditional gender policy]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society*. 3. pp. 94–98.
- 33. The St. Petersburg Legislative Assembly. (1999) Printsipy formirovaniya komitetov, postoyannykh i profil'nykh (v sostave postoyannykh) komissiy Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga. Prilozhenie 1 k Postanovleniyu Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga "O strukture Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga" ot 14 aprelya 1999 goda № 78 (s izmeneniyami na 27 iyunya 2018 goda) [The principles of forming committees, standing and profile (as part of standing) commissions of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Appendix 1 to Resolution No. 78 of the Legislative Assembly of St. Petersburg "On the structure of the Legislative Assembly of St. Petersburg" dated April 14, 1999 (as amended on June 27, 2018)]. *Vestnik Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga*. 5-6. [Online] Available from: http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/9110775 (Accessed: 17th November 2019).

УДК 323.37; 353.2

DOI: 10.17223/1998863X/54/23

И.С. Палитай, А.С. Данилова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

В статье проводится анализ новой кадровой политики в губернаторском корпусе, на основе которого авторы выделяют политико-психологические аспекты, отражающие новый подход к подбору кандидатур на пост главы региона. По результатам исследования молодых губернаторов выделяются их типовые политико-психологические характеристики, связанные с личностным и профессиональным потенциалом. Ключевые слова: губернатор, молодой политик, политико-психологический профиль, политический лидер, кадровое обновление, региональные элиты.

Введение

На прошедшем в феврале 2012 г. круглом столе журнала «ПОЛИС» была обозначена проблема политического лидерства в современной российской политике. Ряд экспертов высказали опасения в связи с отсутствием серьезных политических фигур не столько на федеральном, сколько на региональном и местном уровнях. Профессор Е.Б. Шестопал в своем выступлении предположила, что новые кадры можно «выращивать», а их поиском и продвижением могли бы заняться политические партии [1. С. 174].

Со временем запрос на обновление политической элиты уловила федеральная власть. В октябре 2016 г. первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ становится Сергей Кириенко, в сферу деятельности которого попадает внутриполитический блок, в том числе выборы всех уровней и ключевые общественные проекты. Его приход ознаменовал начало новой кадровой политики: обновление политической элиты, преимущественно губернаторского корпуса, ротация между региональным и федеральным уровнями государственного управления, реализация всероссийского конкурса управленцев «Лидеры России».

Региональные руководители² как значимые субъекты российской политики стабильно находятся в фокусе внимания исследователей, но изучаются преимущественно с позиции институционального подхода. Исследования последних лет связаны с изучением моделей карьерных траекторий губернаторов (см., например: [2]), с анализом особенностей кадровых обновлений (см., например: [3]). Стоит отметить исследование Экспертного института социальных исследований, посвященное промежуточным итогам кадровой политики [4]. В работах О.В. Гаман-Голутвиной [5, 6], Р.Ф. Туровского [7], А.В. Понеделкова, А.М. Старостина [8], А.В. Дуки [9] в целом отражается

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, получившего финансовую поддержку РФФИ и АНО ЭИСИ, № 19-011-31432 «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ».

² Понятия «губернатор», «глава региона», «глава субъекта Федерации», «региональный руководитель» далее будут употребляться как синонимы.

проблематика региональных элит, где отмечается значимая роль губернатора, его деятельности, происхождения и принадлежности различным элитным группам.

Отдельную группу составляют работы, представляющие политикопсихологический подход к изучению политических элит и лидеров. Суть подхода заключается в выявлении качественных характеристик элиты путем введения в анализ дополнительных психологических параметров, которые позволяют не только посмотреть на политических лидеров с точки зрения формальных критериев их правовых и политических функций, но и учесть человеческие или субъективные аспекты. Примером могут служить две монографии за авторством коллектива кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, в которых описаны психологические особенности российской политической элиты [10, 11].

Несмотря на разносторонний интерес исследователей, личностный и профессионально-политический потенциал региональных руководителей нового поколения изучен мало. Особенно это относится к молодым губернаторам, которые не так давно появились на политическом олимпе нашей страны.

Характеристика исследования

Исследование политиков с построением их политико-психологических профилей представляет собой комплексное изучение ряда аспектов личности и жизнедеятельности региональных руководителей.

Структура политико-психологического профиля включает в себя следующие аспекты:

- жизненный путь и политическая социализация регионального руководителя;
- мотивационный профиль: основные потребности, мотивирующие политическое поведение региональных лидеров (потребность во власти, тесно связанная с контролем над событиями и людьми, потребность в достижении, потребность в аффилиации, т.е. тесных отношениях с другими людьми);
- Я-концепция как динамическая система представлений человека о самом себе, характеризующаяся уровнем сложности и степенью адекватности самооценки;
- стиль принятия политических решений, представляющий собой различные компоненты – подход к получению новой информации, отношение к риску, когнитивная сложность, информационные процессы и другие особенности мышления, которые отражаются при принятии решения;
- стиль межличностных отношений. Данный аспект формируется в детстве при взаимодействии с родителями и проявляется в процессе управления и при взаимодействии с другими людьми (подробнее о структуре личности политика см.: [12. С. 50-100]).

Исследование проводилось с применением дистантных методов, основанных на контент-анализе текстов спонтанных выступлений (при построении мотивационного профиля), а также использовалось наблюдение за поведением политика с последующим безбланковым диагностированием.

Эмпирической базой исследования служили материалы СМИ, включающие биографические данные губернаторов, их интервью и комментарии, видеофрагменты с выступлениями.

Региональные руководители нового поколения: общая характеристика

Началом новой кадровой политики и массовой ротации губернаторов принято считать октябрь 2016 г., когда на должность временно исполняющего обязанности (далее — врио) главы Калининградской области был назначен Антон Андреевич Алиханов. С этого момента одновременно в ряде регионов начались кадровые перестановки, причем разница в датах назначения новых врио регионов составляла несколько дней. В этот период в СМИ появляются термин «губернаторопад», означающий массовые губернаторские отставки, и термин «молодой технократ», который обозначил новый подход к подбору региональных руководителей.

В результате проведенных выборов за 2016—2019 гг. губернаторский корпус обновился на 63,5% (табл. 1), а новые кадровые решения привели в политику целую плеяду молодых губернаторов, средний возраст которых — 48 лет, что в среднем ниже возраста их предшественников на 12–13 лет [4].

Год	к ЕДГ	ение врио к ЕДГ следующего года	Избрание региональным парламентом (из них новые)	Избрание на прямых выборах (из них новые)	Итого новых губернаторов (из них в возрасте до 48 лет)
2016	8	4	2(1)	7 (4)	5 (1)
2017	12	11	1(1)	16 (11)	12 (7)
2018	8	9	4(3)	22 (19)	22 (11)
2019	7	1	3 (2)	16 (13)	15 (8)
Всего	60		10 (7)	61 (47)	54 (27)

Таблица 1. Обновление губернаторского корпуса в 2016–2019 гг.

Примечание. ЕДГ – единый день голосования.

Вышеуказанные статистические данные подтверждают ускорение кадровой ротации в губернаторском корпусе и наметившийся тренд на «омоложение» элиты, поскольку 30% глав регионов вступили в должность в относительно молодом возрасте, если смотреть через призму сложившихся в российской политике традиций. При этом важно выделить некоторые политико-психологические факторы, которые, очевидно, учитывались федеральным центром при назначении конкретных политиков:

- **смена поколений:** «омоложение» состава глав регионов является естественным процессом, поэтому здесь стоит обращать внимание не на молодой возраст (это подчеркивают сами губернаторы), а на содержательные характеристики, которыми представители этого поколения обладают;
- опыт и компетенции: региональный руководитель нового поколения, несмотря на молодой возраст, обладает комплексным опытом с компетенциями в различных сферах муниципальном, региональном, федеральном и корпоративном управлении. Ряд губернаторов в своих выступлениях ссылаются на опыт и связи с предыдущего места работы в контексте обсуждения способов привлечения инвестиций в регион;
- прикладные знания: региональный руководитель нового поколения, как правило, имеет высшее образование, но его цель не получение «красного» диплома престижного университета. Целью становится получение знаний как рабочего инструмента, освоение современных подходов и технологий для

реализации на практике. Новое поколение характеризует стремление к развитию, к достижениям;

- управленческая подготовка: для новых губернаторов было организовано обучение в основанной на базе РАНХиГС Высшей школе государственного управления, Корпоративном университете Сбербанка, Московской школе управления «Сколково». Подобного рода обучение, помимо повышения квалификации и ознакомления губернаторов со спецификой их работы, унифицирует политиков, поскольку задает единый вектор развития, систему взглядов и подходов к реализации деятельности;
- региональный руководитель нового поколения молодой технократ. Однако термин «молодой технократ» в отношении губернаторовназначенцев – это имиджевая идея, которая активно транслировалась в СМИ. Здесь стоит пояснить, что под технократами обычно понимают высококвалифицированных специалистов в конкретной области, которых нанимают под определенные управленческие задачи. Тем не менее ключевой момент в том, что губернатор – это прежде всего политическая фигура, которая, помимо решения социально-экономических вопросов региона, взаимодействует с федеральной властью и обеспечивает требуемые от нее политические результаты. При этом, учитывая, что назначенцы были направлены в регион за несколько месяцев до выборов, формулировка «молодой технократ» оказывала положительный эффект на электорат, потому что: (1) «технократ» - это «хозяйственник» нового образца, т.е. будет заниматься развитием региона, а не политикой; (2) прошлый губернатор ничего не сделал для региона, чуда можно не ожидать, поэтому выберем нового / молодого; (3) существует общий тренд на новые лица в политике. Таким образом, термин «молодой технократ» является лишь имиджевым проектом, а не существенной характеристикой губернаторов новой волны;
- связь с регионом аспект, который берут во внимание при подборе кадров, но не выделяют магистральным направлением. Логика такова, что региональный руководитель нового поколения как эффективный управленец может справиться с поставленной задачей вне зависимости от предлагаемого региона в силу своих компетенций и опыта. Тем не менее такие аспекты, как происхождение, связь с местными элитами, национальный характер региона учитываются и прорабатываются в дальнейшем, чтобы установить связь с регионом в традиционном понимании.

Новая кадровая политика в ближайшей перспективе будет продолжаться, поскольку успех губернаторских выборов по сравнению с другими избирательными кампаниями очевиден. Федеральный центр предвидит запрос на обновление политической элиты и осуществляет его через назначение региональных руководителей. Механизм формирования поддержки новых врио при этом довольно прост: (1) запрос на перемены среди населения; (2) кредит доверия - назначается представитель, который имеет поддержку президента и независим от местных элит; (3) результаты – врио демонстрирует активность, работу и ощутимые результаты еще до выборов; (4) поддержка на выборах.

В серии аналитических докладов Института социального маркетинга, подготовленных по материалам фокус-групп в регионах, где произошло кадровое обновление, представлен типовой образ региональных руководителей нового поколения. Среди характеристик – молодой, энергичный, работоспособный, образованный и профессиональный, имеет опыт управления, самостоятельный и решительный, антикризисный менеджер, обладает эмоциональным интеллектом, открытый с населением, но требовательный с чиновниками.

Однако, несмотря на столь позитивные характеристики региональных руководителей нового поколения, фактически мы наблюдаем процесс «менеджеризации» губернаторов, которые, являясь эффективными управленцами, обеспечивают реализацию задач правительства. Итог такой политики на федеральном уровне — централизация в ближайшей перспективе. Однако в дальнейшем это может привести к накоплению негатива, связанного с оттеснением старых региональных элит, а также к формированию альтернативных центров влияния. При этом важно понимать, что губернаторы в этом процессе играют второстепенную роль.

Молодое поколение губернаторов: результаты политико-психологического анализа

На текущий момент на политическом олимпе нашей страны восемь молодых губернаторов. Каждый из них представляет собой молодого человека в возрасте до 40 лет, который родился и социализировался в городе. Образование, которое встречается чаще других, имеет экономическое направление. У большинства молодых управленцев есть второе высшее образование (у 5 из 8), а двое имеют степень кандидата наук. Абсолютное большинство (7 из 8) пришло в большую политику либо по партийной линии, либо с позиции чиновника.

Для более детального описания корпуса молодых губернаторов, отражения типовых политико-психологических характеристик региональных руководителей нового поколения мы выбрали трех, социально-демографические признаки которых в большей степени походили на типичные:

- Дмитрий Андреевич Артюхов, губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа, 1988 г. р.;
- Антон Андреевич Алиханов, губернатор Калининградской области, 1986 г. р.;
 - Максим Геннадьевич Решетников, губернатор Пермского края, 1979 г. р.

Жизненный путь и политическая социализация региональных руководителей

Каждый губернатор имеет два высших образования, причем у всех есть специализация, связанная с экономикой. В этом плане отличился губернатор ЯНАО, поскольку получил степень МВА (магистр делового администрирования) в Сингапурском университете управления. Карьерная траектория, как правило, связана с поступлением на государственную гражданскую службу в качестве помощников заместителей первых лиц, а затем в качестве самостоятельных единиц.

Политическая социализация Д.А. Артюхова проходила довольно быстро: обладая компетенциями в области экономики и бизнеса (во время обучения в университете он работал в Западно-Сибирском коммерческом банке), вернувшись в 2010 г. из Тюмени в ЯНАО, он сначала стал помощником первого

заместителя губернатора, через год – помощником самого главы региона, а в 2016 г. – его заместителем. Ему приписывают заслуги в запуске экономически выгодных ключевых ямальских проектов. В 2017 г. он участвовал в конкурсе «Лидеры России», однако не попал в число финалистов или победителей. В мае 2018 г. был назначен врио ЯНАО. При этом стоит отметить, что он сын первого вице-спикера Тюменской областной думы Андрея Артюхова. При этом сам губернатор отмечает, что его стремительной карьере в раннем возрасте способствовали специфика региона (Крайний Север) и амбициозность.

Политическая карьера А.А. Алиханова строилась таким образом: в 2010 г. начал административную карьеру, работал в Министерстве юстиции; с 2013 г. – в Министерстве промышленности и торговли. Дослужился до директора Департамента государственного регулирования внешнеторговой деятельности. Вхождение в публичную политику было неожиданным для широкой публики: в сентябре 2015 г. он был назначен заместителем председателя правительства Калининградской области, а в октябре 2016 г. – врио губернатора.

Траектория развития М.Г. Решетникова отличается наличием федерального опыта и длительного опыта работы в Москве. Его путь начался в 2009 г., когда он возглавил администрацию губернатора Пермского края. На этой должности он проявил себя талантливым управленцем, и Дмитрий Медведев включил его в число первых 100 кандидатов особого кадрового резерва. В том же 2009 г. его пригласили в Москву, предложив место руководителя в Департаменте государственного управления, регионального развития и местного самоуправления аппарата Правительства РФ, которым руководил Сергей Собянин. Владимир Путин тогда занимал должность председателя правительства, и молодой политик смог поработать с ним лично, что стало для Решетникова отличной школой. В последующие годы Максим Геннадьевич продолжал работать в команде Сергея Собянина. Ключевым этапом политической биографии Решетникова стало назначение на пост министра правительства Москвы. Одновременно с этим он возглавил городской Департамент экономической политики и развития. В 2017 г. Владимир Путин отправил Максима Геннадьевича обратно в родной Пермский край в качестве врио губернатора.

У каждого губернатора есть какая-либо установленная связь с регионом: М.Г. Решетников родился в Перми, Д.А. Артюхов детство и школьные годы провел в Новом Уренгое (ЯНАО), А.А. Алиханов до назначения врио около года работал в правительстве Калининградской области.

Мотивационный профиль

В профилях губернаторов нового поколения типичными являются высокие показатели мотива достижений. Причем у каждого губернатора мотив выражен по-своему. Для А.А. Алиханова важен процесс соревнования с другими (лицами, компаниями, регионами) и победа, в нем присутствует азарт и при этом демонстрируется четкое понимание, как достичь необходимых результатов. У М.Г. Решетникова мотив достижений проявляется в последовательном формулировании приоритетных задач и целей, которые необходимо решить, в апелляции к стандартам высокого качества и существующим проблемам, которые пока являются преградой на пути к цели. Д.А. Артюхов также ориентирован на достижения, поскольку это для него инструмент реализации себя в политике. Он предприимчив, предлагает и реализует прогрессивные решения.

При этом у Д.А. Артюхова доминирует мотив власти, выражающийся в стремлении к контролю и регулированию, что проявлялось в активном обсуждении работы и тщательном контроле деятельности его аппарата и в личном контроле за ходом реализации проектов. А.А. Алиханов и М.Г. Решетников не демонстрируют политические амбиции.

Общей чертой трех губернаторов стало крайнее низкое значение по мотиву аффилиации. Проявления дружеских чувств, сочувствия связаны с упоминанием семьи в контексте времяпрепровождения. Тема сотрудничества по рабочим вопросам присутствует, но крайне редко.

Я-концепция

Я-концепция – это сугубо индивидуальные показатели отдельных политиков. Стоит отметить, что в различные периоды своей деятельности самооценка губернаторов трансформировалась. Например, М.Г. Решетников после возращения в регион в 2017 г. в качестве врио имел более низкую самооценку, нежели в период своей работы в Москве. Сейчас самооценка стабилизировалась. По типологии Зиллера его можно отнести к политикам-«прагматикам», которые стабильны в своих целях и интересах, восприимчивы к новой информации и любым социальным стимулам. Самооценки А.А. Алиханова и Д.А. Артюхова, вероятно, в силу возраста, часто подвергаются колебаниям от высоких значений к средним. Обоим пришлось столкнуться с общественным резонансом вокруг их возраста, что способствовало созданию эффекта маятника в восприятии самих себя. Кроме того, их действия во многом мотивированы стремлением к самоутверждению в роли лидеров, что заметно отражается при анализе невербального поведения политиков. Этих губернаторов можно отнести к типу политиков с высокой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции.

Стиль принятия политических решений

Губернаторы обладают выраженными качествами политика-«администратора». У каждого губернатора определенно высокие амбиции; развито стратегическое мышление, которое позволяет структурировать ситуации, в которых они оказываются; присутствуют реализм, сосредоточенность на исполнении деловых и профессиональных обязанностей.

Стиль межличностных отношений

По стилю межличностных отношений губернаторы являются экстравертами. Но А.А. Алиханов и Д.А. Артюхов относятся к типу экстравертов с высоким уровнем доминирования, а М.Г. Решетников – к типу экстравертов с низким уровнем доминирования. Но доминирование носит гибкий и адаптивный характер, что также подтверждается Я-концепцией политиков.

Каждый их трех губернаторов демонстрирует демократичный, энергичный и деловой стиль коммуникации с людьми. При этом губернаторы достаточно открыты и уверенно выходят на прямой диалог с населением.

Показатель	Д.А. Артюхов,	А.А. Алиханов, Калинин-	М.Г. Решетников,	
Показатель	ЯНАО	градская область	Пермский край	
Я-концепция	Аполитичный политик /	Аполитичный политик /	«Прагматик»: низкая	
Самооценка / сложность	показательный политик:	показательный политик:	самооценка и высокая	
Я-концепции	высокая самооценка и	высокая самооценка	сложность	
	высокая сложность	и высокая сложность	Я-концепции	
	Я-концепции	Я-концепции		
Мотивы (в порядке	Мотив власти, мотив	Мотив достижений, мотив	Мотив достижений,	
убывания)	достижений, мотив	власти, мотив аффилиации	мотив власти, мотив	
	аффилиации		аффилиации	
Стиль принятия поли-	«Администратор»	«Администратор»	«Администратор»	
тических решений				
Стиль межличностных	Экстраверт с высоким	Экстраверт с высоким	Экстраверт с низким	
отношений. Интроверт-	уровнем доминирования	уровнем доминирования	уровнем доминирова-	
экстраверт / уровень			кин	
доминирования				

Таблица 2. Политико-психологический профиль губернаторов нового поколения

Заключение

На текущий момент, несмотря на возвращение в 2012 г. системы прямых выборов губернаторов, можно констатировать наличие практики подбора кандидатов на должность главы региона федеральным центром. Несмотря на то, что со стороны населения запрос делается на такие личностные характеристики, как молодость, энергичность, работоспособность, образованность, профессионализм, опытность в управленческих делах, самостоятельность и эмоциональность, анализ назначений последнего периода показывает, что федеральный центр делает ставку в основном на опыт, компетенции и прикладные знания, зачастую оставляя самостоятельность за скобками, что, по сути, ведет к «менеджеризации» губернаторства.

Наш анализ молодых глав регионов позволил выделить ряд политикопсихологических характеристик региональных руководителей нового поколения. Прежде всего это стремление к развитию, к результатам, направленность на достижения, высокая мотивация и амбициозность. Однако, несмотря на достаточно позитивный характер названных качеств, необходимо отметить и оборотную сторону этой медали, т.е. те риски, которые могут за этим стоять

Исследование показало, что сходит на нет зафиксированная ранее [13. С. 96] тенденция прихода во власть людей с заниженной самооценкой. Однако, несмотря на то что это помогает им реализовывать свои лидерские качества, оборотной стороной является возможная заниженная реактивность на социальные стимулы. Помимо этого, в отличие от управленцев старшего поколения [Там же], у молодых нет связки мотива достижения с аффилиацией, т.е. нацеленности на результат в сочетании с налаживанием отношений с коллегами и партнерами. Тем более что достаточно высокий показатель мотива власти зачастую может способствовать формированию конфликтных ситуаций. Стоит также отметить, что, несмотря на довольно высокий уровень образованности молодых управленцев (пять из восьми молодых губернаторов имеют два высших образования, а двое – даже диплом кандидата наук), велика вероятность того, что мало кто из них обладает глубокими знаниями об обществе, о закономерностях его развития в силу отсутствия гуманитарной базы.

При этом положительным можно считать тот факт, что абсолютное большинство молодых губернаторов строго выдерживает заданный федеральной властью политический стиль «администратор», а также отличается экстраверсией и достаточно высоким уровнем доминирования. Эти личностные характеристики, при прочих равных, могут способствовать решению амбициозных задач и реализации крупномасштабных проектов в случае их возникновения.

Литература

- 1. Абрамов В.Ф., Володенков С.В., Добрынина Е.П., Гаман-Голутвина О.В., Кертман Г.Л., Лапкин В.В., Макаренко Б.И., Межуев Б.В., Мельвиль А.Ю., Нестерова С.В., Смулькина Н.В., Шестопал Е.Б., Штукина Т.А. Круглый стол журнала «ПОЛИС». Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 160–174.
- 2. *Барсегян В.М.* Модели карьерных траекторий глав российских регионов // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 132–148.
- 3. *Кынев А.В.* Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (опыт 1991–2018 гг.) // Полития. 2019. № 2 (93). С. 125–150.
- 4. Доклад «Обновление. Два года новой кадровой политики» // ЭИСИ. 2019. URL: http://eisr.ru/projects-and-researches/obnovlenie-dva-goda-novoy-kadrovoy-politiki/ (дата обращения: 01.11.2019).
- 5. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН. 2006. 448 с.
- $6.\ Camble$ влиятельные люди России 2003 / под ред. О.В. Гаман-Голутвина. М. : Институт ситуационного анализа и новых технологий, 2004.696 с.
- 7. Туровский Р.Ф. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. М. : ГУ ВШЭ, 2006. 400 с.
- 8. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. 2008. № 6. С. 86–98.
- 9. Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы 10-го Всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 94–120.
- 10. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шесто-пал, А.В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 448 с.
- 11. *Человеческий* капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 342 с.
- 12. *Егорова-Гантман Е.В.* Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М.: Группа компаний «Никколо М», 2003. 336 с.
- 13. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Психологический анализ российского политического класса // Вестник РГНФ. 2012. № 1. С. 91–98.

Ivan S. Palitay, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: 8321532@gmail.com

Alena S. Danilova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alena danilova 97@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 252–262.

DOI: 10.17223/1998863X/54/23

REGIONAL LEADERS OF THE NEW GENERATION: RESULTS OF A POLITICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Keywords: governor; young politician; political and psychological profile; political leader; personnel update; regional elites.

As a result of the new personnel policy, which began in 2016, a significant renewal of the governor's corps took place in Russia. A whole galaxy of young regional leaders entered the political scene. Some of them are 30 to 40 years old. Based on the results of a political and psychological analysis of the updated governor's corps, the authors highlight aspects reflecting the new principles for selecting candidates for the post of the head of a region. Among them are: a stake on experience and competencies, education and applied knowledge, development of "soft skills" in the process of training managerial personnel. In other words, for the federal center, the regional leader of the new generation is a young, energetic, efficient, educated professional in his/her field. A person holding this post is required to be a crisis manager with extensive management experience. An important criterion today is the presence of emotional intelligence and the ability to be open with the population, but demanding with officials. In addition, the authors note that the system of relations between the federal center and the regions, which is based on the absence of their independence, leads to the "managerization" of the governor's corps. Such an approach can lead to the accumulation of negativity associated with the exclusion of old regional elites and the formation of alternative centers of influence. According to the methodology developed at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, the authors analyzed the identities of individual representatives of the regional leaders of the new generation and identified their typical political and psychological characteristics. First of all, this is a desire for development, for results, a focus on achievements, high motivation and ambitiousness. The vast majority of young governors strictly maintain the political style of "administrator" set by the federal government and are also distinguished by extroversion and a fairly high level of domination. Such personal characteristics, ceteris paribus, can contribute to the solution of ambitious tasks and the implementation of large-scale projects if they arise. At the same time, the authors note that the overestimated self-esteem of regional leaders can cause underestimated reactivity to social incentives. Also the lack of a link between the motive of achievement and the motive of affiliation (focusing on results in combination with building relationships with colleagues and partners) can be interpreted as a conflict potential.

Referenses

- 1. Abramov, V.F., Volodenkov, S.V., Dobrynina, E.P., Gaman-Golutvina, O.V., Kertman, G.L., Lapkin, V.V., Makarenko, B.I., Mezhuev, B.V., Melvil, A.Yu., Nesterova, S.V., Smulkina, N.V., Shestopal, E.B. & Shtukina, T.A. (2012) Leaders images in mass consciousness on the eve of the presidential elections. Polis. Politicheskie issledovaniya – Political Studies. 4. pp. 160–174. (In Russian).
- 2. Barsegyan, V.M. (2019) Models of Career Trajectories of the Heads of Russian Regions. Polis. Politicheskie issledovaniya – Political Studies. 4. pp. 132–148. (In Russian).
- 3. Kynev, A.V. (2019) Phenomenon of "Varangians"-governors as an indicator of decentralization (Experience of 1991-2018). Politiya - Politeia. 2(93). pp. 125-150. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-150
- 4. The Expert Institute for Social Research. (2019) Obnovlenie. Dva goda novov kadrovov politiki [Two years of a new personnel policy]. [Online] Available from: http://eisr.ru/projects-andresearches/obnovlenie-dva-goda-novov-kadrovov-politiki/ (Accessed: 1st November 2019).
- 5. Gaman-Golutvina, O.V. (2006) Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsii [Political Elites of Russia: Milestones in Historical Evolution]. Moscow: ROSSPEN.
- 6. Gaman-Golutvina, O.V. (ed.) (2004) Samye vliyatel'nye lyudi Rossii 2003 [The Most Influential People of Russia - 2003]. Moscow: Institute of Situation Analysis and New Technologies.
- 7. Turovsky, R.F. (2006) Tsentr i regiony. Problemy politicheskikh otnosheniy [Problems of Political Relations]. Moscow: HSE s.
- 8. Ponedelkov, A.V. & Starostin, A.M. (2008) Regional'nye administrativno-politicheskie elity Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Regional administrative and political elites of Russia: past, present, future]. Polis. Politicheskie issledovaniya – Political Studies. 6. pp. 86–98.
- 9. Duka, A.V. (2012) K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh elitakh [On the issue of militocracy: security forces in regional elites]. In: Duka, A.V. (ed.) Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya [Power Structures and Dominance Groups]. St. Petersburg: Intersotsis. pp. 94-120.
- 10. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (eds) (2015) Sovremennaya elita Rossii: politikopsikhologicheskiy analiz [The Modern Elite of Russia: Political and Psychological Analysis]. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.

- 11. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (eds) (2012) *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh politicheskikh elit. Politiko-psikhologicheskiy analiz* [The human capital of Russian political elites. Political and psychological analysis]. Moscow: RAPN, ROSSPEN.
- 12. Egorova-Gantman, E.V. (2003) *Igry v soldatiki. Politicheskaya psikhologiya prezidentov* [Playing soldiers. Political Psychology of Presidents]. Moscow: Nikkolo M.
- 13. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (2012) Psikhologicheskiy analiz rossiyskogo politicheskogo klassa [Psychological analysis of the Russian political class]. *Vestnik RGNF*. 1. pp. 91–98.

УДК [324+329] (470+570) DOI: 10.17223/1998863X/54/24

С.А. Шпагин

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЦИКЛ 2012–2016 гг. И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Исследование посвящено количественному анализу региональных партийных систем по материалам выборов в законодательные собрания субъектов Российской Федерации в 2012–2016 гг. На основе показателей эффективного числа партий на выборах и в составе депутатского корпуса избранных представительных органов выстраивается рейтинг регионов по уровню политической конкуренции.

Ключевые слова: выборы, партийная система, политическая конкуренция, регионы России, эффективное число партий.

Введение

Исследования партий и выборов в контексте электоральных циклов достаточно привычны для отечественной политологии. Однако, как правило, они затрагивают лишь выборы в федеральные органы государственной власти. Даже если авторы таких исследований уделяют внимание региональной специфике, то и здесь основным материалом для анализа становятся результаты федеральных выборов в регионах [1–4]. Поскольку избрание Президента и Государственной Думы до недавних пор происходило через небольшой интервал времени, это позволяло представить компактный срез состояния партийной системы и политических предпочтений избирателей на конкретный период. Но ситуации в развитии региональных партийных систем в период между федеральными выборами такие исследования, как правило, не отражали. А немногочисленные исследования партий и выборов в регионах обычно посвящены периоду конца 1990–2000-х гг. [5, 6] или только отдельным регионам [7, 8].

Впрочем, и о самих региональных партийных системах, как о распространенном и устойчивом явлении, стало возможным говорить не так давно. В 1990 - начале 2000-х гг. на выборах в регионах конкурировали «крепкие хозяйственники» и пестрые неустойчивые предвыборные блоки, многие из которых были наскоро сколочены усилиями чиновников региональных администраций. В этих условиях законодательные собрания большинства регионов состояли преимущественно из беспартийных депутатов [9. С. 80-81]. Ситуация изменилась лишь со вступлением в силу в 2003 г. новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Закон обязал избирать не менее половины депутатов региональных парламентов по партийным спискам [10. С. 38]. Применение этой нормы привело к институционализации региональных отделений политических партий в качестве полноучастников избирательного процесса И законотворческой правных деятельности на уровне субъектов Федерации. Более того, дальнейшие изме-

нения избирательного законодательства, предоставившие партиям исключительное право на выдвижение списков кандидатов в органы законодательной власти, заметно повысили их политическое значение. Росту влияния отделений партий в регионах косвенно способствовал и порядок назначения губернаторов в 2004—2012 гг., при котором последнее слово в принятии решения оставалось за законодательными собраниями. Все это создало благоприятные условия для активизации партийной жизни в регионах и формирования региональных партийных систем.

Однако процесс такого формирования оказался существенно затруднен рядом обстоятельств. Прежде всего, принятый в 2001 г. Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях» не допускает возможности образования региональных партий. Блокирующей нормой является установленное п. 2 ст. 3 закона требование к партии иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации. Поэтому артикуляция и агрегирование интересов региональных и местных элит происходила только в рамках общероссийских политических партий. Но еще важнее, что именно с 2003 г. стартовал процесс деволюции российской партийной системы. Создание новых партий было законодательно затруднено, а число уже существующих — заметно уменьшено общими усилиями Росрегистрации, Минюста, Верховного Суда и Администрации Президента. В результате общее количество легально существующих партий за непродолжительное время радикально сократилось: если в середине 2004 г. их насчитывалось 46, то в начале 2009 г. — только 7 [11. С. 618, 626].

Неоднозначные результаты думских выборов 2011 г. и последующий всплеск протестной активности городских избирателей, возмущенных масштабами электоральных фальсификаций, заставил власти внести в 2012 г. существенные изменения в партийное и избирательное законодательство [12. С. 142–144]. 80-кратное сокращение минимального числа членов партии, возвращение губернаторских выборов и отмена сбора подписей при регистрации партийных кандидатов на выборах создали существенные стимулы для новой волны партийного строительства [9. С. 61-63]. Хотя эти изменения не привели к отмене требования о минимальном количестве региональных отделений партий, они оказали существенное влияние на ход и результаты выборов в законодательные органы субъектов Федерации. В этом отношении 2012 г. может служить важным исходным пунктом в развитии партий и партийных систем в регионах современной России. И хотя впоследствии правила проведения выборов и участия в них партий ежегодно уточнялись, значение партийной реформы 2012 г. как точки отсчета для региональных политических процессов трудно переоценить.

Методика исследования

Предметом анализа в данной статье служат региональные парламентские выборы 2012–2016 гг. как индикатор состояния партийных систем в российских регионах. В эти годы произошло однократное переизбрание законодательных собраний всех регионов, кроме Чечни, где выборы в республиканский парламент прошли дважды – в 2013 и в 2016 гг. Более того, сложились устойчивые группы субъектов Федерации, в которых выборы в органы законодательной власти проходят одновременно. Таким образом, период 2012—

2016 гг. в региональной политике можно рассматривать как целостный электоральный цикл.

Данные обо всех избирательных кампаниях отражены в официальной электоральной статистике [13. Вып. 9–12; 14; 15]. В качестве ключевого по-казателя рассматривается уровень политической конкуренции между партиями. Для измерения этого качества партийной системы используется индекс эффективного числа партий (ЭЧП), исчисленный по формуле Г.В. Голосова

$$N_p = \sum_{i=1}^{x} \frac{S_i}{S_i + S_i^2 - S_i^2}$$
 [16]. Поскольку конкуренция между партиями проявля-

ется на двух уровнях — электоральном (в ходе выборов в представительные органы власти) и парламентском (в составе депутатского корпуса избранных представительных органов), то и ЭЧП рассчитывается двумя способами. На электоральном уровне это эффективное число электоральных партий (ЭЧП $_3$), для которого S_i — доля действительных голосов, полученных каждой партией в едином избирательном округе, а S_1 — доля голосов партии-победительницы. На парламентском уровне это эффективное число парламентских партий (ЭЧП $_1$), для которого S_i — доля мест в органе власти каждой из партий, допущенных к распределению мандатов в едином избирательном округе, а S_1 — доля мест крупнейшей партийной фракции.

Помимо самостоятельного эвристического потенциала, применение этих индексов создает возможность для построения единой шкалы региональных партийных систем по уровню политической конкуренции. Такая шкала должна учитывать значения конкуренции между партиями как на электоральном, так и на парламентском уровнях. Самым простым способом ее создания на основе уже имеющихся данных могло бы стать выведение индекса среднего эффективного числа партий (ЭЧП_С):

ЭЧ
$$\Pi_{\rm C} = \frac{1}{2}$$
 (ЭЧ $\Pi_{\rm Э}$ и ЭЧ $\Pi_{\rm II}$).

Упорядочение по этому показателю имеющихся данных об итогах выборов и партийном составе законодательных органов в российских регионах дает возможность сравнения региональных партийных систем и построения их рейтинга по уровню конкуренции. Естественно, что сведение двух показателей в один в известной степени упрощает существующее многообразие. Поэтому применению усредненного показателя должен предшествовать анализ ситуации на разных уровнях партийной системы. Зато в современных условиях использование такой шкалы позволит не только классифицировать партийные системы регионов по уровню политической конкуренции, но и прослеживать траекторию их развития от выборов к выборам.

Региональные партийные системы: индикаторы электорального многообразия

На первый взгляд, региональный сегмент российской партийной системы представляет собой, в значительной мере, проекцию ее федеральной структуры на региональную политику. С одной стороны, это следствие уже упомянутого запрета на региональные партии, с другой — наличие стабильных общероссийских парламентских партий, часто упоминаемых в СМИ, представленных в избирательных комиссиях всех уровней и законодательных органах власти, является важнейшим фактором, воздействующим на предпо-

чтения избирателей. Немаловажно и то, что эти партии имеют значительное государственное финансирование. И все же нетрудно заметить, что партийные системы в субъектах федерации довольно заметно отличаются как друг от друга, так и от федерального сегмента.

Специфика партийных систем в российских регионах обнаруживает себя, прежде всего, в различии количества отделений политических партий в тех или иных регионах. По состоянию на 14 марта 2019 г. Минюст зарегистрировал в Российской Федерации 61 партию [17]. В то же время среднее количество зарегистрированных отделений политических партий, по данным региональных избиркомов на 1 апреля 2019 г., составляет 40,2, а разброс значений между регионами – от 5 на Чукотке до 61 в Москве, Дагестане и Свердловской области. Если парламентские партии «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» создали свои отделения во всех регионах, то большинство непарламентских партий ограничились образованием минимально необходимого набора региональных отделений.

Проявляются различия и в сравнительном составе участников региональных выборов. Если парламентские партии непременно участвуют не только в федеральных, но и во всех региональных кампаниях (хотя здесь случаются исключения), то непарламентские партии, в силу ограниченности ресурсов, вынуждены концентрироваться на участии в выборах только в тех регионах, где они рассчитывают на достойный результат. Так, например, в 2016 г. количество партий, принявших участие в выборах депутатов региональных парламентов по единому округу в каждом отдельном субъекте Российской Федерации, колебалось от 4 до 13, а в среднем составило 6,9. В то же время в состоявшихся одновременно выборах в Государственную Думу приняли участие 14 партий.

Стоит заметить, что количество участвующих в выборах партий лишь формально характеризует конкуренцию между ними. Точнее было бы сказать, что большое количество партийных списков, допущенных избиркомами к участию в выборах, способствует повышению уровня конкуренции, но не является гарантией возрастания этого уровня. Так, относительно большое количество партийных списков способствовало росту конкуренции на выборах в Северной Осетии в 2012 г., Бурятии, Забайкальском крае, Архангельской, Владимирской, Иркутской, Смоленской и Ярославской областях в 2013 г., Республике Алтай в 2014 г. (см. таблицу). Однако наивысшие показатели участия партий на выборах 2013 г. в Калмыкии и 2014 г. в Севастополе не сделали соответствующие выборы в полном смысле слова конкурентными. Напротив, небольшое количество участвующих партий не помешало конкуренции на выборах 2016 г. в Алтайском, Камчатском, Пермском и Приморском краях, а также Астраханской, Кировской и Омской областях. Очевидно, что конкуренция на выборах возникает не столько под воздействием количества их участников, сколько в связи с присутствием кандидатов и партий, выражающих ясные для избирателя различия политических позиций.

Единственная неизменная характеристика региональных выборов этого электорального цикла — лидирующее положение «Единой России». Однако ее результаты в разных регионах существенно отличаются. Если на выборах в Совет народных депутатов Кемеровской области по единому округу в 2013 г. за «партию власти» было отдано 87,29% голосов, то на выборах того же года

в Архангельское областное Собрание депутатов – только 42,57%. На выборах Госсовета Татарстана в 2014 г. ЕР досталось 84,88% голосов, а в Республике Алтай – лишь 46,21%. А самый высокий за 5 лет результат голосования за ЕР был зафиксирован в 2016 г. в Чеченской республике – 87,71%. Впрочем, тогда же был показан и самый низкий результат – 34,7% голосов в Карелии 1.

Еще более ощутимо разнятся результаты других партий. Так, показатели голосования за КПРФ на тех же выборах колебались в диапазоне от 0,2% голосов в Чечне до 19,4% в Бурятии. На выборах 2014 г. результаты ЛДПР расходились от 1,5% в Тыве до 13,3% голосов в Хабаровском крае, а «Справедливой России» – от 1,8% в Крыму и Севастополе до 11,5% в Кабардино-Балкарии. Несложно заметить, насколько отличается разброс показателей партий от результатов голосования за них на выборах в Государственную Думу.

Естественно, что при описанных условиях заметны и различия между регионами в уровне эффективного числа электоральных партий. Исходя из значения этого показателя, самые конкурентные выборы 2012 г. состоялись в Северной Осетии, в 2013 г. – в Смоленской области, в 2014 г. – в Республике Алтай, в 2015 г. – в Новосибирской области, а в 2016 г. – в Карелии. Однако даже в этих регионах уровень межпартийной конкуренции был невысоким. Наименьшим этот уровень был в 2012 г. в Саратовской области, в 2013 г. – в Кемеровской области, в 2014 г. – в Тыве, в 2015 г. – в Воронежской области, а в 2016 г. – в Чечне.

В целом за 5 лет в десятку регионов, где выборы носили наиболее конкурентный характер, входят Карелия, Алтайский край, Кировская, Омская, Мурманская и Вологодская области, Красноярский край, Калининградская и Новгородская области, а также Санкт-Петербург. Топ-10 регионов, наименее конкурентных по результатам выборов, составили Тыва, Чечня, Кемеровская область, Татарстан, Мордовия, Саратовская область, Башкортостан, Севастополь, Дагестан и Ингушетия.

Региональные партийные системы: плюрализм на парламентском уровне

Специфика партийной жизни регионов проявляет себя и в партийнофракционном составе законодательных органов. «Единая Россия» доминирует во всех региональных парламентах, но доля ее мест в составе депутатского корпуса заметно колеблется: в 2012 г. – от 64,29% в Северной Осетии до 95% в Краснодарском крае, в 2013 г. – от 64,44% в Иркутской области до 95,65% в Кемеровской, в 2014 г. – от 62,22% в Москве до 96,88% в Тыве, в 2015 г. – от 67,11% в Новосибирской области до 91,07% в Воронежской, в 2016 г. – от 57,5% в Приморье до 93,75% в Мордовии.

Привычная для Государственной Думы четырехпартийная конфигурация партийно-фракционного состава сложилась в 48 заксобраниях: в 2012 г. – в Сахалинской области и Удмуртии, в 2013 г. – в Бурятии, Якутии, Забайкалье и Владимирской области, в 2014 г. – только в Волгоградской области, зато в 2015 г. – во всех 11 регионах, а в 2016 г. – еще в 30. В 8 регионах были сфор-

¹ Все данные о результатах голосования за политические партии приводятся в процентах от общего числа действительных бюллетеней.

мированы двухпартийные законодательные органы (причем половина из них была избрана в 2014 г.), в 11 региональных парламентах были представлены 3 фракции, еще в 12 — по 5 фракций, а в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга — 6 фракций. Наконец, партийно-фракционные составы четырех региональных парламентов, избранных в 2012—2013 гг., отличались от Государственной Думы не в количественном, а в качественном отношении. В Верховном Совете Хакасии фракция «Коммунисты России» заняла место «Справедливой России», в Иркутской области того же добилась «Гражданская платформа», она же вместе с «Патриотами России» вытеснила из Народного Хурала Калмыкии ЛДПР и «Справедливую Россию». А самым необычным по составу стал парламент Северной Осетии: здесь фракция «Патриоты России» вышла на второе место, отодвинув КПРФ и «Справедливую Россию», а ЛДПР осталась за рамками депутатского корпуса.

Уровень партийной конкуренции в составе избранных региональных парламентов, измеряемый эффективным числом парламентских партий, нигде не переходит отметку 2. Самый высокий показатель в 2012 г. зафиксирован в Северной Осетии, в 2013 г. – в Иркутской области, в 2014 г. – в Москве, в 2015 г. – в Новосибирской области, а в наивысший за весь цикл – в 2016 г. в Приморском крае (1,96). Даже в тех регионах, где на выборах наблюдалась реальная конкуренция, смешанная избирательная система воспроизводила известный эффект «сфабрикованного большинства» [18]: недостаток голосов по единому округу «Единая Россия» с лихвой восполняла депутатами, избранными по одномандатным округам.

Самый низкий уровень $ЭЧП_{\Pi}$ среди избранных в 2012 г. заксобраний оказался в Краснодарском крае (1,05), через год этот результат повторился в Кемеровской области, а в 2014 г. Верховный Хурал Тывы установил абсолютный рекорд -1,03. В 2015 г. самой неконкурентной стала Воронежская областная Дума, а в 2016 г. - Государственное Собрание Республики Мордовия

Группу регионов с наиболее конкурентным по партийному составу депутатским корпусом образуют Приморье, Астраханская область, Москва, Алтайский край, Иркутская область, Северная Осетия, Омская область, Карелия, Пермский край и Новгородская область. В десятке регионов с самыми неконкурентными законодательными собраниями — Тыва, Краснодарский край, Кемеровская область, Крым, Мордовия, Брянская и Пензенская области, Севастополь, Воронежская область и Чечня.

Формальные показатели конкуренции — количество участвующих в выборах партий и фракций в региональных парламентах — хоть и связаны с показателями реальными, но связь эта проявляется преимущественно в диапазоне минимальных значений. В частности, двухпартийные заксобрания, даже избранные с участием достаточного числа партий, почти всегда неконкурентны. Об этом ясно свидетельствуют случаи Башкортостана, Кемеровской области, Краснодарского края и Севастополя. С другой стороны, судя по значению ЭЧП $_{\Pi}$ в Калининградской, Смоленской и Ярославской областях, многопартийный состав заксобраний не обеспечивает конкурентности депутатского корпуса. Наконец, по итогам двукратных выборов в Чечне легко заметить, что даже сокращение количества участвующих в них партий в 4,5 раза никак не влияет на результат.

К единому рейтингу партийных систем в регионах

Можно заметить, что списки регионов, отличающихся высокими или низкими показателями $ЭЧП_Э$ и $ЭЧП_П$, но совпадают только частично. Однако радикальных разрывов, т.е. случаев попадания одного и того же региона в группу с наивысшими показателями одного индекса и самыми низками значениями другого, не наблюдается. Поэтому есть основания не только теоретически предполагать существование взаимосвязи между этими переменными.

Расчет значений ЭЧ $\Pi_{\rm C}$ приведен в таблице. Условным критерием наличия значимой конкуренции в партийной системе региона можно считать значение ЭЧ $\Pi_{\rm C}$ = 2. В силу специфики избирательной системы показатель для Москвы, основанный только на ЭЧ $\Pi_{\rm H}$, явно не отражает характерного для столицы высокого уровня политической конкуренции. Общий же уровень конкуренции в региональных партийных системах относительно невысок.

Основные показатели региональных партийных систем по итогам выборов 2012-2016 гг.

	Зарегистри-	Эффективное	Число партий, до-	Эффективное	Среднее					
Субъект	ровано	число электо-	пущенных к рас-	число парла-	эффективное					
федерации	партийных	ральных пар-	пределению депу-	ментских пар-						
	списков	тий (ЭЧП-)	татских мандатов	тий (ЭЧПп)	(ЭЧПс)					
2012 r.										
Северная Осетия	17	2,46	4	1,66	2,06					
Удмуртия	11	2,08	4	1,3	1,69					
Краснодарский край	16	1,44	2	1,05	1,25					
Пензенская область	11	1,45	2	1,09	1,27					
Саратовская область	13	1,28	3	1,25	1,27					
Сахалинская область	11	2,22	4	1,31	1,77					
2013 г.										
Башкортостан	12	1,3	2	1,29	1,3					
Бурятия	22	2,25	4	1,59	1,92					
Калмыкия	23	1,99	4	1,61	1,8					
Хакасия	8	2,4	4	1,59	2					
Чечня	18	1,16	3	1,11	1,14					
Якутия	14	2,03	4	1,45	1,74					
Забайкальский край	17	2,44	4	1,48	1,96					
Архангельская область	19	2,8	5	1,56	2,18					
Владимирская область	18	2,24	4	1,21	1,73					
Ивановская область	20	1,79	3	1,2	1,5					
Иркутская область	17	2,38	4	1,71	2,05					
Кемеровская область	20	1,15	2	1,05	1,1					
Ростовская область	13	1,64	3	1,16	1,4					
Смоленская область	22	2,82	5	1,39	2,11					
Ульяновская область	13	1,78	3	1,17	1,48					
Ярославская область	20	2,59	5	1,33	1,96					
		2014	Γ.							
Республика Алтай	12	2,64	5	1,45	2,05					
Кабардино-Балкария	9	1,67	5	1,48	1,58					
Карачаево-Черкесия	5	1,44	5	1,42	1,43					
Крым	12	1,4	2	1,07	1,24					
Марий Эл	8	1,64	3	1,14	1,39					
Татарстан	7	1,19	2	1,22	1,21					
Тыва	7	1,15	2	1,03	1,09					
Хабаровский край	7	1,93	3	1,22	1,58					
Брянская область	10	1,38	3	1,09	1,24					
Волгоградская область	13	1,76	4	1,21	1,49					
Тульская область	7	1,62	3	1,16	1,39					
г. Москва*	-	_	-	1,73	1,73					

Окончание таблицы Зареги-Эффективное Число партий, до-Эффективное Среднее Субъект стрировано число электопущенных к расчисло парлаэффективное число партий партийных ральных парпределению депументских парфедерации списков (еПРЕ) йит татских мандатов тий (ЭЧПп) (ΠPE) г. Севастополь 14 1,31 1.09 1.2 5 8 2.43 1.57 2 Ненецкий АО 2015 г. 1,9 Республика Коми 8 4 1,17 1,54 Белгородская область 9 1,65 4 1.21 1,43 6 1.38 4 1.24 Воронежская область 10 1,9 4 1,34 1.62 Калужская область Костромская область 15 2,16 4 1,34 1,75 Курганская область 6 1,94 4 1,24 1,59 1,83 4 1,26 1,55 Магаданская область 6 7 2,03 Новосибирская область 2,47 4 1,58 8 4 1,13 1,42 Рязанская область 1,7 1,91 Челябинская область 5 4 1,32 1,62 1.47 1,25 Ямало-Ненецкий АО 6 4 1.36 2016 г. 5 4 1.33 Адыгея 1.86 1.6 Дагестан 10 1.37 3 1.27 1.32 7 1.37 1.26 1.32 Ингушетия 4 Карелия 7 3.71 5 1,64 2,68 Мордовия 5 1,2 3 1,07 1,14 4 1,15 3 1.11 1.13 Чечня 7 1.25 2,13 4 1.71 Чувашия 5 3,35 1,72 2,54 Алтайский край 4 2,26 Камчатский край 5 4 1.39 1,83 Красноярский край 10 3.09 5 1,48 2.29 4 2,15 Пермский край 6 2.65 1,64 Приморский край 6 2,74 5 1,96 2,35 Ставропольский край 6 2 4 1,33 1,67 9 2,86 4 2,19 1,51 Амурская область 6 2,64 4 1,79 2,22 Астраханская область 7 4 1,42 2,27 Вологодская область 3,11 Калининградская область 8 3,03 5 1,46 2,25 Кировская область 6 3,28 4 1,55 2,42 5 2.11 4 1.32 1.72 Курская область Ленинградская область 6 2,23 4 1,28 1,76 9 2,13 4 1,28 1.71 Липецкая область 13 2,8 4 1,36 2.08 Московская область 10 3,16 4 1.32 2.24 Мурманская область 2.04 11 4 1,25 1,65 Нижегородская область 5 3 4 1,64 2.32 Новгородская область 3.21 2,43 6 4 Омская область 1.65 7 2,84 2,14 Оренбургская область 4 1,44 Орловская область 4 2.39 4 1.59 1.99 7 2.71 5 1.39 2.05 Псковская область Самарская область 8 2,21 4 1,28 1.75 Свердловская область 10 2,87 4 1,53 2,2

4

4

4

4

6

4

4

1,15

1,33

1,41

1,26

1,49

1,55

1.41

1,61

1,46

1,92

2,13

1,61

2,23

2,04

1.88

1,76

2,5

2,84

1,96

2,97

2.52

2.35

1,66

Тамбовская область

Тверская область

Томская область

Еврейская АО

Чукотский АО

Тюменская область

г. Санкт-Петербург

Ханты-Мансийский АО

6

6

8

7

8

4

6

4

^{*} Выборы Московской городской Думы в 2014 г. проводились по мажоритарной системе. Источники: [13–15], подсчеты автора.

Значение ЭЧП_С превышает 2 только в 26 субъектах Федерации и еще в двух – Хакасии и Ненецком АО – достигает этого уровня. Лидирующее место занимает Карелия, далее следуют Алтайский край, Омская и Кировская области, затем Приморье и Новгородская область. Достаточно высокие показатели у Красноярского края, Астраханской, Вологодской, Калининградской, Мурманской областей и Санкт-Петербурга. Стоит заметить, что статистически заметный рубеж пролегает между значениями 1,8 и 1,9: на него попадают только 2 региона. Можно предполагать, что группа регионов, попадающих в диапазон значений 1,8–2 (Бурятия, Хакасия, Забайкалье, Орловская, Тверская и Ярославская области, Ненецкий АО, а также Камчатский край и Ханты-Мансийский АО), занимает неустойчивое положение и имеет определенный потенциал трансформации своих партийных систем, как в сторону нарастания конкуренции между партиями, так и в направлении ее снижения.

Группу абсолютно неконкурентных регионов возглавляет Тыва, затем следуют Кемеровская область, Чечня, Мордовия и Севастополь. Очень близки к ним по значению $ЭЧП_C$ Татарстан, Крым, Брянская и Воронежская области, Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области, а также Башкортостан.

Подводя общий итог, можно сделать вывод, что в изучаемый период региональная политика характеризовалась относительно низким уровнем партийной конкуренции. В большинстве случаев выборы и депутатский корпус законодательных собраний полностью подконтрольны «партии власти». В то же время рейтинг региональных партийных систем, составленный на основе рассчитанного ЭЧП_С, позволяет выделить среди них довольно значительную группу из 26 регионов, где политическая конкуренция уже проявилась, и еще 9 регионов, конкурентный потенциал которых еще только начинает себя проявлять. Вместе с тем становление региональных партийных систем еще далеко от своего завершения. Поэтому существенные изменения показателей политической конкуренции вполне возможны даже там, где позиции «партии власти» кажутся непоколебимыми.

Литература

- 1. Туровский Р.Ф. Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл в России (1999—2000) / под ред. Г. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М. : Весь Мир, 2002. С. 186—214.
- 2. *Коргунюк Ю.Г.* Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года // Полития. 2014. № 3 (74). С. 75–91.
- 3. *Пасхина И.С., Телин К.О.* «Партия ноль»: российские выборы через призму эффективного числа партий // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 43–53.
- 4. *Туровский Р.Ф.* Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. 2018. № 2 (89). С. 23–50.
- 5. Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993—2003. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 304 с.
- 6. *Чувилина Н.В.* Политические партии и выборы в российских регионах в современный период (2004–2009 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2009. № 2 (16). С. 76–83.
- 7. Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Притчина Е.В. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае (1993–2006 гг.). Барнаул: Аз Бука, 2007. 200 с.
- 8. *Шугаев А.А.* Партийно-политические системы на региональном уровне: проблемы развития (на примере Саратовской и Самарской областей) // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 4 (17). С. 43–48.
- 9. *Партийная* реформа и контрреформа 2012—2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2015. 204 с.

- 10. *Турченко М.С.* Факторы фрагментации партийных систем российских регионов (2003–2013) // Полития. 2015. № 2 (77). С. 38–53.
- 11. Кынев А.В., Любарев А.Ю. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 792 с.
- 12. *Партии* и выборы: вчера, сегодня, завтра / под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2012. 164~c.
- 13. *Региональные* выборы: партийная динамика. Информационно-аналитический бюллетень ЦИК Российской Федерации / под общ. ред. Л.Г. Ивлева. Вып. 9. М., 2013. 87 с.; Вып. 10. М., 2013. 140 с.; Вып. 11. М., 2014. 186 с.; Вып. 12. М., 2015. 161 с.
- 14. *Региональные* выборы: партийная динамика. Информационно-аналитический бюллетень ЦИК Российской Федерации / под общ. ред. А.Ю. Кинева, Е.А. Шевченко. Вып. 13. М., 2016. 176 с.
- 15. Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 10.03.2019).
- 16. Golosov G. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. Vol. 16. P. 171–192.
- 17. Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://cikrf.ru/politparty/MinUst/last/ (дата обращения: 10.04.2019).
- 18. Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 108–119.

Sergey A. Shpagin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: shpagin@sibmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 263–273.

DOI: 10.17223/1998863X/54/24

THE ELECTORAL CYCLE 2012–2016 AND PARTY SYSTEMS IN RUSSIAN REGIONS

Keywords: elections; party system; political competition; regions of Russia; efficient number of parties.

The research is devoted to the assessment of the level of political competition in the party systems and representative bodies of the power of the regions of Russia. In the article, conditions of the formation of regional party systems in Russia in the 2000s are described, the political value of the party reform of 2012 is shown, and a chronological framework of the research is grounded. Conclusions of the article are based on the statistical data of the Central Election Commission of the Russian Federation about the results of the elections to the legislative assemblies of the territorial subjects of the Russian Federation which took place in 2012-2016. Such indicators as the number of parties participating in elections, the share of votes/seats of the winning party, and also the index of the effective number of parties (ENP) used in comparative political science calculated by G.V. Golosov's formula are applied to measure the level of competition between parties. This index is used in the article in two versions: (1) the effective number of electoral parties – for competition assessment in elections and (2) the effective number of parliamentary parties – for competition assessment in the elected legislative authority. Besides, to create a uniform scale, a new indicator – the average effective number of parties– is introduced. On its basis, the rating of regions of Russia on the competition level in the party systems is made. In the article, the conclusion is drawn that, with the tendency to unification, a variety of party systems in Russian regions is empirically observed. Regional party systems differ from each other in the number of offices of political parties, degree of their participation in elections, level of support of parties, and also the parliamentary group structure of legislative assemblies. United Russia's domination in regional elections in combination with the effect of a "fabricated majority" gave it hegemony as a part of the deputy corps even in the regions where the votes for this party were low. In general, the low level of competition in regional party systems is noted. However, the rating allows distinguishing two groups of regions in the regions of Russia. The first group is regions for which political competition is not characteristic at all. It is the Republic of Tuva, Kemerovo Oblast, the Chechen Republic, the Republic of Mordovia, Sevastopol. The second group of regions has a rather high level of political competition. It includes the Republic of Karelia, Altai Krai, Omsk and Kirov Oblasts, Primorsky Krai, and Novgorod Oblast.

References

- 1. Turovsky, R.F. (2002) Regional'nye aspekty obshcherossiyskikh vyborov [Regional aspects of the All-Russian elections]. In: Gelman, G., Golosov, G. & Meleshkina, E. (eds) *Vtoroy elektoral'nyy tsikl v Rossii (1999–2000)* [Second Electoral Cycle in Russia (1999–2000)]. Moscow: Ves' Mir. pp. 186–214.
- 2. Korgunyuk, Yu.G. (2014) Regional Map of Electoral Cleavages At 2011 State Duma Elections. *Politiya Politeia*. 3(74). pp. 75–91. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2014-74-3-75-91
- 3. Paskhina, I.S. & Telin, K.O. (2017) "Party zero": Russian elections through the prism of the effective number of parties. *Politicheskie issledovaniya Political Studies*. 5. pp. 43–53. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.05.04
- 4. Turovsky, R.F. (2018) Presidentia Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation. *Politiya Politeia*. 2(89). pp. 23–50. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-23-50.
- 5. Golosov, G.V. (2006) Rossiyskaya partiynaya sistema i regional'naya politika, 1993–2003 [The Russian party system and regional politics, 1993–2003]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
- 6. Chuvilina, N.V. (2009) Politicheskie partii i vybory v rossiyskikh regionakh v sovremennyy period (2004–2009 gg.) [Political parties and elections in the Russian regions in the modern period (2004–2009)]. Vestnik Volgograd gos. un-ta. Ser. 4. Istoriya Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations. 2(16). pp. 76–83.
- 7. Shashkova, Ya.Yu., Aseev, S.Yu. & Pritchina, E.V. (2007) *Formirovanie i funktsionirovanie partiynoy sistemy v Altayskom krae (1993–2006 gg.)* [The formation and functioning of the party system in the Altai Territory (1993–2006)]. Barnaul: Az Buka.
- 8. Shugaev, A.A. (2008) Partiyno-politicheskie sistemy na regional'nom urovne: problemy razvitiya (na primere Saratovskoy i Samarskoy oblastey) [Party-political systems at the regional level: problems of development (a case study of Saratov and Samara regions)]. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosu-darstvennoy sluzhby The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 4(17). pp. 43–48.
- 9. Borisov, N.A., Korgunyuk, Yu.G., Lyubarev, A.E. & Mikhaleva, G.M. (eds) (2015) *Partiyna-ya reforma i kontrreforma 2012–2014 godov: predposylki, predvaritel'nye itogi, tendentsii* [Party Reform and Counter-Reform of 2012–2014: Background, Preliminary Results, Trends]. Moscow: KMK.
- 10. Turchenko, M.S. (2015) Factors of Party Systems Fragmentation in Russian Regions (2003–2013). *Politiya Politeia*. 2 (77). pp. 38–53. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2015-77-2-38-53
- 11. Kynev, A.V. & Lyubarev, A.Yu. (2011) *Partii i vybory v sovremennoy Rossii: evolyutsiya i devolyutsiya* [Parties and Elections in Modern Russia: Evolution and Devolution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 12. Korgunyuk, Yu.G. & Mikhaleva, G.M. (eds) (2012) *Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra* [Parties and Elections: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: KMK.
- 13. Ivlev, L.G. (ed.) (2013) Regional'nye vybory: partiynaya dinamika. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' TsIK Rossiyskoy Federatsii [Regional elections: party dynamics. Information and analytical bulletin of the CEC of the Russian Federation]. Issue 9. Moscow: [s.n.].
- 14. Kinev, A.Yu. & Shevchenko, E.A. (eds) (2016) *Regional'nye vybory: partiynaya dinamika. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' TsIK Rossiyskoy Federatsii* [Regional elections: party dynamics. Information and analytical bulletin of the CEC of the Russian Federation]. Issue13. Moscow: [s.n.].
- 15. The Central Election Commission of the Russian Federation. (n.d.) *Svedeniya o provodyash-chikhsya vyborakh i referendumakh* [Information about the ongoing elections and referenda]. [Online] Available from: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom (Accessed: 10th March 2019).
- 16. Golosov, G. (2010) The Effective Number of Parties: A New Approach. *Party Politics*. 16. pp. 171–192.
- 17. The Central Election Commission of the Russian Federation. (n.d.) *Politicheskie partii, otvechayushchie trebovaniyam punkta 2 stat'i 36 Federal'nogo zakona "O politicheskikh partiyakh", soglasno informatsii, predstavlennoy Ministerstvom yustitsii Rossiyskoy Federatsii* [Political parties that meet the requirements of Paragraph 2 of Article 36 of the Federal Law on Political Parties, according to information provided by the Ministry of Justice of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://cikrf.ru/politparty/MinUst/last/ (Accessed: 10th April 2019).
- 18. Golosov, G.V. (2005) Sfabrikovannoe bol'shinstvo: konversiya golosov v mesta na dumskikh vyborakh 2003 g. [The falsified majority: the conversion of votes to seats in the 2003 Duma elections]. *Polis, Politicheskaya issledovaniya Political Studies*. 1, pp. 108–119.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА Елена Алексеевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы Новосибирского государственного медицинского университета (г. Новосибирск).

É-mail: Elabr72@mail.ru

АНТИПОВ Георгий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (г. Новосибирск).

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

АРДАШКИН Игорь Борисович – доктор философских наук, доцент; профессор отделения социально-гуманитарных наук школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: ibardashkin@tpu.ru

АТЛАГИЧ Синиша – доктор политических наук, профессор кафедры коммуникативистики, руководитель Центра русских исследований, факультет политических наук Белградского университета (г. Белград, Сербия).

E-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

БЕЙДИНА Татьяна Евгеньевна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета (г. Чита).

E-mail: beydina@inbox.ru

БРИТВИНА Ирина Борисовна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: irina.britvina@urfu.ru

БУЯНКИНА Римма Геннадьевна – кандидат медицинских наук, доцент, заведующая отделом «Управление качеством образования», Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого (г. Красноярск).

E-mail: buyankinar@mail.ru

БЫКОВ Роман Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, философский факультет Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: nimai.bykov@gmail.com

БЫКОВА Елена Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, философский факультет Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: bykova1117@gmail.com

БЫЧКОВА Марина Николаевна – старший преподаватель кафедры социальных коммуникаций Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: bychkovamn@mail.tsu.ru

ВИЛКОВА Ольга Владимировна – аспирант кафедры экономической социологии департамента социологии Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) (г. Москва).

E-mail: olg.vilkova@gmail.com

ВЛАСОВА Ольга Александровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

ВЛАСОВА Юлия Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, факультет психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: yu-chan@mail.ru

ГАСПАРЯН Диана Эдиковна – кандидат философских наук, PhD, специальность 09.00.11, доцент Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: anaid6@yandex.ru

ГОРОДОВИЧ Ольга Викторовна – аспирант Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск).

E-mail: Gov@tusur.ru

ДАНИЛОВА Алена Сергеевна – магистрант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: alena danilova 97@mail.ru

ДОНСКИХ Олег Альбертович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (г. Новосибирск). Профессор кафедры источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

ДЬЯКОВ Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: a.diakov@spbu.ru

КАШИНА Марина Александровна — доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС) (г. Санкт-Петербург).

E-mail: Kashina-ma@ranepa.ru

КНЯЗЕВ Николай Алексеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск).

E-mail: knyazev@sibsau.ru

КОЗЫРЕВА Ольга Александровна – аспирантка 3-го года обучения кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры (секция истории философии и философии образования) Департамента философии Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: olgakozyreva@mail.ru

КУХАРСКИЙ Артем Николаевич – аспирант кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: kukharskijjartjom@yandex.ru

ЛАММЕРТ Евгений Юрьевич – аспирант кафедры антологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: lammert93@mail.ru

ЛЕТУНОВА Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск).

E-mail: leto3105@mail.ru

МОГИЛЬЧАК Елена Львовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

НОВИКОВА Анна Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета (г. Чита).

E-mail: anna_novikova2010@mail.ru

ПАЛИТАЙ Иван Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики, факультет политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: 8321532@gmail.com

ПИСКОРСКАЯ Светлана Юрьевна – доктор философских наук, доцент, директор института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск).

E-mail: piskorskaya@rambler.ru

РАХМАНОВ Азат Борисович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

САВЧУК Галина Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: galina.savchuk@urfu.ru

СЕМИГЛАЗОВ Георгий Сергеевич – аспирант 2-го курса Высшей школы экономики по направлению «История философии» (г. Москва).

E-mail: dbrhe@mail.ru

СИЛИНСКАЯ Анна Сергеевна — магистр философии, соискатель ученой степени кандидата философских наук на кафедре истории философии и логики, философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, бухгалтер ИП Федоренко С.В (г. Томск).

E-mail: gella5@yandex.ru

СТОЯНОВИЧ Богдан — магистр политических наук, аспирант кафедры международных исследований, факультет политических наук Белградского университета (г. Белград, Сербия).

E-mail: bogdan.stojanovic@gmail.com

СУРОВЦЕВ Валерий Александрович — доктор философских наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, зав. кафедрой истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: surovtsev1964@mail.ru

УДАЛЬЦОВА Мария Васильевна – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

E-mail: a.y.oreshko@mail.ru

ХАЛДЕЕВА Марина Александровна — соискатель Отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: khaldeeva.marina2015@yandex.ru

ХЛЕБАЛИН Александр Валерьевич — кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: sasha_khl@mail.ru

ЦЕЛИЩЕВ Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: leitval@gmail.com

ШПАГИН Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, советник при ректорате, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: shpagin@sibmail.com

ЭННС Ирина Андреевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: irnns609@yandex.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

2020, № 54

Редактор *Е.Г. Шумская* Оригинал-макет *О.А. Турчинович* Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 29.04.2020 г. Дата выхода в свет 29.05.2020 г. Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 17,38; усл. печ. л. 22,59; уч.-изд. л. 23,84. Тираж 50 экз. Заказ № 4317. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru